

313.988
Т'829

В. А. ТУЛЯКОВ

ПРЕСТУПНИК И ЕГО ЖЕРТВА

(очерки теории виктимологии)

343.988
7829

Национальный университет
«Одесская юридическая академия»

В. А. Туляков

**ПРЕСТУПНИК И ЕГО ЖЕРТВА
(ОЧЕРКИ ТЕОРИИ ВИКТИМОЛОГИИ)**

Монография

Одеса
«Юридична література»
2016

УДК 343.988
Т829

Проблемы современной теории учения о жертве преступления сквозь призму задач уголовно-правового дискурса рассмотрены в данной работе. Определяются общие и особенные черты современной виктимологической науки, анализируются модели теории законотворчества в соответствии с концепцией примата природных прав и основных свобод человека. Работа будет полезна тем, кто интересуется системой уголовного права и криминологии, наук о преступлении и преступности.

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины *Музыка Анатолий Ананиевич*;

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины *Фрис Павел Львович*;

доктор юридических наук, профессор *Савинова Наталья Андреевна*

Монография подготовлена в рамках темы «Теория уголовного законотворчества; концептуальные основы» *Номер госрегистрации_0115U002494*

Содержание

<i>Предисловие</i>	7
<i>Раздел 1</i>	
ВВЕДЕНИЕ В ВИКТИМОЛОГИЮ	21
1.1. Философско-методологические предпосылки возникновения виктимологии	21
1.1.1. Социально-политические основы возникновения виктимологии	21
1.1.2. Теория криминологии и виктимологические исследования	24
1.1.3. Системный анализ и виктимология	30
1.1.4. Прикладные криминологические исследования и виктимология	32
1.1.5. Виктимология в контексте развития криминологического познания	35
1.1.6. Социальный контроль и виктимология	47
1.1.7. Виктимность и преступность — две стороны одной медали	54
1.2. Науковедческие основы общей теории виктимологии	58
1.2.1. Предмет и система виктимологии	58
1.2.2. Принципы общей теории виктимологии	60
1.2.3. Методологические проблемы общей теории виктимологии	68
1.3. Частные виктимологические теории	77
1.3.1. Общая характеристика частных виктимологических теорий	77
1.3.2. Криминальная виктимология как частная виктимологическая теория	48
1.3.3. Виктимология деликтов	81
1.3.4. Виктимология катастроф	82
1.3.5. Прикладная виктимология	85

<i>Раздел 2</i>	
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ	89
2.1. Генезис государственно-правового отношения к жертве преступления	89
2.1.1. От Кодекса Хаммурапи к современному праву	89
2.1.2. Юстиция причастных	91
2.2. Зарождение и развитие виктимологии	95
2.2.1. Пионеры виктимологии	95
2.2.2. Современная виктимология на Западе	100
2.2.3. Международная виктимология	103
2.3. Становление и развитие виктимологии в СССР и в странах СНГ	107
2.3.1. Виктимология в СССР	107
2.3.2. Тенденции современной виктимологии	113

<i>Раздел 3</i>	
ЖЕРТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	118
3.1. Понятие и содержание определения жертвы преступления	118
3.1.1. Понятие жертвы преступления	118
3.1.2. Содержание определения жертвы преступления	123
3.2. «Вина жертвы» преступления	130
3.2.1. От вины к девиации	130
3.2.2. Характеристика «вины жертвы» преступления	131
3.3. Классификация жертв преступления	134
3.3.1. Задачи и виды классификации жертв преступления	134
3.3.2. Основание классификации жертв преступлений	137
3.3.3. Генезис отклоняющегося поведения и классификация жертв преступлений	139
3.3.4. Социальные общности как жертвы преступлений	146

<i>Раздел 4</i>	
ВИКТИМНОСТЬ И ЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ	150
4.1. Общая характеристика виктимности	150
4.1.1. Понимание виктимности в современной теории виктимологии	150

4.1.2. Норма безопасного поведения	153
4.1.3. Виктимность как девиация	159
4.2. Виды и проявления виктимности	168
4.2.1. Уровни анализа виктимности	168
4.2.2. Виды виктимности	170
4.2.3. Компоненты виктимности	180
4.3. Криминогенное значение виктимности	183
4.3.1. Общие положения	183
4.3.2. Криминогенность виктимности на макроуровне ...	186
4.3.3. Роль страха перед преступностью в детерминации преступности	198
4.3.4. Криминогенность виктимности на уровне малых групп и сообществ	205
4.3.5. Виктимность и преступление	207
<i>Раздел 5</i>	
ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВИКТИМИЗАЦИИ	213
5.1. Виктимизация в Европе и Северной Америке	213
5.1.1. Понятие виктимизации	213
5.1.2. Общая характеристика виктимизации в Европе и Северной Америке	216
5.1.3. Виктимизация в США	221
5.2. Феноменология виктимизации в Украине	232
5.2.1. Преступность в Украине и защита жертв преступлений	232
5.2.2. Показатели виктимизации	236
5.3. Тенденции виктимизации и пути организации обращения с жертвами преступлений	244
5.3.1. Генезис виктимизации	244
5.3.2. Преступность, виктимность, общество	250
<i>Раздел 6</i>	
ОРГАНИЗАЦИЯ ОБРАЩЕНИЯ С ЖЕРТВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА	255
6.1. Виктимологическая политика и профилактика преступлений	255
6.1.1. Общая характеристика виктимологической политики в современных условиях	255

6.1.2. Принципы законодательства об обращении с жертвами преступлений	260
6.1.3. Виктимологическая политика и виктимологическая профилактика преступлений	262
6.2. Компенсация как основной элемент справедливого обращения с жертвами преступлений	266
6.2.1. Правовые основы организации компенсации жертвам преступлений	266
6.2.2. Сравнительный анализ законодательства о компенсации жертвам преступлений	271
6.3. Перспективы развития законодательства об обращении с жертвами преступлений в Украине	275
6.3.1. Защита прав жертв преступлений	275
6.3.2. Уголовно-правовая охрана жертв преступлений ...	278
6.4. Основы организации индивидуальной виктимологической профилактики	288
6.4.1. Принципы индивидуальной виктимологической профилактики	288
6.4.2. Стратегия нейтрализации криминогенного конфликта	294
<i>Заключение</i>	299
<i>Примечания</i>	309

Если бы у меня был свой собственный мир,
в нем все было бы чепухой.
Ничего не было бы тем,
что есть на самом деле,
потому что все было бы тем,
чем оно не является, и наоборот,
оно не было бы тем, чем есть,
а чем бы оно не было, оно было.

Льюис Кэррол

Предисловие

Шестнадцать лет назад в Украине была опубликована монография «Виктимология: социальные и криминологические проблемы — Одесса., Юридическая литература, 2000 — 336 с.», ставшая первой в ряду системных исследований проблем виктимологии и виктимности в нынешнем столетии. Многое изменилось с этих пор, появились новые оригинальные исследования проблем взаимодействия преступника и жертвы, анализ индекса безопасности стал центральным при оценке эффективности деятельности правоохранительных органов, виктимологические идеи проникают в достаточно консервативные сферы развития и толкования публичного права. Достаточно сказать, что большинство современных комментариев норм Особенной части Уголовного кодекса Украины уже начинаются с анализа характеристик потерпевшего от преступления как основного элемента общественных отношений¹, а не марксистски-выдержанного описания общественной опасности деяния.

Мир меняется. Меняется и право. Меняются социальные теории, являющиеся основой развития. Протекционизм и обожествление государственного устройства уступают место социальному партнерству и примату прав человека. Модерн и структурализм — постмодерну и метамодернизму. Диалектика общего, особенного и отдельного — метафизике части и целого.

Плюрализм идей и концепций, тем не менее, не в состоянии изменить базовое соотношение идеологии естественного уголовного права, базирующегося на примате прав и свобод человека и гражда-

нина, и идеологом позитивного уголовного права, построенного на концепте права государства наказывать за нарушение условий жизни общества, каковы бы ни были эти условия (К. Маркс).

Правда, мир, действительно, не тот и право на надежду и счастье корреспондируют идеалам гражданского общества гораздо более, чем обязанность соблюдения дисциплинарных норм. Движение «Захвати Уолл Стрит», революции и акты гражданского неповиновения, практика захвата зданий и сооружений, массовые протесты и коммуникативный диссонанс в соцсетях корреспондируют тысячам обращений в Европейский суд по правам человека с жалобами на тотальную виктимизацию граждан со стороны отдельных государств и правительств. Существуют и обратные процессы, когда ростки гражданского общества, свободы и демократии мимикрируют под видом борьбы за гражданские права и злоупотребление правом становится нормой, а законность, — ширмой для целесообразности. Подмена смыслов и двойная мораль породили концепцию постправды в отношениях между гражданином и государством, где слова и действия корреспондируют не сущности явления, а манипуляциям. Мы и сейчас живем в мире, который создает образы, а не сущности, в государстве, где вооруженные конфликты квалифицируются как акты террора, а обмен пленными возникает в квази-правовом поле, где на отдельных территориях действуют квази-криминальные законы, но продуцируются настоящие жертвы...

Концепция примата прав сменяется концепцией равноправия, где жертва и преступник, государство и третьи лица (гражданское общество) взаимно ответственны в связи и по поводу совершения криминального правонарушения.

Однако до сих пор неопиты пытаются открыть для себя однополярный мир, который в принципе существовать не может. Подмена понятий, гиперболизация права на... ведут к перекосам и неэффективности процесса взаимодействия государства и гражданина, к сумеречной зоне квази-права и неправа. И здесь любая увлеченность основами монотеизма, обожествление права так же опасны как универсализм системы обеспечения и охраны прав человека. Право на счастье оказывается важнее права на справедливое обращение, вот только «справедливости и равенства» (В. И Ленин) никакая фаза развития современного общества дать не может. В особенности в области контроля над правонарушениями и преступностью.

Есть лишь одно уточнение. Оптимальный режим достигнут быть может и не последнюю часть здесь играют виктимологические знания.

Автор благодарен многим популяризаторам идей прошлого, и кое-что из них, действительно, нуждается в дополнительном освещении и поддержке, чему и посвящена эта работа.

Заметим только, что 15 лет развития внесли определенные коррективы. Прежде всего, они касаются не столько теории виктимологии, сколько осознания ее места и значения, понимания комплексности наук о преступлении и преступности. Идеальное законодательство может существовать в обществе, далеком от идеала, но вот какие перспективы оно дает человеческому счастью. Ответ на эти вопросы мы и пытаемся дать в этой работе, где классический виктимологический подход, описанный 15 лет назад, дополняется проблематикой методологии правотворчества в уголовном праве. История развития человечества свидетельствует, что принятие конкретных мер по борьбе с преступностью зачастую не связано с достаточно взвешенным подходом к ее анализу. Национальная культура, общественное давление и ожидания, административные и политические процессы, происходящие в стране, — вот отнюдь не полный перечень переменных, влияющих на проводимые кампании по борьбе с преступностью. Грандиозность масштабов и глобальность поставленных задач воодушевляют на немедленное решение проблемы. Едва ли, однако, нуждается в доказательстве и то, что далеко не каждая, а точнее, ни одна из глобальных программ профилактики преступности не в состоянии выполнить поставленные перед ней задачи.

Преступность — достаточно сложное и многогранное явление, производное от важнейших социальных характеристик жизни общества. И в этой связи успешная политика в области борьбы с преступностью зависит от множества положительных результатов в малом.²

Вместе с тем, эффективность права определяется возможностями достижения целей правового регулирования, направленных на обеспечение безопасности, охрану и защиту субъектов соответствующих правоотношений. При этом мировые, региональные и национальные особенности реализации охранительных и профилактических правоотношений влекут неизбежную дифференциацию оценки эффективности мер воздействия в зависимости от характеристик субъектов воздействия, объектов и потребностей иных участников уголовно-правовых отношений (потерпевшие, третьи лица, социальные общности, государства, международные и транснациональные объ-

единения и т.п.). Таким образом, эффективность уголовно-правового воздействия дифференцируется с учетом характеристик сложного комплекса факторов и отношений и не может быть сведена исключительно к понятию эффективности уголовно-правовой нормы в целом в государстве. Она связана с оценкой уголовно-правового регулирования, уголовно-политической обстановкой, особенностями право-реализации и правопонимания на нескольких уровнях социального взаимодействия, корреспондируя ощущениям безопасности субъектов уголовно-правовых отношений. Недаром, степень пораженности криминальностью в государстве на сегодняшний день рассчитывают исходя из индексов преступности и индексов безопасности (последний отражает степень виктимных перцепций потенциальных жертв). К сожалению, по данным показателям к середине 2016 года Украина вышла на первое место в Европе, опередив Черногорию, Россию, Молдову, Ирландию, Албанию³ Конечно, мы не Венесуэла, Папуа/Новая Гвинея или Гондурас с Южным Суданом, но степень распространения криминальности, падение индексов раскрываемости, массовое пренебрежение нормами Уголовного кодекса в рамках коллизионных правоотношений в стране, где политика подмены понятий становится элементом социального контроля, заставляют задуматься.

Опыт прошедшего 15 летия свидетельствует, что попытки правового контроля над преступностью носят единообразно глобальный характер и, как правило, безуспешны. Даже удачные модели (США, Канада, Япония, показавшие стандартную тенденцию к понижению преступности) к середине второй декады XXI века выражают свою относительную неэффективность применительно к определенным субкультурам и особенностям взаимоотношений гражданского общества и органов охраны правопорядка. Сравним современные банды Чикаго и волнения в Фергюсоне в США и украинские гибридные вооруженные формирования и беспорядки во Врэдиевке — разница лишь в степени сплоченности протестного движения, определяемой не столько феноменами конформизма, заражения и подражания, сколько рефлексиями индивидуальной оценки значимости гражданских прав для индивида и степенью его защищенности.

Уголовно-правовое воздействие сегодня есть попытка преодолеть бифуркационный излом индивидуализации общества в сторону управляемой институционализации и распределения ресурсов в рамках современных моделей либеральной демократии. Цели устойчивого развития ООН сориентированы на защиту прав и свобод чело-

века, борьбу с неравенством и дискриминацией, поддержание мир и безопасности внутри и между государствами. Между тем, с учетом активных процессов самоорганизации общества, нелинейного характера закономерностей связей между индивидами в информационном пространстве, гибридности правового воздействия в транснациональном контексте, эти задания методологически порочны.

Говорят, что в прошлом веке в Израиле пока в течение месяца ба-стовали врачи, количество госпитализированных больных сократилось на 85 %. При этом, по сведениям Иерусалимского похоронного общества, уровень смертности в Израиле за данный период снизился на 50 процентов.

Самоорганизация общественного организма, в противовес сориентированной на благо человека политике, может играть злую шутку с ее устроителями. «Институт права как субинституциональное образование государства демонстрирует в нашей стране свою высокую неэффективность, выражающуюся в неисполняемости законов, судебном произволе, что стало уже мало кого удивляющей повсеместной практикой. На примере действия этого института наиболее наглядно демонстрируется утверждение, что организационно фиксированные институциональные отношения оказываются неработающими в случае отсутствия резонанса с самоорганизационно устанавливаемыми правовыми нормами, и вопросом является то, какие из них имеют большую реальную легитимность. Самоорганизационно возникающие параллельные правовые отношения в результате оказываются доминирующими и подчиняют своим игровым порядкам даже тех, кто, казалось бы, должен был им противостоять (государственных деятелей, чиновников, представителей правоохранительных органов). В случае же совпадения организационной и самоорганизационной составляющей правовых отношений, усилий по охране правопорядка от государства требуется значительно меньше — самоорганизация выполняет эту функцию с помощью своих культурных и психологических механизмов, помещающих точку социального контроля во внутреннее пространство индивида».⁴

Центральная проблема современного глобального мироустройства состоит в том, что *новации и креативность информационного общества создают новую среду, в которой время и пространство не фрагментированы анклавами правовых семей и государственными границами, а подчиняются новым, относительно непознанным «волнам» энергетического воздействия движения средств, образов, капиталов,*

людей, будучи связанными (селективно, но всеобщее) информационными мемами, организующими и направляющими это движение.

Государства в отдельности, да и мир в целом, оказались бессильны перед пониманием неизбежности примата культивируемых информационными сетями индивидуальных оценок добра и зла и воздаяния за поступки, мысли и действия социальных субъектов, все более ориентирующихся на собственные (групповые) представления о благе и зле, о фундаментальных правах и свободах, чем на веками выпестованные нормы регуляторы. Коллективный эгоизм, гедонизм и аномия, генерируемые новыми коммуникативными связями, становятся отсюда нормой современного миропорядка. Концепт индивидуальной безопасности становится важнее безопасности социальной, и силы самоорганизации в угоду целесообразности разрушают нормативность мироустройства.

Особенно ярко это наблюдается в период социальных революций и реформ. Энтропия права, смешение смыслов, диверсификация конфликтности законов и правил человеческого общежития становятся нормой. Концепт закона уходит на второй план. Идея политической целесообразности, связанности коммуникативным смыслом — на первый.

Мы привыкли к мысли о том, что устойчивость структур и систем управления генерирует управляемость системных процессов социального контроля. Между тем, миром правит хаос. Правда, настолько самоорганизованный, что современные воззрения о добром и злом, модели восприятия должного, добра и зла, блага и вреда, права и неправа, теряют свою первоначальную сущность, размываются в виртуальности оценок и многополярности подходов. Дополненная реальность духа, мысли и действия процветает на фоне сумерек регуляции гражданских прав и свобод, когда веками декларируемые постулаты и ценности свободы, равенства и братства оказались подорваны изнутри самопроизвольно расширяющейся трактовкой базовых принципов развития индивида, социума, государства в угоду обеспечения безопасности индивидуальности. Концепт примата личной безопасности и личных прав над безопасностью общественной сыграл с миром злую шутку: Пелевинское Generation «Пи» сменилось нелинейно функционирующими рефлексирующими самоорганизованными в виртуальном пространстве массами индивидов, для которых поймать Покемона и значит, — создавать новые ощущения и образы мира; убить полицейского: выступить в защиту попираемых веками интересов расы; соз-

дать государство без границ и систем управления в ландшафте фундаменталистских вероучений: обрести на века счастливое будущее.

Современное государство и право, как и концепт мироустройства, становятся все более виртуальными, а их функции все чаще замещаются процессами гибридной самоорганизации, основанными на рефлексии сетевых аттракторов. Субститутом государственного суверенитета становятся мобильные группы, чьи экстерриториальные властные полномочия диктуются на рефлексии целесообразности, определяемой социальными сетями или авторитетом самих сетевых структур и образований (от Европейского союза, транснациональных корпораций и организаций до сетевых сообществ гражданского общества и террористических объединений). Злоупотребление властью с целью получения преимуществ для укрепления собственного служебного положения и политической выгоды, троллинг в социальных сетях, злоупотребление правом на свободу слова с целью идентификации образа врага с помощью мемов, смешение концептов и механизмов регулирования в рамках моделей политической, административной и уголовной ответственности есть не просто реалии эпохи, но стандартные формы жизнедеятельности социума сегодня.

Ложный принцип равенства и диверсификация интерпретации ландшафта фундаментальных прав и религиозных оценок, дисперсия моральных ценностей, автономность воли и растворение ответственности в сетевом поведении, «джинса» в политико-правовом менеджменте характеризуют не просто общество — они элемент целеполагающей деятельности управленческих структур, для которых гибридность и аморфность правовой формы — поле реализации новых возможностей.

Сказанное предполагает необходимость изучения процесса эффективности уголовно-правового воздействия в современных условиях с точки зрения:

- Рефлексии и взаимодействия концептов моральности и правонарушения в нормативных и самоорганизованных правовых системах;
- Равенства участников первичных и вторичных уголовных правоотношений с точки зрения идеологии, принципов, языка закона и его социальной (индивидуальной/сетевой) поддержки/одобрения, прав участников;
- Новой универсальной языковой парадигмы уголовного закона, основанной на моральной поддержке и единообразии восприятия зла/воздаяния/компенсации и реституции.

Современное мировое сообщество все более ориентируется на целесообразность и индивидуальное благо, чем на генерируемые идеологами социальные интересы. Целесообразность уголовно-правового воздействия связывается не с элементами уголовной политики, а с эффективностью альтернативных подходов в области распределения справедливости, генерируемых сетями и информационным взаимодействием. Отсюда элементами сегодняшнего уголовно-правового режима в стандартной форме выступают гибридность в праве и неправе, злоупотребления правом, носящих криминальную окраску (могущих быть оцененными и квалифицированными как криминальные правонарушения или пограничные ситуации в зависимости от статуса, обстановки и политических установок правоохранительных органов). Причем на индивидуальном, общественном и социальном уровнях указанные процессы носят различный по степени очевидности, но достаточно отчетливый характер. Самое главное в том, что институты публичного права в гибриде не влияют в полном или ожидаемом объеме на социальные процессы в силу фиктивности смыслов, двойной морали, разрушения коммуникативных контактов. Происходит диверсификация образов и смыслов, нормативных характеристик и идей, поступков и ответственности за них. Определение преступления и наказания за него есть прерогатива государства в позитивистском понимании права. Однако переход на иные уровни правопонимания открывает перед нами несколько иные плоскости для анализа. В уголовно-правовой форме в результате преобразований и доминирования скрытых коммуникативных идей (государственная безопасность против личной безопасности) мы сталкиваемся с проблемами дисфункциональности юридизации смыслов и сужением правового ландшафта. Инфляция существующей модели фундаментальных прав человека, основанная на дисфункциональности возможностей ее защиты, становится все больше, а концепт криминального правонарушения все расплывчатее. Это приводит к растворению, смешению отдельных элементов в институте, гиперболизации одного явления, доминированию иных форм, а в упрощенной форме — к нарушению гомеостаза информации и энергии в мире, стремящемся от устойчивости к энтропии. Сегодняшний всплеск преступности, жестокость и черствость, аморальность и девиации — лишь реакция на параллельное сосуществование тотальных злоупотреблений правом и гибридизации правовых и механистических механизмов управления на политическом, социальном и индивидуальном уровнях.

Понимание сущности которых и открывает в некотором роде перспективу дальнейших уголовно-правовых исследований так и программ понимания не только устоявшихся, но и новых элементов криминологического и уголовно-правового знания.

К числу подобного рода программ, показавших свою эффективность в деле ограничения преступности, и относится деятельность по созданию системы справедливого и гуманного обращения с жертвами преступлений, по научению потенциальных жертв преступлений основным приемам реагирования на конфликтные ситуации.

И дело здесь в том, что обеспечение общественной безопасности является одной из основных задач государства. Для этих целей за деньги налогоплательщиков содержится колоссальный аппарат системы уголовной юстиции, органов, ведающих исполнением наказания. И если государство не смогло защитить гражданина от преступных посягательств, то оно должно нести ответственность за причиненный ущерб. Подобное положение отражает реальные ожидания населения, заинтересованного в действенной и эффективной защите своих конституционных прав и свобод.

Именно улучшение доступа жертв преступлений к системе уголовного правосудия, справедливое и гуманное обращение с ними способны в какой-то мере снизить страх граждан перед преступностью, содействуя одновременно их кооперации с органами политической власти, расширению демократических начал управления обществом, снижению уровня преступности.

Указанные обстоятельства подтверждают актуальность научного исследования феномена жертвы преступления в сфере современных социально-правовых исследований, необходимость совершенствования нормативной регламентации положения жертвы преступления в системе уголовной юстиции и разработки соответствующих рекомендаций по практическому применению основ системы знаний о жертве преступления в деятельности по социальному контролю над преступностью.

Выделенная проблема, как правило, разрешается в отечественной науке в рамках криминальной виктимологии как учения о жертве преступления, являющегося специальной криминологической теорией, обладающей своим специфическим предметом, методом и формами реализации.⁵ Недаром отмечается, что в юридических науках «виктимология как термин понимается несколько уже. Это учение о жертве, пострадавшем, потерпевшем от правонарушения, в частности от

преступления». ⁶ Между тем во всем мире мы сталкиваемся с бурным ростом виктимологии как единой науки о жертве социально опасных проявлений, выступающей частной социологической теорией.

Следует отметить, что отечественная юридическая наука и социология отклоняющегося поведения неоднократно обращались к проблеме потерпевшего от преступления, его роли в механизме преступного поведения, к анализу профилактических аспектов виктимности. Определению основных прав и обязанностей потерпевшего от преступления, характеристике поведения потерпевшего в процессе предварительного расследования, судебного следствия, проблемам поведения потерпевшего от преступления в процессе подачи и рассмотрения гражданского иска в уголовном судопроизводстве посвящены работы таких выдающихся ученых как Альперт С. А., Александров С. А., Божьев В. П., Вандышев В. В., Гаухман Л. Д., Дубриный В. А., Ильина Л. В., Касымов А. А., Кокорев Л. Д., Коржанский Н. И., Лазарьева В. А., Потеружа И. И., Савинов В. Н., Савицкий В. М., Шличите З. А., Юрченко В. Е., Яни П. Е.. Проблемы характеристики и значения поведения потерпевшего в уголовно-правовых исследованиях рассматривались Батюковой В. Е., Борисовым В. И., Дагелем П. С., Карпечом И. И., Квашисом В. Е., Кузнецовой Н. Ф., Ранецкой А. А., Рустамбаевым М. Х., Сабитовым Р. А., Мальцевым В. В., Уссом А. В., Якобовым А. С. и другими специалистами в области теории уголовного права. Изучению особенностей влияния поведения потерпевшего на криминогенную ситуацию и механизм различных по уголовно-правовым критериям, этиологическим и мотивационным характеристикам преступлений, определению теоретических и прикладных проблем виктимологических исследований, были посвящены работы Алексеева А. И., Антоняна Ю. М., Арефьева А. Ю., Блиндера Б. А., Гилинского Я. И., Дагеля П. С., Джужи А. Н., Даньшина И. Н., Закалюка А. П., Лихолоба В. Г., Коновалова В. П., Кузнецовой Н. Ф., Минской В. С., Михеева Р. И., Полубинского В. И., Соболевой С. В., Скурту И. Г., Тартаковского А. Д., Рыбальской В. Я., Ривмана Д. В., Франка Л. В., Устинова В. С. и других исследователей.

Вместе с тем, степень научной разработанности проблем теории криминальной виктимологии в отечественной науке нельзя охарактеризовать однозначно. Несмотря на обилие добротных исследований, выполненных вышеперечисленными авторами, проблема разработки основ виктимологии как частной теории в рамках общей

теории виктимологии, выступающей единым учением о жертвах социально-опасных проявлений (жертвы катастроф, преступлений, деликтов, экзогенных и эндогенных инцидентов) далеко не исчерпана. Это касается как определения мировоззренческих, социально-философских основ формирования общей теории виктимологии, так и науковедческих проблем понятия, содержания и значения предмета криминальной виктимологии, специальных методик виктимологических исследований, определения основных терминов и понятий криминальной виктимологии, сравнительного анализа содержания и сущности процессов виктимизации и виктимности в специфических политико-правовых условиях Украины.

Проблема состоит также и в том, что гуманизация политического сознания в Украине предполагает реальный поворот системы уголовной юстиции к проблеме потерпевших от преступлений. К сожалению, необходимость пересмотра основ учения о преступности, возникшая в связи с крахом официальной криминологической идеологии в СССР, не позволила украинским криминологам достаточно активно заниматься разработкой теоретических и прикладных проблем основ учения о виктимности и ее проявлениях. Жертва преступления вновь осталась забытой фигурой в криминологической политике нашего государства, равно как и в деятельности по индивидуальной профилактике преступлений.

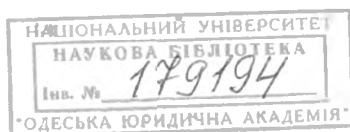
Поэтому задача состоит в углублении и дальнейшем развитии основ теории криминальной виктимологии, в формировании системы научных знаний о жертве преступления с целью оптимизации социального контроля над преступностью, гуманизации криминологической политики и приведения украинского национального законодательства в соответствие с международно-правовыми стандартами в области защиты прав жертв преступлений.

Таким образом, актуальность исследования социально-правовых основ учения о жертве преступления обусловлена:

во-первых, необходимостью гуманизации деятельности по социальному контролю над преступностью, повышением ее эффективности,

во-вторых, осмыслением философских и науковедческих основ формирования криминальной виктимологии как частной (специальной) теории в рамках общей теории виктимологии,

в-третьих, — необходимостью разработки теоретических проблем отечественной виктимологии в русле современных достижений социологии отклоняющегося поведения и мировой виктимологиче-

ской теории, переосмысления достигнутого уровня знания, открытия новых аспектов виктимологической профилактики преступлений с учетом изменений в мировой практике социального контроля над преступностью и компаративистского анализа виктимологического законодательства развитых стран,

в четвертых, необходимостью теоретического обоснования предложений по становлению виктимологического законодательства Украины;

наконец, в-пятых, стремлением к практизации виктимологических исследований, к разработке теоретически выверенных рекомендаций по ограничению виктимной активности жертв преступлений.

Объектом исследования являются мировоззренческие, социально-правовые и научно-практические основы учения о жертве преступления как частной криминологической теории.

Предмет исследования — теоретико-методологические основы формирования криминальной виктимологии в Украине, компаративистский анализ теории мировой виктимологии, виктимологического законодательства развитых стран и профилактических нормативных актов ООН, особенности виктимизации и виктимности в Украине, система обращения с жертвами преступлений и виктимологической профилактики преступлений.

Характеристика объекта и предмета исследования предопределила выделение ряда нижеследующих целей исследования, основными из которых являются: системная разработка концептуальных основ криминальной виктимологии как частной виктимологической теории; определение и создание модели социально-правовой базы виктимологической профилактики преступлений.

Соответственно, среди основных задач настоящего исследования можно выделить:

- компаративистский анализ современного состояния виктимологии в системе социальных знаний;

- исследование философско-методологических основ формирования и развития теории виктимологии в историко-правовом континуме и определение с этих позиций как понятия и сущности общей теории виктимологии, так и понятия и предмета криминальной виктимологии;

- системный анализ существующего понятийного аппарата общей теории виктимологии, определение основных конститутивных понятий криминальной виктимологии;

— проведение криминологического сравнительного анализа виктимизации и виктимности в Украине и иных странах, выявление особенностей и закономерностей распределения виктимизации в Украине;

— осуществление системно-правового анализа основ социального контроля и организации справедливого обращения с жертвами преступлений;

— разработка модели правовой базы криминологической профилактики преступлений в Украине;

— определение основных направлений индивидуальной криминологической профилактики преступлений.

Методологической основой исследования явились социология отклоняющегося поведения, основанная на общесоциологическом диалектическом методе познания социальных явлений в развитии, философская теория деятельности, теория синергетики, системно-техническая теория конфликта, общая теория криминологии, теория правоотношений, теория правотворчества. Так, анализ проблем становления криминологии осуществлен в историко-правовом и системно-правовом ключе. Применение синергетической концепции гомеостаза к процессу взаимоотношения преступности и виктимности позволило выявить новые элементы для определения диалектики становления современной криминологической парадигмы. Методики статистического и социологического анализа использовались при обосновании тенденций и закономерностей виктимизации. Наиболее широко в работе применялись научные методы системного и компаративистского анализа социальной формы.

В работе использованы материалы криминологических опросов населения, проводившихся автором и с его участием в 1990–2016 гг., данные уголовной статистики, результаты выборочного анализа уголовных дел и опроса лиц, совершивших тяжкие агрессивные преступления в 80-е годы, материалы о действующей системе профилактики преступлений, информационные базы данных Верховной Рады Украины, Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию ООН, методические разработки Национального института уголовной юстиции США, Отдела жертв преступлений министерства юстиции США, Национальной ассоциации помощи жертвам преступлений (NOVA, США), Международного Центра предупреждения преступлений (Канада), Европейского института ООН по предупреждению преступлений и контролю за правонару-

шителями (Финляндия), Международного института социологии права (Испания).

Выводы и предложения автора сформулированы с учетом анализа отечественных и зарубежных работ в области социологии отклоняющегося поведения, криминологии, уголовного права и процесса, виктимологии, общей и социальной психологии и других научных дисциплин о человеке и его поведении.

Использованный объем теоретического и эмпирического материала, собственный опыт работы автора в системе юридического образования Украины обуславливают репрезентативность и теоретическую валидность сформулированных выводов.

В итоге выдвигается и обосновывается концептуальная идея о том, что диада «преступник — жертва», «преступность-криминальная виктимность» представляет собой самоорганизованную надсистему, в которой указанные открытые гомеостатические системы, обмениваются друг с другом и со средой веществом, информацией и энергией на социальном, вещественном (агрессия, подавление/безопасность, самосохранение), психологическом, энергетическом (индивидуализм/взаимопомощь) и соционормативном, информативно-регулятивном (антиправо/право) уровнях. В рамках традиционных институтов криминологии такое понимание будет означать необходимость анализа и стимулирования социально-активного поведения потенциальных потерпевших от преступления как способа изменения системных взаимосвязей и организации более эффективного контроля над преступностью.

ВВЕДЕНИЕ В ВИКТИМОЛОГИЮ

— Котам на королей смотреть не возбраняется, — сказала Алиса.
— Я это где-то читала, не помню только — где.

Л. Кэррол

1.1. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВИКТИМОЛОГИИ

1.1.1. Социально-политические основы возникновения виктимологии

Виктимология — сравнительно молодое научное направление. В отличие от классических дисциплин криминального профиля, история формирования которых исчисляется веками, основы виктимологии как системы научных знаний о жертве преступления (а позднее и иных социально опасных явлений) начали создаваться только во второй половине двадцатого века.

Развитие новых экономических отношений, превращение движений в защиту гражданских прав и свобод в реальную политическую силу, изменение вектора политики мирового сообщества от конфронтации к мирному разрешению конфликтов, от тоталитаризма к демократии — вот далеко не полный перечень предпосылок повышенного внимания обществоведов к рассмотрению правового положения личности как стержневого элемента в структуре современных властеотношений.⁷ Фраза «Степень свободы конкретного общества производна от степени свободы конкретного гражданина» стала банальной в профессиональной среде.

Естественно, что нейтрализация социального, экономического и политического отчуждения личности как гарантия свободного развития гражданина в демократическом государстве немыслима без оказания помощи лицам, находящимся в кризисном состоянии. Именно поэтому идея усиления правовой защиты жертв преступлений приобрела мировое признание.

Прежде всего, отметим, что появлению виктимологии как отдельного направления первоначально в рамках криминологических исследований способствовали следующие факторы:

- а) социальные и политические изменения в мире, происшедшие после Второй мировой войны;
- б) разрушение традиционных институтов социальной солидарности и взаимопомощи благодаря процессам урбанизации и миграции, подстегнутым Второй мировой войной;
- в) изменение роли семьи в послевоенном обществе;
- г) сокращение финансирования схем социальной помощи, рост безработицы (как явной, так и скрытой);
- д) снижение гарантированных законом возможностей личности для возмещения ущерба от виктимизации;
- е) ограниченность классических схем профилактики преступлений, направленных исключительно на пресечение, нейтрализацию криминальной активности преступника.

Указанный процесс перестройки социальных взаимодействий в мире повлек за собой стремительный рост преступности и злоупотреблений властью, который не мог быть понятым и проанализированным только в рамках классических криминологических концепций и идей, породив, соответственно, насущную потребность в формировании нового направления, получившего позднее наименование «**ВИКТИМОЛОГИЯ**».

После проведения серии междисциплинарных исследований по проблемам изучения последствий преступности и злоупотреблений властью было осознано, что виктимизация населения имеет гораздо более широкое влияние на существующую жизнь, чем предполагалось ранее.⁸

В свое время было установлено также, что улучшение доступа жертв преступлений к системе уголовного правосудия и справедливому обращению с ними, а также создание специальных программ помощи, реституции и компенсации потерпевшим от преступлений способны в какой-то мере снизить страх населения перед преступностью, содействуя одновременно кооперации граждан с системой политической власти, расширению демократических начал управления обществом.

В силу этого страны, где общественное мнение имеет наибольший вес при осуществлении законотворчества, где уровень страха перед преступностью превышал допустимые мерки, первыми ввели в дей-

ствие комплекс нормативных актов, направленных на защиту тысяч жертв преступлений.

Например, согласно данным Национального Центра жертв (неправительственной организации, занимающейся помощью жертвам преступлений и сокращением насилия в США), в 1996 году в США каждые 17 секунд совершалось насильственное преступление. В 1994 году в стране было зарегистрировано 23310 убийств, что соответствует одному убийству каждые 23 минуты. Каждый год в Америке 683000 женщин насилуются. 29 % изнасилований совершаются в отношении малолетних, в то время как 32 % — в отношении жертв возрастом от 11 до 17 лет. Примерно от двух до четырех миллионов американских женщин испытывают физическое насилие от своих партнеров каждый год. По данным ФБР, в 1994 году зарегистрировано 7600 преступлений, совершенных на почве семейных конфликтов. При высокой латентности этих деяний указанная тенденция лишь частично отражает существо проблемы: только о 42 % насильственных преступлений потерпевшие сообщают правоохранительным органам. [9]

В результате за последние два десятилетия Конгресс США принял Закон о защите жертв и свидетелей преступлений (Victims and Witness protection act 1982), Закон о жертвах преступлений (Victims of crime act 1984), Закон о правовой помощи (Justice assistance act 1984).

В Великобритании Национальная ассоциация по оказанию помощи жертвам преступлений разработала и внедрила в жизнь более чем 200 специальных проектов по содействию и компенсации потерпевшим.

Парламенты Австралии, Новой Зеландии, Канады, Японии и большинства европейских стран приняли специальное законодательство, посвященное организации возмещения ущерба потерпевшим от преступлений из общественных и государственных фондов. [10]

На региональном уровне важным шагом было принятие Советом Европы Конвенции по компенсации жертвам насильственных преступлений, открытой для подписания 24 ноября 1983 года. Согласно положениям этой Конвенции, для членов Совета был рекомендован минимальный стандартный уровень обеспечения государством процесса компенсации потерпевшим от преступления. [11] В развитие положений Конвенции 28 июня 1985 г. Комитет Министров стран участниц СЕ принял рекомендацию № 11 о положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса.

Роль и значение виктимологических исследований были признаны и на мировом уровне. В сентябре 1985 года Седьмой Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями утвердил «Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью». 29 ноября 1985 года Генеральная Ассамблея ООН консенсусом приняла вышеназванную Декларацию [12], служащую основой для создания национальных механизмов виктимологической профилактики преступлений.

1.1.2. Теория криминологии и виктимологические исследования

В национальной науке теоретическая база виктимологического законодательства весьма ограничена. Проблемы виктимологии находят свое частичное отражение в проводимых в стране криминологических исследованиях, анализе криминальных, криминалистических и процессуальных аспектов деятельности потерпевших [13], в переводных практических пособиях потенциальным потерпевшим. [14]

Значительное количество собственно виктимологических, добротных и разносторонних исследований выполнено российскими учеными, учеными иных стран СНГ. [15] К счастью, появившиеся в последние годы в Украине разработки В. В. Голины, А. Н. Джужи, А. Е. Михайлова, Е. М. Моисеева, В. Е. Христенко и других ученых в области теории виктимологии и основ виктимологической профилактики преступлений, изучение виктимности криминальными психологами Харьковского университета внутренних дел, виктимологический анализ проблем насилия в семье в Одесском институте внутренних дел, анализ проблем виктимологической профилактики преступлений в НИИ изучения проблем преступности Академии правовых наук Украины, развитие и поддержка виктимологической направленности исследований в рамках Координационного бюро по криминологии АПрН Украины дают основание сделать вывод о перспективности развития криминальной виктимологии в Украине, хотя на пути ее развития и встречаются определенные ограничения.

Краеугольным камнем большинства современных криминологических концепций является утверждение о том, что исследование преступления и преступности невозможно без характеристики и понимания трех основных компонентов, анализируемых на различных уровнях социального и научного обобщения: преступления (преступности); преступника (преступников); его жертвы (жертв). [16]

Операциональные цели криминологии очевидны: определить причины преступления и преступности и разработать сравнительно эффективные для обеспечения личной и общественной безопасности принципы контроля над преступностью.[17] Выявление основных закономерностей функционирования и гомеостаза социальных отклонений, определение принципов, лежащих в основе нормального и отклоняющегося поведения, призваны расширить границы социального знания, обеспечить развитие социального прогресса.

Вместе с тем любой специалист по истории криминологии и виктимологии, рассматривая проблему становления данных направлений научного поиска, укажет на неоднозначность и концептуальную неоднородность понимания проблемы преступности и контроля над ней, а равно — места и роли виктимологических факторов и понятий в совокупности криминологических воззрений в процессе исторического развития.

Практически два десятилетия назад стали известными знаменитые слова Л. В. Франка: *«Виктимология сегодня — это, может быть, криминология завтрашнего дня»*. [18] Однако настороженное или слегка скептическое отношение специалистов к теории виктимологии достаточно широко известно и сохранилось до сих пор. За исключением профессионалов криминальных виктимологов, в среде научной общественности точка зрения, согласно которой виктимологические исследования — необходимый, небезынтересный, но вспомогательный элемент изучения механизма преступного поведения, без наличия которого ни одно собственно криминологическое исследование не будет завершенным, является достаточно распространенной. [19]

Так, в одной из первых работ, посвященных «практизации» криминологической теории, внедрению положений науки в реальную жизнь, собственно виктимологической проблематике было посвящено от силы несколько страниц, да и то только в контексте общего вопроса рассмотрения механизма преступного поведения. [20]

В лучшем случае, опираясь на методологические разработки виктимологов, «классическая» теория криминологии исследует содержательную и феноменологические стороны преступности с помощью методов анализа виктимизации (при определении латентности преступности) и роли жертвы в механизме преступного поведения. [21] Однако, перефразируя слова В. А. Ядова, посвященные использованию западной социологии в отечественных исследованиях, можно отметить, что знание методов без знания теоретических основ викти-

мологического мышления — это все равно, что умение пользоваться инструментом без понимания того, что мы собираемся мастерить. [22]

Причин такого, мягко говоря, настороженного отношения к виктимологии в отечественной криминологической науке несколько.

Во-первых, вторжение в область виктимологических исследований воспринимается людьми с определенной осторожностью, поскольку любой человек, столкнувшись с методиками виктимологической превенции, будет вынужден примерять их на себя, соотнося факты своей личной жизни с рекомендациями специалистов.

При тотальности процессов виктимизации в так называемых клептократических государствах, когда все общество представляет собой бесконечную карусель девиантов и их жертв, убеждения в том, что существующие разработки не отличаются ни конкретностью, ни соответствием реальной жизни, будут только укрепляться.

Скепсис населения и ученых к методикам обеспечения безопасного поведения подкрепляется и личным опытом, и менталитетом жителей стран СНГ, в котором собственно криминогенная сторона жизни всегда олицетворялась с порочностью отдельных деперсонифицированных индивидов и групп или с иррациональной порочностью власти в целом. *«Вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет...»*, — писал летописец тысячу лет назад. [23]

Казалось бы, мы уже привыкли к экономическим и политическим неурядицам, стали, как это теперь модно говорить, «толерантнее» к постоянно ухудшающемуся качеству среды обитания и нашему уровню жизни. Мы пьем отравленную воду, едим некачественную пищу, толкаемся в общественном транспорте, ненавидя всех и вся, расталкивая локтями, брыкаясь, кусаясь, постепенно зверея на неоплачиваемой (либо хорошо оплачиваемой, но опасной) работе, с трудом доползая вечером до голубого «ящика», ежедневно вещающего нам об актах террора, землетрясениях, потопах, взрывах, разрушениях, поджогах и убийствах, убийствах...

Исчезновение мирового противника вместе с официальной идеологией, аномия, постоянная рефлексия, поиски и формирование «образа врага» на криминальной, национальной, экономической, политической основе реализуются в агрессивных требованиях и установках на социальную защиту населения от любой потенциальной угрозы. Диктуемое стремлениями достижения победы (охраны) высших ценностей вовлечение все большего количества людей в социальную борьбу, какие бы формы она ни принимала на самом деле,

является мощным катализатором агрессивности и конфликтности. В этой связи совершенно естественными и на «ура» выглядят и проходят предложения об усилении репрессии, о недопустимости гуманизации превентивной практики. [24]

«Разумные соображения, любая критика или встречные доводы, говорящие против действий, диктуемых воодушевлением, заглушаются за счет того, что замечательная переоценка всех ценностей заставляет их казаться не только не основательными, но и просто ничтожными и позорными. Короче, как это прекрасно выражено в украинской пословице: «Коли прапор в'ється, про голову не йдеться». [25]

Призывы же к изменению вектора уголовной политики от кары преступников к защите потерпевших [26], к формированию реального, а не формального гражданского общества, идут, к сожалению, прайрез с не декларируемой на бумаге, но проводящейся на деле (и поддерживаемой значительным количеством населения) деятельностью по социальному контролю над преступностью.

Во вторых, еще одной важной особенностью виктимологии, которая также определяет несколько настороженное отношение в криминологии к этому направлению, является ее непосредственная связь с известной философской проблемой соотношения природного и социального в личности девианта и правопослушного гражданина.

«Вопрос о соотношении телесного и духовного красной нитью проходит через всю историю философии, занимая центральное место в культурной жизни людей. То или иное его разрешение (главным образом, либо материалистическое, либо идеалистическое) образует фундамент определенного мировоззрения, и борьба здесь не ограничивается, к сожалению, только столкновением идей. Неизбежность в ходе познания иметь дело с неизвестным предопределяет дискуссионный характер исследования природы психического. К тому же не секрет, что прямое сопоставление результатов, полученных в ходе научного препарирования (включая психологические методы) человеческих свойств и качеств, с реальными проявлениями характеров, поступками и действиями человека подчас складывается не в пользу, казалось бы, точных выводов естествознания и обществознания». [27]

Крушение советской империи повлекло за собой естественный всплеск интереса ученых к разработке проблематики, остававшейся достаточно закрытой для отечественных криминологов на протяжении более чем 20 лет. Несмотря на работы И. С. Ноя, посвященные отличному от официально принятого в криминологии анализу диа-

лектики соотношения природного и социального в личности преступника [28], официальная наука предпочитала не слишком распространяться на данную тему. Лишь в последнее время в работах Ю. М. Антоняна, А. Р. Ратинова, А. Ф. Зелинского и их соратников и коллег данной проблеме стало уделяться все больше и больше внимания. [29]

И, действительно, нет нужды лукавить: многие черты личности современных преступников (и их жертв) коррелируют с особенностями их пола, возраста, темперамента, особенностями психологической структуры личности, имеющей определенные природные корни.

Недаром, говоря о перспективах виктимологических исследований в Украине, И. Н. Даньшин тесно связал их развитие с анализом проблемы личности преступника и механизма преступного поведения. [30] Соответственно, А. Ф. Зелинский в одной из своих последних работ, посвященных анализу криминальной психологии, указал на необходимость тщательного исследования психологии виктимности как одного из наиболее перспективных направлений развития современной криминологии. [31]

Вместе с тем ретроспективное исследование преступных карьер и их связи с виктимизацией волей-неволей способствует осознанию и того факта, что большинство жертв и преступников являются людьми одного круга, происходящими из идентичной социальной среды, характеризующейся одинаковым образом жизни, манерами и стереотипами поведения.

Не останавливаясь на широко описанном феномене «виновного» поведения жертвы, отметим, что общеуголовные преступники и их жертвы характеризуются и сходной направленностью личности, приобретаемой как в процессе социального общения и развития, так и в результате филогенеза.

Например, В. Я. Рыбальская, вводя в научный оборот понятие виктимогенной деформации как комплекса личностных черт, повышающих риск стать жертвой преступления, отмечает, что виктимогенная деформация личности имеет значительное сходство с антиобщественной направленностью, но отличается меньшей интенсивностью. [32]

Анализ особенностей субкультуры и социальной среды общеуголовных преступников также приводит к выводу о чрезмерной схожести личностных и социально-психологических черт как преступников, так и их жертв.

«В маргинальной среде часто вспыхивают агрессивные конфликты, и только случай решает, кто станет преступником, а кто жертвой», — писал А. Ф. Зелинский в упомянутой работе. [33] Д. В. Ривман в посвященном механизму преступного поведения разделе одного из последних оригинальных российских учебников по криминологии отметил: «В механизме преступления нередко роли преступника и жертвы переплетаются столь причудливо, что само различие между ними весьма относительно, поскольку лишь случай решает, кто станет преступником, а кто жертвой». [34]

Соответственно, по данным Г. М. Миньковского, в определенных социальных группах, из числа которых, как правило, происходят общеуголовные преступники, *«преступное поведение репродуцируется не конкретной ситуацией, наоборот, такие образования (группы с отклоняющимся поведением. — В. Т.) гомогенны, а под влиянием внутригрупповых антиобщественных норм и стереотипов значительная часть подобных актов... реализуется в маргинальной среде и остается латентной, но, в конце концов, проявляется вовне, «генерируя» преступление». [35]*

Указанные обстоятельства приводят к тесному переплетению гносеологических, мировоззренческих и социально-преобразовательных задач современной криминологии и виктимологии, поскольку проблема познания личности преступника (девианта) всегда была центральной для дисциплин, специализирующихся на анализе отклоняющегося поведения.

Однако установка на исследование личности преступника как целостной структуры, обладающей качественными отличиями от личности непреступника, не может полностью быть реализована в контексте результатов изучения личности жертвы-девианта.

Более того, учитывая, что виктимология выросла и продолжает частично развиваться в рамках криминологических исследований, получается, что всемерная поддержка собственно виктимологических изысканий будет сдерживаться из-за обыденного критического неприятия подобных виктимологических разработок. Ограниченность количества валидных теоретических концепций индивидуального развития личности преступника, анализа не только психологии, но и духовности преступника [36], положительно зарекомендовавших себя профилактических методик, усугубляет ситуацию.

В принципе указанная проблема достаточно легко разрешима. Учитывая конвенциональный характер определения и понимания

виктимности и преступности, нетрудно предположить, что диалектика взаимоотношения преступника и его жертвы составит прерогативу дальнейших совместных исследований. В данном случае речь должна идти о рассмотрении преступного поведения как эллипса, «фокусами которого являются преступник и жертва». [37] При этом соотношение устойчивости и неустойчивости ролей, взаимодействий и взаимозависимостей преступника и жертвы в рамках описания механизма преступного поведения позволяет как объяснить основные системообразующие свойства генезиса конкретного преступления, так и описать динамические модели инверсии ролей «преступник-жертва» в конкретных жизненных ситуациях, разработать типичные виды взаимосвязи виктимной и преступной активности на различных уровнях социального обобщения.

Понимание «преступного человека» не столько как патологической личности, но и как социопата, невротика, эгоиста, ролевого правонарушителя [38], в целях научного анализа в определенной степени приравнивает преступника и его жертву. *«Социопатии следует рассматривать как социальный феномен, как аномальную форму психических реакций и поведения человека по отношению к определенным обстоятельствам, неприемлемым в силу личностной самооценки и установки, но не представляющим таковыми для большинства людей. Социопатические личности временами не вписываются в принятые социальные нормативы из-за их неадекватного поведения (суицидальных угроз и попыток агрессии к окружающим, дезертирства, беспричинного оставления учебы, бродяжничества, уходов из дома и др.), но при возвращении к желаемым, привычным условиям жизни они проявляют достаточную приспособляемость, и социопатические (вернее, асоциальные и антисоциальные) формы поведения исчезают».* [39]

Осознание этого факта позволяет говорить не столько о конфликте (как теоретическом, так и реальном) между преступником и его жертвой, сколько о взаимозависимости, определенной однопорядковости указанных типов личности, наличии системных, *гомеостатических* связей между ними.

1.1.3. Системный анализ и виктимология

Соотношение устойчивости и неравновесности социальных отклонений и их носителей в рамках самоорганизации человеческой деятельности на различных уровнях социального обобщения являет-

ся одной из основных методологических проблем современных криминологии и виктимологии.

«Негласное взаимопонимание преступника и жертвы является основополагающим фактом криминологии, — писал по этому поводу основатель криминальной виктимологии Ганс фон Хентиг. — Разумеется, никаких договоренностей, тем более павых, при этом не заключается, однако имеет интеракция, взаимодействие и обмен элементами причинности». [40]

Современная научная литература определяет гомеостаз как относительно динамическое постоянство состава и свойств внутренней среды и устойчивость основных физиологических функций организма. Понятие гомеостаза применяют и к биоценозам (сохранение постоянства видового состава и числа особей), в генетике и кибернетике, в теории синергетики при описании концепции самоорганизации и развития социальных систем [41].

Работы российских криминологов, доказывающие наличие системных гомеостатических связей между различными видами отклоняющегося поведения, преступностью и обществом на макроуровне, служат определенным подтверждением гомеостатичности взаимодействия преступника и его жертвы.

«Само общество как система создает условия, в которых число лиц, совершивших реальные, конкретные преступления в определенный отрезок времени, гармонично уравнивается числом лиц, их не совершающих за тот же временной период», — писал по этому поводу Д. А. Ли [42].

Пространственно-временная упорядоченность взаимодействия поведения преступников и жертв на уровне общего образует определенные системные блоки массовых девиаций, обменивающиеся веществом, информацией и энергией. [43] Их взаимодействие в макроскопических масштабах отнюдь не однозначно и не однолинейно.

Современная концепция самоорганизации общественных явлений исходит из того, что они представляют собой определенное единство упорядоченности на макроуровне и разупорядоченности на микроуровне. [44] При этом с точки зрения общей теории синергетики в процессе самоорганизации социальных структур им свойственна определенная открытость, динамичность и неравновесность взаимодействия отдельных их компонентов, которая приводит к постоянному взаимопереходу деструктивных и созидательных состояний системы. Упорядоченность и согласованность на макроуровне

сочетаются с непрерывностью возникновения и изменения существующих закономерностей взаимосвязей отдельных компонентов открытой системы, что приводит к ее эволюционированию, преобразованию в новый развивающийся процесс.

Становление согласованной и упорядоченной системы взаимодействия между преступностью и виктимностью, соответствуя основным характеристикам развития общества, со временем преобразуется в новые формы, которые зависят как от процессов воздействия общества на преступность, так и от обратных процессов воздействия преступности на общество.

В указанном взаимодействии и проявляется новаторская функция девиантности, — обмениваясь с обществом, с интра- и экстравертированными видами девиаций веществом, информацией и энергией, она как открытая система, упрочивая или дезорганизуя общественную солидарность, создает новые модели развития, новые формы реагирования общества на преступность и связанную с ней виктимность.[45]

Высказанное положение имеет давние традиции и корни в мировой культуре и научной практике. Так, абсолютная уравновешенность всех энергий, лежащая в основе индоарийского мировоззрения, предполагает при нарушении гомеостаза возникновение двух полюсов: позитивного и негативного, отцовского и материнского, преступного и жертвенного. Объединение этих двух полюсов образует третью, сыновнюю силу — отклоняющееся, новаторское поведение, отказываться от рассмотрения которого отнюдь нельзя. [46]

Доказательства наличия достаточно устойчивой группы преступников-жертв, на которую приходится значительное количество совершаемых общеуголовных преступлений (как минимум одна треть от их общего числа), соответственно, свидетельствуют об определенном единстве функциональных, онто- и филогенетических характеристик значительного числа преступников и жертв преступлений.

1.1.4. Прикладные криминологические исследования и виктимология

Реализация вышеописанного подхода с позиций криминальной виктимологии означает прекращение объективно существующих попыток дистанцироваться от жертвы при изучении ее взаимоотношений с преступником, ограничиваясь лишь описанием места и роли жертвы в механизме преступного поведения.

Подтверждением сказанному является хотя бы видение роли криминальной виктимологии в современной учебной литературе. Так, выборочный анализ учебной литературы по криминологии за последнее десятилетие свидетельствует, что, согласно мнению различных авторов:

- «криминологическая виктимология» изучает личность и поведение потерпевшего от преступления в механизме преступного поведения [47];

- это «раздел криминологии», изучающий поведение потерпевших и его роль в причинном объяснении преступности и преступления [48];

- «отвлечение» криминологии, изучающее жертву преступления [49];

- «учение о жертве преступления», наука о потерпевшем, обладающем индивидуальной способностью стать жертвой преступного нападения [50];

- «самостоятельное направление в криминологии», которое исследует характер и поведение жертвы преступления, ее связь и взаимоотношения с преступником на стадиях до, во время и после совершения преступления [51];

- часть криминологии, изучающая людей в любой форме их интеграции, которым прямо или косвенно причинен вред преступлением. [52]

Представляется также, что:

- виктимология изучает преступление и преступное поведение под углом зрения обусловленности их личностными и ролевыми качествами потерпевшего, взаимоотношением его с преступником до и в момент совершения преступления [53];

- предметом «криминальной виктимологии» являются только жертвы преступлений, отношения, связывающие преступника и жертву, ситуации, предшествующие совершению преступления, независимо от их отдаленности и от завершенного преступления [54];

- виктимология как «особое направление в криминологической науке» изучает роль жертвы в возникновении криминогенной ситуации и разрабатывает меры по предупреждению криминогенных ситуаций, созданных потерпевшими [55];

- наконец, виктимология есть «учение о жертве», изучающее процесс социального взаимодействия преступников и потерпевших от преступлений с целью повышения эффективности контроля над преступностью [56].

Как видим, в большинстве случаев научный потенциал виктимологии сознательно ограничивается «классическими» исследованиями места и роли потерпевшего в механизме преступного поведения.

Вместе с тем рассмотрение проблемы взаимодействия «преступник-жертва» не только на индивидуальном уровне, но и на уровне малых групп, да и общества в целом, позволяет увидеть новые структурные связи и закономерности между различными проявлениями отклоняющегося поведения, теоретически обосновать направления либерализации социального контроля, которые повышают, как показывает мировая практика, эффективность профилактики преступности.

К сожалению, в общественное сознание и по сей день, как на быденном, так и порой на научном уровне, продолжает внедряться стереотипное восприятие преступности как некоего монстра, находящегося вне рамок социума, причем последний, соответственно, пребывает в состоянии перманентной войны со своими врагами — преступниками.

Когда «шарахаться» в экономической и социальной политике приводят к снижению роли права как универсального регулятора общественных отношений, когда экономическое отчуждение вызывает тотальную виктимизацию граждан, когда утрата чувства уверенности в завтрашнем дне, неверие в собственные силы порождают у граждан страны состояния социальной пассивности, апатии, фрустрированности и аномии, — в таких условиях преступность чаще всего проявляется либо в криминализированной форме социального протеста (общеуголовная насильственная преступность взрывного, «импульсивного» характера, массовые беспорядки, политические преступления и отчасти уголовный и политический терроризм), либо в форме криминального перераспределения национального дохода (экономические преступления и злоупотребления, массовые хищения, бандитизм, рэкет, коррупция).

В таких социальных условиях соотношение «преступник — жертва» зависит более от случая, чем от вызванной совокупностью биосоциальных воздействий антиобщественной либо просоциальной направленности личности. В подобном контексте чересчур упрощенным выглядит подход, при котором одна сторона рассматривается как злонамеренный преступник, нуждающийся в жестоком и неотвратимом наказании, а другая — как невинная жертва, требующая vindикации. [57]

Игнорирование связи преступности и виктимности с самим обществом либо толкование их жесткой однопорядковой причинной взаимозависимости [58] и зависимости от кризисных явлений в нем, сопряженные с политической истерией, вызывающей только эмоции вместо конструктивной политики, приводят к поискам пресловутых различий между преступниками и жертвами преступлений между тем, однако, как преступник, так и его жертва — суть продукты сходных социальных условий, и само преступление есть в большей степени результат определенных социальных воздействий, нежели результат только «злой воли» его исполнителя.

Именно поэтому, несмотря на очевидные мировоззренческие и методологические трудности, интерес и потребности в виктимологических исследованиях громадны.

1.1.5. Виктимология в контексте развития криминологического познания

Какие же традиции сложились в криминологии и иных социальных дисциплинах до появления виктимологии и можно ли ее рассматривать в качестве определенного этапа научного изучения преступного поведения?

Указанная проблема крайне важна в оценке виктимологии, хотя последняя и не является только и исключительно специальной криминологической теорией (несмотря на существующие стереотипы в данной области).

Лауреат Нобелевской премии за работы в области этологии Конрад Лоренц писал: *«Всякий раз, когда человек обретал способность преднамеренно изменять какое-либо явление природы в нужном ему направлении, он был обязан этим своему пониманию причинно-следственных связей, определяющих это явление. Наука о нормальных жизненных процессах, выполняющих функцию сохранения вида, — физиология — является необходимым основанием для науки о нарушении этих процессов — патологии»*. [59]

Сегодня виктимология в целом формируется как *частная самостоятельная социологическая теория, ставящая своей целью научное изучение жертв социально опасных деяний, процессов причин и последствий превращения человека (общности) в жертву девиации и мер обращения с такими жертвами.*

В противоположность данной позиции Д. В. Ривман и В. С. Устинов полагают, что на современном этапе виктимология существует

только в форме криминальной виктимологии как нового научного направления, развивающегося в рамках криминологии. Вместе с тем, и сами они утверждают, что «не столь уж важно, признается ли за виктимологией право на самостоятельное существование или ей отводится место в рамках криминологии».[60]

По нашему мнению, виктимология, как научное направление, наряду с разработкой мер по повышению безопасности и коррекции поведения потенциальных жертв, может выполнять для криминологии функцию одного из относительно самостоятельных источников построения научного знания. Это очевидно, поскольку, изучая разнообразие личностных и поведенческих характеристик жертв-девиантов (а по сути дела, как акт героизма, так и пассивное непотворение злу, наряду со статусными личностными характеристиками отдельных жертв преступлений есть также формы девиаций, объективирующихся в различном по степени выраженности и интенсивности виктимном поведении, отклоняющемся от норм безопасности), виктимология также познает характеристики индивидуальной и массовой форм проявления девиантности, связанной с преступлением и преступностью «одной цепью».

Тем не менее очевидны и преграды, стоящие на пути реализации данного тезиса. Так, с обыденной точки зрения проблема здесь прежде всего в том, что в каждом из нас с детства культивируется свой Песталоцци и свой Ломброзо. Мы уже с ранней юности в общих чертах представляем себе, в чем состоят причины преступности и каким образом необходимо воспитывать детей. Правда, впоследствии оказывается, что наши представления могут резко трансформироваться в абсолютно полярные в зависимости от того, какую роль мы играем во взаимодействии с другими людьми (начальника, подчиненного, потерпевшего, правонарушителя, родителя, ребенка). Оказывается, что и наше понимание преступности может изменяться в зависимости от того, какими источниками мы пользуемся при ее анализе.

Так, политик при разговоре о преступности будет сыпать цифрами и штампами относительно «криминального» беспредела, рассматривая преступников как чуждых элементов, которых только и нужно, что ловить да сажать в тюрьму.

Обыватель, выпестованный на истерике наших средств массовой информации, сведет все к коктейлю из убийц, мафиози и террористов с сексуальными маньяками, между тем как подобного рода тяж-

кие деяния и субъекты, их совершающие, в действительности встречаются достаточно редко.

Потерпевший от преступления чаще всего остановится на характеристике несчастья, случившегося с ним, экстраполируя свои трудности на общую массу преступлений.

Самое ужасное, что все они по-своему будут правы, но в целом напомнят древнюю притчу о слепцах, пытавшихся дать определение слона по частям его туловища. Вместе с тем без правильного определения и понимания «врага» невозможно понять и усвоить правила применения основных приемов ограничения и профилактики преступности, невозможно, наконец, понять, как и почему родилась современная виктимология.

Не желая получить упрек в неблагодарности к учителям и основателям, отметим, что с мировоззренческой, общетеоретической точки зрения рождение виктимологии было во многом связано именно с необходимостью дальнейшего развития и совершенствования самой теории феноменологии и этиологии преступности, «подмочившей» репутацию как в результате использования позитивистских концепций в процессе построения систем уголовной юстиции в откровенно фашистских и тоталитарных государствах[61], так и в результате неспособности основанных на этиологических идеях классической и позитивистской криминологии профилактических систем многих государств, пытающихся справиться с послевоенным, да и современным валом преступности.

Нет необходимости доказывать, что несколько неточным является основанное на позитивистских концепциях описание зависимости преступности как массового социального явления от имеющих индивидуальный характер закономерностей развития отдельного человека (в том числе и тех, которые носят природный характер).

«Субъект преступления — конкретный индивид, сущность преступления — воплотившаяся в конкретном поступке противообщественная воля. Субъект преступности — общество, сущность преступности — социальная обусловленность», — писал криминолог, а ныне видный российский адвокат Г. М. Резник [62].

Между тем преступность (а не преступление) — не биологическая, а социальная категория. Это отчетливо усматривается хотя бы и в том, что преступность изменяется с изменением социальных условий, тогда как биологические факторы остаются стабильными и неизменными. [63]

Опираясь на биологические объяснения причин преступности, невозможно объяснить стремительный рост преступности в течение жизни одного поколения в странах бывшего советского блока и в наиболее процветающих западных государствах наряду с относительной стабильностью характеристик преступности в высокоразвитой Японии, развивающемся Непале, некоторых исламских государствах.

Трудно понять, почему неодинаковый уровень преступности встречается среди молодежи и лиц пожилого возраста, почему с феноменом женской преступности как массовым явлением мы встречаемся только в XX веке.

Вместе с тем, на наш взгляд, не существует единого правильного ответа о природе самих преступлений, а не преступности. Поведение человека носит одновременно и биологический, и психологический, и социальный характер, и выделение только одной черты в качестве главной причины человеческой деятельности есть ни что иное, как чрезмерное упрощение этого достаточно сложного вопроса. Например, как правильно указывает В. В. Гульдман: *«В основе устойчивых представлений о повышенной криминогенности психопатий лежит неоправданное расширение диагностики этого вида психической патологии, игнорирующее строгие клинические критерии... Криминогенность, по полученным данным, связана не с психопатией как клиническим понятием, а с направленностью личности, специфической смысловой установкой преступника, формирующейся в неблагоприятных ситуациях развития личностей»*. [64] Именно в этой связи основным, если не основополагающим направлением в криминологии XX столетия, стало изучение условий жизни людей, их культуры, социальной действительности, влияющей на преступность.

Впрочем, обстоятельный научный анализ подтверждает бесперспективность объяснения существования преступности только внешними, социальными факторами. Как только не пытались объяснить причины преступности за прошедшие сто с лишним лет. В дело шло изучение фаз луны и температурных режимов, городских трущоб и элитных кварталов, процессов миграции и урбанизации, изучение классовой борьбы и борьбы между различными социально-политическими системами и прочее, прочее, прочее. Попытки найти или создать единую, универсальную теорию причин преступности, по меткому сравнению И. Б. Михайловской, сродни попыткам изобрести «вечный двигатель» — идея заманчива, да с воплощением трудновато.

В этой связи все чаще и чаще в научной литературе звучат высказывания о недостижимости концептуально обозначенных целей криминологии средствами и способами современного диалектического анализа, о размытости ее предмета и связанной с этим практической невозможности познания ее причин. [65] *«Возможно, что время метатеории, которая запишет весь мир в одной строке, еще впереди как в науке вообще, так и в ее отдельных дисциплинах, включая криминологию»*, — писал об этом Г. Ф. Хохряков [66].

Вместе с тем проблема представляется достаточно просто разрешимой, если анализ преступности и ее причин будет вестись в контексте социального целого — теории отклоняющегося поведения, исследования ценностно-нормативной структуры общественных отношений. От единичного преступника к преступности, от связанной с преступлением виновной жертвы к просоциальному нормативному поведению людей и его причинам, описывающим как негативные (преступность), так и позитивные (виктимность) предпосылки человеческого поведения, — вот диалектика развития научного познания. И виктимология как целостное учение о жертве должна сыграть здесь не последнюю роль.

Становление диалектического мировоззрения во взглядах на преступность, осуществление системного анализа преступности и общества в целом [67] позволили со временем осмыслить тот факт, что *преступность есть специфическое проявление тотального процесса развития общественной патологии* [68], *имеющего общие социальные корни и основания*.

Практика мировых криминологических исследований свидетельствует, что любое общество сталкивается с тремя различными проблемами преступности:

а) проблемой значения преступности для конкретного общества и ее объема, которые, естественно, сегодня не могут быть определены без анализа особенностей виктимизации;

б) проблемой стоимости преступности и ее предупреждения, предполагающей учет средств, расходуемых на реституцию и компенсацию потерпевшим от преступлений;

в) проблемой преступности в интерпретации средств массовой информации с учетом влияния средств массовой информации на формирование страха населения перед преступностью, на формирование уголовной и криминологической политики. [69]

Эти проблемы независимы друг от друга и в своем развитии следуют своей внутренней динамике, постоянно сохраняя за собой ав-

тономию в том смысле, что воздействие изменений в одном секторе проблемы на другие может быть поверхностным или вообще не иметь места.

Известны примеры изменения уровня толерантности общества к малозначительным преступлениям в зависимости от изменения политики борьбы с преступностью, экономических и социально-политических проблем развития и становления самого государства.

Исследователи новейшей истории в странах СНГ могут привести массу свидетельств, касающихся данной проблемы. Так, развитие профилактического законодательства и законодательства по формированию новой системы уголовной юстиции свидетельствует о чрезмерной политизации и популизме в данном вопросе. Пример Российской Федерации (и не только ее), гарантирующей любую защиту имущественных и личных прав граждан путем издания мертворожденных законов без их практического подкрепления, относится именно к данной сфере.

Естественно, что и анализ преступности, в силу указанных обстоятельств, может осуществляться (и осуществляется) на разных уровнях и с разных позиций.

В зависимости от философских, политических и мировоззренческих установок исследователей, а также особенностей функционирования уголовной политики в стране преступность изучается:

а) на всеобъемлющем (макро-) уровне как социальное явление, как общественный институт, выполняющий в обществе и мире (транснациональная преступность) определенные функции;

б) как элемент функционирования общины и определенных социальных общностей, изменяющийся по временным и локальным показателям (географическое распределение, национальные традиции и их связь с характеристиками отдельных групп преступлений: наркобизнес);

в) наконец, как проблема понимания индивидуального отбора преступников и их жертв в сравнении с правопослушными гражданами (индукция от закономерностей индивидуального преступного поведения и развития личности преступников и их жертв на уровень общего — к закономерностям преступности и виктимности как социальных процессов). [70] Естественно, подобная дифференциация в проблеме анализа создает определенные трудности при конструировании определения преступности. Не останавливаясь подробно на историческом анализе конститутивных характеристик преступности,

отметим, что преступность рассматривалась и порой рассматривается по сей день и как механическая совокупность, как система преступлений, и как социальное явление, институт, процесс, выполняющий в обществе определенные функции, и даже как индивидуальное свойство определенных типов людей (серийные убийцы у социобиологов).

«Индетерминистический принцип «свободной воли», антропологический детерминизм, перенесенные в уголовно-правовые модели, исключали понимание преступности как новой социальной реальности. Криминальная реальность воспринималась в виде множественности единичных преступлений...». [71]

Естественно, что современная логика научных исследований требует более дифференцированного, комплексного подхода к определению и анализу преступности.

Принято считать, что преступность это относительно массовое, исторически изменчивое уголовно-правовое явление, реализующееся в имеющей системный характер совокупности (множестве) преступлений, совершаемых в определенном обществе в определенный конкретно-исторический период времени.

«Преступность — крайне негативное массовое закономерное и глубоко структурированное социальное явление, распределенное во времени и в пространстве, свойственное всем ныне известным общественным системам и связанное с огромным количеством иных социальных явлений», — писал в одной из своих последних работ В. В. Лунеев [72].

Подобное толкование преступности предполагает ее наделённость такими основными свойствами:

- относительной массовостью (предполагающей криминализацию деяний при достижении ими определенной степени опасности для общества, прежде всего в виде массовых, устойчивых явлений, характеризующихся своими, отличными от конкретного преступления, закономерностями взаимодействия с социумом);

- изменчивостью (преступность закономерно изменяется в зависимости от изменения условий жизнедеятельности общества, его социально-экономического развития, географического положения, различных режимов власти и пр.);

- социальностью (преступность — общее универсальное явление, входящее в систему мирового сообщества в целом, своеобразный социальный институт, присущий любому обществу с сформированной ценностно-нормативной структурой. Она социальна по происхожде-

нию, субъекту преступлений, потерпевшим, причинному комплексу, обществу и государству (Н. Ф. Кузнецова);

— нормативностью (как уголовно-правовым свойством преступности, определенным «связанностью» преступности нормами уголовного закона и как социологическим свойством, заключающемся в закономерных, устойчивых, «нормативных» тенденциях к системным взаимосвязям между преступностью, ее элементами, иными видами отклоняющегося поведения и обществом на мезо- и макроуровнях).

Соответственно, к основным характеристикам преступности можно отнести:

— общественную опасность преступности, заключающуюся в ее социальных дезорганизующих функциях и последствиях (в большей степени реализующуюся в суммируемых прямом и косвенном ущербе от преступлений, расходах на социальный контроль и расходах на ограничение виктимизации и ресоциализацию правонарушителей);

— системность и способность к самовоспроизводству (гомеостатическое свойство любой открытой системы, заключающееся в самодетерминации преступности через распространение социальных норм и ценностей преступного мира — преступной «субкультуры»; вовлечении новых членов в преступное сообщество (связи между преступностью несовершеннолетних и рецидивной преступностью и пр.); формировании и воспроизводстве социальной группы «профессиональных» преступников; стремлении локальных организованных преступных формирований к транснациональной преступности к тотальному социальному контролю и управлению над отдельными социальными институтами, отраслями и государствами в целом).

Современное состояние научного знания, интегрирующего воедино достижения естествознания и философии, позволяет говорить о достоверности структурно-функционалистского подхода к преступности, достаточно долгое время огульно критиковавшегося за т.н. «вульгарный социологизм». Так, согласно основанным на дюркгеймовских идеях воззрениям Я. И. Гилинского, Э. Э. Раска, П. Тернудда, Ф. Танненбаума [73], представляется допустимым выделение следующих основных функций преступности:

а) политическая функция, заключающаяся в стремлении преступности как социального института поглотить общество, подчинить его своему влиянию через коррумпированные государственные структуры, через формирование в государстве относительно массовой прослойки населения (преступники, члены их семей, потерпевшие от

преступлений), активно либо пассивно противодействующего политике ограничения и социального контроля над преступностью).

Так, по оценкам кафедры уголовной политики Академии МВД СССР, только лица, прошедшие через конвейер ИТУ в СССР в 80-е годы, составляли в стране около 15 % населения. [74] Однако обваль- ный рост преступности в новых независимых государствах, сопровождающийся снижением раскрываемости и, естественно, наказу- емости преступников, не увеличил значительно число осужденных. Вместе с тем говорить об уменьшении криминальной прослойки в социальных стратах постсоветского общества было бы по меньшей мере наивно. Так, например, в 1993 году в Украине было зарегистри- ровано более 4 тысяч умышленных убийств, однако к уголовной от- ветственности привлечено 70 %, а осуждено 60 % (2632 человека) из числа лиц, привлеченных в качестве обвиняемых по уголовным де- лам об умышленных убийствах. Если же мы рассмотрим указанную проблему применительно к общим характеристикам преступности и судимости, то обнаружим, что за годы независимости соотноше- ние между числом зарегистрированных преступлений и количеством осужденных последовательно менялось от 26,8 % в 1991 году до 40,4 % в 1998 году;

б) экономическая функция, которая заключается в связанном с преступным образом жизни процессом массового перераспреде- ления национального дохода, обладающим чрезмерной опасностью для государства в целом: «теневая» экономика, профессиональные и организованные преступники, беловоротничковая преступность — вот далеко не полный перечень криминальных и полукриминальных проблем, безнаказанно влияющих на экономическое развитие совре- менного государства;

в) культурологическая функция, заключающаяся в формировании, укреплении и распространении в обществе преступной субкуль- туры посредством механизмов социально-психологического зараже- ния и подражания аргю и тотемам, внедрения в массовое сознание элементов кодекса воровского поведения, воспевания и культивиро- вания героики и романтики жизни правонарушителей, криминали- зации языка средств массовой информации;

г) интегративная функция, заключающаяся как в укреплении единства правопослушных граждан и поддержании общих социаль- ных ценностей, направленных на установление социального кон- троля над преступностью, так и в интеграции и укреплении системы

норм и ценностей общества, в становлении правосознания граждан («без нарушений не было бы и нормы»);

д) новаторская функция, которая связана с тем, что любой акт отклоняющегося поведения может функционировать как элемент преобразования, конфликтующий с устаревшей ценностно-нормативной системой в обществе.

Естественно, что многие приверженцы структурно-функционального анализа преступности как социального процесса (да и его противники тоже) пришли к малоутешительному выводу о принципиальной невозможности устранения преступности в обозримом будущем. [75]

«Преступность постоянная величина, ее не может быть больше или меньше, она как подсистема общества (как системы) взаимодействует со всеми другими его подсистемами и элементами разной степени общности пропорционально и взаимосогласованно по количественным и качественным параметрам... даже не вопреки, а благодаря пропорциональным отклонениям и колебаниям социум преступников остается сам собой, сохраняя свою качественную определенность и способность к развитию». [76]

Современные исследования криминологов и историческая практика свидетельствуют, что в любом обществе может существовать оптимальный уровень преступности, на котором преступность, с одной стороны, выполняет свои необходимые функции, а с другой — является настолько ограниченной, что не мешает работе общества.

Вместе с тем наблюдаемые во всем мире волновые циклические тенденции в динамике преступности [77] и виктимности, генетический анализ структуры преступлений и отношения к преступному поведению в различных культурах [78], свидетельствуют об определенных изменениях во взаимодействиях между преступностью и обществом (во всяком случае, — в условиях развития новых независимых государств) [79], которые диктуются как закономерностями и свойствами самой преступности, так и социальными противоречиями развития общества, да и всего мира в целом.

Преступность изменчива. И ее изменения зависят как от изменений в жизни общества, так и от характеристик общественного и политического сознания, от изменений общественной морали и культуры.

Например, сегодня мы не рассматриваем любителей кофе как правонарушителей, однако в XVII-XVIII веках кофепитие считалось

преступным деянием в Швеции — Финляндии. Убийство детей в древней Спарте было моральным правом родителей, не считаясь преступлением, и примеров подобного рода изменчивости определения преступных деяний в истории человечества несть числа.

Так, Ю. Е. Аврутин и Я. И. Гишинский совершенно верно подметили, что *«сложность глубинного, сущностного определения преступности как особого, четко отграниченного от других социальных процессов явления носит объективный характер и обусловлена ее исторической относителестью, изменчивостью, качественной неоднородностью деяний, признаваемых преступными в том или ином обществе, в то или иное время. Преступное поведение есть форма человеческой деятельности. Оно так же социально обусловлено, как все формы человеческой жизнедеятельности. Ни один вид человеческого поведения не является преступным (противоправным, аморальным) как таковой в силу внутренние присущих поведенческому акту свойств. Один и тот же по содержанию поступок в различные времена, в различных обществах и в различном социальном контексте может рассматриваться как антиобщественный, социально-нейтральный или даже одобряемый... Лишь социально опосредованное, рассмотренное в системе наличных общественных отношений и социальных норм данного общества действие приобретает социальную определенность и оценку (как «нормальное» или же «отклоняющееся», правомерное или преступное)»*. [80]

Указанные обстоятельства, а также стремление к унификации знаний о состоянии и характеристиках социальной патологии повлекли необходимость расширения объема научного познания.

Как мировая, так и отечественная криминология шли по эмпирическому пути от познания отдельных фактов и их преступных проявлений на индивидуальном уровне к анализу преступности и связанных с нею иных правонарушений и, наконец, к признанию преступности относительно самостоятельным видом более массового явления — социальных девиаций, т.е. таких нарушений «социальных норм, которые характеризуются определенной массовостью, устойчивостью и распространенностью при сходных социальных условиях» [81].

Вместе с тем и несмотря на наблюдаемую логику перехода к анализу проблем преступности на более высоких уровнях научного обобщения, которая привела к возникновению и становлению социологии девиантности как специальной социологической теории, на непрекращающийся научный поиск эффективных превентивных способов и средств, принятие конкретных мер по борьбе с преступностью, к

сожалению, зачастую не связано с достаточно взвешенным подходом к анализу преступности и разработке адекватных мер реагирования. При этом практика свидетельствует, что далеко не каждая, а точнее, ни одна из глобальных программ профилактики преступности не в состоянии выполнить поставленные перед ней задачи.

Мик Макгайр, анализируя историю криминологических идей за последние тридцать лет, справедливо отметил, что переход от методик анализа личности правонарушителя и данных уголовной статистики к использованию сведений виктимологических обзоров и самоотчетов позволил расширить наше представление о преступности: от совокупности преступлений, совершающихся в принципе деклассированными и имеющими психологические проблемы индивидами, к массовому социальному процессу, являющемуся одним из элементов развития общества. *«Отдельные группы и виды преступлений (экономических, должностных, коррупционных, экологических и др.) учитываются в десятых и даже сотых долях от фактических криминальных реалий. Это приводит к серьезным структурным перекосам учтенной преступности. Ее учтенная часть по своей моде оказывается сдвинутой от «беловоротничковых» и глубоко законспирированных деяний к открытым и дерзким, от интеллектуальных к примитивным, от преступности власти и капитала — к преступности деградированных, слабо адаптированных слоев общества»*. [82] Восьмидесятые годы привели к росту удовлетворенности качеством техники анализа преступности, в особенности ее «скрытых» форм. Исследования же девяностых годов должны отыскивать новые пути для их объяснения. [83]

Таким образом, относительно самостоятельное изучение виктимности, воплощающей в себе различные формы проявления самоорганизующейся отклоняющейся активности от норм безопасности, в состоянии обеспечить приращение новых знаний о преступности в рамках общей теории социальных отклонений.

Общенаучные аспекты криминальной виктимологии при последовательном совершенствовании их методологической базы послужат основой для выработки представлений о преступности и виктимности как составляющих единого мирового процесса организации и взаимодействия вещества, материи и энергии. Указанное обстоятельство даст возможность предметно рассмотреть проблему повышения эффективности предупредительной деятельности. Ведь *«мировоззренческая интерпретация, вырастающая из концепции самоорганизации, обещает увидеть новые проблемные ситуации в современном мире,*

и если не решить их, то хотя бы приучить современного человека к мысли решать именно их». [84]

1.1.6. Социальный контроль и виктимология

Мы знаем, что преступление (как и иной вид социальных отклонений) в сущности представляет собой результат противоречия между существующими у человека потребностями и законными (нормативными) возможностями их удовлетворения. Мы можем определить основные социальные, социально-психологические, экономические и прочие факторы, влияющие на преступность. И на сегодняшний день специалисты в состоянии выявить основные закономерности изменения преступности, спрогнозировать ее развитие и рекомендовать правительствам принять определенные упреждающие меры.

Другое дело, что подобное знание не всегда и нужно. Зачем, например, политику, обещающему за 100 дней справиться с преступностью, криминологический прогноз?

Криминология как наука критическая может либо говорить правду, жестко и принципиально анализируя и, если нужно, критикуя принимаемые политические решения, либо превратиться в суррогат из идеологических штампов и профессионального жаргона социологов и психологов. В таких условиях разговоры о тотальной войне с преступностью, ее искоренении являются разве что фимиамом для «профессионалов» и «опиумом» для народа.

Впрочем, говоря так, мы правы лишь отчасти. В принципе вполне возможно и допустимо создать общество без пугающего уровня преступности традиционным путем. Типичные методы и средства здесь достаточно известны: ограничение свободы части либо всего населения целиком, ответ на уголовный террор террором государственным.

Так, в 20-е годы поступил премьер-министр Италии Бенито Муссолини, разрешивший своему соратнику Чезаре Мори применять чрезвычайные меры в борьбе с сицилийской мафией, которые и свели на нет, правда, на время преступность на Сицилии. Так действовал с подачи Ф. Рузвельта шеф ФБР Эдгар Гувер, который начал в 30-х годах «большую охоту» за гангстерами, расстреливая без суда профессиональных грабителей и убийц. В кодексе правил криминальной полиции нацистской Германии было записано: «Чтобы достичь порядка, полиция должна быть всемогущей». [85] Не желая проводить исторические параллели, вспомним и Олимпиаду-80, когда из столи-

цы страны победившего социализма были принудительно выселены все криминально активные элементы, а саму столицу «оккупировала» чуть ли не половина личного состава элитных служб охраны правопорядка страны. И действительно! В дни Олимпиады количество тяжких преступлений в Москве существенно снизилось, а общее число зарегистрированных преступлений сократилось на 60 % [86], чего, правда, не скажешь о Подмоскowie, где в то же время преступность «существенно» возросла.

Сегодня мы наблюдаем и результаты уникального социального эксперимента связанного с новыми формами тотализации социального контроля. Так, в конце 80-х — начале 90-х годов в США было принято новое законодательство об обращении с правонарушителями и контроле над преступностью: закон «МЕГАН» 1995 года, ставящий под контроль общественности по месту жительства освободившихся из мест лишения свободы сексуальных маньяков [87]; закон о контроле над насильственной преступностью и правоохранительных органах 1994 года, ограничивающий право собственности на определенные виды вооружений и дающий дополнительные полномочия органам охраны правопорядка по осуществлению функций социального контроля на улицах и при осуществлении уголовного правосудия — «правило трех ошибок», связанное с усилением уголовной ответственности рецидивистов, совершивших три любых умышленных преступления; [88]. Примечательно, что ужесточение обращения с правонарушителями проводится в США одновременно с усилением кампании по защите прав и свобод жертв преступлений и увеличением участия общественности в профилактике преступлений. Реализация принципов ужесточения социального контроля и увеличения участия общественности в профилактике преступлений, с одной стороны, привела к определенному сокращению преступности, стабилизации ее уровня в начале 90-х годов и последовательному снижению в течение последних шести лет, а с другой — к чрезмерной стигматизации правонарушителей, к росту расходов налогоплательщиков на содержание осужденных. Так, в 1994 году количество осужденных на 100000 населения составляло: США — 645, Россия — 580, Казахстан — 515, Беларусь — 478, Украина — 316.[89]

Заметим тем не менее, что при исчислении коэффициентов судимости к лишению свободы в зависимости от методик сбора и анализа информации допускались определенные погрешности. Например, в различных источниках такой коэффициент в США в 1994 году оце-

нивался в 554, 600, 645; в России — 580, 694 осужденных к лишению свободы на 100000 населения. И если это неудивительно для России с отмечаемой многими чрезмерной «урегулированностью» уголовной статистики [90], то для системы учета виктимизации и преступности в США подобная погрешность выглядит, по меньшей мере, странно.

Учитывая, что одного преступника в США содержат примерно 15 налогоплательщиков, а общая стоимость расходов на коррекционные программы различного рода составляет 100000000 долларов ежегодно [91], можно с оптимизмом смотреть в будущее Украины, принимая во внимание, правда, и тот факт, что, несмотря на выявленные тенденции к снижению криминальности (с 1989 по 1994 г. уровень виктимизации населения в США сократился с 29 % до 24 % респондентов, ставших жертвами преступления), США остается страной с чрезмерно высоким уровнем межличностного насилия, достаточно стабильным последние годы.

В годы борьбы с алкоголизмом статистическое снижение алкогольной преступности в СССР сопровождалось пропорциональным ростом преступности трезвой и связанной с самогонварением экономической преступности [92]. И это очевидно, поскольку преступность как явление чутко и быстро реагирует на любые изменения общества.

Тотальное принуждение лишь временно ограничивает уровень преступности, она приобретает новые формы, проникает на новые места, возникает в новых видах и состояниях. Немудрено, что в период развала системы социального контроля в странах СНГ именно преступники явились первой мощной силой, консолидировавшейся с коррумпированными представителями власти и создавшей практически неуязвимую систему экономического разворовывания государства.

Проблема же состоит еще и в том, что только методами уголовного права, широким применением карательных мер преступность обуздать не удастся. Система уголовной юстиции всегда работала и будет работать на пределе своих возможностей. В годы увеличения уровня преступности криминальному преследованию подвергаются практически только тяжкие преступления, представляющие особую опасность для общества. При относительно нормальном состоянии преступности правоохранительные органы, помимо тяжких, расследуют и иные дела. Однако и в такие годы как минимум половина совершаемых в стране преступлений и, соответственно, преступников остается безнаказанной. Арифметическое увеличение состава со-

трудников правоохранительных органов также не даст своего результата, кроме ухудшения налогового бремени, без принятия комплекса иных дополнительных мер.

Исследования экспертов ООН свидетельствуют о том, что развитые страны расходуют в среднем от 2 до 3 процентов годовых бюджетов на контроль за преступностью, тогда как развивающиеся — в среднем 10–15 процентов. В соответствии с данными Третьего обзора ООН по проблеме виктимизации в начале 90-х годов развитые страны содержали около 225 полицейских офицеров на 100000 населения и около 20 сотрудников тюрем на 100000 населения.

В развивающихся государствах соответствующие показатели на порядок выше: около 500 полицейских и более 50 сотрудников исправительно-трудовых учреждений на 100000 населения [93]. Не будет особым секретом уведомить, что в Украине такой показатель составлял в середине 90-х годов 419 сотрудников милиции на 100000 населения. Это среднее значение для стран Восточной Европы, озабоченных взрывным ростом преступности в переходный период (484 человека на 100000 населения). [94]

В этой связи любые призывы о создании новых форм государственного контроля над преступностью будут скорее отражать потребности бюрократии, чем общества в целом. Немудрено, что, продолжая «закручивать гайки» и «наращивать мускулы» в таких условиях, все общество будет вынуждено играть в «казаки-разбойники», шаг за шагом склоняясь к проторенной дорожке террора власти против собственного народа.

В стремлении к гуманизации системы ограничения социальных отклонений, после долгих лет исканий, проб и ошибок, мировым сообществом был разработан целый комплекс рекомендаций и приемов по контролю и профилактике преступности, показавших свою эффективность в практике предупредительной деятельности во многих странах.

Как известно, к ним относятся:

- *нейтрализующие криминогенный потенциал меры общей профилактики*, связанные с организацией жилищной политики, повышением уровня благосостояния населения, рациональной и гармоничной политикой в отношении семьи, детей, молодежи, ограничением безработицы, созданием условий для полноценного отдыха людей;

- *меры специальной профилактики*, направленные на изобличение преступников, недопущение совершения и пресечение начавшихся

преступлений, предупреждение преступной активности населения (мероприятия по организации уголовного преследования, наказания, коррекции поведения потенциальных преступников и перевоспитания правонарушителей). [95]

Традиционность и относительно низкая эффективность вышеупомянутых способов специальной превенции еще не означает их ненужности. Существование системы санкций поддерживает функционирование и гомеостаз любой социальной формы. *«Вечное наказание, пронизывающее все точки и контролирующее каждое мгновение в дисциплинарных институтах, сравнивает, различает, иерархически упорядочивает, приводит к однородности, исключает. Одним словом, нормализует»*, — писал Мишель Фуко в своей работе, посвященной философии возникновения современной системы социального контроля. [96]

Вместе с тем преступность — достаточно сложное и многогранное явление, производное от важнейших социальных характеристик жизни человечества. И в этой связи успешная политика в области борьбы с преступностью зависит от множества положительных результатов в малом, а не только от дорогостоящих программ усиления социального контроля и увеличения количественного и ресурсного обеспечения органов охраны правопорядка. [97]

Ориентация на усиление борьбы с преступностью с помощью политики «парализования мускулов» приводит, как показывает практика, гораздо чаще к массовым нарушениям прав человека и «регулируемому» статистике преступности. В результате мы достаточно часто сталкивались и, к сожалению, порой сегодня сталкиваемся с фактами, когда выполняющими социальный заказ правоохранительными органами «преступность осознанно статистически занижалась, а контроль над ней статистически завышался». [98]

Вот почему эксперты ООН не мыслят существование рациональной и отлаженной программы контроля над преступностью в обществе без включения в нее (а в некоторых странах и примата) мероприятий по вовлечению общественности в процесс предупреждения преступности и, наконец, широкого применения мер по нейтрализации криминальных ситуаций и позитивному (в том числе обучающему) воздействию на потенциальных и реальных жертв преступлений. [99]

Последняя группа мер связана с ограничением для преступника возможностей совершения преступлений посредством:

- осложнения доступа к объекту преступления (общинный контроль, установка охранной сигнализации);
- уменьшения рентабельности преступления (отработка системы антикриминальной субкультуры общины, направленной на снижение страха перед преступностью);
- социального взаимодействия и посредничества в области разрешения конфликтов;
- введения безналичной формы расчетов, сократившего карманные кражи и грабежи;
- контроля над средствами совершения преступлений (ограничение продажи оружия);
- общей организации защиты потенциальных жертв от нападения преступников и т.п.

Практика мировых криминологических исследований свидетельствует, что именно упор на активизацию применения последней группы мер приводит к наиболее позитивным результатам в области социального контроля над преступностью. Критики вышеуказанных концепций виктимологической и ситуативной профилактики преступлений утверждают, что они как таковые не решают вопрос в корне, а лишь добиваются снижения уровня преступности в отдельно взятых районах и в отношении достаточно обеспеченных слоев населения, которые могут и способны организовать свою защиту. [100]

И хотя изменчивость преступности действительно предполагает ее отток из районов с наиболее жестким и формализованным контролем в бедные и относительно безопасные для преступности районы трущоб и социального упадка, хотя чрезмерное увеличение мерами ситуативного подхода может привести к ограничению прав граждан, общая гуманистическая направленность подобной криминологической политики, не связанная с жесткостью наказаний в «классической» уголовно-политической доктрине и жесткостью мер исправительного воздействия в доктринах «опасного состояния личности», все более приветствуется как политиками, так и самим населением.

Достаточно сказать, что отстаивание идей виктимологической профилактики в США за последние 20 лет привело к тому, что в стране функционирует более 5000 (!) программ помощи жертвам преступлений, что конституционные Билли о правах жертв и специальное законодательство о защите прав потерпевших приняли все законодательные органы всех 50 штатов и в 1996 году началась подготовка к принятию оче-

редной поправки к Конституции США, посвященной охране прав потерпевших от преступлений.

Там, где чистота и порядок, где существуют нормальные соседские отношения, где в ваше отсутствие соседи смотрят за безопасностью вашей квартиры, поливают цветы, достают газеты, следят за непрошеными посетителями, договариваются о сигнализации друг другу в минуты опасности, организуют совместно общую систему безопасности многоквартирного дома, где все соседи контролируют поведение лиц, устраивающих пьянки у себя в квартирах, приводящих подозрительных лиц к себе домой, — там, как правило, особых проблем с преступностью не возникает.

Известный криминолог Ганс Иоахим Шнайдер приводит пример, когда в Сент-Луисе одну из новостроек, сооруженную в 1957 году, пришлось разрушить в 1975, т.к. из-за архитектурных просчетов (ненормативная изолированность лифтов, лестничных площадок и коридоров, отсутствие шумо- и виброзащитных устройств в вестибюле и т.п.) и полного отсутствия контроля со стороны жильцов в здании было совершено ужасающее количество краж, разбойных нападений, изнасилований и других преступлений. Все большее число квартир пустело, и их начали использовать в своих целях бродяги, бездомные и наркоманы. Ни полиция, ни общественность не смогли справиться с кризисом, и здание пришлось разрушить.

Напуганные этим *«жители ряда улиц в Сент-Луисе решили осуществлять собственную программу стабилизации своих общин и устрашения правонарушителей. За счет уменьшения налогов, вводимых городскими властями, они взяли на себя ответственность за свои улицы, за их очистку и освещение. Улицы были перегорожены в одном конце, чтобы ликвидировать возможность сквозного прохода и проезда. В жилой части этих улиц преступность серьезно снизилась. Из интервью с преступниками известно, что они выбирают для своих деяний места, дающие им возможность совершить преступление и быстро скрыться. Они избегают улиц, на которых считаются «чужими». Надзор за частными улицами в Сент-Луисе интенсивнее, поскольку жители этих улиц рассматривают их как свои собственные и поскольку здесь, в этих жилых комплексах, сложились достаточно сплоченные общины»*. [101]

Разумеется, до Сент-Луиса нам еще очень далеко, однако, если бы удалось организовать кооперацию жильцов каждого дома в конкретном городе, селе для устранения его криминогенных недостатков, в стране жилось бы легче.

Вспоминается один криминологический курьез, когда руководитель правоохранительного органа в районе-спальне крупного города, задумавший писать кандидатскую диссертацию по проблеме предупреждения квартирных краж, попытался внедрить в районе какие только ни есть новеллы в области предупреждения краж, существовавшие в то время. Здесь были и отряды старых большевиков, которые по поручению райкома патрулировали улицы и скверы, и устройство обязательного дежурства жильцов в дневное время, и увеличение количества ячеек централизованной охраны, и разработка памяток жильцам по предупреждению квартирных краж и т.п. Результат сказался достаточно быстро — через несколько месяцев уровень квартирных краж в этом районе сократился более чем на двадцать процентов. Все бы было хорошо, но через год энтузиаста перевели на другое место, система начала потихоньку разваливаться, и количество краж возросло до прежней отметки.

Как видим, потерпев фиаско в деле предупреждения криминального поведения традиционными средствами, специалисты больше внимания стали уделять поощрению рационального поведения потенциальной жертвы преступного посягательства.

Знание и учет основных факторов риска, которые сопровождают нашу жизнь, могут оказаться полезными при разрешении любого конфликта, в том числе и преступного. В этой связи основные приемы безопасного поведения могут пригодиться в самых различных конфликтных ситуациях. По крайней мере, следование им помогает ограничить вероятность попадания в опасные ситуации, а также дает знание, как себя вести в них, чтобы максимальным образом затруднить реализацию преступных намерений со стороны правонарушителя. Ибо, как заметил один джентльмен: *«Выход из безвыходного положения находится там же, где вход»*.

1.1.7. Виктимность и преступность — две стороны одной медали

Анализ современных криминогенных ситуаций свидетельствует, что дилеммы «преступник-жертва» и «жертва-общество» — в действительности лишь две стороны одной медали. Кризисные ситуации порождены отнюдь не самой преступностью, а взаимодействием преступности, виктимности и иных социальных факторов в конкретно-исторических условиях. При этом альтернативность интересов

данных социальных систем в их взаимодействии нередко иллюзорна и исходит скорее из существующих представлений об антагонистическом конфликте между преступниками, жертвами и обществом, чем от реальной ситуации.

Как утверждают специалисты: *«Эргатические системы содержат трудновываемые ресурсы кумуляции и скрытые программы, которые могут проявляться и разворачиваться в соответствующих ситуациях, причем, когда они возникли, то подавить их чрезвычайно трудно, часто невозможно. Скрытые программы могут быть генетическими, но могут возникать и локализоваться, сохраняясь в «замороженном виде» путем самоорганизации»*. [102]

К сожалению, мы до сих пор не располагаем инструментарием, позволяющим с достаточно высокой степенью объективности провести исследование указанных систем как социального целого. Так, область моральных (духовных) представлений, эмоционально-волевая сфера, играющие огромную роль в усилении и подавлении общечеловеческих конфликтов, способах их ориентации и стимулирования, не подлежат пока объективному измерению и квантификации. [103]

Мечты пионеров криминологии о социальной физике, физике правоп, к сожалению, во многом остались лишь мечтами. Однако ученый *«...может и должен не ограничиваться сферой официально-политических преступлений и кар (подвигов и наград), изучаемых уголовным правом (или имеющим равное право на существование наградным правом), а может ловить свою «рыбу» и вне этой области, в более обширных морях социальной реальности»*. [104]

Вот почему совершенствование системы социального контроля над преступностью, обеспечение справедливого отношения с жертвой реально осуществляются именно в системе «преступник-жертва-общество». Однако риск виктимизации часто не зависит только от эффективности самой системы социального контроля и уголовной юстиции.

Напротив, многочисленные исследования свидетельствуют, что виктимизация населения как таковая определяется соотношением демографических и социально-ролевых факторов, ориентирующих индивида (социальную группу) на удовлетворение определенных потребностей с заданными обществом возможностями их удовлетворения, равно как и иными общими политическими, социальными и экономическими условиями жизнедеятельности общества. [105]

И виктимность, и преступное поведение личности, порождаясь антагонизмом между уровнями признания (социальный аспект), воз-

можностей (психический аспект) и притязаний (моральный аспект), на массовом уровне отражают разные уровни существования девиантности как социальной формы. *«Структурный характер общества приводит индивидуума к девиантности как реакции на разочарование своим социальным положением, а возможности общества формируют его действия.»* [106]

Реализующаяся в совокупности преступлений преступность — фактический криминальный произвол [107].

Реализующаяся в совокупности виктимных отклонений от безопасного образа жизни виктимизация — девиантные реакции населения на преступность, а также ожидания и страхи населения, активность, отклоняющаяся от нормы безопасности.

И в этой связи виктимность (как и преступность) должна являться объектом изучения отдельных, относительно самостоятельных научных дисциплин.

«Возникновение и развитие нового направления в науке — процесс длительный, — писали всего лишь пятнадцать лет назад в 1985 году авторы «Курса советской криминологии», обращаясь к анализу науковедческих вопросов отечественной виктимологии. — На сегодняшний день он еще не завершен, поэтому нет достаточной ясности в теоретических основах и главных направлениях виктимологических исследований». [108]

Нет нужды еще раз говорить, что подобное отношение к предмету виктимологии порой сохраняется и по сей день. Вместе с тем современное *«исследование преступности, начинаясь с уже имеющегося представления об этом социальном явлении, должно обогащаться, рефлексировать, обрастать плотью и кровью, дополняться связями и опосредованиями с другими социальными процессами, чтобы предстать в возможно более полном, конкретном виде как целостность и проявление общественного целого».* [109]

Анализ мировоззренческих основ формирования виктимологии волей-неволей подталкивает к выводу о том, что логика развития виктимологии как самостоятельного научного направления диктуется всей логикой развития науки об обществе, науки о человеке, всей логикой формирования этноса и его культуры.

Выше, исходя из историко-методологических основ развития научного познания преступности и взаимосвязанных с ней форм отклоняющегося поведения, мы показали, что и отечественные и зарубежные ученые в процессе осуществления поиска причин и

условий отдельных девиаций прошли путь от становления криминологии как самостоятельной науки о преступности, вышедшей из уголовной антропологии и социологии уголовного права, к теории деликтности и, наконец, к теории социальных отклонений как самостоятельной (специальной) социологической теории, которая описывает феномен социальных отклонений и его взаимосвязи с обществом.

Соответственно, анализ проблемы коррекции девиаций показал особую значимость и эффективность регулирования социальных воздействий на личность, интегрирующих ее в профилактический процесс, в противовес стандартным запретительным методикам социального контроля.

«Только в том случае, когда общность, к которой принадлежит человек, обеспечивает защиту его прав, моральные требования к нему оказываются обоснованными. В этом проявляется одна из особенностей моральной формы регулирования поведения. В тех социальных группах, которые нарушают это требование, моральные запреты и поощрения неизбежно обесцениваются». [110]

Поэтому виктимология, возникая как отдельное научное направление в криминологических исследованиях, идя навстречу необходимости развития и совершенствования знаний о человеке и особенностях регуляции его поведения, со временем не может не преобразоваться в самостоятельную науку.

Ее задачи и цели сводятся к изучению путей нормализации негативных социальных, психологических и моральных воздействий на человека (социальную общность) со стороны природной среды, искусственной жилой и рабочей среды, социальной среды, а также внутренней среды самого человека (социальной общности). [111]

Предмет криминологии — преступность, предмет виктимологии — активность жертв социально опасных проявлений, относительно самостоятельная и дистанцированная от иных видов социальных девиаций.

Как правильно отметил профессор Э. Виано: «Если мы все более и более начинаем опасаться сложностей современной жизни в обществе, новая наука должна быть определена и создана не только потому, что она в состоянии определить для себя относительно новый предмет изучения, но также и потому, что она видит новые взаимоотношения и динамику и предлагает интегрированный подход к исследованиям и прикладным методикам, которые объединяют существующие науки, получая то лучшее, что каждая из них может предложить». [112]

Помимо этого, логика возникновения и становления виктимологии как самостоятельной науки обусловлена не только вышеперечисленными социально-политическими, социально-психологическими, социально-коррекционными, мировоззренческими проблемами развития науки и общества. По сути дела, она диктуется также и самой историей развития общества в целом, да и самой виктимологии.

При этом история развития виктимологических исследований в мире свидетельствует о наблюдающемся переходе от конкретного изучения виктимогенных структур непосредственной жизни индивидов в рамках криминологии к относительно самостоятельному комплексному изучению социальных фактов на предельных уровнях обобщения, на уровнях, описываемых единой виктимологической теорией как учением о жертвах социально опасных проявлений.

1.2. НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ВИКТИМОЛОГИИ

1.2.1. Предмет и система виктимологии

Определение «учение о жертве» предполагает повышенную ответственность за объективность построения научной теории среднего уровня. В. Г. Афанасьев отмечал: *«В самом общем смысле научная теория является системой знаний, позволяющих объяснить возникновение и функционирование, а также предсказать развитие предметов и явлений действительности, причем эти предметы могут быть материальными или идеальными. Представляющая теорию система логических форм (понятий и категорий, суждений и умозаключений, принципов и законов) поддается экспериментальной, практической проверке или логической верификации... Логика движения объективно существующей системы — главный ограничитель логического движения в теоретической системе. Никакая теория не сможет дать «больше», нежели многообразие, сложность и противоречивость системы реальной. Она способна лишь отразить ее с определенной степенью точности...»*

Стержнем направляющей программой теории является идея... Первым и самым общим определением идеи является основной принцип, остальные же принципы теории конкретизируют идею и находят выражение в законах, понятиях, категориях, которые, в свою очередь, являются конкретизацией принципов. В этом плане теория как система

выступает в качестве единства совокупности принципов, законов и понятий». [113]

Выше уже говорилось, что *виктимология сегодня — это развивающееся комплексное учение о лицах, находящихся в кризисном состоянии (жертвы преступлений, стихийных бедствий, катастроф, экономического и политического отчуждения, беженцы, социальные организации и пр.), и мерах помощи таким жертвам.*

По нашему мнению, современная виктимология как специальная социологическая теория [114] осуществляет «сквозной» комплексный анализ феномена жертвы, исходя из теоретических представлений и моделей, первоначально разработанных в сфере иных социальных дисциплин (права, криминологии, политологии, теории государственного управления, социальной работы, конфликтологии, социологии отклоняющегося поведения). *«Виктимология — многоаспектная и вполне самостоятельная наука», — писал А. Е. Михайлов.* [115]

Уникальность виктимологии состоит в ее комплексном синергетическом и сфокусированном подходе к изучению популяций и кризисных явлений, лишь отчасти изучавшихся ранее в рамках конкретных социальных наук. Тезис о том, что виктимология как одна из наук о человеке изучает поведение, отклоняющееся от нормы безопасности [116], имеет достаточное число сторонников среди обществоведов. Недаром даже противники выделения виктимологии в самостоятельную научную дисциплину свидетельствуют, что «можно говорить об *относительной* (выделено нами. — В. Т.) самостоятельности этого научного направления в рамках криминологии». [117]

По сути дела, данная дисциплина служит осмыслению новых взаимоотношений и динамических связей между жертвами и социально опасными проявлениями среды обитания, интегрируя воедино лучшие достижения традиционных, устоявшихся учений.

«Но есть горькая истина: человеку не дано быть готовым ко всем вероятным угрозам. И даже ставить перед собой такую задачу — вредно для здоровья и бессмысленно. Зато оборону можно организовать умело, продуманно и даже научно». [118] В этой связи современная виктимология и реализуется в нескольких направлениях.

Общая «фундаментальная» теория виктимологии, описывающая феномен жертвы социально опасного проявления, его зависимости от социума и взаимосвязи с иными социальными институтами и процессами. При этом развитие общей теории виктимологии ведется, в свою очередь, по двум направлениям.

Первое — исследует историю виктимности и виктимизации, анализирует закономерности их происхождения и развития вслед за сменой основных социальных переменных, учитывая относительную самостоятельность феномена виктимности как формы реализации девиантной активности.

Второе — изучает состояние виктимности как социального процесса (анализ взаимодействия виктимности и общества) и как индивидуального проявления отклоняющегося поведения посредством общетеоретического обобщения данных, полученных теориями среднего уровня.

Частные виктимологические теории среднего уровня (криминальная виктимология, деликтная виктимология, травматическая виктимология и др.).

Прикладная виктимология — виктимологическая техника (эмпирический анализ, разработка и внедрение специальных техник превентивной работы с жертвами, технологий социальной поддержки, механизмов реституции и компенсации, страховых технологий и пр.).

1.2.2. Принципы общей теории виктимологии

Общетеоретическое виктимологическое исследование, будучи подотраслью социологии, представляет собой процесс выработки системы новых научных знаний о жертвах социально опасных проявлений, определения понятий, аксиом (постулатов, законов), разработки языка теории, формирования методологии и методики научного анализа на основании выявления и обобщения типовых закономерностей взаимодействия жертв и социально опасных проявлений, наблюдаемых и измеряемых теориями среднего уровня.

Основная идея общей теории виктимологии состоит в построении системной модели взаимодействия «негативное социальное явление — жертва», описывающей и изучающей пути нормализации негативных социальных, психологических и моральных воздействий на человека (социальную общность) со стороны природной среды, искусственной жилой и рабочей среды, социальной среды, а также кризисной внутренней среды самого человека (социальной общности) с целью их коррекции и нейтрализации, повышения адаптивных способностей человека, социальной группы, организации.

Вариативность и изменчивость социальных отклонений предполагает их системное исследование, в противном случае любые прини-

маемые нами меры (то ли программирование борьбы с преступностью или обучение индивида мерам безопасного поведения) будут лишь паллиативом, способным на недолгое время загнать болезнь внутрь.

Естественно, что содержание того, что в принципе в состоянии виктимизировать человека (общность), буквально безгранично, поскольку продуцируется разнообразностью ролей, мотивов, функций, принимаемых на себя индивидом во взаимодействии с социальной и природной средой.

Отсюда эмпирический анализ бытия жертвы социально опасного проявления, описывая разнообразие современного мироустройства, практически воспроизводит частные модели и закономерности существования и взаимодействия природного и социального вместо выделения глубинных, существенных признаков.

К сожалению, в указанных направлениях работа ведется в основном на эмпирическом уровне посредством создания прикладных методик и техник обеспечения социальной и индивидуальной безопасности жертв социально опасных проявлений. [119]

Указанное обстоятельство приводит к серьезным теоретическим просчетам, к допуску определенных ошибок в виктимологических исследованиях и процессе их реализации. Так, например, А. Г. Шаваев в работе, посвященной криминологической безопасности негосударственных объектов экономики, проблемам общей теории безопасности уделил буквально несколько страниц. В результате попытка создания концептуального подхода к обеспечению криминологической безопасности негосударственных объектов экономики свелась к описанию и классификации угроз и мер по борьбе с ними вместо создания теоретически ценной системной модели. [120] Отсутствие полноценной теоретической модели виктимизации потерпевших от семейного насилия привело к тому, что в проекте Закона Украины «О предупреждении насилия в семье» [121] виктимологические вопросы рассматриваются только с точки зрения отрицательного поведения жертв преступлений, что, мягко говоря, сужает круг виктимологических знаний до «учения о месте и роли коротких юбок в генезисе изнасилований».

Нельзя не отметить, что описательный подход в состоянии удовлетворить первичные потребности в организации социального контроля. Вместе с тем любое эмпирическое социальное исследование, не основанное на теоретически отработанных понятиях, методологически порочно.

Описание (без объяснения) объекта девиаций в статике, перечисление конкретных видов девиаций (угроз) и мер их противодействию — есть ни что иное, как подтверждение метко подмеченной Б. С. Братусем старой истины: *«Здоровье одно, а болезней много»*. Именно дополнение содержательного аспекта изучения виктимности его сущностными характеристиками, анализом этиологии и закономерностей возникновения и функционирования механизмов виктимной активности в содержательном, динамическом и сущностном, субъективном аспектах [122] позволяет построить системную модель виктимного поведения, могущую служить ядром общей теории виктимологии.

Естественно, что на пути развития основной идеи виктимологии существуют объективные затруднения.

Во-первых, социальные конфликты всегда уникальны («Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»), поэтому построение реально действующей системной (тем более единой) модели виктимогенного конфликта осложнено концептуальными, гносеологическими и лингвистическими трудностями. [123]

Так, с концептуальной точки зрения мы в состоянии построить только приблизительный прогноз развития конфликта, поскольку сфера моральных представлений и имеющая индивидуальную окраску сфера психического в сочетании с непрерывно возрастающими энтропийными тенденциями развития технического прогресса [124] составляют пороги неизвестности, определенным образом влияющие на адаптивные возможности человечества и связанное с ними изменение социальной формы.

С гносеологической точки зрения человеческие конфликты не могут быть предметом тотального экспериментирования: существование этических ограничений, естественно, сводит на нет познавательную ценность любых моделей искусственно создаваемых виктимогенных ситуаций.

Наконец, формализация отношений и понятий в рамках общей теории виктимологии должна вестись не путем создания и конструирования новых понятий (хотя отрицание неологизмов в становлении понятийного аппарата любой науки было бы некорректным), а путем применения и отработки уже существующего языка социологических дисциплин. Последнее накладывает определенные ограничения в интерпретации устоявшихся терминов, приводит к

путанице, подмене понятий, параллелизму (вина жертвы- вина преступника).

Во-вторых, описание любого социального конфликта исследователем будет вестись с позиций либо заданной политическим устройством общества системы идеологических установок, либо с позиций социокультурных предписаний, интериоризированных ученым.

И в том и в другом случае ошибка культурологического смещения неизбежна: субъективно мы будем вынуждены «подгонять» объективную реальность под систему одобряемых нами ценностей и нормативов. Модель же виктимогенного конфликта и схемы его коррекции будут достаточно однобокими и фрагментарными.

«К сожалению, достигнутый результат может совсем не соответствовать тому, чего на самом деле желает жертва, — писал Э. Виано. — Информация об этом достаточно ничтожна. Большинство виктимологических исследований сосредоточены на социологических проблемах (с позитивистской точки зрения. — В. Т.) — кто чаще всего может стать жертвой, каковы интенсивность и черты виктимизации, какие услуги должны быть предложены жертвам. В результате, несмотря на суммирование множества данных о жертвах преступлений, наши представления, убеждения и заключения могут совсем не отражать в реальности, что же это значит — быть жертвой». [125]

В определенном смысле указанные затруднения «снимаются» при построении основанной на концепциях и парадигмах современной теории синергетики гомеостатической (самовоспроизводящейся в «чувственно-сверхчувственном» восприятии), устойчивой модели виктимогенного конфликта, служащей в приближенном виде аналогом происходящих процессов на микроуровне и предпосылкой познания закономерностей взаимодействия виктимизации и преступности на макроуровне.

«Развитие науки в последнем столетии ознаменовалось, в частности, открытием фундаментальной роли вероятностно-статистических закономерностей во многих явлениях объективной действительности. В ряде исследований раскрывается диалектическая природа статистических систем-процессов, заключающих в себе неразрывное с взаимопереходами единство необходимости и случайности, упорядоченности и неупорядоченности, общего и единичного, устойчивости и изменчивости, автономии (независимости, свободы) и зависимости, определенности и неопределенности, жесткой и вероятностной детерминации. При этом подчеркивается, что ни одна из названных поляр-

ностей не проявляется в чистом виде. По существу, в отношении вероятностно-статистических систем-процессов можно говорить лишь о степени, или мере, упорядоченности, определенности, необходимости (законообразности), детерминированности, устойчивости и т.д. Абсолютная упорядоченность и абсолютный хаос возможны лишь в абстракции», — писал В. Д. Плахов. [126]

Учитывая вышеизложенное, мы попытаемся представить диадку «преступность — криминальная виктимность» (как форму проявления более общей системы «негативный социальный процесс-виктимность») в виде открытой гомеостатической системы, обменивающейся друг с другом и со средой веществом, информацией и энергией. Такая модель, основанная на идеях отечественных конфликтологов, отражает сущность многостороннего, разноуровневого взаимодействия виктимности и негативных социальных явлений (преступности) на различных уровнях бытия. В наиболее упрощенном, схематичном виде указанная модель отражена на рисунке 1 Приложения. [127]

Как видим, устойчивые взаимодействия между преступностью и виктимностью могут существовать на различных уровнях социального бытия. При этом, постоянно оказывая влияние друг на друга, определяя формы своих будущих проявлений и взаимодействий, виктимность и преступность находятся в непрерывном конфликте.

Отсюда, анализируя конфликтные тенденции на:

- социальном, вещественном (агрессия, подавление/ безопасность, самосохранение),

- психологическом, энергетическом (индивидуализм/ взаимопомощь),

- соционормативном, информативно-регулятивном (антиправо/ право) уровнях, можно обнаружить, что данная система **достаточно самоорганизована**.

Зависимости виктимности от преступности, определяемые сложным каузальным взаимодействием социальных систем и процессов, — лишь одно звено в сфере гомеостаза надсистем преступности и виктимности в системе социальных отклонений, связанных совокупностью объективных социальных условий. В наиболее общем виде указанная схема представлена на рисунке 2 Приложения.

Объективные условия, в которых существует преступность, опосредуют развитие виктимности, в свою очередь симбиотично связанной с преступностью как в пределах социального целого, так и на индивидуальном уровне. *«Общество как система структурировано, и в*

этом смысле у преступников как определенной категории людей (подсистемы), являющейся наряду с другими категориями составной частью целого (системы более высокого уровня), есть свое место, своя численность, свои циклы развития, которые определены системными моментами, в частности, и системами еще более высокого уровня (отдельная страна, весь мир в целом)». [128]

Нет нужды говорить, что природа взаимодействия преступности и виктимности освещена пока, скорее, на уровне научных гипотез, чем устоявшихся теорий. Тем не менее, даже с учетом определенной произвольности и субъективности описания гомеостаза системы «преступность-виктимность», наличие генетических связей между указанными процессами на вещественном, энергетическом и информационном уровнях является достаточно очевидным.

Указанное обстоятельство отчетливо проявляется при графическом отображении данной системы применительно к принятым в конфликтологии моделям и схемам социальных конфликтов.

Философы и системотехники отмечают, что упорядоченные, устойчивые системы во многом зависят от вызванных внешними факторами отклонений составляющих компонентов. Флуктуации (то есть определенные отклонения величин, характеризующие системы, от их среднего значения) в равновесных системах ослабляются и подавляются, а в неравновесных, наоборот, усиливаются и тем самым «расшатывают» прежний порядок и основанную на нем структуру с естественной непредсказуемостью дальнейшего развития. Новый порядок или динамический режим с соответствующей устойчивой структурой, которые приходят на смену старой неустойчивости, характеризуются уже вполне детерминистическим поведением. Следовательно, процесс самоорганизации происходит в результате взаимодействия случайности и необходимости и всегда связан с переходом от неустойчивости к устойчивости. [129]

Так, в «годы застоя», нечасто ныне вспоминаемые все, устойчивая работа компонентов системы «общество-преступность» зависела во многом от виктимного поведения знакомых преступникам потерпевших (ситуационно-бытовой, эмоциональный характер общеуголовной преступности, загнанной в угол в жестких условиях тоталитаризма, а позднее устойчивого социального контроля, подчеркивался большинством ученых).

Однако еще в 1984 году Г. М. Миньковский указывал: *«Назрела необходимость рассматривать самовоспроизводство преступности в бо-*

лее широком контексте, чем это делается сейчас. Криминогенную среду уже недостаточно сводить к микрогруппам, она представляет собой совокупность элементов, которые в принципе деклассированны».[130] Вызванные социальными переменами дезадаптивные флуктуации (маргинализация значительной части социально активного населения, anomia, распад социальных связей и структур) повлекли трансформацию наиболее активной части виктимного утилитарного поведения в рациональное преступное, и, соответственно, — изменение профилактических характеристик всей системы: от наступательных, активных, к пассивным, конформистским.

Политизация преступности и криминализация политики — вот две далеко не последние переменные в общей массе факторов, которые определяют стабильность существующих криминогенных систем в постсоветском геополитическом пространстве. Стабильность, которая к тому же зачастую зависит от социальной характеристики и правового положения потенциальных и реальных потерпевших в обществе.

В этой связи акцент в вопросе: «Почему мы допускаем криминальный беспредел?» — явно должен быть смещен с дополнения («криминальный беспредел») на подлежащее («мы»). Подобный подход открывает определенные перспективы в организации профилактики самых различных преступлений.

Например, для повышения эффективности социального контроля над организованной преступностью с позиций виктимологии необходимо не столько появление очередных «рыкающих» указов и постановлений, усиливающих ответственность участников и организаторов преступных группировок, сколько продуманная политика в области формирования активной гражданской позиции потенциальных потерпевших.

Стала, пожалуй, тривиальной точка зрения, согласно которой количество обращений тех же коммерсантов к «ворам в законе» и их финансирование можно было бы снизить посредством введения изменений в порядок и размеры взыскиваемой пошлины по гражданским делам и организации новой системы исполнения решений арбитражных судов. Однако реальные шаги в этой области долгие годы принимались весьма вяло.

Так или иначе, без осуществления подобной флуктуационной смены в политике социального контроля, думается, говорить об ограничении криминальной активности сегодня было бы несколько наивно.

Указанное положение как раз и вытекает из основной идеи современной виктимологии, заключающейся в том, что диада «преступность — криминальная виктимность», как правило, реализуется в гомеостатическом взаимодействии проявлений преступного и виктимного социально-отклоняющегося поведения, формирующем относительно устойчивую криминогенную систему.

Указанный процесс протекает на уровне как социального целого, так и отдельных групп и отдельных личностей. Кстати, применение концепции гомеостаза отчетливо прослеживается и в современных криминологических исследованиях причин индивидуального поведения.

Так, Ю. М. Антонян отмечает, что необходимым условием познания подлинных причин убийств «является подход к исследованию их мотивов как выражающих целостную и глубинную сущность человека, который и в преступлении решает свои актуальнейшие проблемы, при этом целостность включает в себя биологическую и духовную жизни, тело и психику, физиологию и психологию. Мотивы убийств неразрывно связаны с основами бытия данного индивида, они всегда выражают мучительные поиски себя, его самопритятие, определение места в жизни и обретение смысла ее. *Он стремится в максимальной степени достичь целостности, которую можно понимать не только как единственную в своем роде тесно сплетенную комбинацию структур и функций организма и личности, но и как соответствие человека тому, каким он представляется себе сам, и как соответствие себя своему поведению*» [131] (выделено нами. — В. Т.).

Очень часто жертву «связывают с преступником прочные невидимые нити, причем, как ни странно, и тогда, когда они едва знакомы. Неразрывность пары «убийца-убитый» тоже имеет свои причины, совершенно неочевидные. По большей части, жертвы ни в чем не виноваты, если вообще позволительно говорить о какой-либо вине убитого человека. Тем более любопытны и даже загадочны случаи, когда потерпевший как завороченный стремится к собственной гибели, хотя и не отдает себе в этом отчета», — писал Ю. М. Антонян в своей работе «Психология убийства» [132].

Указанные замечания известного криминолога, кропотливого и гонимого исследователя причин человеческой агрессии лишний раз подчеркивают важность исследования проблемы гомеостаза отклоняющегося поведения в его преступных и виктимных проявлениях. [133]

1.2.3. Методологические проблемы общей теории виктимологии

Основными вопросами, подлежащими отработке в связи с необходимостью создания и теоретического обоснования подобной системной гомеостатической модели, являются:

а) определение предмета общей теории виктимологии, разработка ее категорий и принципов;

б) разработка теоретических методов и прикладных методик виктимологических исследований;

в) разработка имеющих общетеоретическое значение системных аспектов виктимологических исследований; выявление основных закономерностей виктимизации и виктимности.

При этом **общая теория виктимологии** изучает и анализирует проблемы характеристики предмета, методов и основных направлений виктимологических исследований [134], общие закономерности проявления виктимности в современном мире, феноменологические и этиологические характеристики виктимности, включая роль и значение социальных процессов виктимизации, анализ системных взаимосвязей между различными видами виктимности на различных уровнях социального обобщения, общие характеристики жертвы социально-негативного проявления, типологию жертв, механизм индивидуального виктимного поведения, теоретические проблемы виктимологической профилактики социально-негативных проявлений, а также создание и реализацию концепций виктимологического планирования и прогнозирования.

Анализ развития учения о жертве социально-опасного проявления показал, что общая теория виктимологии рассматривает:

– жертву (как лицо, которому индивидуально или коллективно был причинен материальный, моральный или иной вред общественно опасным деянием);

– виктимность (как потенциальную или актуальную способность лица индивидуально или коллективно становиться жертвой социально-опасного проявления) и ее формы выражения;

– виктимизацию (как процесс превращения лица или социальной общности в жертву социально-опасного проявления);

– связи между жертвой и вредоносным актом (системно-структурные взаимодействия на энергетическом, информационном и вещественном уровнях) как свои *основные, конститутивные понятия*.

Вместе с тем практика свидетельствует, что имеющиеся операциональные или теоретические определения вышеуказанных понятий страдают стандартными недостатками, вызванными, как правило, динамичностью развития и молодостью виктимологии.

Так, традиционное определение *криминальной виктимности* как способности стать жертвой преступления или иного социально опасного проявления, неспособности избежать опасности там, где она объективно предотвратима как по логике своего построения, так и по основаниям, является категорией достаточно расплывчатой. Подобное положение может быть вполне объяснено множественностью жертв и различием механизмов детерминации виктимного поведения.

«Можно предположить, что некоторые свойства личности, делающие ее виктимной, представляют собой: одни — неосознаваемые психические процессы; другие — психические аномалии; третьи — сознательное поставление себя в опасное состояние (неосмотрительность, распущенность, провокационность поступков и др.). Думается, что названные явления носят вторичный характер, а первичные требуют своего исследования», — справедливо отмечал В. В. Голина [135].

Подробное исследование содержания понятия виктимности, жертвы, виктимизации и иных элементов понятийного аппарата общей теории виктимологии будет проанализировано нами далее в процессе рассмотрения теоретических проблем криминальной виктимологии как учения о жертве преступления. Это логически оправдано как задачами нашего исследования, так и структурой самой работы, предполагающей уделение особого внимания проблемам криминальной виктимологии.

Как общесистемный процесс, общетеоретическое виктимологическое исследование включает в себя отработку следующих принципиальных проблем:

- понимание взаимоотношений «вредоносное явление» — «жертва», «правонарушитель — жертва» как нормального, гомеостатического конфликта между различными способами сосуществования, гармоничными и дисгармоничными взаимоотношениями социальных систем, явлений, субъектов и процессов в рамках объективных закономерностей мироустройства [136];

- осуществление системно-структурного, синергетического анализа таких конфликтов, приводящего к характеристике виктимности как признака, имманентно присущего процессу социализации определенной части населения;

— осознание места и роли глубинных социальных процессов на коллективную и индивидуальную виктимизацию (корпоративные нарушения прав потребителей; злоупотребления властью со стороны государства: геноцид, апартеид, незаконные перемещения социальных групп под давлением государства или иных социальных структур, различные формы патриархализма и колониализма, использование достижений психиатрии для подавления инакомыслия, поддержка и распространение репрессивных методов управления государством и репрессивной, дискриминационной системы уголовной юстиции; расизм; сексизм; манипуляции общественным мнением с целью оправдания агрессивной внутренней и внешней политики и пр. [137];

— теоретический анализ значения ценностно-нормативной структуры общества и отдельных социальных групп в процессах коллективной, групповой, межгрупповой и индивидуальной виктимизации (агрессивные субкультуры, сексуальная эксплуатация, конфликты социальных норм, тотальная зависимость социальной активности от совокупности позиций, заданных обществом, и др.);

— исследование места и роли виктимологии в процессе гуманизации системы социального контроля, формирования политики помощи жертвам, сориентированной на реальные потребности существующих, а не гипотетических жертв;

— осознание значения международно-правовых институтов и механизмов для ограничения и предупреждения виктимизации, организации рациональной виктимологической политики на национальном и международном уровнях [138].

При этом изучению подлежат также общественное сознание в сфере отношений по обеспечению социальной и индивидуальной безопасности, обобщенные характеристики виктимного поведения различных социальных групп в различных экономических и культурных условиях, причины и последствия виктимного поведения как социального процесса и т.д.

Исследование виктимности как индивидуальной девиации в рамках общей теории виктимологии предполагает познание общих закономерностей и условий формирования, структуры и механизма виктимной активности, взаимоотношений негативных социальных явлений и жертв, анализ функций виктимности, организацию системы индивидуальной виктимологической профилактики и пр.

Нельзя не отметить значительную активность современных виктимологов в изучении влияния различных по степени интенсивности

социальных и природных процессов на коллективную и индивидуальную виктимизацию.

Нет нужды говорить о значимости создания системы глобальной общемировой безопасности для ограничения различных аспектов виктимизации.

Мир вздохнул с облегчением, когда политика холодной войны и конфронтации сменилась политикой кооперации и сотрудничества [139]. Вместе с тем движение мировых систем к ядерному разоружению является отнюдь не настолько простым, как хотелось бы. По подсчетам Министерства энергетики США, в течение ближайших 10 лет американское правительство будет вынуждено затратить более 230 миллиардов долларов на ликвидацию части из созданных США 70000 ядерных боеголовок. [140]

Сама жизнь ставит вопросы: откуда брать деньги на подобные действия России и остальным ядерным наследникам бывшего СССР, кроме как из западных кредитов и за счет сокращения социальных программ и связанной с этим виктимизации населения; куда девать высококвалифицированный персонал ядерных заводов и лабораторий стран СНГ? Ответы не известны никому. Немудрено, что попытки завладеть наработанным в СССР оружейным плутонием и опасения ядерного шантажа со стороны стран, обладающих мощными средствами доставки [141], не прекращаются до сих пор. Так, в 1994 году объединенные спецгруппы Министерства энергетики и Минобороны США совместно с казахским правительством осуществили секретную операцию «Проект Санфир» по транспортировке в Америку около 600 килограммов высокообогащенного урана, оставленного практически без присмотра на подлежащей консервации перерабатывающей фабрике в Северном Казахстане. В соответствии с заявлениями представителей американского правительства вынужденность этой операции диктовалась чрезмерным интересом иранских спецслужб к данному объекту.[142]

Организации, специализирующиеся на защите прав человека (например, Международная Амнистия), обращают особое внимание на роль злоупотреблений властью со стороны государства на коллективную и индивидуальную виктимизацию. События в Белоруссии, Балканских странах, в Китае, в некоторых странах ближнего зарубежья свидетельствуют о том, как и каким образом силы правопорядка и народная армия могут быть использованы против своего народа в корпоративных интересах правящей верхушки. По данным право-

защитных организаций, примерно в 98 странах в административной практике до сих пор применяются пытки; в странах, придерживающихся фундаменталистских религий, пытки и жестокие наказания (избиение камнями, членовредительство и пр.) являются обыденным, нормативным явлением.[143] Незаконное использование детского труда, работорговля, вовлечение в занятие проституцией все еще широко распространены в странах третьего мира. Примерно миллион детей заставляют ежегодно заниматься проституцией в Азии. Незаконное экспериментирование над людьми, терроризм, захват заложников, геноцид, апартеид, работорговля, пытки, насилие во всех его формах и проявлениях — вот далеко не полный перечень незаконных деяний, которые правительства, административные и военные органы, международные корпорации, медики, родители применяли и применяют в отношении других людей — бедных, женщин, детей, членов этнических, культурных и религиозных меньшинств, диссидентов, бездомных, безработных, стариков [144].

Известно, что сексизм как своеобразное отношение к женщине как к объекту сексуальных нападений и насилия имеет широкое распространение в современных средствах массовой информации, рекламных кампаниях, в общественном сознании. Указанное обстоятельство существенным образом влияет на виктимизацию женщин во всем мире. Согласно данным «Отчета ООН о развитии человечества», над женщинами от зачатия до могилы совершаются различного рода насилия. Так, в некоторых странах многие матери делают аборт в случае установления, что будущий ребенок — девочка. В Барбадосе, Канаде, Нидерландах, Новой Зеландии, Норвегии и Соединенных Штатах Америки каждая третья женщина была жертвой сексуального насилия в детстве или будучи подростком. Исследования свидетельствуют, что основная причина нанесения телесных повреждений женщинам в репродуктивном возрасте в США — нападение спутника (партнера). Женщина в США избивается каждые 18 минут. В 1987 году 62 % женщин, убитых в Канаде, были убиты своими мужьями. В Перу 70 % всех регистрируемых преступлений — избиения мужьями своих жен. В большинстве развитых стран от 25 до 50 % женщин подвергались физическому нападению со стороны партнера. В Канаде, Новой Зеландии, в США и Объединенном Королевстве каждая шестая женщина была изнасилована. [145]

Жестокость мужчин в супружестве является главной причиной самоубийств среди женщин в Африке, Южной Америке и США. В Ин-

дии практически каждый день наблюдаются случаи самосожжения невест, чьи семьи не смогли оплатить приданое. В Бомбее каждая пятая смерть женщины в возрасте от пятнадцати до сорока четырех лет квалифицируется как «случайное возгорание». [146] В некоторых странах Африки и Ближнего Востока молодые женщины страдают и еще от одной из форм социального насилия — генитальных увечий. Подобная операция, осуществляемая зачастую в дикой антисанитарии, связана с отчленением всех или части выступающих наружу женских гениталий, включая клитор. Детерминируемая извечными стремлениями мужчин к контролю над женской сексуальностью, эта операция находит сторонников среди фундаменталистов, утверждающих, что ссылки на нее предписаны Кораном, или описывающих ее как важную африканскую традицию. «По данным Всемирной Организации Здравоохранения, более чем 80 миллионов женщин в Африке перенесли подобные сексуальные увечья. Во всех этих случаях женщины выступали объектами насилия и принуждения исключительно из-за их пола. Это не было случайным насилием. Фактор риска достаточно легко идентифицировать — просто быть женщиной». [147]

Немудрено, что диктуемый потребностями практики, подталкиваемый феминистскими движениями и движениями в защиту гражданских прав комплексный анализ проблем виктимизации женщин привел к развитию отдельного научного направления — семейной криминологии. [148]

«Знаете ли вы, что получают некоторые женщины на свои дни рождения? Подбитый глаз, шинок по ребрам или несколько выбитых зубов. Это столь пугающе не потому, что это случается на их дни рождения. Это может быть каждый месяц, каждую неделю или даже каждый день. Это столь ужасно потому, что изредка он причиняет боль детям. Или может быть она беременна и он ударит ее в живот в то же место, где несколько минут назад она чувствовала движение ребенка. Это столь ужасно, поскольку женщина не знает, что же ей делать. Она столь беспомощна. Он же контролирует все. Она надеется, что он придет в себя и остановится. Он не останавливается никогда. Она надеется, что он не причинит вреда ее детям. Он угрожает сделать это. Она надеется, что он не захочет убить ее. Он обещает, что это сделает». [149] Приведенное описание страха и беспомощности, с которыми сталкиваются избиваемые женщины, представлено в учебном пособии для кризисных консультантов, подготовленном Программой предупреждения семейного насилия в графстве Браун, штат Висконсин, США. Оно

включено в учебник с целью вовлечь и психологически подготовить добровольцев и инструкторов к полным боли и страданий жизнеописаниям женщин, с которыми им придется сталкиваться на практике.

Создание и применение специальных виктимологически значимых программ по защите избиваемых женщин (убежища и приюты для избиваемых женщин, центры помощи изнасилованным), а также продуманного, приближенного к потребностям местной практики законодательства, направленного на профилактику насилия в семье [150], является повседневной практикой во многих развитых странах мира.

Определенное внимание в исследовании общетеоретических проблем виктимизации уделяется влиянию корпоративных преступлений фармакологической индустрии на виктимизацию. Выпуск на рынок лекарств с неизученными либо заранее известными побочными эффектами влечет за собой болезни, телесные повреждения и смерти многих пациентов в развивающихся странах, где правительства не в состоянии обеспечить надежный контроль за качеством поступающих на рынок фармакопрепаратов [151]. Фармакологическое насилие начинается до рождения с применением роженицами таких лекарств, как талидомид и бендектин, продолжается в раннем детстве с использованием хлоромицетина и ломотила и в более зрелые годы — с употреблением таких психоактивных лекарств, как, например, риталин, ведущих в совокупности к поведенческим нарушениям, инвалидности, дисфункциям головного мозга и пр. Естественно, что только эффективная система ограничения фармакологической виктимизации в состоянии обеспечить безопасность граждан. [152]

Нет нужды останавливаться подробно на анализе методологических и методических средств виктимологических исследований. Существующая общность основных методических и операциональных способов научного поиска как в рамках специальной социологической теории, так и в любом конкретно-социологическом исследовании вполне естественна и получила достаточное освещение в современной литературе.

Прекрасно известны и основные источники и средства сбора виктимологической информации:

- материалы уголовной статистики;

- материалы социологических опросов граждан, социальных групп, социальных институтов и служб, работников системы уголовной юстиции;

- материалы формально-правового анализа;

опросы жертв преступлений и самоотчеты;
анализ средств массовой информации;
опросы свидетелей;
анализ медицинской документации.

Основываясь на диалектическом принципе познания, современная виктимология в процессе сбора и обработки информации использует достаточно стандартные для конкретно-социологических и психологических исследований методы системы сбора данных (сплошное обследование, выборочное обследование, монографическое обследование), методы регистрации единичных событий (наблюдение, изучение документов и материалов, анкетирование и иные виды опроса, психоанализ, тестирование), методы обработки и анализа данных (описание и классификация, типологизация, экспериментальный анализ, статистический анализ, генетический анализ, социальное моделирование). [153]

Экспертный анализ виктимологической информации, полученной из 52 стран в 90-е годы, свидетельствует, что материалы уголовной статистики отражают только 30–40 % общеуголовных и около 10 % совершаемых сексуальных преступлений в стране. Причем, чем менее развитым является государство, тем выше латентность преступности в нем. [154]

В этой связи виктимологические опросы являются одним из наиболее совершенных инструментов получения репрезентативных и валидных сведений о жертвах преступлений и преступности в целом. Естественно, их проведение предполагает создание дорогостоящей национальной сети изучения общественного мнения. Данные опросов, как правило, не отражают в полной мере сведений о преступлениях против детей, престарелых, злоупотреблений властью, случаев политического и массового социального насилия. [155] Тем не менее именно виктимологический опрос, — пожалуй, единственный инструмент, позволяющий достаточно полно охарактеризовать «виктимологическую и криминальную физиономию» общества. Недаром в мировой криминологической практике основательно закрепилась тенденция сущностного анализа преступности и ее цены через показатели и характеристики виктимизации. [156]

Особый интерес представляет использование виктимологией экспериментальных методов и методик в групповой терапии и имитационном моделировании. Так, по мнению большинства преподавателей, готовящих специалистов в области виктимологической про-

филактики, наилучшее понимание будущим диспетчером проблемы жертвы и оптимальное предупреждение вторичной виктимизации могут быть достигнуты только тогда, когда сам диспетчер побывает «в шкуре жертвы».

В силу этого на Западе с легкой руки Джоанны Шерпланд (одного из наиболее видных английских виктимологов, впервые заставившей своих студенток пройти все унижительные тесты и обследования, которым подвергаются жертвы изнасилований, обращающиеся в полицию) обучение основам виктимологической профилактики начинается с «пропуска» студентов через горнило системы доступа жертв к уголовному правосудию.

Думается, что подобного рода практикумы и деловые игры стоило бы ввести и для отечественных студентов-юристов. Цель их — обучение будущих юристов противостоянию культивируемым в некоторых субкультурах работниками системы уголовной юстиции «обычаям» видеть в заявителе не живого, пострадавшего человека, а обезличенное «терпило», с которым можно вести себя как заглагорассудится.

Опросы оперативных работников свидетельствуют, что отношение профессионалов к потерпевшим от преступлений как к назойливым источникам сбора доказательств по делу и до сих пор сохраняется в некоторых регионах. Недаром, согласно результатам исследования российского социологического центра «Статус», на вопрос: «Кого вы больше боитесь — преступников или милиции?» 37 процентов москвичей ответили, что одинаково боятся и тех и других. 43 процента москвичей, соответственно, ни при каких обстоятельствах не откроют дверь работнику милиции. [157]

Проведенные сотрудниками института прокуратуры РФ в середине 90-х годов виктимологические исследования свидетельствуют, что из общего числа опрошенных в четырех крупных городах России «обращались в правоохранительные органы с заявлениями о совершенных в отношении них преступлений 247 человек, из них только 25 человек ответили, что преступник был осужден, и 30 — что преступник был установлен и освобожден от уголовной ответственности по просьбе самого потерпевшего. Другие три четверти заявителей ответили, что заявлению вообще не был дан ход, либо их не уведомили о принимаемых мерах, либо преступник не был найден, либо он не был привлечен к уголовной ответственности и т.п. Причем нереагирование на заявление обжаловали лишь 16 %, а сами, вместо такого обжалования, приняли меры в отношении преступника и возме-

ния всада — более 20 %». [158] Показательно, что по тем же данным, инвиду боязни мести и неверия потерпевших в справедливость государства, от 50 до 80 % совершенных преступлений остаются незарегистрированными. [159]

Использование социально-психологических и психологических методик исследования жертв социально-опасных проявлений предполагает также оперирование достаточно стандартным инструментарием и способами изучения взаимодействия социальной среды и личности жертвы, методиками психологии общения, разработанными и освоенными комплексом наук о человеке: социометрическим опросом, изучением документов, психоанализом личности.

Здесь, пожалуй, следует отметить, что специфика виктимологического исследования заключена в особой ранимости и беззащитности предмета исследования: жертв социально-опасных проявлений и в силу этого, не отличаясь от применяемых методов по форме, предполагает упор на особую этическую, профессиональную подготовку операторов и интервьюеров.

Любое напоминание жертве о случившемся с ней травмирует ее, причиняет боль и страдания. Вот почему системная разработка методологического и методического инструментария виктимологических исследований предполагает особое внимание к проблеме формирования основ профессиональной этики виктимологов и лиц, сталкивающихся с жертвами социально-опасных проявлений.

1.3. ЧАСТНЫЕ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

1.3.1. Общая характеристика частных виктимологических теорий

Частные виктимологические теории среднего уровня (криминальная виктимология, деликтивная виктимология, травматическая виктимология и др.) подвергают специальному анализу виктимность и особенности поведения отдельных видов жертв социально опасных проявлений.

Эти теории исходят из опыта, накопленного при изучении социально опасных проявлений в иных социологических и смежных дисциплинах (социальная экология, криминология, деликтология, травматология, медицина катастроф и др.).

Структурно виктимологические теории среднего уровня состоят из следующих разделов:

а) общая часть (анализ основных понятий, принципов и законов виктимизации и виктимности с помощью исследования феноменологических, этиологических, личностных, эвристических характеристик и закономерностей проявления виктимизации и виктимности в их взаимодействии с социумом);

б) особенная часть (соционормативные и оперативно-тактические основы организации обращения с жертвами социально-опасных проявлений; виктимологическая профилактика конкретных видов социально опасных проявлений).

1.3.2. Криминальная виктимология как частная виктимологическая теория

Нет нужды говорить о том, что относительная самостоятельность поведения жертв преступлений, их теснейшая взаимосвязь с преступностью как предмет изучения криминальной виктимологии, наряду с многочисленными отличиями поведения жертв преступлений от иных форм виктимной активности, обуславливает необходимость и возможность существования криминальной виктимологии как частной научной теории. Сегодня уже с уверенностью можно говорить о сформировавшихся научных положениях, принципах, системе понятийного аппарата, методиках самостоятельного научного анализа, выделяющих криминальную виктимологию в самостоятельную частную научную теорию, теснейшим образом связанную с криминологией. По нашему мнению, криминальная (точнее криминологическая) виктимология сегодня есть относительно самостоятельное ***учение о жертве преступления, мерах обращения с жертвами преступлений и путях нейтрализации негативных социальных воздействий на жертву преступления.***

Криминальная виктимология, анализируя проявления криминальной виктимности, причины ее возникновения, разрабатывая меры по ее нейтрализации, является не просто оригинальным направлением в рамках криминологических исследований. И жертва преступления и преступник, — самостоятельные социальные феномены; и преступность и виктимность, процессуально реализующаяся в виктимизации, — в равной степени самостоятельно входят в состав социальных отклонений, описываемых общей теорией социологии.

Подчиненность виктимологии задачам криминологического изучения и ограничения преступности есть не более чем требование времени. Действительно, познание преступности и преступления неотделимо от познания виктимизации и виктимной активности. Однако указанное обстоятельство лишь подчеркивает взаимопереплетение, общность интересов данных социальных наук. Относительная самостоятельность предметов изучения и общность социальных задач, подчиненность виктимологических изысканий требованиям нейтрализации преступной активности еще не означают невозможности автономного существования криминальной виктимологии как частной научной теории. Если задачей криминологии является ограничение преступности, то *задача криминальной виктимологии несколько шире, — обеспечение безопасности личности от преступных посягательств и их последствий, организация справедливого обращения с жертвами преступлений*. При этом ограничение криминальности есть главная, но не единственная задача виктимологии.

Действительно, сегодня криминальная виктимология (во всяком случае у нас в стране) развивается в рамках и в связи с проведением криминологических исследований, не ограничиваясь, правда, рутинным учением о месте и роли потерпевшего в механизме преступного поведения.

Однако мировое развитие свидетельствует о диверсификации виктимологических исследований, формировании методологической базы общей теории виктимологии, разработке и совершенствованию отдельных научных направлений изучения взаимодействия виктимности и социума. Указанные обстоятельства прослеживаются и при прогнозе развития самой криминальной виктимологии. Так, российские ученые, рассматривая перспективы развития криминальной виктимологии, пишут: «Вместе с тем есть основания предположить, что разноплановые исследования потерпевшего приведут к формированию наряду с уже существующей криминологической виктимологией уголовно-процессуальной, уголовно-правовой, криминалистической и оперативно-розыскной виктимологий, которые в комплексе составят криминальную виктимологию. Она, в свою очередь, станет разделом общей виктимологии... Для виктимологии перспектива развития в самостоятельную науку, синтезирующую знание о жертвах не только преступлений, но и некриминальных событий вполне реальна». [160]

Рассматривая криминальную виктимологию сегодня как криминологическую виктимологию, мы постулируем возможность и по-

следовательную необходимость дальнейшего развития и приращения новых научных знаний и направлений в этой области.

Определению основных понятий криминальной виктимологии как учения о жертве преступления и мерах обращения с жертвами преступлений, характеристике науковедческих основ и проблем будут посвящены последующие разделы данной работы. Изучение виктимизации и виктимности, анализ криминогенных аспектов взаимодействия преступников и потерпевших на различных уровнях социального обобщения — вот далеко не полный перечень проблем, подлежащих раскрытию в дальнейших частях нашей работы.

Так, одной из основных проблем современной криминальной виктимологии является прекращение объективно существующих попыток дистанцироваться от преступника при изучении его взаимоотношений с жертвой. Очевидно, что в специфических условиях построения украинской государственности необходимо комплексное рассмотрение профилактических аспектов криминальной виктимологии, предполагающее, с одной стороны, реформу уголовно-исполнительной системы в направлении усиления ее ресоциализирующих аспектов и, с другой стороны, — создание деbüroкратизированной системы государственной поддержки потерпевших от преступления. Следует подчеркнуть, что эта система предполагает изменение положения потерпевших в рамках уголовного процесса [161], расширение законодательных гарантий соблюдения и реализации прав и свобод граждан [162], оптимизацию уголовно-правовых гарантий просоциального поведения личности, внедрение двухзвенной модели социальной помощи жертвам преступных посягательств.

Последняя, как представляется, должна включать несколько звеньев.

Первое — скоординированную сеть государственно-общественных структур непосредственной помощи потерпевшим: кризисные центры для потерпевших от изнасилований и насильственных преступлений; центры социальной адаптации для молодежи; семейные детские дома; телефоны доверия; иные социально-психологические и правовые службы; Государственный фонд помощи потерпевшим от преступления, с ориентацией последнего на первом этапе не на декларируемую и ныне утопическую «помощь всем потерпевшим», а на оказание материальной поддержки жертвам насильственных преступлений или их родственникам.

Второе звено включает, соответственно, общегосударственную систему социального и медицинского страхования и иные формы социального обеспечения.

С виктимологической точки зрения подобная система должна характеризоваться полнотой и завершенностью схем компенсации жертвам преступлений, а не формальным и, к сожалению, типичным «забюрократченным» распределением обязанностей между субъектами виктимологической профилактики. В противном случае вполне вероятен результат, когда жертва понесет очередные лишения, правда, теперь уже от руки тех, кто был обязан ей помочь.

Последнее предложение подтверждает необходимость отработки в рамках теории криминальной виктимологии таких проблем, как основы организации обращения с жертвами преступлений.

Толковый словарь Вебстера следующим образом объясняет понятие «обращение, лечение» (treatment): «а) действие или деятельность или сущность обращения с кем-то или чем-то (использование); б) техника или операции, обычно применяемые в специфических ситуациях; в) сущность технологии, используемой в обучении; г) экспериментальное условие». Отметим, что *в отечественной криминологической и виктимологической литературе выделение специального раздела обращения с жертвами или правонарушителями в архитектонике научного направления практически не встречается*. Указанное обстоятельство может быть объяснимо как следствием долгие годы существовавшей и культивируемой отчужденности государства от граждан и связанными с этим идеологическими установками, так и ограниченностью информационного обмена в отечественной криминологии и, естественно, виктимологии. Между тем выделение подобного направления является вполне естественным для социологических дисциплин во всех странах мира.

1.3.3. Виктимология деликтов

Стандартные исследования в области виктимологии деликтов в настоящее время сосредоточены как в сфере, регулируемой классической административной деликтологией [163], связывая свое развитие с разработкой превентивных техник ограничения виктимного поведения граждан в области управления обществом, так и в описании новых моделей защиты личной безопасности, транспортной безопасности, виктимологии быта. [164]

Например, в США в настоящее время большое внимание уделяется новым направлениям, которые призваны обеспечить информационную безопасность личности. Так, система «Эшелон» в США ежемесячно перехватывает около ста миллионов сообщений, направляемых через спутники и Интернет, аналогичные системы оперативно-розыскных мероприятий функционируют и в странах СНГ. Кредитные карточки, банкоматы, домашние компьютеры, мобильные телефоны, камеры слежения, электронная почта — вот далеко не полный перечень источников получения конфиденциальной информации о личности, которые могут быть использованы против нее совсем в небезобидных целях и не только государством... Например, в 1996 году в Бостоне ранее судимый сексуальный перверт-насилник, работая уборщиком, без проблем проник в файлы госпиталя, содержащие информацию о детях, и был схвачен только тогда, когда отец девятилетней девочки с помощью компьютерного определителя выявил источник. В Мериленде банкир комиссии по здравоохранению, отыскав список больных раком, выискивал среди них клиентов собственного банка с целью снижения риска по зкладным. Указанные обстоятельства породили необходимость разработки специальных техник и приемов обеспечения личной информационной безопасности, многие из которых регулярно публикуются в прессе. [165]

Не останавливаясь на остальных общих характеристиках общей виктимологии деликтов, отметим, что в США в настоящее время активно развивается и такой специальный раздел, как *виктимология природных и экогенных катастроф и связанная с ней травматическая виктимология*, изучающая характеристики виктимности потерпевших и особенности ограничения негативных эффектов подобной виктимизации.

1.3.4. Виктимология катастроф

Американскими учеными создаются модели мониторинга качества жизни жертв катастроф. Эти модели позволяют определить наиболее эффективные прототипы направления сил и средств при организации помощи жертвам катастроф, процедуры сбора данных, их анализа и реализации полученных выводов с учетом влияния катастрофических и экологических стрессоров. [166]

Предлагаемые модели разрабатываются как четырехступенчатый процесс, характеризующий логическую последовательность иссле-

довательской активности: характеристики объектов сбора данных, определение методов системы сбора данных, организация сбора данных, анализ полученного материала и представление выводов. При этом в сфере источников информации выделяется ряд параметров:

а) характеристики сообщества: городские/сельские (концентрация жителей, концентрация транспорта на 1 кв. миль); образовательные критерии (уровень образования населения); характеристики населения (социально-демографические параметры, миграционные характеристики); возможности государственных служб (готовность и способность властей нейтрализовать последствия катастрофы, степень развитости специальных служб); среднедушевой уровень дохода;

б) стрессоры катастроф: интенсивность (уровень разрушений); распространенность (степень охвата сообщества катастрофическим явлением; процент населения, подвергнутого воздействию катастрофических факторов; общий уровень имущественного ущерба; процент разрушенных социальных служб и организаций, а также иных подвергнутых воздействию организаций и учреждений); социальные нарушения (воздействие на нормальный уровень жизни и социальные связи, выражающееся в географической централизованности катастрофы, количестве смертей и телесных повреждений применительно к размерам сообщества, нарушение работы коммунальных служб); длительность воздействия; актуальная или потенциальная повторяемость катастроф;

в) качество жизни: экономические параметры (доходы населения, нужда в социальной помощи, занятость); социальные аспекты (психический стресс; воздействие на структуру и стабильность семьи; здоровье граждан).

Предлагаемая система мониторинга на этапе сбора данных включает в себя сбор данных административной статистики и исследование распространенности причиненных повреждений с помощью методик экспертного опроса. Сбор и обработка информации осуществляются в Паскаль-ориентированной компьютерной базе данных [167], которая позволяет сразу же после сбора информации автоматически готовить: формализованные и квантифицированные отчеты по запросам коммунальных служб; ежегодные отчеты администрации (губернатору); заключения по статусу катастрофы по запросам соответствующих служб.

На стадии анализа информации и выдачи соответствующих рекомендаций программные параметры системы мониторинга пред-

ставляют возможность использовать полученную информацию при формировании управленческой и ресурсной политики, при формировании бюджета, при обучении специальных подразделений и агентств по чрезвычайным ситуациям, при планировании стратегий восстановительных работ и возмещения ущерба жертвам катастроф. [168]

Естественно, что подобная работа позволяет с большей тщательностью и эффективностью обращаться с жертвами катастроф, умело направляя имеющиеся ресурсы в соответствии с программными целями, разработанными в рамках виктимологической теории.

В этой связи представляется достаточно интересным проведение сравнительного анализа уже существующих разработанных систем виктимологического мониторинга с теми, что формируются в Украине в процессе осуществления политики государственного управления системой гражданской обороны и воздействия на чрезвычайные ситуации.

Создание Министерства по вопросам чрезвычайных ситуаций и в делах защиты населения от последствий Чернобыльской катастрофы [169], разработка Государственной информационно-аналитической системы по вопросам чрезвычайных ситуаций [170] позволяют надеяться на активизацию исследовательской деятельности в указанном направлении и в нашем государстве.

Нет нужды говорить о назревшей необходимости проведения виктимологического мониторинга в рамках криминальной виктимологии.

Особый интерес виктимологов вызывают исследования не только природных катастроф (таких, как смерчи, землетрясения и ураганы) и государственной готовности к ним, но и особенно важный для украинских условий анализ длящегося виктимогенного воздействия, т.н. «хронических технологических катастроф и событий», связанных с проблемой человеческого воздействия на окружающую природную среду. Радиоактивное загрязнение, токсические газы или химикалии оказывают, пожалуй, равное, если порой не большее воздействие на человека, как и ураганы. [171] Проблема предупреждения аварий и технологических катастроф, уносящих сотни человеческих жизней, причиняющих огромный материальный и моральный ущерб народному хозяйству, даже рассматривается многими криминологами как элемент системы специального предупреждения преступлений. [172]

Исследованиями установлено, что техногенные катастрофы, равно как и несчастные случаи на производстве, в зависимости от уров-

ния жизни самой общины оказывают различное воздействие на нее. Например, в Украине в 1995 году на производстве травмировано более 80 тысяч работников, из них 2195 — со смертельным исходом, 9,1 тысяч человек получили профессиональные заболевания. По уровню производственного травматизма и профессиональных заболеваний Украина занимает первое место среди стран СНГ. [173]

К сожалению, проблема виктимогенного воздействия техногенных катастроф и событий сродни с проблемой распространенности преступности: поражая все слои общества, их последствия наиболее ярко и интенсивно проявляются у малообеспеченных граждан, у пауперов и маргиналов, которые и так находятся в наименее удовлетворительных условиях. Анализ характеристик виктимизации от хронических техногенных катастроф и событий достаточно затруднен и требует надлежащей специальной подготовки и опыта. Тем не менее имеются доказательства того, что, помимо прямых эффектов воздействия техногенных катастроф и событий на свои жертвы (имущественный ущерб, уровень заболеваемости и пр.), существуют длящиеся побочные эффекты (снижение уровня и качества жизни, психические нарушения, фрустрация и пр.), которые ведут к нарастанию социальной напряженности, к социальным (в том числе и преступным) конфликтам. [174]

Нет нужды говорить и о том, что до сих пор не решена и проблема оказания реальной помощи жертвам техногенных катастроф: помощи системной, организованной, психологически обоснованной. Пример организации государственной помощи жертвам Чернобыльской катастрофы, создания и воплощения в жизнь Национальной программы улучшения состояния безопасности, гигиены труда и производственной среды [175] свидетельствуют о реальных трудностях и сложностях, возникающих на пути применения подобных превентивных техник и технологий.

1.3.5. Прикладная виктимология

Прикладная виктимология представляет собой эмпирический анализ, разработку и внедрение специальных техник превентивной работы с жертвами, технологий социальной поддержки, механизмов реституции и компенсации, страховых технологий и пр. Основываясь на результатах эмпирических исследований частных виктимологических теорий, позволительно говорить о создании наиболее со-

вершенных и оптимальных систем помощи жертвам преступлений в зависимости от интенсивности и частоты проявления различных типов виктимизации, значения виктимизации для общества в целом и/или отдельной его общности (социальной группы).

Например, в системе уголовно-статистических показателей в США в обязательном порядке анализируются сравнительные характеристики частоты встречаемости различных видов виктимизации. На основании такого анализа и осуществляется финансирование отдельных программ Бюро жертв преступлений Министерства юстиции.

Таблица 1 Приложения иллюстрирует тенденции распределения уровня виктимизации от преступлений в сравнении с виктимизацией от иных социально-негативных проявлений и событий в США в 1982–1984 гг. [176] Как видим, уже в те годы риск стать жертвой похищения личного имущества для американцев в двадцать раз выше, чем риск стать жертвой сердечно-сосудистых заболеваний! Подготовленный в 1989 году доклад Министерства юстиции США о преступности и состоянии правопорядка свидетельствует, что возможность стать жертвой насильственного преступления гораздо больше, чем возможность получить телесные повреждения в дорожно-транспортном происшествии, и что пять-шесть американцев станут жертвами преступного насилия в течение своей жизни. Этнические, расовые и национальные меньшинства в гораздо большей степени, чем остальные, подвержены вероятности войти в число как жертв, так и правонарушителей. Например, один из тридцати чернокожих мужчин может стать жертвой убийства, тогда как для белых американцев указанная пропорция соотносится в значении один к ста семидесяти девяти. [177] Очень высокие уровни виктимизации от преступного насилия сохранились для чернокожих американцев и в 90-е годы. [178]

Анализируя частоту встречаемости различных типов виктимизации, их этиологические характеристики, прикладная виктимология разрабатывает типовые программы предупреждения виктимизации и помощи жертвам преступлений.

Именно в США прикладные аспекты виктимологических исследований получили свое наибольшее развитие. Так, в конце 1975 года здесь насчитывалось 23 программы помощи жертвам, к 1986 их уровень вырос до 600. [179] Если в 1975 году только 10 штатов обеспечивали компенсационные программы помощи жертвам преступлений, то к 1985 их количество увеличилось до сорока [180], а к середине девяностых — федеральная программа компенсации жертвам престу-

плений и компенсационные программы штатов применялись во всех юрисдикциях и административных единицах США.

Усилия Национальной ассоциации помощи жертвам преступлений (NOVA), феминистских движений, движений в защиту гражданских прав и свобод, специальных виктимологических ассоциаций (например, MADD — Матери против управления автомобилем в нетрезвом состоянии [181]) привели как к конституционному закреплению основных прав и свобод потерпевших от преступлений (Билли о правах жертв преступлений), так и к тотальному развитию сети сервиса и услуг жертвам преступлений. Имеется в виду как помощь и защита, предлагаемая общественными организациями, связанными с судами, так и в равной степени специальные сети и модели для пожилых жертв преступлений, восстановительные программы, программы защиты детей, программы поиска детей и помощи родителям, потерявшим детей в криминальных конфликтах, программы помощи избиваемым женщинам и их детям, программы ликвидации психологических последствий криминального кризиса и пр.

Аналогичные программы внедряются в жизнь в Канаде и в странах Западной Европы. Так, в 80-е годы в Канаде только в провинции Нова Скотия существовало более 100 различных центров и программ помощи жертвам преступлений, включая центры для женщин, агентства для бездомных жертв преступлений, службы помощи семье, фонды правовой помощи, службы компенсации, кризисные центры для лиц, подвергшихся сексуальному насилию, центры помощи жертвам преступлений, убежища для жертв преступлений и жертв семейного насилия, общества помощи заключенным и ресоциализации осужденных и жертв преступлений и др. [182]

Согласно Первому Национальному обзору общих программ помощи жертвам, проведенному Альбертом Робертсом в 1986–1989 годах в США, в 90-е годы в Америке жертвам преступлений чаще всего предлагались следующие виды услуг:

- описание судебного процесса и процессуальных прав жертвы — 71,2 %;
- подача заявлений в другие агентства — 68,4 %;
- обеспечение сопровождения в суде — 65,2 %;
- оказание помощи жертвам в заполнении петиций на получение компенсации — 64,1 %;
- виктимологическая пропаганда и обучение потенциальных жертв — 60,9 %;

- представительство интересов жертвы перед работодателем — 60,3 %;
- обеспечение транспортировки в суд — 59,2 %;
- замена или ремонт сломанных замков в результате кражи или незаконного проникновения в помещение — 12,5 %;
- предоставление денег или талонов на еду — 24,4 %;
- обеспечение ухода за детьми во время присутствия родителей в суде — 37,5 % [183].

Естественно, что перечисленными видами помощи жертвам преступлений и организацией их внедрения в жизнь не исчерпываются формы и методики многогранной прикладной виктимологической деятельности. Подробнее характеристики прикладных аспектов виктимологических исследований будут рассмотрены в иных разделах настоящей работы.

Раздел 2

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

— Игра, кажется, пошла веселее, — заметила она, чтобы как-то поддержать разговор. — Я совершенно с тобой согласна, — сказала Герцогиня. — А мораль отсюда такова: «Любовь, любовь, ты движешь миром...»

Л. Кэррол

2.1. ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ОТНОШЕНИЯ К ЖЕРТВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

2.1.1. От Кодекса Хаммурапи к современному праву

В традиционных правовых системах жертвы преступления всегда находили поддержку и помощь от своего племени.[184] Неформальная социальная среда облегчала влияние виктимизации и содействовала жертве в восстановлении нарушенного статуса. Более того, община часто содействовала в разрешении конфликта и, где возможно, — в принятии репрессивных мер по отношению к правонарушителю. В указанных обстоятельствах виктимизация всегда включала три стороны — жертву (ее семью), правонарушителя (его семью), собственно, так же, как и всю социальную группу. [185] В эти «примитивные» времена социальный контроль, реституция и наказание (месть) осуществлялись непосредственно лицами, потерпевшими от преступлений. Они самостоятельно (или их семьи) брали отправление правосудия в свои руки. Этнографические исследования свидетельствуют, что ранними формами социального контроля, естественно, были месть жертвы и репарации.

Например, в племенном «праве» индейцев шайеннов и команчей содержались нормы, согласно которым преступление против личности рассматривалось как преступление против семьи или племени, и притязания жертвы зачастую брались на себя племенем.

Традиционные формы санкций, такие, как кровная месть, вендетта или денежное возмещение, предполагали не только восстановле-

ние морального порядка, но и восстановление власти племени, поддержание условий его выживания. Аналогичные нормы мы встречаем и в древнейшем памятнике славянского законотворчества «Русской правде». [186]

Этот же мотив прямо звучит и в Библии. *«Да не пощадит его глаз твой; смой с Израиля кровь невинного, и будет тебе хорошо»* [187]. Оскорбляющий должен понести наказание — такова всем знакомая схема, защищающая людей от агрессивности и грубости. *«Да не пощадит его глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу»*. [188]

Существующие исключения в племенных системах санкций, при которых наказывался не обидчик, а жертва (см., например, арменлендский обычай *миририри*, характеризующий правила применения замещенной агрессии во внутриклановых отношениях), только подтверждали общее правило: защита жертвы необходима ради самосохранения семьи и общины в целом. [189]

В рабовладельческом обществе компенсация и реституция использовались с целями усиления карательной сущности наказания к преступнику. Специалисты в области истории государства и права подтвердят, что Кодекс Хаммурапи (1750 г. до н.э.) [190] был весь построен на мести и жестокости. В эти времена обыденным наказанием для вора считалось отсечение руки, а для насильника — кастрация. [191] Изредка наказание преступника в тридцать раз превышало причиненный им ущерб. Кодекс Хаммурапи также рекомендовал семье жертвы и всей общности принимать на себя ответственность за помощь жертве в случае, когда преступник сбежал или не может быть найден и, следовательно, не может быть принужден к уплате реституции.

В процессе развития систем законодательства, которое к тому же сопровождалось глобальными изменениями мировоззрения, в средние века общей точкой зрения стала констатация того факта, что жертва преступления должна получать возмещение и защиту через систему обычного, единого права, не беря отправление правосудия в свои руки.

Определенные виды поведения стали верифицироваться государством как преступления, наделяясь при этом свойством общественной опасности не только для жертвы, но и для всего общества в целом. В это время государство берет на себя ответственность за расследование преступлений, привлечение виновного к ответственно-

сти и его наказание. Жертва же практически отстраняется от участия в процессе репарации и реституции.

В связи с наличием государственных, высших интересов в привлечении правонарушителя к ответственности потребности жертвы в компенсации резко ограничиваются. Решения выносятся в соответствии с интересами государства и общества, но отнюдь не жертвы. [192]

Было бы несправедливым утверждать, что существующая историческая тенденция по отношению к жертве преступления выражается только и исключительно в постепенном ухудшении ее положения. Традиционные правовые системы не всегда являлись идеальными с точки зрения жертвы; во многом реакция общины на правонарушение зависела от материального положения самой жертвы и социальной роли, выполняемой ею в данной общине.

Историки отмечали тенденцию ограничения карательной сущности наказаний в зависимости от уровня развития демократических общественных отношений.

«От неограниченной мести — к талиону, от обязательного талиона — к факультативному, от обязательной мести — к допускаемой, от разрешаемой мести — к системе композиции и прощения. Таков путь постепенного ограничения кар и постепенного их падения», — писал П. Сорокин, анализируя исторические тенденции изменчивости наказаний в зависимости от господствующей общественной психологии. [193]

Естественно, что основанные на идеологии равенства современные демократические правовые системы обеспечивают гораздо большую защиту простым людям через функционирование уголовной юстиции и системы социального контроля.

2.1.2. Юстиция причастных

Эксперты ООН отмечают, что различные системы уголовной юстиции не прошли идентичного пути развития. Так, основные различия в путях становления современных правовых систем в меньшей степени зависят от характеристик правовой семьи (обычное право, французская, германская модель...) и в большей — от существующей политической системы общества и соответствующих подходов к проблеме социального контроля.

В некоторых современных государствах и правовых семьях (например, в мусульманской правовой семье, во многих странах Восточ-

ной и Центральной Европы) жертва и по сей день занимает одну из лидирующих позиций в уголовном процессе. [194]

Тем не менее, несмотря на вышесказанное, к середине XX века во многих странах жертва преступления стала забытой фигурой в системе уголовной юстиции. Учитывая, что государство начало представлять интересы жертвы, необходимость ее участия в уголовном процессе была ликвидирована (либо усечена до минимума). Правовые системы начала XX века гораздо большее внимание уделяли обеспечению минимальных стандартов отправления правосудия по отношению к преступникам, расширяя их права и соответствующие гарантии соблюдения прав и интересов личности преступников в процессе уголовного преследования. Аналогичное внимание отнюдь не уделялось самой жертве.

М. Сигал достаточно экспрессивно выразил эту тенденцию: *«Уязвимая, озлобленная, беззащитная, беспомощная жертва, выжившая в криминальном конфликте, видит преступника, который накормлен, снабжен жилищем, обеспечиваемого правовой, медицинской и психиатрической помощью — вплоть до обучения и трудового воспитания. Жертва же... выживает в одиночку»* [195].

Данное обстоятельство переноса жертвы преступления на периферию системы уголовной юстиции требует, конечно, своего объяснения, которое нам представляется следующим образом:

Во-первых, существовавшие (да и некоторые существующие) системы были сориентированы в основном на осуществление контроля над преступностью с помощью мер наказания и формального социального воздействия. Лозунги исправления и перевоспитания оставались только лозунгами.

На деле же преступников рассматривали либо как дешевую рабочую силу в тоталитарных государствах, либо как неизбежный элемент социального развития, требующий повышенного, жесткого, порой, ничем, кроме высшей, божественной целесообразности, не оправданного формализованного и сурового контроля со стороны государства в демократических и иных странах.

Указанное обстоятельство было очень тонко подмечено А. П. Чеховым, писавшим в начале века, касаясь нецелесообразности и неоправданности чрезмерно жестоких уголовных наказаний: *«Я глубоко убежден, что через пятьдесят-сто лет на пожизненность наших наказаний будут смотреть с тем же недоумением и чувством неловкости, с каким мы теперь смотрим на рвание ноздрей или лишение пальца на*

левой руке. И я глубоко убежден также, что, как бы искренно и ясно мы не сознавали устарелость и предрассудочность таких отживающих явлений, как пожизненность наказаний, мы совершенно не в силах помочь беде. Чтобы заменить эту пожизненность чем-нибудь более рациональным и более отвечающим справедливости, в настоящее время у нас недостает ни знаний, ни опыта, а стало быть, и мужества; все попытки в этом направлении, нерешительные и односторонние, могли бы повести нас только к серьезным ошибкам и крайностям — такова участь всех начинаний, не основанных на знании и опыте». [196]

Во-вторых, абсолютизация принципа государственной законности и целесообразности в ущерб системе неформальных властеотношений, тотальное отчуждение простых граждан от системы управления обществом не могли не способствовать ограничению возможностей соблюдения интересов и прав простого человека, объясняемых высшими целями и идеалами.

«То, что преступление и наказание соотносятся и соединяются в форме зверства, не является следствием подспудно признаваемого закона возмездия. В карательных обрядах зверство порождается определенным механизмом власти. Власть, которая не только не колеблется функционировать прямо на телах, но и возвеличивается и усиливается благодаря своим видимым проявлениям», — писал Мишель Фуко. [197]

Ориентация государственной машины на создание единого, детализированного механизма управления и контроля не могла не влиять на повсеместную регламентацию поведения граждан. Школа и семья, рынок и фабрика, суд и тюрьма — все подлежало и подлежит жесткой регламентации.

Отношение человека к власти было заранее predeterminedено отношением власти к человеку. Контроль над девиациями и жесткая регламентация просоциального поведения признавались оптимальными методами управления обществом.

Лишь только в последние пятьдесят лет люди, пережившие ужасы двух мировых войн, революции и буйство черни, поняли, что высшей ценностью в государстве должно быть не государство, а человек.

Всеобщая декларация прав человека, Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и жертв злоупотребления властью и целый ряд иных документов определяют роль и значение соблюдения и защиты прав человека в формировании современного общества.

Борьба за права человека не является временной кампанией. Это потребность поступательного развития современной системы властеотношений. Однако переориентация систем власти происходила и происходит долго и мучительно: от внедрения институтов представительной демократии до изменения организации системы социального контроля.

Проблемы вовлечения общественности в профилактику преступности, сокращения разрыва между правоохранительными органами и населением, создания альтернатив наказанию, связанным с исправительно-трудовым воздействием, установления научных основ и сбалансированных принципов криминализации деяний, введения институтов посредничества в систему профилактики преступности не могли быть разрешены без изменения вектора уголовной политики: от преступников к потерпевшим от преступлений. [198]

Как правильно отметил Ю. В. Баулин, характеризуя особенности влияния современного правосознания украинцев на процесс законотворчества: *«Перемены, которые происходят в стране, вызвали к жизни представления о необходимости установления новой иерархии ценностей (человек, личность, гражданин, семья, общество и государство), изменение взглядов на роль государства в жизни общества, постановку в принципиально ином плане проблемы защиты прав и свобод человека, изменение взглядов на моральные ценности и т.д. Подобные изменения общественного сознания и психологии людей диктуют необходимость предусмотреть в проекте нового УК Украины систему норм, которая обеспечивала бы защиту каждого индивида от посягательств себе подобных, а также гражданина от посягательств со стороны государства»*. [199]

Сказанное подтверждается той ролью и значением в защите прав человека, которое придают криминальной виктимологии сегодня. Достаточно сказать, что происходящие в общественном сознании перемены вновь выдвигают на первый план проблему *«юстиции частных»*, в рамках которой воля потерпевшего будет занимать центральное место. [200]

Так, в Великобритании, Новой Зеландии, Канаде, Бельгии, начиная с 1991 года, применяются различные схемы досудебного разрешения криминальных конфликтов, связанных с реституцией и оказанием помощи потерпевшим от преступлений с помощью методик семейной и групповой терапии, комплексной медиации и правовой пропаганды.

Результаты применения подобных программ к несовершеннолетним правонарушителям свидетельствуют, что благодаря системе медиации между жертвой и правонарушителем в ряде случаев количество молодых преступников, привлекаемых к уголовной ответственности, сократилось на 75 % (новозеландская схема семейной терапии, при которой жертва, преступник и члены их семей, наряду с представителями различных служб и государственных агентств, собираются вместе для разрешения дела). [201]

Отметим, что проблема роли «восстановительной юстиции» (restorative justice) во взаимоотношениях правонарушителя и его жертвы, а также в процессе профилактики преступлений являлась одной из центральных тем X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Вена, 2000 г.). Соответственно, распространение международно признанных стандартов обращения с жертвами преступлений, имплементация положений международных конвенций в национальное законодательство будут основной проблемой провозглашенного ООН Года защиты жертв преступлений — 2002 года. [202]

2.2. ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВИКТИМОЛОГИИ

2.2.1. Пионеры виктимологии

Как мы уже указывали, появлению виктимологии как отдельного направления первоначально в рамках криминологических исследований способствовали следующие факторы: а) социальные и политические изменения в мире, происшедшие после Второй мировой войны; б) разрушение традиционных институтов социальной солидарности и взаимопомощи благодаря процессам урбанизации и миграции, подстегнутым Второй мировой войной; в) изменение роли семьи в послевоенном обществе; г) сокращение финансирования схем социальной помощи, рост безработицы (как явной, так и скрытой); д) снижение гарантированных законом возможностей личности для возмещения ущерба от виктимизации; е) ограниченность классических схем профилактики преступлений, направленных исключительно на пресечение, нейтрализацию криминальной активности преступника.

После Второй мировой войны преступность в мире стала трактоваться не только как национальная, но и как общепланетная про-

блема, угрожающая всемирной и общечеловеческой безопасности. Однако в утилитарном, обыденном смысле слова для человека чаще *«ощущение незащищенности имеет место в тревогах повседневной жизни, чем от предчувствия какой-либо мировой катастрофы. Будет ли у них достаточно еды для их семей? Не потеряют ли они свои рабочие места? Будут ли их улицы, кварталы, дворы ограждены от преступности? Не подвергнутся ли они репрессиям и унижениям со стороны государства? Не станут ли они жертвой насилия из-за своего пола, национальности, вероисповедания, образа жизни?»*

Безопасность человека это понятие не из военной области, а из области человеческой жизни и достоинства. Материалы по новым измерениям безопасности человека интересны и перспективны... В системе компонентов безопасности человека имеется перечень угроз, который достаточно велик, но мы должны иметь в виду прежде всего семь основных категорий: экономическая безопасность; продовольственная безопасность; безопасность духовного и физического здоровья; экологическая безопасность; политическая безопасность; проблемы личной и общественной безопасности» [203].

Нет ни одного из вышеперечисленных направлений, на которое бы в той или иной мере не влияла преступность, вызывая все большие и большие опасения и страхи у населения.

Стремительный рост преступности, ее дезорганизующее влияние на развитие общества, индустриализация, изменение структуры занятости, изменения социальной политики государств, идущих по пути конвергенции, рост народонаселения, миграции, увеличение неполных семей, увеличение количества свободного времени, безработица, увеличение возможностей для совершения преступлений, декларирование и отстаивание позиций гражданского общества законодателями и населением — все это не могло не сказаться на необходимости изменения отношения к жертве преступления как в общественном сознании, так и в науке и законодательстве.

Истоки развития виктимологии как научного направления восходят к сороковым годам XX века и связаны с именами таких ученых, как Ганс фон Хентиг, Бенджамин Мендельсон, Генри Элленбергер.

Как мы уже выяснили, основным фактом, подлежащим изучению, служило то, что преступность и преступление, их формы проявления и характеристики не могут быть поняты, объяснены и, естественно, ограничены без соответствующего анализа феномена потерпевшего от преступления.

Бенджамин Мендельсон впервые использовал термин «виктимология» в 1940 году. [204] По его мнению, указанная дисциплина является не столько частью криминологии, сколько самостоятельной «*оборотной стороной криминологии*». [205]

Являясь не только ученым, но и практикующим юристом, Мендельсон по специально разработанной анкете из 300 вопросов опросил значительное количество своих клиентов и выяснил, что существует определенный «параллелизм» между биопсихологическими характеристиками преступника и его жертвы.

В вышедшей в 1948 году (году признания виктимологии как научного направления) своей классической книге «*Преступник и его жертва*» Ганс фон Хентиг исследовал взаимоотношения между преступником и потерпевшим. Впервые в учебнике, посвященном механизму преступного поведения, отдельная глава была связана с анализом взаимодействий между жертвой и преступником и личностным характеристикам жертв преступлений как «участников» преступлений. Хентиг указал, что в значительном количестве уголовных дел жертва разделяет ответственность за свою виктимизацию вместе с преступником. [206] Указанные обстоятельства во многом подтверждаются и современными исследованиями. Хентиг установил также, что личностные характеристики некоторых жертв преступлений влияют на их виктимизацию, в то время как другие могут стать жертвами преступлений в результате образа жизни и условий жизнедеятельности сообщества, в котором они проживают.

Как Мендельсон, так и фон Хентиг стали первыми виктимологами, сумевшими дать определенную классификацию жертв преступлений. Так, Мендельсон подразделяет жертвы на шесть основных типов в зависимости от степени виновности жертвы в его (ее) взаимоотношениях с преступником.

Его классификация, описывая степень ответственности (виновности), проранжированную в зависимости от «вклада» жертвы в совершение преступления, подразделяет последних на: полностью невинных жертв; жертв с минимальной виной и жертв, ставших таковыми по небрежности; жертв, столь же виновных, сколь и преступник (умышленных жертв); жертв, более виновных, чем преступник (провоцирующих жертв либо жертв-подстрекателей); исключительно виновных жертв или единственно виновных жертв (например, насильников, убитых в результате самообороны); симулянтов, или

«воображаемых», жертв (параноиков, истероидов, а также лиц, страдающих иными формами аномалий психики). [207]

Эмоциональная и описательная типология фон Хентига включала в себя 13 категорий жертв, классифицируемых по психологическим, социальным и биологическим факторам. К ним относились: дети и молодежь; женщины; престарелые; лица, страдающие психическими заболеваниями или имеющие аномалии психики; иммигранты; представители национальных или расовых меньшинств; олигофрены-дебилы («тупые нормальные» — по Хентигу); лица, находящиеся в депрессивном состоянии; приобретатели (жертвы-provокаторы); распутники; одинокие и «убитые» горем; мучители, садисты; блокированные (фрустрированные), освобожденные и борющиеся. [208]

Генри Элленбергер, талантливый психоаналитик, сосредоточил свои исследования на психологических взаимоотношениях между жертвой и преступником. В своей книге «Отношения» (1954) он констатировал, что для криминологов, стремящихся познать сущность преступления, гораздо важнее уделять внимание «виктимогенным» факторам, нежели «криминогенным». Он призывал криминологов изучать потенциальные угрозы, которым подвергается жертва в зависимости от ее классовых, социально-ролевых и физиологических характеристик. [209]

Вместе с тем, большинство исследований того времени были достаточно ограниченными и носили эклектичный характер, сосредотачиваясь на отдельных, вырванных из социального контекста, сторонах жизни индивидов. Синонимичность и метафористичность понятийного ряда, используемого пионерами виктимологии, нередко приводила к достаточно произвольному толкованию феномена жертвы; к подмене сущностной характеристики виктимизации неполным набором различных качеств, а в ряде случаев — и к известной декларативности полученных выводов.

Такое положение вполне может быть объяснено сложностью и многогранностью самого феномена жертвы преступного поведения, неразработанностью основных положений виктимологической теории в указанное время. [210]

Одним из первых ученых, осуществившим систематизированное социологическое изучение проблемы взаимоотношения вовлечения жертвы преступления в процесс его формирования и детерминации был Марвин Вольфганг. Сосредоточив внимание на жертвах агрессивных преступлений, М. Вольфганг описал как отдельные, отличительные черты жертв убийств и самих убийц, так и их совместные об-

ные характеристики в своем классическом труде «Черты уголовного убийства», написанном на основании социологического анализа поведения 588 жертв и 621 убийцы, совершивших убийства в Филадельфии с 1948 по 1952 год. М. Вольфганг установил, что в 26 % случаев жертва была непосредственным зачинателем и инициатором агрессивного конфликта, первым лицом, использовавшим насилие в нем. Анализ характеристик «жертв-provокаторов, катализаторов криминального процесса» в сравнении с контрольной группой иных жертв убийств показал, что повышенной виктимностью обладают такие категории американского населения, как: афроамериканцы; мужчины-жертвы; женщины-преступницы; лица, злоупотребляющие алкоголем, в том числе в процессе криминального конфликта; лица, ранее привлекавшиеся к ответственности за совершение агрессивных преступлений; лица, отличающиеся повышенной жестокостью, и др. [211] В последующих своих работах М. Вольфганг неоднократно обращался к исследованию процесса интеракции между преступником и его жертвами при анализе преступных карьер. [212]

Огромное значение для развития виктимологии как самостоятельного направления научных исследований сыграла опубликованная в 1968 году книга Стивена Шефера «Жертва и ее преступник: исследование функциональной ответственности». [213] Перефразируя название классического труда фон Хентига, С. Шефер, пожалуй, впервые сделал жертву преступления центральной фигурой монографического исследования. По мнению С. Шефера, виктимология в тот период времени становится самостоятельной наукой о взаимоотношениях и взаимодействиях между преступником и жертвой до, в процессе и после совершения преступления. При этом задача виктимологических исследований сводится не только к установлению констатации факта интеракции между преступником и жертвой, но и к необходимости разработки мер обращения с жертвой, реституции и компенсации причиненного преступлением ущерба, виктимологической профилактики преступлений. Указанные идеи активно поддерживались и отстаивались и такими видными учеными как канадец Эдди Фаттах и голландец Вильям Нагель. [214]

В отечественной криминологии деятельность пионеров виктимологии оценивалась следующим образом:

«Основные идеи виктимологов сводились к следующему:

поведение жертвы оказывает существенное влияние на мотивацию преступного поведения. Оно может облегчать и даже провоци-

ровать его. Напротив, оптимальное поведение может сделать невозможным преступное посягательство (либо свести его вероятность к минимуму или, по крайней мере, позволит избежать серьёзных отрицательных последствий криминала);

вероятность стать жертвой зависит от особого феномена-виктимности. Каждая личность может быть оценена: насколько велика вероятность ее превращения в жертву преступления. Эта вероятность определяет виктимность человека (чем больше вероятность, тем выше виктимность);

виктимность есть свойство определенной личности, социальной роли или социальной ситуации, которое провоцирует или облегчает преступное поведение. Соответственно выделяются личностная, ролевая и ситуативная виктимность;

виктимность зависит от ряда факторов: а) личностных характеристик; б) правового статуса должностного лица, специфики его служебных функций, материальной обеспеченности и уровня защищенности; в) степени конфликтности ситуации, особенностей места и времени, в которых эта ситуация развивается;

величина виктимности может изменяться. Процесс ее роста определяется как виктимизация, снижения — девиктимизация. Влияя на факторы виктимности, общество может снижать ее и тем самым воздействовать на преступность...

Виктимологическое направление воздействия на преступность является одним из наиболее гуманных и перспективных. Оно не требует серьезных материальных затрат и, базируясь на присущем всем людям стремлении к самозащите, обладает как бы внутренним источником развития. Это направление нашло весьма серьезную поддержку ученых и общественности». [215]. В целом с такой оценкой вполне можно согласиться.

2.2.2. Современная виктимология на Западе

Думается, далее нет резона останавливаться на описании и систематизации более 10000 научных работ по виктимологии, написанных на Западе с середины 50-х годов по настоящее время. Так, только в директории Национального института юстиции США содержится более 9600 ссылок на труды в области виктимологии, опубликованные с 1940 по 1994 год. [216] Отметим только, что на сегодняшний день под влиянием политических и социальных процессов в запад-

ной криминальной виктимологии практически выкристаллизовались два основных направления.

Первое, условно именуемое *академическое*, — сосредоточивает свое внимание на анализе теоретических аспектов современной виктимологии, описании перспектив и направлений развития виктимологии как самостоятельной науки [217], анализе т.н. «виктимогрфии» (описание феноменологических аспектов виктимности, применение методов демоскопии для определения уровня и коэффициента виктимизации при анализе преступности), анализе этиологии виктимности, выявлении характера и степени опасности виновного поведения жертв применительно к отдельным категориям преступлений, частотности распределения ответственности между преступником и жертвой в генезисе преступного поведения.

Второе, *прикладное*, — начало активно разрабатываться примерно с середины 60-х годов, когда политические изменения (усиление значения роли движения в защиту гражданских прав и свобод, феминистских движений в политико-правовом континууме) повлекли за собой необходимость создания и принятия соответствующих программ помощи жертвам преступлений.

Данная группа виктимологов разрабатывает проблемы повышения эффективности действующего законодательства по защите прав жертв преступлений и злоупотребления властью, эффективности программ предупреждения семейного насилия, программ помощи жертвам изнасилований, сети услуг и помощи жертвам в снижении травматических последствий преступлений и иных социально-негативных явлений.

Указанные специалисты также изучают эффективность частных и государственных программ компенсации жертвам преступлений.

Так, к ним относятся, например, деятельность профессора Марджери Фрай, первой (в 1958–1959 гг.) обосновавшей необходимость принятия государственных программ компенсации потерпевшим от преступлений, и ее последователей, внедривших компенсационные схемы поддержки жертв преступлений в большинстве стран мира; работы созданного в 1979 году Мирового Общества Виктимологии; разработки исследовательских департаментов Совета Европы наряду с традиционными выступлениями Международной Ассоциации уголовного права.

Они показали, что одной из наиболее важных проблем построения современной системы профилактики преступлений является проблема обеспечения баланса между взаимоперекрещивающимися направлениями контроля над преступностью и системой уголовной

юстиции. С одной стороны, все большему развитию подвергается направление, связанное с обеспечением прав правонарушителей, внедрением единых стандартов справедливого обращения с ними, уничтожением жестоких форм наказания. С другой — современные криминологические исследования подчеркивают значимость законодательного обеспечения прав жертв преступлений на личную безопасность и защиту со стороны закона и, в ряде случаев, на возмещение ущерба, причиненного преступлением. [218]

Сюда относятся также эффективность правоприменения и формирования справедливой системы уголовной юстиции, включение мер противодействия преступности в программы социального развития государства и общины, напрямую связанные с обеспечением прав граждан на личную безопасность, и развитие их экономического и социального потенциала. [219]

К основным перспективным направлениям научных исследований виктимологов Северной Америки и Западной Европы сегодня, соответственно, относятся:

- теория и онтология определения жертвы преступлений в политическом, личностном и социальном контексте;
- соотношение положений Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и жертв злоупотребления властью и национального законодательства, в особенности в области соблюдения прав человека;
- влияние политиков, политики и популизма на идеологию и сущность виктимологических исследований в обществе;
- соотношение социального неравенства и неравенства во властотношениях и виктимизации;
- помощь жертвам по правительственной и общественной линии;
- ресторативная юстиция и виктимологические исследования;
- повторная виктимизация как индикатор криминогенного значения виктимности;
- исследование жертв транснациональных преступлений и преступлений международного характера;
- определение методологии эмпирического анализа виктимизации и виктимности. Поиски новых, эффективных методов измерения виктимизации [220].

Перечисленные направления определяют перспективные участки развития теории и практики виктимологических исследований в рамках работ, проводимых европейскими и американскими коллегами. [221]

2.2.3. Международная виктимология

На VIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями была принята Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (1985).

Декларация, определив основные направления и международно-правовые принципы поддержки и содействия жертвам преступлений и злоупотреблений властью, послужила своеобразной конституцией, Биллем о правах жертв преступлений, созданным специально для распространения передового опыта обращения с жертвами преступлений в национальном законодательстве и отдельных правовых системах и семьях.

Декларация определяет основные направления поддержки и содействия жертвам преступлений и злоупотреблений властью, такие, как:

- внедрение международных стандартов доступа потерпевших к системе правосудия и государственной поддержки;
- криминально-правовая реституция;
- компенсация потерпевшим из государственных фондов;
- оказание необходимой материальной, медицинской, психологической и социальной помощи потерпевшим по правительственным, добровольным, общинным и местным каналам;
- обеспечение средств защиты жертв злоупотребления властью.

Весь текст Декларации основан на понимании того факта, что к «жертвам преступлений следует относиться с состраданием и уважать их достоинство» и что они имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный ущерб в соответствии с национальным законодательством.

Учитывая рекомендательный характер Декларации, не нуждающейся в ратификации или официальном присоединении, резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года, принятой на 96-м пленарном заседании, государства-члены ООН были призваны к принятию необходимых мер по осуществлению положений Декларации и ограничению виктимизации.

Эксперты ООН отмечают некорректность предположений о том, что создание программ помощи потерпевшим должно базироваться исключительно на изменении национальных систем уголовной юстиции. Компаративистский анализ свидетельствует, что существующие системы уголовной юстиции в большей или меньшей степени связа-

ны с причинением моральной травмы жертвам преступлений. В силу этого поддержка жертвам преступлений должна осуществляться как на законодательном, так и на социальном уровнях.

С целью оптимизации процесса воплощения положений Декларации в национальное и международное законодательство в 1995–1998 годах по решению ЭКОСОС специальная группа экспертов вела работу над Международным пособием по использованию и внедрению Декларации в национальных правовых системах.

В настоящее время уже подготовлены тексты двух пособий по применению положений Декларации для политиков и жертв преступлений, которые утверждены VIII сессией Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовной юстиции в 1998 году и в дальнейшем будут переданы для изучения и реализации правительствам государств-членов ООН [222].

Рассматривается и вопрос о создании Международного фонда помощи жертвам преступлений и жертвам злоупотребления властью [223].

Несмотря на сложность унификации систем ограничения виктимизации во всем мире, связанную с существованием различных правовых семей и различных структур социальной поддержки, различных форм виктимизации, типов жертв и виктимогенных ситуаций, авторы пособий стремились дать описание общей принципиальной системы помощи жертвам преступлений, основанной на идеологии быстрого устранения негативных аспектов виктимизации.

Текст пособий отражает основы лучших программ помощи жертвам преступлений, существующих в мире; методы и способы их внедрения в национальное законодательство; технику оказания помощи жертвам; роль и значение комплексного подхода к оказанию помощи жертвам преступлений; основные принципы поведения различных специалистов, работающих с жертвами преступлений; и, наконец, они описывают типовые правовые нормы, посвященные защите жертв преступлений.

Разработанный проект пособия для жертв преступлений состоит из пяти основных разделов, впоследствии существенным образом переработанных и дополненных.

В *первом* разделе идет речь об исторических и международно-правовых основах движения в защиту прав потерпевших, освещаются основные черты и значение виктимизации населения в мире (через проблемы самодетерминации преступности, цены преступности и

злоупотреблений властью в современном мире и др.) с отдельным описанием жертв преступлений, беженцев, жертв войны и жертв катастроф, вызванных преступной неосторожностью.

Второй раздел описывает проблемы создания программ помощи жертвам, останавливаясь, в частности, на:

- процедуре создания программы помощи жертве в стране (определение значения виктимизации, программное планирование, учет потребностей и ресурсов существующих систем уголовной юстиции и социального обеспечения, определение параметров программы, пути внедрения программы в жизнь, типы услуг жертвам, основы интердисциплинарного подхода);

- стандартах услуг (разработка стандартов программы для различных типов услуг на локальном индивидуальном и национальном уровнях, помощь при психологическом кризисе, консультирование, адвокатские услуги, поддержка в уголовном и гражданском процессе, обучение привлеченных специалистов, правовая пропаганда и обучение, превентивные услуги, создание кодекса профессиональной этики для лиц, оказывающих помощь жертвам преступлений);

- характеристиках травм при виктимизации (природа и последствия физических, финансовых и личностных травм, природа психологических травм, природа и последствия вторичной виктимизации при взаимодействии жертвы с системой уголовной юстиции и обществом);

- характеристиках систем скорой помощи жертвам, находящимся в кризисном состоянии (охрана и безопасность, процедуры скорой помощи);

- технике адвокатских услуг и консультирования жертв преступлений (посттравматическое консультирование, специальные психологические техники и методики);

- участии жертвы в системе уголовной юстиции (обращение с состраданием, уважение достоинства, защита от вреда, вовлечение жертвы в процесс принятия решения и в процедуру назначения наказания, вовлечение жертвы в разрешение конфликта в альтернативных системах — медиация, посредничество);

- компенсации и реституции жертвам (государственная компенсация, реституция со стороны преступников и общины, возмещение из других источников и специальным видам жертв, например жертвам геноцида, источники финансирования);

- методиках обучения населения (общественные кампании, специальные мероприятия, коммуникативные способы, стратегии вовлечения средств массовой информации);

- защите и помощи жертвам посредством предупреждения виктимизации;

- обучении профессионалов в области оказания помощи жертвам.

Третий раздел пособия останавливается на проблемах ответственности профессионалов и добровольцев по отношению к жертвам. В нем, в частности, рассматриваются вопросы:

- соотношения деятельности правоохранительных органов и системы помощи жертвам преступлений (стратегии вовлечения правоохранительных органов в систему помощи жертвам, разработка программ в правоохранительных органах, сотрудничество с иными службами, оказывающими помощь жертвам, помощь жертвам с помощью сотрудников правоохранительных органов, ответственность лиц, первыми контактирующих с жертвами преступлений — дежурные, диспетчеры, ответственность патрульных, следователей, дознавателей, сотрудников патронажных отделов);

- деятельности прокуратуры по помощи жертвам преступлений (программные стратегии, работа с профессионалами по помощи жертвам, содействие реституции и компенсации, информирование жертвы и др.);

- роли суда в правосудии для жертв (типовые рекомендации для судей, пособия для судей по общению с жертвами и др.);

- роли персонала учреждений, исполняющих наказание, в процессе оказания помощи жертвам преступлений (обучение жертв, информированность, программы диалогов жертва-преступник, вовлечение жертв в процесс исправления преступников);

- помощь жертвам преступлений в системе образования, медицинской помощи, психиатрической помощи, помощи через религиозные учреждения, помощи через средства массовой информации и через иных профессионалов, сталкивающихся с жертвами преступлений — домовладельцев, служб обеспечения безопасности жертвы в процессе судебного разбирательства, работодателей, сотрудников административных служб (обучающие программы, основные системы мер, типовые программы и пр.);

- обеспечения прав жертв на законодательном и политическом уровнях.

Четвертый раздел посвящен роли гражданского общества в формировании виктимологически выверенной политики. В нем авторы специально останавливаются на характеристиках реформирования системы правовой помощи, социальной политики и правовой реформы в плане более полного удовлетворения потребностей жертв преступлений, поиска и отработки надежных моделей и источников финансирования.

Соответственно, *пятый* раздел посвящен анализу путей и форм международного сотрудничества в деятельности по профилактике виктимизации, роли и значению криминологических учреждений ООН и неправительственных международных организаций в борьбе с преступностью, разработке перспективных механизмов международного ограничения виктимизации.

Второе пособие — учебник ООН по применению положений Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и жертв злоупотребления властью представляет собой комментарий основных статей и принципов Декларации с примерами решения вопросов по имплементации тех или иных норм Декларации в законодательстве различных стран мира.

Разработчики пособий понимали, что различия в правовых системах и трудности с поисками необходимых временных, системных, личностных и финансовых ресурсов не позволят говорить о достаточно быстром внедрении всех вышеназванных положений в национальных юрисдикциях.

Тем не менее именно успешная реализация комплекса вышеназванных мер в некоторых странах ведет к поразительным успехам в деле профилактики преступности и, естественно, к необходимости учета мирового опыта при создании национальных систем в теории виктимологии соответственно [224].

2.3. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВИКТИМОЛОГИИ В СССР И В СТРАНАХ СНГ

2.3.1. Виктимология в СССР

Рассматривая проблемы становления и развития отечественной виктимологии, отметим, что на протяжении долгих лет проблема потерпевшего от преступления в советской юридической науке из-

учалась (да и сейчас, как правило, продолжает изучаться) в рамках процессуальных дисциплин или в связи с ними.

Определению основных прав и обязанностей потерпевшего от преступления, характеристике поведения потерпевшего в процессе предварительного расследования, судебного следствия, проблемам поведения потерпевшего от преступления в процессе подачи и рассмотрения гражданского иска в уголовном судопроизводстве посвящены работы таких выдающихся ученых, как С. А. Александров, С. А. Альперт, В. П. Божьев, В. В. Вандышев, В. А. Дубриный, Л. В. Ильина, А. А. Касымов, Л. Д. Кокорев, В. А. Лазарева, И. И. Потеружа, В. Н. Савинов, В. М. Савицкий, З. А. Шличите, В. Е. Юрченко, П. Е. Яни.

Проблемы характеристики и значения поведения потерпевшего в уголовно-правовых исследованиях рассматривались В. Е. Батюковой, П. А. Воробьем, П. С. Дагелем, И. И. Карпечом, В. Е. Квашисом, М. И. Коржанским, Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Мальцевым, А. А. Ранецкой, М. Х. Рустамбаевым, Р. А. Сабитовым, А. В. Уссом, А. С. Якобовым и другими специалистами в области теории уголовного права.

Вместе с тем создание основ учения о месте и роли потерпевшего в механизме преступного поведения в собственно виктимологическом понимании связывается историками отечественной виктимологии с именем выдающихся советских криминалистов Г. М. Мудьюгина [225] и В. П. Колмакова [226].

Так, В. П. Колмаков при описании процесса расследования убийств обращал внимание на важность анализа общественно-политической и морально-бытовой характеристики личности потерпевшего. [227] Соответственно, в своей работе «Расследование убийств по делам, возбужденным в связи с исчезновением потерпевшего» [228] Г. Н. Мудьюгин, возможно, впервые в СССР обратил внимание на значительную роль потерпевшего в механизме преступного поведения, на необходимость исследования допреступной активности потерпевшего в процессе расследования уголовных дел и выдвижения следственных версий. По его мнению и согласно данным проведенных им эмпирических исследований, способ совершения преступления в подобных ситуациях во многом зависел от характера и особенностей личности потерпевшего от преступления.

Важное значение в понимании феномена потерпевшего от преступления для отечественной виктимологии сыграли работы других авторов, которые рассматривали проблему потерпевших от престу-

плений, совершенных на почве кровной мести, потерпевших от дорожно-транспортных происшествий, потерпевших от убийств. [229]

Однако на самом деле первые виктимологические исследования в СССР начал проводить Л. В. Франк [230], который, по сути дела, и является общепризнанным «отцом» отечественной виктимологии.

В своих двух монографиях и значительном количестве статей Л. В. Франк, опираясь на разработки мировой виктимологической теории, с которой в СССР были практически незнакомы, сумел доказать и обосновать мнение о том, что виктимология является относительно самостоятельным (поначалу рассматриваемым в рамках криминологии) научным направлением, имеющим теоретическую и прикладную ценность. [231]

К основным, конститутивным понятиям виктимологии Л. В. Франк относил:

- понятие виктимизации как процесса превращения лица в жертву преступления и как результата функционального воздействия преступности в целом, могущего проявляться на различных уровнях воздействия на потерпевших, членов их семей, социальных групп и общностей;

- понятие виктимности как склонности личности становиться жертвой преступления в результате ее образа действий и социально-демографических характеристик;

- понятие связи «преступник-потерпевший» как системы отношений между указанными субъектами в рамках криминогенной ситуации, оказывающей значительное влияние на развитие и генезис механизма преступного поведения. [232]

Соответственно, основными функциями виктимологии по Л. В. Франку были:

- получение новой информации о причинах преступности;
- получение информации о механизме преступного поведения в целях ее использования в процессе предупреждения преступлений;
- получение информации о механизме взаимосвязей между преступником и потерпевшим от преступления;
- оценка истинного состояния преступности посредством анализа виктимизации;
- использование виктимологической информации в процессе назначения наказания;
- использование виктимологической информации для совершенствования процесса возмещения вреда потерпевшим от преступления.

Как видим, практически работы Л. В. Франка следовали в русле развития мировой теории виктимологии. Естественно, теоретическое наследие Л. В. Франка отнюдь не исчерпывается перечисленными вехами. Он проделал огромную работу по определению основных методов виктимологических исследований, описанию основных типов потерпевших от преступлений, по использованию виктимологических данных в судебно-прокурорской практике, практике криминологических и криминалистических исследований [233].

Значительное количество работ Л. В. Франка, равно как и иных советских виктимологов, было посвящено проблеме определения роли антиобщественного поведения потерпевшего в продуцировании криминогенной ситуации.

Изучению особенностей влияния поведения потерпевшего на криминогенную ситуацию и механизма различных по уголовно-правовым критериям, этиологическим и мотивационным характеристикам преступлений также были посвящены работы Ю. М. Антонына, Б. А. Блиндера, В. В. Вандышева, Л. Д. Гаухмана, П. С. Дагеля, В. П. Коновалова, Н. Ф. Кузнецовой, В. С. Минской, Р. И. Михеева, В. И. Полубинского, Д. В. Ривмана, В. Я. Рыбальской, С. В. Соболевой, А. Д. Тартаковского и других исследователей. [234]

Следует отметить значение теоретических разработок и непосредственную роль Л. В. Франка в проведении исследований виктимизации населения на массовом уровне. Так, в 1972 году группа ученых под его руководством провела изучение виктимизации населения в Таджикской ССР. Сплошному исследованию были подвергнуты потерпевшие от убийств, телесных повреждений, побоев, изнасилований, заражения венерической болезнью, злостного уклонения от уплаты алиментов, краж и грабежей личного имущества, разбоев, нарушения правил управления автомобильным транспортом, хулиганства и других составов. Группы потерпевших классифицировались по полу, возрасту, социальной принадлежности, роду занятий, степени и тесноте связей с преступником, роли потерпевших в детерминации преступного поведения. Было выяснено, что мужчины в возрасте от 20 до 49 лет составляют основную группу потерпевших от преступлений, что риск их повышенной виктимогенности связан в основном с антиобщественным поведением, алкоголизацией, частыми контактами с потенциальными преступниками. Значительный интерес представили полученные Л. В. Франком и его соратниками данные о «рецидивных» жертвах (8,5 % от общего числа изученных потерпев-

ших), позволяющие глубже понять характер и механизм виктимогенных факторов, воздействующих на человека.

Результатом исследования стала разработка начал виктимологического направления в профилактике преступлений, в особенности в области учета потерпевших и контроля за потенциальными субъектами виктимологической профилактики. [235]

Огромное значение для разработки теории виктимологической профилактики преступлений, а также для развития современной виктимологии сыграли и труды Д. В. Ривмана.

Исходя из того, что «лицо может обладать определенным сочетанием социальных и психологических качеств, которые в известной мере могут предопределять негативное (в иных случаях позитивное) и в то же время опасное для него поведение, т.е. приблизить его к роли потерпевшего, поставить в положение элемента ситуации, толчковым или иным образом содействующего совершению преступления» [236], Д. В. Ривман определил следующие основные направления виктимологической профилактики преступности:

- максимальное использование оборонных возможностей потенциальных потерпевших;
- обучение граждан приемам разрешения небезопасных ситуаций;
- правовая пропаганда, правовое обучение;
- использование технических средств защиты;
- переориентация оперативно-розыскной деятельности с преступника на потерпевшего как с целью организации пресечения и предотвращения преступлений, так и с целью получения более глубокой информации о преступниках.

По мнению Д. В. Ривмана, виктимологическая профилактика преступлений складывается из трех основных направлений:

- 1) общая виктимологическая профилактика, направленная на выявление и коррекцию поведения виктимогенных социальных групп;
- 2) индивидуальная виктимологическая профилактика, направленная на выявление потенциальных потерпевших, их обучение и защиту и на защиту и коррекцию поведения реальных потерпевших от преступлений;
- 3) профилактика конкретных преступлений с использованием виктимологической информации, а также тактических возможностей пресечения преступлений определенного типа в зависимости от свойственных им виктимологических особенностей. [237]

Вместе с тем «забытость» проблемы потерпевшего в системе советской уголовной юстиции практически ограничивала внедрение и использование профилактических схем только рамками криминологической проблематики: как теоретическое обоснование, так и специальная разработка программ, направленных на обеспечение соответствующей помощи, реституции и компенсации жертвам преступлений, практически не велись.

Помощь жертвам преступлений осуществлялась деперсонифицированно, без учета специфических потребностей жертв в рамках общей системы социального обеспечения населения. [238]

Важной теоретической проблемой, достаточно долгое время учававшейся в советской криминологии, была проблема т.н. «вины потерпевшего».

Л. В. Франк, останавливаясь на характеристике данного понятия, отмечал, что оно является собственно виктимологической категорией, не относящейся к уголовно-правовой проблематике. С точки зрения уголовного права «вина потерпевшего» относится к числу обстоятельств, способствующих совершению преступления, но не к его субъективной стороне. [239]

Исследование «вины» потерпевшего позволяет, по мнению ряда авторов, более четко выделить проблему причин индивидуального преступного поведения, значение предделиктных конфликтов для генезиса преступного поведения, определить степень участия потерпевшего в преступлении, содействовать более четкому назначению наказания правонарушителю, дифференцировать процесс реституции и компенсации, наконец, определить дополнительные процессуальные характеристики и правоограничения для потерпевших, «виновных» в совершении преступления. [240]

Впоследствии несущий излишнюю эмоциональную окраску, приводящую к смешению функциональных характеристик уголовно-правовых и социологических понятий, термин «вина потерпевшего» был заменен термином *«отрицательное поведение потерпевшего, способствующее преступлению»*. Так, В. С. Минская и Г. И. Чечель под отрицательным поведением потерпевшего, способствующим преступлению, понимали *«поступки и поведение, причинно связанные с преступлением, объективно причиняющие вред обществу при наличии в них элементов, способствующих зарождению у другого лица умысла на совершение преступления, либо его осуществление»*. [241]

Естественно, что природа и закономерности отношений «жертва-преступник» не могут не изучаться вне анализа поля провоцирующего поведения потерпевшего. Вместе с тем чрезмерное внимание, которое уделялось исследованию данного компонента теории виктимологии на ранних стадиях ее развития, можно, пожалуй, объяснить только приверженностью советских ученых к формально-логическому, теоретическому анализу явления виктимности в ущерб собственным прикладным разработкам.

Таким образом, 70–80-е годы в отечественной виктимологии характеризовались созданием общей теоретической базы, методологии и методики виктимологических исследований, с концентрацией внимания на проблеме роли жертвы в механизме преступного поведения и ее значения для уголовного, уголовно-процессуального права и криминологии; использованием результатов виктимологических исследований в деятельности по профилактике преступлений.

Естественно, что существовавшие идеологические установки не способствовали достаточно объективному анализу истинного положения дел: виктимология рассматривалась как отрасль криминологических исследований, способная под определенным углом зрения дать своеобразную окраску процессу детерминации преступного поведения.

2.3.2. Тенденции современной виктимологии

К середине 80-х — началу 90-х годов оценка роли и значения виктимологических исследований начинает понемногу меняться.

Так, развитие кризисной ситуации в странах постсоветского блока, перемены в образе жизни целого поколения, обостренные быстротечностью, разнообразием и неопределенностью социальной ситуации, не могли не сказаться на изменении социального отношения к виктимологическим проблемам.

К концу XX столетия во всем мире, а в особенности в странах СНГ, стали проявляться тенденции, отмеченные еще в 1955 году великим футурологом Алвином Тоффлером в книге «Столкновение с будущим»: в различных регионах наблюдаются предпосылки развития кризиса адаптационных возможностей человечества. [242] Люди не в состоянии противостоять постоянным нарушениям душевного равновесия, происходящим в результате ломки стереотипов и крушения идеалов, вызванных множеством причин (от влияния НТР на про-

блему коммуникаций, снятия барьеров и этнокультурных запретов до изменения официальной государственной идеологии и аномии как естественного фрустрационного следствия). Ощущение приближения вселенского хаоса и конца света стало, пожалуй, достаточно часто встречаться в реальной жизни человечества и более всего — в странах СНГ, где кумуляция скрытой агрессии происходила годами.

Так, свыше 80 % жителей крупных индустриальных городов Украины ощущают недостаток защиты от преступности, да и вообще лишь 3–6 % жителей удовлетворены состоянием своей безопасности. [243] Согласно данным Российского института социологии парламентаризма, 71 % российских граждан убеждены, что государство не защищает их; 59 % боятся за свою жизнь, безопасность родных и близких; 56 % взрослого населения боятся выйти на улицу с наступлением темноты; 21 % граждан не чувствует себя в безопасности в собственной квартире; 49 % граждан хотят приобрести огнестрельное оружие. [244]

В этой связи забота о безопасности населения и его защите от любых видов угроз приобрела общенаучное значение.

Понятно, что, основываясь исключительно на данных криминологических исследований, криминальная виктимология, как единственное достаточно глубоко разработанное научное направление исследования виктимности, не была в состоянии полностью выполнить социальный заказ на подготовку добротных рекомендаций по обеспечению безопасности и методик выживания граждан в обстановке политического и экономического хаоса.

Колоссальное же количество появившихся переводных работ по обеспечению безопасности граждан зачастую не имели достаточной методологической базы, были оторваны от практики жизнедеятельности в постсоветском пространстве. [245]

В силу этого в работах современных виктимологов постепенно появляется стремление к пониманию виктимологии как самостоятельного комплексного научного направления (криминальной, деликтной и травматической виктимологии), призванного обеспечить безопасность жертв социально опасных проявлений, т.е. любой организованной формы материи, нормальному состоянию которой был нанесен ущерб. [246]

Диверсификация научного знания приводит к появлению концепций криминалистической [247] хозяйственно-правовой виктимологии [248], активно развиваются разделы виктимологической про-

филактики преступлений несовершеннолетних [249], виктимологии агрессивных преступлений, определения «цены» преступности с помощью методов виктимологических исследований. Растет число диссертационных исследований, выполненных по виктимологической проблематике. [250] Появляются работы, посвященные переосмыслению как традиционных проблем отечественной криминологии, так и выходу на новые рубежи познания, по идеологическим причинам закрытые ранее для исследователей. [251]

Специальные курсы по виктимологии читаются в юридических вузах, для студентов готовятся специальные учебные пособия по криминальной виктимологии. [252] Развивается виктимологическая профилактика преступлений, создаются все новые и новые общественные организации, ставящие своими задачами защиту прав и свобод потерпевших от преступлений, оказание им помощи по общественным каналам. [253]

Вместе с тем исторические тенденции развития любой социологической науки предполагают обращение не только к проблеме дифференциации научного знания, когда происходит выделение новых, относительно самостоятельных научных направлений и дисциплин, ранее существовавших только как раздел того или иного учения.

Познание социальных закономерностей функционирования виктимности как своеобразного вида социальных девиаций требовало интеграции научного знания, рассмотрения проблемы виктимологии в комплексе ее проявлений, взаимосвязей и взаимозависимостей. [254]

Указанные обстоятельства обусловили необходимость расширения исследований основ общей теории виктимологии и теории криминальной виктимологии, описанию которых посвящены последующие разделы настоящей работы.

Далее в настоящей работе будет предложена попытка разработки системы понятий, характеризующих предмет и основные направления криминальной виктимологии как учения о жертве преступления, становлении жертвой и социальной реакции на жертву преступления, направленного на проведение научного анализа, описание и интерпретацию моделей поведения жертвы, установление причинных и ассоциативных связей, а также вероятностных взаимосвязей с целью ограничения криминальной активности и нейтрализации причин, ее порождающих. [255]

Сложности, встающие при этом перед исследователем, очевидны: история развития виктимологических учений и идей свидетельствует

о крайней неоднозначности применения и толкования основных понятий учения о жертве преступления.

Практически каждый ученый, исходя из своей мировоззренческой установки или из установки, заданной системой властеотношений в стране [256], по-своему трактовал те или иные термины, не испытывая ни малейшей нужды в создании единой, унифицированной терминологии.

«Что говорить о терминах науки, когда даже о самом определении науки трудно договориться», — писал В. И. Паниотто, характеризуя в свое время состояние понятийного аппарата социологии. [257]

Сказанное в полной мере относится и к проблемам криминальной виктимологии. Так, несмотря на поставленные еще Первым Международным симпозиумом по виктимологии в 1973 году задачи отработки общей теоретической концепции виктимологии, исследования в области генезиса, структуры и динамики виктимизации, анализ роли жертвы в системе действующих общественных отношений в различных культурах и странах, исследования отдельных типов и форм виктимизации [258], эмпиризм, свойственный западным виктимологам, особого стремления к разработке общих вопросов теории до последнего времени не вызывал.

Во всяком случае, лишь в 80–90-е годы появляются работы Э. Виано, М. Йотсена, Я. Ван-Дийка, Н. Кристи, где вопросы теории виктимологии рассматриваются в свете нового экономического порядка и в несколько отличном от традиционных бихевиористских воззрений «отцов-основателей» виктимологии — Б. Мендельсона, Э. Фаттаха, Г. Хентига, Г. Элленбергера. [259]

Проделанный авторами «Курса советской криминологии» анализ понятийного аппарата теории виктимологии, разрабатывавшегося советскими специалистами, также свидетельствует о множественности и неоднозначности восприятия используемых различными советскими школами и учеными социалистических понятий. [260]

Проблема понятия жертвы, ее соотношения с понятием потерпевшего от преступления, виктимизации, виктимности, виновного поведения жертвы, места и роли жертвы в механизме преступного поведения анализировалась в СССР в зависимости от социокультурных установок авторов, от принадлежности к той или иной «школе» криминологии, наконец, от политического отношения авторов к самому предмету криминологии и места и роли виктимологии в сфере научных интересов автора. [261]

Немудрено, что исследования виктимизации в СССР в то время практически не проводились: кому необходимо было знать, что декларируемое властью предрасположение дел в сфере профилактики преступности достаточно сильно отличается от истинного.

Между тем анализ виктимизации населения в состоянии более качественно оценить истинное положение дел с интенсивностью преступности в стране, чем основанные на традиционных методах измерения статистические исследования. [262]

Так, практикуемые много лет обзоры виктимизации в США свидетельствуют о высокой прикладной ценности таких исследований для понимания преступности, закономерностей ее распределения и отношения населения к проблеме преступности в стране. Например, в 1975 году, по данным Министерства юстиции США, уровень виктимизации в стране был представлен следующими показателями: на 60000 семей и 15000 организаций, подвергнутых анкетному опросу, установлено 37000000 случаев виктимизации. Из этих 37000000 случаев 55 % приходятся на индивидов, 41 % — на семьи и 4 % — на организации. Около 40 % всех случаев виктимизации составляют кражи, 15 % — насильственные преступления против личности. [263]

В результате от 35 до 56 % взрослых американцев ограничивали или изменяли формы своей социальной активности посредством применения личностных ограничений, защиты домовладений, создания коллективных форм защиты от преступности (общинная профилактика). [264]

С годами ситуация только усложнялась (что происходило практически во всех странах мира), поэтому приоритет цели кооперации населения с государственной политикой в области социального контроля над преступностью также включал развитие и совершенствование виктимологических исследований. [265]

Указанное обстоятельство лишний раз подчеркивает уникальность ситуации, складывающейся в Украине, когда из 93 % городского населения, проживающего в самостоятельных квартирах (один из высших показателей в Европе), 2 % используют жалюзи и решетки и 3,4 % — охранную сигнализацию (один из низших показателей в Европе!). [266]

Раздел 3

ЖЕРТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

— Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти? — Это во многом зависит от того, куда ты хочешь прийти, — ответил Кот. — Да мне почти все равно, — начала Алиса. — Тогда все равно, куда идти, — сказал Кот. — Лишь бы попасть куда-нибудь, — пояснила Алиса. — Не беспокойся, куда-нибудь ты обязательно попадешь, — сказал Кот, — конечно, если не остановишься на полпути.

Л. Кэррол

3.1. ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

3.1.1. Понятие жертвы преступления

В современной юридической и социологической литературе достаточно долгое время шли дебаты об определении понятия жертвы преступления.

Ряд авторов, основываясь на положениях действующего уголовного-процессуального законодательства и материального права, утверждал, что жертвой преступления может быть только физическое лицо, которым преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред (т.н. узкое, операциональное определение жертвы). [267] Например, канадская ученая М. Бариль определяет *жертву как лицо (или группу лиц), перенесшее непосредственно посягательство на свои основные права со стороны другого лица (или группы лиц), действующего сознательно*. [268] Поляк Ежи Бафия рассматривает виктимологию как «часть криминологии, занимающуюся участием физического лица-жертвы в формировании криминогенной ситуации преступности». [269] В одной из последних работ, выполненных по виктимологической проблематике в Украине, О. Н. Мойсюк определяет жертву преступления как человека, которому в результате субъективного желания преступника или из объективно складывающихся обстоятельств причиняется физический, моральный или имущественный ущерб. [270]

Другие, принимая во внимание комплексность и междисциплинарность виктимологических исследований, инструментальность и операциональность понимания жертвы в виктимологической теории, определяли *жертву как любого человека или социальную общность, которой преступлением был причинен вред* (т.н. широкое, общетеоретическое определение жертвы). [271] Так, Эмилио Виано определяет *жертву преступления как любое лицо (социальную группу, институт, общность), которому причинен вред или повреждения другим лицом, которое ощущает себя потерпевшим, сообщает об этом публично, нормативно верифицировано как потерпевший и, следовательно, имеет право на получение помощи от государственных, общественных или частных служб.* [272]

Подобное понимание жертвы преступления обосновывается следующими соображениями.

Во-первых, в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью под термином «жертвы» понимаются лица, «*которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью... Термин «жертва» в соответствующих случаях включает близких родственников или иждивенцев непосредственной жертвы, а также лиц, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить виктимизацию.* [273]

Во-вторых, основной аргумент противников концепции широкого понимания жертвы преступления об отсутствии (недопустимости) использования понятия «потерпевший» в отношении юридических лиц или иных социальных общностей в действующем материальном и процессуальном праве ныне снят благодаря вводимым законодателями новеллам.

Так, в соответствии с новым Уголовным кодексом Украины, [274] перечень объектов уголовно-правовой охраны включает в себя физических и юридических лиц, общество и государство (ст.11 (2)). Именно причинение им существенного вреда рассматривается как основание криминализации деяния.

Субъектами установления, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей являются не только граждане, но и юри-

дические лица [275]. Думается, в этой связи нет резона говорить о невозможности признания юридического лица (иной социальной общности в случае совершения преступления геноцида или иных злоупотреблений властью против отдельных социальных, этнических групп и меньшинств) потерпевшим от преступления.[276]

По указанному пути идет современная процессуальная наука. [277] Возможно, именно поэтому определение потерпевшего от преступления, предложенное в подготовленном рабочей группой Кабинета Министров Украины проекте Уголовно-процессуального кодекса Украины, включает в себя и юридических лиц, которым преступлением причинен имущественный или моральный ущерб. [278]

Как показывает развитие теории права, юридическое лицо, его активность могут быть оценены и проанализированы в бихевиоральном смысле. Фактически юридическое лицо — объективная, самостоятельная социально-правовая форма, имеющая свою «волю» и ведущая себя соответствующим образом, с точки зрения своих личных предпринимательских самостоятельных интересов и корпоративных ценностей. Естественно, что посягательства на юридических лиц как корпоративных целостностей имеют свои особенности.

Подобные особенности имеют и посягательства на отдельные социальные группы и общности, в особенности в случаях злоупотребления властью. Вместе с тем особый социально-ролевой статус потерпевших от значительного количества преступлений в сфере экономики, преступлений международного характера связан именно с корпоративностью таких потерпевших, несводимых только и исключительно к отдельным физическим лицам.

«Учреждения, корпорации, коммерческие предприятия и группы людей могут быть также виктимизированы и законно приобрести статус жертвы», — писал в одной из своих последних работ Э. Виано. [279]

Наконец, *в-третьих*, включение социальных общностей и организаций в понятие жертвы преступления детерминировано комплексным характером виктимологических исследований, оперирующих понятием жертвы как основным инструментом в познании закономерностей взаимодействия преступности и виктимности. [280]

Структурно определение жертвы преступления состоит из следующих элементов: *объекта, объективно и субъективно связанного с ним источника причиненного вреда и самого вреда.*

Ранее было выяснено, что жертвой преступления могут выступать как физические, так и юридические лица (социальные общности),

которым непосредственно был причинен ущерб преступлением, девианты в преступлениях без жертв (первичная жертва), а также члены семьи, близкие лица, родственники, иждивенцы первичных жертв (рикошетные жертвы). [281] Представляется не только ненаучным, но и попросту безнравственным, исключать ricochetных жертв и субъектов преступлений без жертв из совокупности объектов, охватываемых понятием «жертва преступления» по тем основаниям, что первые только опосредованно связаны с преступлением, а вторые, мол, сами своим поведением создали неблагоприятные последствия, приведшие к криминальному результату (например, преступления, связанные с немедицинским употреблением наркотиков). Ricochetные жертвы испытывают такие же страдания и проявляют такие же симптомы психологических затруднений, как и первичные жертвы. Члены семей жертв убийств, партнеры и супруги изнасилованных женщин, родители ограбленных подростков, родственники потерпевших от краж и иных преступлений описывают сходные психологические симптомы от не прямой виктимизации так же, как и прямые жертвы.

Возможно, это связано с эмоциональными и поведенческими реакциями на причинение вреда субъекту, к которому привязана ricochetная жертва, возможно, — с обычными человеческими представлениями о безопасности и справедливости окружающего мира, нарушаемыми преступлением, возможно, — с ощущением страха и незащищенности, не покидающим нас с момента столкновения с неизвестным, возможно, — с викарным подкреплением, возникающим при обучении типичным выходам из стрессовой ситуации, принятым в той или иной культуре. Психологи до сих пор еще спорят об этом. [282]

Однако посттравматический стресс, гнев, униженность, страх и депрессия являются спутниками виктимизации ricochetных жертв точно так же, как и прямых жертв. И не помнить об этом, декларируя принципы защиты гражданских прав и свобод в государстве, нельзя.

Субъекты преступлений без жертв [283], причиняя вред общесоциальным ценностям как охраняемому уголовным законом благу, одновременно причиняют вред и себе, травмируя свое психическое здоровье. [284] Таким образом, с криминологической точки зрения в круг лиц, относимых к жертвам преступлений, следовало бы также включить не только субъектов, которым был непосредственно причинен ущерб преступлением, но и тех, чье законное благо было поставлено преступлением (или покушением на него) под угрозу. [285] Вообще,

согласно данным ученых криминалистов, число предусмотренных уголовным законом преступлений, причиняющих ущерб психической неприкосновенности личности, составляет около 70 %. [286]

Известно, что психологические последствия преступления могут носить непосредственный, краткосрочный и долгосрочный характер.

Непосредственные реакции жертвы на совершенное в отношении нее преступление выражаются в шоке, отрицании, гневе, озлоблении, депрессии и ощущениях незащищенности, изолированности, никому ненужности (т.н. синдром посттравматического стресса). Эти симптомы обычно длятся от нескольких часов до нескольких суток. В течение нескольких недель после пребывания жертвой потерпевшие указывают на изменения сознания, фобии, боли, переполненность негативными эмоциями.

Жертвы зачастую указывают на переполненность чувством вины, потерю самоуважения, снижение самооценки, беспомощность, депрессию. Они также могут испытывать вновь ощущение участия в преступлении в форме кошмаров или маний. В течение этого периода жертвы описывают возникающие у них страхи одиночества, боязнь быть похищенным, а также ощущение того, что преступление в отношении них вновь совершится.

Несмотря на то, что большинство из этих симптомов исчезает с течением времени, многие жертвы свидетельствуют о наличии у них долгосрочных психологических реакций на преступление: заниженной самооценки, депрессии, тревожности, трудностей в интимных отношениях. [287]

Аналогичным образом и имеющая сложные био-психосоциодуховные предпосылки болезненная зависимость наркоманов от психостимуляторов реализуется у них в идентичных для большинства потерпевших от иных преступлений психических переживаниях, эмоционально волевых расстройствах, психических болезнях, фобиях.

По данным немецких виктимологов, у лиц, ставших жертвами ограблений или краж со взломом, наблюдаются такие симптомы: нервозность — 86 % и 81 %; истерический плач — 78 % и 60 %; страх — 75 % и 70 %; шок — 50 % и 38 %; нарушения памяти — 20 % и 5 %; гнев — 38 % и 42 %. [288]

Сходные психологические реакции наблюдаются и у рикошетных жертв. Так, телефонный опрос 12500 респондентов жителей США показал, что 2,8 % выборки были членами семьи жертв убийства, 3,7 %

были отдаленными родственниками убитых, а 2,7 % — близкими друзьями убитых. Таким образом, 9,3 % выборки составили лица, явившиеся рикошетными жертвами умышленных убийств. Анализ психологических реакций этих рикошетных жертв показал, что 23,4 % из них испытывали полноценный синдром посттравматического стресса, около 40 % соответствовали показателям синдрома посттравматического стресса хотя бы по одному диагностическому критерию. [289]

3.1.2. Содержание определения жертвы преступления

С точки зрения криминальной виктимологии *жертвой преступления признается только лицо, пострадавшее от запрещенного национальным уголовным законом деяния (действия или бездействия).*

«Связанность» понятия жертвы преступления формальными рамками уголовно-правовых явлений четче ограничивает предмет криминальной виктимологии. Это позволяет проникнуть в сущность проблемы жертв преступлений, сочетая анализ многоаспектных поведенческих, психологических и соционормативных проявлений человеческой активности с комплексной, междисциплинарной оценкой феномена жертвы преступления.

В свое время в криминологической литературе появлялись предложения расширить предмет изучения криминальной виктимологии всеми типами жертв социально опасных проявлений.

Так, Матти Йотсен, анализируя в своих ранних работах феномен именности преступности и его связи с жертвами преступлений, предлагал вместе с группой разработчиков первого варианта Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью включить в понимание жертвы как жертв традиционных (конвенциональных) преступлений, так и жертв т.н. «неконвенциональных» преступлений (злоупотреблений властью, нарушений трудового законодательства и прочих, тесно связанных с преступностью, но некриминализованных проявлений отклоняющегося поведения). [290]

Не отрицая теснейших взаимосвязей между различными типами виктимизации и виктимности, предполагающими их комплексный, системный анализ, подчеркнем все же, что углубленное изучение отдельных элементов предмета виктимологических теорий среднего уровня содействует познанию глубинных закономерностей виктимологии в целом.

Именно поэтому впоследствии в Декларации основных принципов правосудия появилось специальное определение *жертв злоупотребления властью как лиц, «которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, еще не представляющего собой нарушения национальных уголовных законов, но являющегося нарушением международно признанных норм, касающихся прав человека»*. [291]

Преступник, преступление и жертва связаны друг с другом сложной системой взаимоотношений.

С одной стороны, виктимизация жертвы может быть определена самим состоянием и/или отклоняющимся, провоцирующим поведением жертвы. В теории уголовного права справедливо отмечается, что обязательным структурным элементом любого общественного отношения является социальная связь, которая *«справедливо рассматривается и как содержание самого отношения. Такой вывод обусловлен тем, что социальная связь является как бы зеркалом внутренней структуры общественного отношения, в ней отражаются его сущность и основные свойства»*. [292]

Анализ связей взаимодействия, контроля, отношений [293] между преступником и его жертвой помогает выяснить сущность и содержание отдельных элементов механизма преступного поведения, определить основные поведенческие характеристики виктимности. *«Жертву преступления следует рассматривать как фактор, генетически и динамически влияющий на преступность»*, — писал Ежи Бафия [294].

В настоящей части работы нет необходимости анализировать приводимые суждения относительно общей социолого-психологической характеристики взаимосвязей между преступником, преступлением и жертвой. Отметим, однако, что именно эти конститутивные черты социальных связей между преступником, преступлением и жертвой определяют особенности виктимологической профилактики преступлений.

С другой стороны, в формально-логическом определении понятия жертвы речь может (и должна) идти не столько об объективно-субъективной характеристике социальной связи, сколько о связи детерминации, когда носящее предметный характер преступление объективно предваряет процесс виктимизации жертвы либо сопутствует ему, а жертва, соответственно, осознает свой специфический

социально-правовой статус, возникший в связи и по поводу совершения в отношении нее преступления. *«Виктимизация поражает сферу «самости» жертвы. Включенными здесь являются не столько индифферентные и тривиальные черты, сколько личный мир жертвы и иных лиц, тесным образом связанных с жертвой. Готовность преодолеть стереотипы, оценивая себя как жертву и признавая чью-то виктимизацию, важна по другому существенному основанию: она служит предпосылкой начала восстановительного процесса. Понимание растворения шок и смятение и открывает путь для преодоления трудностей».* [295] Именно эти фиксированные и подлежащие формализации элементы подлежат отражению в определении жертвы преступления.

Взаимосвязь между преступлением и жертвой с неизбежностью приводит к определенным последствиям (причиняемому жертве и системе связанных с ней отношений вреду). В юридической литературе все виды преступного вреда, в зависимости от характера и механизма нарушения общественного отношения, подразделяются на несколько типов.

Так, вызываемые преступным действием изменения С. В. Землюковым подразделяются на четыре типа.

«Первый тип вредного изменения объекта посягательства характеризуется утратой материального или нематериального блага. Это вредное изменение возникает при совершении разрушающего действия. Второй тип вредного изменения состоит в определении вредного состояния, положения. Третий тип вредных изменений объекта посягательства состоит в осуществлении запрещенной законом деятельности, результатом которой является создание (производство) вредных для общества запрещенных продуктов. Четвертый тип вредного изменения состоит в недостижении (ненаступлении) общественно-полезного блага...» [296]

Соответственно, при преступном бездействии первый тип «состоит в том, что воздержание лица от совершения результативного общественно-полезного действия не приводит к появлению общественно-полезного результата, определенного обязанностью. Ненаступление общественно-необходимого блага как объекта соответствующего общественного отношения приводит к тому, что отношение теряет свою социальную значимость, прерывается. Второй тип вредных изменений происходит при воздержании субъекта отношения от совершения охраняющих, подавляющих и пресекающих действий. Этим допускается возникновение вредных изменений либо продолжение их развития. Вслед-

ствие этого происходит утрата или повреждение общественно-полезного блага как объекта этого отношения». [297]

Указанные изменения могут быть связаны с причинением ущерба физическому здоровью жертвы, материальными потерями, с психическими травмами, с дезадаптацией и десоциализацией жертвы преступления.

Проблема причинения вреда физическому здоровью, телесной и психической неприкосновенности жертвы, анализ характеристик материального ущерба достаточно глубоко исследованы в теории уголовного права и криминологии. [298]

Так, физический ущерб, помимо причинения вреда телесной неприкосновенности лица, подвергшегося криминальному нападению, может включать: увеличение адреналина в крови жертвы, повышение давления, судороги, слезливость, сухость во рту, переживание событий в замедленном темпе, ухудшение работы органов чувств, потерю аппетита, мускульного тонуса, насморк, снижение либидо...

Соответственно, типичный финансовый ущерб от преступления включает: восстановление поврежденной (украденной) собственности, установку средств безопасности, обращение к медицинским учреждениям, участие в деятельности системы уголовной юстиции, привлечение профессиональных консультантов (адвокатов, психологов, психоаналитиков), уменьшение количества продуктивного рабочего времени и связанное с этим сокращение заработка, расходы на похороны, проблемы с последующим трудоустройством у ролевых жертв. [299]

В наиболее общем виде подвергались криминологическому анализу и такие моральные последствия преступления, как психические переживания, психологический стресс, посттравматические стрессовые расстройства (эмоционально-волевые расстройства: чувство утраты, беспомощности, безнадежности, чувство унижения, опущенности, ощущение неадекватности происшедшего потребностям и установкам потерпевшего), психические болезни и акцентуации.

Например, в психиатрии и теории обращения с жертвами преступлений является аксиомой тот факт, что любая жертва, как правило, страдает от посттравматического стрессового расстройства, основными симптомами которого являются [300]:

а) рекуррентное постоянное и беспокоящее переживание травмы через неприятные воспоминания, сны, навязчивые действия и чувства, как будто бы событие повторилось (перепроживание травм, ил-

люзии, галлюцинации, внезапные, яркие и реалистичные, вспышкообразные возвращения травмирующих переживаний);

б) постоянное избегание стимулов, которые напоминают о травме. Например, пациент избегает мысли и чувства, ассоциирующиеся с травмой, избегает ситуации и сферы деятельности, которые пробуждают травматические воспоминания;

в) психогенная амнезия;

г) снижение интереса к значимым видам деятельности (который присутствовал до того, как травма произошла). Например, пациенты проявляют уменьшенный интерес в значимых сферах жизнедеятельности; они могут чувствовать отчужденность (отстраненность) от других людей; набор их реакций может быть ограничен либо они могут чувствовать отсутствие будущего, снижение спектра эмоций;

д) постоянные симптомы повышенного возбуждения, которое включает в себя раздражительность и вспышки гнева, проблемы с концентрацией внимания, гиперактивность, неадекватное реагирование; они проявляют физиологическую реакцию на события или ситуации, которые отображают в символической форме или походят на травму;

е) расстройство вызывает значительный дистресс или дезадаптацию в социальной, профессиональной и других важных областях жизнедеятельности;

ж) пациент должен был испытывать данную симптоматику не менее одного месяца, после чего можно диагностировать наличие у него посттравматического синдрома.

По данным американских психиатров, всего лишь 10 % жертв сексуального насилия не проявляют никакого нарушения своего поведения после совершения преступления. Поведение 55 % жертв умеренно изменено, и деятельность 35 % жертв сопровождается серьезной дезадаптацией. Спустя несколько месяцев после нападения 45 % женщин каким-то образом способны адаптироваться к жизни; 55 % жертв испытывают длительные воздействия травмы. Согласно данным немецких криминологов, *«жертвы переживают три стадии травмирования: 1) реакция на происшедшее и ее развитие; 2) осознание понесенного ущерба; 3) поиск выхода. Для первой стадии травмирования характерны шок, сомнения и т.п., для второй — страх, огорчение, гнев. На третьей стадии жертва «вытесняет» нанесенный ей психический вред, направляя свою энергию на другие сферы деятельности»*. [301]

К сожалению, в отечественной литературе проблемы дезадаптированности жертвы преступления, которая не в состоянии ни с чем справиться после совершенного на нее нападения, привлекали несколько меньшее внимание.

Так, психологическая адаптация служит условием формирования побуждения к совершению значимых действий. В процессе адаптации человек формирует свой социальный статус, выражающийся в воплощенной в его деятельности системе отношений к определенным нормам и ценностям. Соответственно, поломка механизмов адаптации ведет к невыработанности необходимых для нормальной жизнедеятельности социальных качеств, к ухудшению взаимоотношений жертвы и общности, жертвы — с системой уголовной юстиции, к совершению неадекватных, дезадаптивных аморальных проступков. [302] В юридической и социологической литературе неоднократно отмечалось: *«Чем дальше психологическая установка адресата норм и его мировоззрение от официально выраженных в законе позиций, тем ниже качество и объем правомерного поведения»*. [303]

Немудрено, что дезадаптивное отклоняющееся поведение является как предпосылкой и следствием виктимности, так и предтечей будущей криминальной активности индивида. В дальнейшем мы подробнее остановимся на месте и роли дезадаптации в генезисе виктимного поведения. Сейчас же отметим: приобретаемый опыт жертвы в социальных конфликтах ведет не только к рецидиву виктимности, но и к последующему преступному поведению. Не случайно в семьях несовершеннолетних, совершивших агрессивные преступления, наблюдается высокая доля родителей, грубо относившихся к своим детям: около 80 % правонарушителей выросли в семьях, где им не уделялось должного внимания [304], в 39–46 % случаев в подобных семьях отмечались неоднократные агрессивные конфликты, сопровождавшиеся ссорами, оскорблениями, избиениями, применением телесных наказаний к подросткам. [305]

За исключением физического вреда, связанного с нарушением телесной неприкосновенности и причинением повреждений здоровью и безопасности человека, в наиболее общем виде остальные перечисленные виды негативных воздействий преступления на жертву могут быть охарактеризованы как материальный и нематериальный вред, причиняемый жертве преступления.

По мнению С. В. Землюкова, *«материальный преступный вред — это изменение общественных отношений, регулирующих материально-*

предметную деятельность людей в сфере производства, распределения, потребления материальных благ, состоящее в уничтожении, повреждении, утрате материальных благ (ценностей) либо связанное с производством и распределением запрещенных вещей, предметов, веществ.

Нематериальный преступный вред — это изменение общественных отношений в политической, правовой и духовной сферах общества, связанное с уничтожением, ущемлением, ограничением нематериальных благ (ценностей) либо с производством и распространением антиобщественных идей, взглядов, форм морали». [306]

Указанные обстоятельства, как правило, изучаются при криминологическом исследовании «цены» преступности и ее составляющих.

Вместе с тем вред, причиняемый жертве преступлением, не ограничивается только прямым и непосредственным ущербом, наступившим в результате первичной виктимизации. Не меньшее значение имеют и последствия вторичной виктимизации, связанные с отношением к жертве преступления лиц из ближайшего социального окружения, органов социального контроля, врачей, адвокатов правонарушителей и т.п. [307]

Предубежденность значительного числа работников системы уголовной юстиции в виновности жертвы, оскорбительные, а порой и унижительные процедуры, которым подвергается жертва после обращения ее в органы уголовной юстиции, несбалансированность прав жертвы и обвиняемого в уголовном процессе, некорректное поведение медицинских работников, журналистов, отчуждение близких и родственников, винящих жертву в происшедшем, — вот далеко не полный перечень стрессовых факторов, способствующих усилению дезадаптации жертвы, ухудшению ее морального состояния, ее деградации.

Подытоживая изложенное, отметим, что анализ науковедческих, статусных, поведенческих, нормативно-правовых оснований и характеристик определения потерпевших от преступлений дает основание утверждать, что *жертвой преступления признается любое физическое лицо (социальная общность, организация), которому преступлением причинен физический, материальный или моральный ущерб.*

3.2. «ВИНА ЖЕРТВЫ» ПРЕСТУПЛЕНИЯ

3.2.1. От вины к девиации

В процессе изучения вклада жертвы в совершение преступления посредством анализа взаимосвязей и взаимозависимостей между преступником, жертвой и ситуацией совершения преступления многими виктимологами на протяжении значительного количества времени выделялось понятие *«вины жертвы»*.

Ранее уже отмечалось, что проблема внедрения термина «вина жертвы» в систему виктимологических знаний являлась не более чем попыткой редукции уголовно-правовых понятий и закономерностей в не связанный формальными рамками правового поля социологический по природе аппарат виктимологии. Это естественно.

Развитие науки, создание нового научного направления волей-неволей предполагало заимствование терминов у смежных учений. К сожалению, практика свидетельствует о неспособности понятийного аппарата формально-правовой науки выполнить операциональные задачи аппарата социально-правового учения.

Нет нужды говорить о тех неприятностях и сложностях, которые возникли у правоведов при попытке использования собственно криминологических понятий «организованная преступность», «коррупция» при создании законодательства по социальному контролю над названными явлениями. Оказывается, сознательно допускаемая криминологами диверсифицированность, многозначность данных понятий, связанная с необходимостью системного, всеобъемлющего исследования названных явлений, не может быть применена в уголовно-правовой практике правоприменительной деятельности. Противоречие между формальной определенностью уголовно-правовой нормы и изменчивостью массовых социальных подсистем, каковыми и являются организованная преступность и коррупция, заранее приводит к неэффективности подобных социально-превентивных актов.

Имеющие место попытки уголовно-правовой борьбы с явлениями, а не с конкретными актами поведения, при этом носят скорее политический (популистский), чем реалистический характер.

Аналогичным образом противоречивость понятия «вина жертвы», его логическая неопределенность, несоответствие формально-правовым критериям характеристик используемых синонимичных понятий в отечественной цивилистике и уголовно-правовых науках

привела к постепенному отторжению этого понятия из сферы собственно виктимологических терминов.

Авторами «Курса советской криминологии» был подробнейшим образом описан процесс преобразования понятия «вина жертвы» в понятие «отрицательного поведения потерпевшего» и описания существенных различий между ними. [308] Указанная трансформация понятия была вполне объяснима.

Признавая термин «вина жертвы» в качестве одного из основополагающих в виктимологической теории и руководствуясь необходимостью создать ее основы, исследователи постепенно вышли на общую проблему влияния отклоняющейся (в том числе отрицательно оцениваемого обществом поведения) активности личности жертвы на механизм преступного поведения и гомеостаз преступности и виктимности в целом.

С другой стороны, отрицательное поведение потерпевшего — лишь частный случай проявления виктимности, стереотипно выделяющийся в качестве основного ее элемента даже в некоторых современных работах. Например, отмечая, что только около одной трети преступлений были либо совершены при содействии потерпевшего, либо им спровоцированы, авторы учебника «Криминология» под редакцией В. Э. Эминова и В. Н. Кудрявцева (1995) писали, что «для нужд криминологии условно вполне можно говорить о вине потерпевшего, поскольку речь идет о вполне определенных формах поведения одного из участников преступления, а не о его ответственности в уголовно-правовом смысле». [309]

3.2.2. Характеристика «вины жертвы» преступления

Если в оперирующей с понятием преступления криминологии совокупность социально-психологических свойств, характеризующих отрицательное отношение личности к охраняемым уголовным законом общественным интересам и ценностям, которые выражаются в общественно-опасном, противоправном деянии, и рассматривается как содержательная характеристика вины правонарушителя [310], то в виктимологических исследованиях содержание понятия «вина жертвы» можно подразделить на три группы относительно самостоятельных явлений.

Первая, описывающая комплекс социально-психологических субстанциональных и функциональных переменных, способствующих превращению лица в жертву преступления (эмоции, мотивы,

психическое отношение к совершенному деянию и его последствиям), — по сути дела, охватывается понятием виктимности и рассматривается в рамках изучения указанного свойства.

Вторая, характеризующая оценочную сторону виктимной активности с точки зрения ее соответствия господствующим в обществе социальным нормам и ценностям и самосознанию индивида, — может характеризовать степень т.н. «виновности» жертвы.

Виновность жертвы определяется в зависимости от идентификации лица как жертвы преступления как со стороны общества, так и со стороны самой жертвы.

Понятно, что определение «виновности» жертвы, имея под собой достаточно мощные корни в обыденном сознании и представлениях, на самом деле является практически целинным участком научных исследований.

Переживания жертвы, ее самооценка и самоидентификация, ролевая жертвенность, с одной стороны, вторичная виктимизация со стороны общины («сама виновата») и/или норм и правил поведения референтной жертве группы, а также и представителей органов государственной власти, контактирующих с жертвой, — вот далеко не полный перечень вопросов, подлежащих разрешению для организации помощи в выходе жертвы из кризиса.

Справедливости ради отметим, что в некоторых странах специально делается упор на разрешение подобного рода психологических проблем, на усиление психокоррекционной работы, тогда как предметно ориентированная отечественная криминальная виктимология содействует не решению вопроса «как жертва преступления выходит из кризиса?», а вопроса — «как потенциальной жертве не попасть в такой кризис?». В принципе большинство указанных проблем логически охватываются и освещаются в процессе изучения роли и значения виктимизации и нейтрализации ее негативных аспектов, хотя, безусловно, проблема анализа самооценки, самоидентификации жертвы имеет непосредственно прямое значение для понимания виктимологической проблематики.

Наконец, *третьей формой* выражения вины потерпевшего, наиболее тесно связанной с процессом виктимизации и полностью соответствующей традиционным виктимологическим представлениям о роли некоторых потерпевших в механизме преступного поведения, является *отрицательное поведение потерпевшего, способствующее совершению преступления*.

Указанная форма «вины жертвы» характеризует поступки и поведение потерпевшего, *«причинно связанные с совершенным в отношении него преступлением, объективно причинившие вред обществу при наличии в них элементов, содействующих зарождению преступного намерения у другого лица или его осуществлению»*. [311]

Так, по данным Д. В. Ривмана, негативное виктимное поведение жертв умышленных убийств составляет 70 %, причинения тяжких телесных повреждений — 61,8 %, изнасилования — 52,3 %, заражения венерическим заболеванием — 86,7 %, традиционного криминального мошенничества — 74 %, криминального аборта — около 100 %. [312]

Естественно, что описание и характеристика процесса влияния потерпевшего на механизм преступного поведения, как правило, осуществлялись (да и осуществляются) с учетом степени выраженности отрицательных характеристик виктимогенной активности жертвы преступления. Нельзя не отметить огромного значения полученных результатов для практики криминологических исследований механизма конкретных преступлений и организации социального контроля.

Достаточно сказать, что негативное виктимное поведение потерпевшего может оказать влияние на изменение квалификации преступления, на смягчение уголовной ответственности и наказания, на освобождение от уголовной ответственности с заменой наказания мерами административного либо общественно-правового воздействия, наконец, — на полное освобождение от уголовной ответственности при рассмотрении дел частного обвинения. [313] В последнее время в юридической литературе встречаются предложения рассматривать виктимное поведение потерпевшей от изнасилования в качестве основания ограничения субъективного вменения при привлечении виновного к уголовной ответственности. [314]

Представляется, что исследования подобного феномена как негативное отклоняющееся поведение жертвы должны и будут продолжаться.

Однако свойственное ряду криминологических исследований широкое использование нравственно-психологических оценок таких потерпевших, как провокаторов, агрессоров, смещает акцент с изучения социальных закономерностей, определяющих особенности го-меостаза преступности и виктимности, на носящие индивидуальный характер негенерализованные свойства конкретной личности. [315]

Поэтому можно предположить, что отрицательное поведение потерпевшего является одним из частных проявлений виктимности (своеобразная «злая воля» жертвы) и в этом ключе и будет рассматриваться нами далее в процессе анализа основных закономерностей виктимности и взаимосвязей между преступниками и их жертвами.

3.3. КЛАССИФИКАЦИЯ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

3.3.1. Задачи и виды классификации жертв преступления

Классификация жертв преступления, с точки зрения теории криминальной виктимологии, на современном этапе должна способствовать:

во-первых, пониманию места и роли жертвы в механизме преступного поведения, уточнению круга причин индивидуального и группового преступного поведения;

во-вторых, оценке значимости групповой виктимной активности для детерминации массовой виктимизации;

в-третьих, организации эффективной профилактической политики и политики обращения с жертвами преступлений, сориентированной на конкретные виктимологические группы.

«Классификация потерпевших имеет принципиальное значение, так как позволяет судить в полном объеме о поведении потерпевшего, ситуации, предшествовавшей преступлению, взаимоотношениях с преступником, роли потерпевшего в механизме совершенного преступления, условиях, способствовавших совершению преступления, о путях и способах защиты жертвы преступления, о способах предупреждения преступления», — писал по этому поводу Г. И. Чечель. [316]

Отметим сразу: задача выделения наиболее существенных характерных черт жертвы (общности жертв преступлений) раскрывается в данной работе в плане определения общих теоретических направлений последующего виктимологического исследования личности жертвы преступления.

Во многом это связано с тем, что если криминология, изучая «мир в миниатюре», пытается выделить существенные характеристики, отличающие тип преступника от неправодея, то изучение нормальных граждан с виктимной отклоняющейся активностью в рам-

ках виктимологических исследований с трудом позволяет говорить о существовании отдельного, обособленного типа личности жертвы преступления (за исключением, пожалуй, жертв-мазохистов).

В лучшем случае виктимологи пытаются посредством наблюдения частот встречаемости виктимизации у различных групп населения выделить определенные группы потерпевших, наиболее подверженных риску виктимизации. Такова, например, была упоминавшаяся ранее классификация жертв преступлений у фон Хентига (дети и молодежь; женщины; престарелые; лица, страдающие психическими заболеваниями или имеющие аномалии психики; иммигранты; представители национальных или расовых меньшинств; олигофрены-дебилы; лица, находящиеся в депрессивном состоянии; приобретатели (жертвы-provокаторы); распутники; одинокие и убитые горем; мучители, садисты; блокированные (фрустрированные), освобожденные и борющиеся. [317]

Учитывая «связанность» криминальной виктимологии рамками уголовно-правовых и криминологических исследований и генетическую зависимость виктимности от преступности, ее определения и видов в работах советских виктимологов жертвы преступлений подразделялись в зависимости от избранных классификационных критериев на следующие группы:

а) по содержанию субъективной стороны преступления (жертвы умышленных и неосторожных преступлений);

б) по направленности и особенностям правового регулирования преступного посягательства (жертвы определенных видов преступлений; жертвы преступлений с однородным объектом; жертвы злоупотреблений властью и транснациональных преступлений);

в) по виду и кратности причиненного вреда (жертвы, которым преступлением был причинен физический, моральный или имущественный вред, первичные и рецидивные жертвы);

г) по характеру взаимоотношений с преступником (случайные жертвы, неопределенные заранее, predetermined жертвы);

д) по роли жертвы в генезисе преступления (нейтральные, соучастники, provокаторы);

е) по иным социальным характеристикам (полу, социальным связям и отношениям жертвы с преступником);

ж) по психологическим критериям (жертвы с психическими отклонениями, жертвы-симулянты, мнимые жертвы, добровольные жертвы и пр.);

з) по биофизическим характеристикам (пол, возраст, национальность, физическое состояние в момент совершения преступления). [318]

Нетрудно заметить, что в большинстве отмеченных случаев речь идет скорее не о классификации жертв преступлений, а о выделенных показателях структуры виктимизации, дополняющих структурную характеристику преступности. Данное положение вполне естественно, поскольку оно объясняет естественную тенденцию исследователей к генерализации полученных знаний посредством накопления эмпирического материала.

Развитие и совершенствование теории механизма преступного поведения повлекло за собой создание классификаций, в которых личностные качества и характеристики потерпевших рассматривались во взаимосвязи с их влиянием на детерминацию конкретного преступления.

Так, А. Д. Тартаковский классифицировал потерпевших от преступлений в сфере семейно-брачных отношений на жертв, не содействующих совершению преступления, содействующих и провоцирующих потерпевших. [319] Сходная классификация потерпевших была разработана и Г. И. Чечелем, подразделявшим жертв в зависимости от поведения, предшествовавшего совершению преступления, на: невиновных активных; невиновных пассивных; жертв с неодобряемым (осуждаемым) поведением; жертв с неосмотрительным поведением; жертв с аморальным поведением; жертв с провоцирующим поведением; жертв с преступным поведением. [320]

Соответственно, в зависимости от ведущих видов деятельности, приводящих жертву к фатальному результату, Д. В. Ривман делил потерпевших на следующие группы:

1. Агрессивных, намеренно создающих конфликтную ситуацию.
2. Активных, способствующих совершению преступления или причиняющих вред самим себе.
3. Инициативных, поведение которых носит положительный характер, но приводит к причинению вреда.
4. Пассивных, не оказывающих сопротивления преступнику по тем или иным причинам.
5. Некритичных, становящихся жертвами преступлений в результате своей неосмотрительности.
6. Нейтральных, которые никак не способствовали совершению против них преступления. [321]

Нетрудно заметить, что перечисленные классификации потерпевших в зависимости от степени и нравственной оценки виктимной активности определенным образом повторяют классификацию жертв по Б. Мендельсону (полностью невинные жертвы; жертвы с минимальной виной; жертвы, столь же виновные, сколь и преступник; жертвы, более виновные, чем преступник; исключительно виновные жертвы; симулянты, или «воображаемые» жертвы) [322]. Нет нужды говорить и о том, что они перекликаются с хрестоматийной в отечественной криминологии классификацией преступников по А. Б. Сахарову (в зависимости от степени и глубины антиобщественной направленности личности подразделявшему последних на особо злостных, злостных, неустойчивых, ситуативных и случайных преступников). [323]

3.3.2. Основание классификации жертв преступлений

При всей значимости использования названного «деятельностного» подхода при классификации жертв преступлений отметим, что в последнее время в литературе все чаще встречаются упоминания о необходимости определенной коррекции данной классификации. Предлагается анализировать не столько ведущие типы деятельности, не всегда отражающие реальные личностные характеристики субъектов, сколько содержание внутренней позиции личности (мотивационную окраску ее поведения), более предметно воспроизводящую характеристики взаимодействия определенных типов ситуаций и типов личности как жертв преступлений, так и самих преступников. [324] *«Личность как субъект деятельности — понятие прежде всего психологическое. Юридическая классификация преступлений вряд ли может быть положена в основу криминологико-психологической классификации личности. По-видимому, решение этой проблемы должно опираться на исследования психологов»,* — писал по этому поводу А. Ф. Зелинский в своей работе «Криминальная психология». [325]

Далее в этой же работе А. Ф. Зелинский, основываясь на анализе динамической стороны процесса человеческой мотивации, классифицирует преступников на рассудочных, слабовольных, импульсивных и эмоциональных личностей, выделяя, в зависимости от уровня регуляции психической деятельности, ряд подвидов (расчетливых эгоистов, лицемеров, апатичных, неприспособленных, беспорядочных, аффективных, сосредоточенно жестоких, энергичных озлобленных). [326]

Не возражая в принципе против приведенной классификации преступников, которая воспроизводит в определенной степени характерные черты акцентуированных личностей, отметим, что в современной психологической литературе мотивация деятельности рассматривается как единство содержательного (описывающего основные феноменологические черты человеческих побуждений) и динамического (описывающего энергетику мотивации, развитие и взаимодействие побуждений) ее аспектов и реализующих мотивацию психологических механизмов, преобразующих отдельные структурные элементы процесса формирования мотива в новые прогрессивные (или регрессивные формы).

Человеческая мотивация, как отмечал В. К. Вилюнас, *«служит родовым понятием для обозначения всей совокупности факторов, механизмов и процессов, обеспечивающих возникновение на уровне психического отражения побуждений к жизненно необходимым целям, т.е. направляющих поведение на удовлетворение потребностей. На основе психического отражения регулируется не весь процесс удовлетворения биологических потребностей, а только те его звенья, которые предполагают активность в изменчивой среде и требуют ситуативной выработки реакций»*. [327]

Изложенное предполагает возможность построения классификации жертв правонарушений, исходя не только из мотивационной окраски их ведущей деятельности, особенностей взаимодействия со средой, уровней психического отражения действительности, но и из особенностей самих механизмов формирования и развития человеческой мотивации в фило- и онтогенезе.

Нельзя не отметить: подобный подход, интегрирующий воедино содержательную и динамическую стороны мотивации и сами процессы их взаимодействия и развития, уже встречался в криминологической литературе.

Основанием для построения такой классификации служило известное положение о том, что *«характерная мотивация преступного поведения может быть свойственна определенному уровню направленности личности преступника и, в то же время, тот или иной уровень направленности личности преступника отражается в содержании мотивов преступного поведения»*. [328]

При этом анализ динамических характеристик развития мотивационных процессов в онтогенезе привел Ю. М. Антоняна и В. В. Лунеева к выводу о последовательной рационализации преступного пове-

дения в процессе формирования антиобщественной направленности личности преступника и преобразования его из одного типа в другой. [329] В целом же *«в последовательном ряду поступков, из которых складывается единая линия поведения, всегда имеется внутренняя логика, свой (осознанный или не осознанный личностью) «план». Какой-нибудь поступок может показаться случайным. Но эта случайность снимается, когда в линии поведения прослеживается определенная однотипность форм поведения в сходных жизненных ситуациях, т.е. проступает некая статистическая закономерность, в которой проявляется личный характер. Понятна ирония бравого солдата Швейка по поводу «случайности» поведения одного его знакомого: «Если что и произошло, так это лишь чистая случайность и «промысел божий», как сказал старик Ваничек из Песь-гржимова, когда его в тридцать шестой раз сажали в тюрьму»*. [330]

3.3.3. Генезис отклоняющегося поведения и классификация жертв преступлений

В 1986 году мы попытались с позиций системного анализа на материалах исследования агрессивных девиаций раскрыть особенности развития антиобщественной активности личности в онтогенезе (путем описания взаимодействия деструктивных-ситуативных и рациональных-предумышленных проступков). Было установлено, что это выражается в зависящем от ситуативных и личностных факторов становлении и развитии устойчивых типов антиобщественного поведения, дифференцируемых по характеру их мотивов и целесообразности на: импульсивные; утилитарно-ситуативные; установочные; рациональные проступки.

В наиболее общем виде генезис агрессивных девиаций проявлялся как становление устойчивых типов агрессивного поведения, затем их дезорганизация в форме недостаточности для удовлетворения актуализируемых потребностей субъекта, которая выступает условием перехода к становлению иного, качественно отличного по мотивационному характеру и целевой направленности типа девиации.

Этапами генезиса, соответственно, были названы:

дезадаптивная маргинальная активность — совершение импульсивных девиаций, находящихся под потенциальным контролем сознания;

формирование готовности к агрессивному поведению, усвоение агрессивных норм и правил поведения среды обитания, дезадаптив-

ное конфликтогенное поведение — утилитарно-ситуативная агрессивная активность как средство выхода из типичного повторяющегося межличностного конфликта;

безнаказанное совершение утилитарно-ситуативных проступков, активное утверждение ранее усвоенных и подкрепляемых насильственных обычаев и правил поведения в повседневной деятельности субъекта — формирование агрессивно-установочного варианта поведения;

преобразование установки на агрессию как самоцель жизнедеятельности личности в рациональное агрессивное поведение, отличающееся целесообразностью, независимостью от конфликтной ситуации и инструментальной направленностью.

При этом каждый вид агрессивных девиаций определялся соотношением степени деформации личности (глубины ее социально-психологической дезадаптации или степени десоциализации) и характеристикой наличного воздействия социальной среды (в форме фрустрационной, конфликтной или иной критической ситуации) [331].

Впоследствии в 1989 году на заседаниях Всесоюзной школы молодых ученых и специалистов, проводимых МВД СССР, ЦК ВЛКСМ и Академией МВД СССР в Минске, данная классификация была дополнена еще одним видом активности: ретретистским поведением («уход в себя», суицидальная активность, алкоголизм, наркотизм), характеризующим особую степень дезадаптации личности, возникающую как результат вытеснения рациональности человеческой активности с целью поддержания гомеостаза «личность-среда обитания». По Р. Мертону, одной из заслуг которого в развитии теории аномии явился подробный анализ реакций субъектов на фрустрационные ситуации, ретретизм *«отличается отрицанием как целей, одобряемых обществом, так и институциональных средств их достижения»*. [332] Таким образом, генезис девиантного поведения можно попытаться выразить в виде циклограммы, отображенной на рис. 3 Приложения.

Импульсивные девиации как форма реакции на крайне негативные раздражители внешней среды, по сути дела, имеют природные предпосылки. *«С начала культурной эволюции у человека в противоположность агрессивным и защитным действиям развился интерес к неизвестному. Оценка неизвестного как угрожающего или интересного является продуктом архаических реакций конечного мозга... Если господствуют спонтанные страхи, то сигналы промежуточного мозга подчи-*

ият и вытеснят физиологически более слабые процессы конечного мозга. Поэтому сочувствие, терпимость, компромиссное поведение и другие положительные социальные приобретения могут быть не реализованы из-за чувства небезопасности, социального давления, страха и стрессов всех видов, возникающих во время угрозы». [333] Отсюда потребность в личной безопасности, детерминируемая оборонительным рефлексом (бессознательный уровень психической активности), в критической, конфликтной ситуации (представляющей реальную или мнимую угрозу для субъекта) может реализовываться в экспрессивных девиантных действиях, практически не обдумываемых субъектом.

Впоследствии, при частоте повторяемости однотипных критических ситуаций, безнаказанности актов девиантного поведения, сопровождающихся усвоением субъектом диктуемых культурой его общности правил разрешения конфликта, индивид начинает использовать конкретные девиантные способы разрешения конфликта в конкретной жизненной ситуации. *Девияция становится утилитарной формой реакции индивида на конкретную жизненную ситуацию.* Так, избалованные дети, пытаясь получить что-либо от своих родителей, ведут себя неадекватно (громкий плач, истерика, замещенная агрессия и пр.) в случаях, когда знают, что именно эта форма поведения вызвала требуемые реакции от реципиентов девиации.

Если вызванное дефектами социального общения отчуждение личности от положительных норм и принципов поведения влечет за собой переход к усвоению утилитарных нравов, рассматривающих девиацию как инструмент для разрешения критической ситуации, то интернализация указанных норм снижает избирательность и самоконтроль сознания в регуляции поведения личности.

При попадании в стандартные критические ситуации указанное лицо, не задумываясь, поступает в соответствии с правилами девиантного поведения его микросоциальной среды, рассматривающими девиацию как наиболее удобный, утилитарный способ разрешения конфликта.

При накоплении опыта использования отклоняющегося поведения как средства разрешения и/или нейтрализации конфликта любые ситуации межличностного взаимодействия могут оцениваться субъектом как стимулы к демонстрации собственного привычного девиантного поведения, выступающего средством самоутверждения себя самого. Тогда же утилитарное использование девиаций может вызвать и отрицательную реакцию сообщества, ведущую к дезадапта-

ции субъекта и, при определенных условиях, к усилению девиантных тенденций. *«Даже ребенок, с которым никто не хочет играть, стремится вступить в общение со своими сверстниками через драку или поддразнивание их... Подростки, страстно желающие выглядеть не хуже других, избивают и заставляют унижаться тех, кто им кажется выше по престижу».* [334]

Длительность, безнаказанность и частота повторяемости девиаций ведет к усвоению полезности девиантного поведения уже не в связи с необходимостью обороны или позитивного разрешения конкретного конфликта, а в связи со сформировавшейся у лица установкой на девиантные действия как самоцели собственной деятельности (психология хулигана, домашнего тирана, готовых «взорваться» по поводу любых внешне не значимых посягательств на их самость — вот типичные формы реализации установочных девиаций). *Такая девиация приобретает «личностный смысл»* (А. Н. Леонтьев).

При дальнейшем подкреплении девиантных тенденций в образе жизни индивида вполне возможным является формирование у лица отношения к девиантному поведению не только как к вынужденному способу разрешения конфликтной ситуации либо как к самоцели жизнедеятельности, но и как к инструменту для достижения любой цели.

Готовность субъекта к применению девиации в качестве инструмента удовлетворения любой потребности способствует завышенной самооценке личности, стремлению к лидерству в негативном смысле этого понятия. С психологической стороны подобное поведение характеризуется наличием сознательного расчета в целевом использовании девиации, полным отрицанием социально-приемлемых способов разрешения поставленной задачи, удовлетворения определенной потребности. Совокупность указанных качеств является субъективным стимулом осознанного отклоняющегося поведения и свидетельствует о достаточно сформировавшейся антисоциальной направленности личности, ищущей в девиации способ удовлетворения любого рода потребностей вне зависимости от желательности или нежелательности такого поведения для общества.

Рациональное девиантное поведение является высшим этапом генезиса девиаций, объединяя в себе как крайнюю осмысленность и бездуховность девиантных проступков, так и значительную степень десоциализации личности, ее практическую оторванность от социально-одобряемых связей и отношений. В общественной жизни подобные лица характеризуются крайним рационализмом, подсчи-

тивная выгоду от своих поступков и действуя в соответствии с собственными правилами поведения «сильной» личности.

Вместе с тем рационализация человеческой активности имеет и свое продолжение. Используя свойство человеческой психики к вытеснению (З. Фрейд), рациональная личность, руководствуясь социокультурными установками общества, стремится к «снятию» аккумулируемых психических результатов рациональной активности. Возникает психологическая готовность к очищению, к подавлению собственных деструктивных тенденций их обращением на себя. Возникает ретретистская форма девиантной активности, реализующаяся в алкоголизации, наркотизме, суицидальных тенденциях и пр.

Так, теории психологии агрессии известен один из компонентов агрессии, носящий ретретистский характер: дефицитарная агрессия. *«Дефицитарная агрессия характеризуется низким уровнем активности, снижением возможностей человека к творчеству, а также формированием астенических и депрессивных состояний, обсессивно-компульсивных расстройств, аутоагрессивных феноменов».* [335]

Усиление ретретистских форм социальной активности, ведя к деградации психики и личности в целом, понижает пороги торможения, ломая устоявшиеся запреты и стереотипы, приводя, соответственно, к усилению импульсивности и иррациональности человеческих девиаций.

Круг замкнулся. Хотя, если точнее, в онтогенезе мы встречаемся не столько с циклом, сколько со спиралью: каждая новая форма девиаций, «порождая» следующую, служит отрицанием предыдущей и компонентом новой формы активности. «При этом наблюдается постоянное влияние высших форм на более простые, и в то же время происходит закрепление сложных форм саморегуляции в более простых, стереотипичных формах». [336]

Вместе с тем признание наличия генетических связей порождения между различными по своей мотивосообразности формами девиаций не может охарактеризовать достаточно полно все многообразие связей и взаимозависимостей между ними.

Так, в криминологическом плане определенное значение имеет выявление связей детерминации, когда девиации, имея общую психологическую природу, способствуют возникновению сходных себе проявлений на более высоких уровнях самоорганизации личности (и, кстати, наоборот). Указанное обстоятельство подробно было раскрыто в концепции иерархических установок (диспозиций) лично-

сти, получившей определенное распространение в современной криминологической литературе. [337]

Так, детерминируемое бессознательным психическим импульсивное поведение связывается с социально приобретенным в результате стереотипизации девиантной активности установочным. Установочная девиация при длящейся деградации личности порождает ретренизм как сопутствующую форму мотивировки. Ретренизм, обеспечивая гомеостаз субъекта со средой, предполагает использование определенных видов девиаций для достижения поставленной цели (утилитарных проступков), которые, в свою очередь, способствуют рационализации человеческой активности. Рациональные девиации, многократно повторяясь и стереотипизируясь, ведут к увеличению импульсивности и т.д. Имея под собой общую основу (невозможность удовлетворения потребностей социально приемлемыми способами), указанные формы девиантности взаимодействуют и взаимопроникают друг в друга, способствуя антиобщественному развитию личности.

Естественно, что данная схема лишь в наиболее общем (и, нужно сказать, чересчур упрощенном) виде описывает особенности развития девиантной активности и, как любое теоретическое описание многообразия человеческой активности, является в определенном смысле усеченной и ущербной. Однако следует отметить, что указанные положения отразили общие тенденции стратификации криминальной активности в современной криминологической литературе.

Например, анализируя агрессивную преступность в Украине, О. М. Литвак выделяет инструментальные и импульсивные агрессивные преступления [338].

Соответственно, авторский коллектив под руководством А. И. Долговой, осуществляя структурный анализ преступности, определяет сегодня в общем ее массиве системно взаимосвязанные между собой: преднамеренную (рациональную); актуально-установочную (характеризующуюся мгновенным избранием лицом преступного варианта поведения в подходящей ситуации); виктимно-ситуативную (характеризующуюся определенной виной преступника в попадании в провоцирующую ситуацию); случайно-ситуативную (когда ситуация совершения преступления для лица была непредсказуемой) преступность. [339]. Причем, отмечает А. И. Долгова: *«Основой взаимосвязи выделенных подструктур преступности является сама преступная деятельность в ее развитии. При определенных условиях один вид преступности порождает другой (другие) или влияет на них»*. [340]

Указанное утверждение можно, по-нашему мнению, применить и к описанию взаимосвязей преступного и виктимного поведения. Используя вышеприведенную схему генезиса девиантной активности и основываясь на тезисе о взаимосвязанности и взаимозависимости различного рода отклонений [341], рассмотрим генерализованный процесс взаимосвязи виктимных и преступных девиаций. В наиболее общем виде он отражен в Табл.2 Приложения.

Так, *установочное* стремление к подавлению другой стороны в конфликте чаще всего вызывает *импульсивные* криминальные реакции. *Провоцирующее* рациональное поведение жертвы-преступника корреспондирует с *утилитарно-ситуативными* преступлениями как средством ликвидации зачинщика конфликта. Алкоголизирующая *ретретистская* активность жертвы служит классическим стимулом для *установочных* преступлений. *Импульсивные* страхи и подавленность — наилучший объект для *рациональных* преступников. Наконец, *утилитарно-ситуативное* навязывание моделей поведения, разрешения конкретного внутриличностного конфликта связано с *ретретизмом* как формой «ухода» в себя в «преступлениях без жертв».

Представляется возможным использование приведенных моделей взаимодействий при попытке классификации жертв преступлений. Естественно, мы понимаем, что классификация жертв по ведущей форме виктимной активности в криминальном конфликте не является оптимальной. Значимые проявления личности в различных сферах жизнедеятельности еще не характеризуют личность как целостность. Рациональная жертва-provokator вполне может стать рецидивной жертвой в результате импульсивных реакций страха, вызванных агрессивным воздействием. Универсальным критерием таксономии жертв преступлений являются психологические свойства и качества личности. Однако в таком случае нам пришлось бы выполнить работу Карла Линнея, классифицировав весь общественный организм в целом. К сожалению, отсутствие репрезентативных исследований психологии жертв преступлений существенным образом затрудняет эту работу.

В силу этого в зависимости от характеристики мотивации ведущей виктимной активности представляется возможным выделить следующие виды жертв преступлений:

1. Импульсивная жертва, характеризующаяся преобладающим бессознательным чувством страха, подавленностью реакций и рационального мышления на нападения правонарушителя (феномен Авеля).

2. Жертва с утилитарно-ситуативной активностью. Добровольные потерпевшие. Рецидивные, «застревающие» жертвы, в силу своей деятельности, статуса, неосмотрительности в ситуациях, требующих благоразумия, попадающие в криминальные ситуации.

3. Установочная жертва. Агрессивная жертва, «ходячая бомба», истероид, вызывающим поведением провоцирующий преступника на ответные действия.

4. Рациональная жертва. Жертва-provokator, сама создающая ситуацию совершения преступления и сама попадающая в эту ловушку.

5. Жертва с ретрестистской активностью. Пассивный provokator, который своим внешним видом, образом жизни, повышенной тревожностью и доступностью подталкивает преступников к совершению правонарушений.

Развитие моделей поведения жертв в указанном направлении открывает, на наш взгляд, определенные перспективы исследований взаимодействия преступника и его жертвы и познания новых закономерностей виктимизации населения.

3.3.4. Социальные общности как жертвы преступлений

Проблема классификации жертв преступлений отнюдь не сводима только и исключительно к физическим лицам. Требуется особое внимание и разработка классификации жертв преступления применительно к юридическим лицам, другим формальным и неформальным социальным группам и коллективам. [342] В недалеком будущем, в связи с интернационализацией криминальной активности и ростом злоупотреблений властью со стороны государственных и межгосударственных формирований, потребуется и классификация социальных общностей как жертв транснациональных и международных преступлений.

В теории социологии принято, что социальная общность представляет собой *«совокупность людей, которую характеризуют условия их жизнедеятельности (экономическое, социально-статусное, уровень профессиональной подготовки и образования, интересы и потребности и т.д.), общие для данной группы взаимодействующих индивидов (нации, классы, социально-профессиональные группы, трудовые коллективы и т.п.); принадлежность к исторически сложившимся территориальным образованиям (город, деревня, регион), принадлежность изучаемой группы взаимодействующих индивидов к тем или*

иным социальным институтам (семья, образование, наука, политика, религия и т.д.)».[343]

Нетрудно заметить, что распределение общностей по условиям жизнедеятельности, групповому единству, территориям, социальным институтам имеет определенное значение для описания феноменологии виктимности и особенностей виктимизации отдельных групп.

Виктимность *семьи, институциональной организации, общественного образования* (религиозные группы, группы совместного проведения досуга, общественные организации), *территориальной общности, нации*, координирующих действия своих членов посредством социокультурных предписаний, — вот далеко не полный перечень вопросов, подлежащих разрешению в будущем. Особый интерес в связи с этим вызывает проблема конфликта социальных ролей, исполняемых индивидом в различных социальных общностях как фактора, повышающего виктимность. Однако это тема для отдельного исследования.

Психология современного общества во многом утилитарна, определяясь элементами общей культуры, диктуемой средствами массовой информации (а точнее, их владельцами). [344] В ряду сидящих перед голубыми ящиками реципиентов одинаковых новостей, шоу-программ и вечеров классического балета в некоторой мере стираются классовые и культурные различия, образуется масса. Масса, легко управляемая и контролируемая.

Г. И. Шнайдер в своих работах, посвященных криминогенному влиянию средств массовой информации, показал возможности использования СМИ в манипуляции общественным сознанием и формировании уголовной политики [345]. И несмотря на отсутствие реальных репрезентативных доказательств абсолютной криминогенности (антикриминогенности) воздействия СМИ на формирование личности преступника и механизм преступного поведения, культивируемая в прессе истерия в вопросах борьбы с преступностью не может не сказаться на общественном сознании, во многом определяя состояние криминофобии, боязни преступности как чего-то неизвестного и чуждого, содействуя тем самым виктимизации граждан и социальных общностей в целом.

«Человеку страшнее всего прикосновение неизвестного. Он должен видеть, что его коснулось, знать или, по крайней мере, представлять, что это такое. Он везде старается избегать чуждого прикосновения. Ночью или вообще в темноте испуг от внезапного прикосновения пере-

растает в панику. И одежда не дает безопасности: она легко рвется, сквозь нее легко проникнуть к голой и гладкой беззащитной плоти.

Все барьеры, которые люди вокруг себя возводят, порождены именно страхом прикосновения. Они запираются в домах, куда никто больше не может войти, и только там чувствуют себя в относительной безопасности. Боязнь грабителей протекает не только из-за беспокойства за имущество, это ужас перед рукой, внезапно хватающей из темноты. Его повсюду и всегда символизирует рука, превращенная в когтитую лапу».[346]

Исследования психологии масс, проведенные в XX веке, подтверждают, что обезличивание, паралич инициативы, инстинктивные страхи, алогичность и аномия, скептицизм, пессимизм, апатия, сомнения, к сожалению, являются постоянным спутником современного массового сознания. [347]

Так, видный российский политик Ирина Хакамада в одном из интервью журналистам радио «Свобода» следующим образом охарактеризовала социально-психологическую обстановку в современной России: *«...полное равнодушие, страшное раздражение всеми этими перетрясками, стратегия на выживание независимо от того, что там происходит, неверие и может быть, надежда, что хотя бы себя приведут в порядок и не будут мешать. Чуда никто не ждет».*[348]

В этих условиях формирование «образа врага» и виктимизация определенных социальных групп являются естественным регулятором общественных настроений, которым, кстати, успешно пользуются и некоторые политики. Ненависть к мигрантам, кавказофобия, антисемитизм, виктимизирующие определенные социальные группы, — обычное явление для современных государств и отдельных социальных групп. [349]

В этих условиях продолжающаяся рутинизация социального контроля, снижение порога общественной чувствительности к наказаниям, индифферентность общества к проблемам карательной политики может служить, к сожалению, реальным обоснованием продолжающейся виктимизации отдельных социальных групп. Произошедшее в последнее десятилетие практическое удвоение населения тюрем и исправительных учреждений за счет маргинализированных слоев общества при относительно равномерном распределении латентной преступности среди всех слоев населения свидетельствует в пользу данного тезиса. По меткому выражению Нильса Кристи, цивилизация движется к постиндустриальному *западному Гулагу*, в котором вик-

тимизация отдельных социальных групп и слоев населения, — дело очевидное и закономерное.

Представляется, что классификация социальных общностей, изучение системных связей между характеристиками общественного мнения, общественного настроения [350] и виктимизацией определенных социальных групп позволит глубже понять механизм формирования и криминогенность виктимности, исследованию которой будет посвящен следующий раздел нашей работы.

Раздел 4

ВИКТИМНОСТЬ И ЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ

— Занято! Занято! Мест нет! — Места сколько угодно! — возмутилась Алиса и уселась в большое кресло во главе стола.

Л. Кэррол

4.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВИКТИМНОСТИ

4.1.1. Понимание виктимности в современной теории виктимологии

Формулировка основных понятий учения о жертве преступления предполагает как минимум два подхода.

Первый, сциентистский, — основан на формально-логическом анализе существующих воззрений и определений иных авторов; выборе наиболее подходящего определения, соответствующего ориентациям и гипотезам самого исследователя; на его анализе, совершенствовании и дополнении («привнесении чего-то нового»), который завершается предложением собственной системы.

Второй, нормативно-содержательный, — предполагает вычленение «главного», универсального понятия системы научных знаний, его анализ и использование в качестве базиса построения научной теории, ее аксиом и закономерностей.

Нетрудно заметить, что и первый и второй подходы отнюдь не противоречат друг другу: новое научное знание обязательно строится на фундаменте предыдущих исследований, но не обязательно должно представлять компилятивно-аналитическое исследование. [351]

Современный научный аппарат виктимологии, встречающиеся операциональные или теоретические определения некоторых виктимологических понятий страдают определенными недостатками. Они, как правило, вызваны динамичностью развития и молодостью самой науки. Сказанное отчетливо проявляется при анализе центрального системообразующего понятия современной виктимологии — понятия виктимности.

Так, известный польский криминолог Брунон Холыст в свое время в качестве основного конститутивного понятия теории криминальной виктимологии предложил использовать понятие виктимогенного потенциала, включающего в себя: а) состояние индивидуальной и групповой виктимизации в конкретный исторический момент; б) процесс виктимизации; в) виктимологическую стимуляцию; г) функциональный механизм соотношения: «жертва-виновник преступления». По мнению Б. Холыста, виктимогенный потенциал представляет собой *«такую систему свойств индивида, группы или организации, которая создает опасность совершения преступных действий... Виктимогенный потенциал или виктимологическая дисфункция является видом внутренней неадекватности элементов культурного стандарта — как в статическом, так и в динамическом состоянии»*. [352]

Нетрудно заметить, что понятие виктимогенного потенциала во многом совпадает с характеристиками криминогенности того или иного явления. Между тем система виктимологических понятий является отличной от понятий криминологии в силу того, что жертва преступления есть самостоятельный феномен, не сводимый только и исключительно к элементу и характеристике криминогенного комплекса.

По нашему мнению, *центральным элементом в системе понятий криминальной виктимологии должна быть виктимность*.

Несмотря на то, что криминальная виктимология естественно представляет из себя учение о жертве преступления, основным элементом ее предмета является виктимность. Как писал Л. В. Франк, виктимология — это *«...междотраслевая, научная, практическая и учебная дисциплина, изучающая виктимность во всех ее проявлениях в целях совершенствования борьбы с преступностью»*. [353]

И это очевидно, поскольку анализ виктимности и ее составляющих позволяет глубже понять феномен жертвы, разработать необходимые и социально обоснованные меры по виктимологической профилактике правонарушений.

«Виктимность является специальным предметом в целях выяснения основного вопроса виктимологии, в силу каких причин и при наличии каких условий некоторые лица становятся жертвами преступлений, в то время как других эта опасность минует». [354]

В работах отечественных виктимологов виктимность в наиболее обобщенном виде характеризуется как системное универсальное

свойство организованной материи становится жертвой преступления в определенных конкретно исторических условиях [355].

Подвергаясь логико-семантическому, сущностному анализу, виктимность может рассматриваться как: определенное функционально зависимое от преступности явление; образ действий определенного лица [356]; индивидуальная (описывающая потенциальную возможность лица стать или становиться жертвой преступления); видовая (характеризующая жертв определенных групп преступлений); групповая (определяющаяся ролевыми, социальными, демографическими, биофизическими качествами и характеристиками жертв преступлений); массовая (как наличие реальной или потенциальной возможности для определенной социальной группы становиться жертвой преступлений или злоупотребления властью); характерологическая и поведенческая особенность жертвы преступления. [357]

Некоторые ученые выделяют два конститутивных типа виктимности:

- личностную (как объективно существующее у человека качество, выражающееся в субъективной способности некоторых индивидумов в силу образовавшихся у них совокупности психологических свойств становиться жертвами определенного вида преступлений в условиях, когда имелась реальная и очевидная для обыденного сознания возможность избежать этого);

- ролевую (как объективно существующую в данных условиях жизнедеятельности характеристику некоторых социальных ролей, выражающуюся в опасности для лиц, их исполняющих, независимо от своих личностных качеств подвергнуться определенному виду преступных посягательств лишь в силу исполнения такой роли). [358]

Замечаемый *«разнобой, существующий в понимании виктимности, и отсюда нечеткость предлагаемых разными авторами определений, — по мнению авторов «Курса советской криминологии», — не позволяют на данном уровне знаний дать общее и четкое определение понятия виктимность»*. [359]

Перефразируя известное сравнение Р. Йеринга, можно сказать, что основанному на презумпции универсальности и неистребимости вреда определению виктимности не достает чеканки и в нынешнем виде оно скорее кусок металла, чем монета.

Вместе с тем данный недостаток легко снимается при попытке определения криминальной виктимности через социально-отклоняющуюся активность субъекта [360], через совокупность отклонений

от безопасного поведения, от безопасного образа, стиля жизни, ведущую к повышенной уязвимости, доступности, привлекательности такого субъекта для правонарушителя.

4.1.2. Норма безопасного поведения

Методологически концептуальный анализ любого понятия предполагает: а) анатомирование; б) реконструкцию; в) конструирование понятий. Профессор Джованни Сартори считает, что в анатомировании входит вычленение составляющих элементов данного понятия, т.е. его характеристик, свойств. Под реконструкцией подразумевается перестановка и расположение этих элементов в упорядоченном и логически стройном виде. И, наконец, конструирование понятий включает в себя выбор определения или определений на четких и ясных основаниях. [361]

Было бы естественным в связи с этим попытаться проанализировать общетеоретическое содержание основного понятия виктимологии — виктимности.

Изучение криминальными виктимологами свойств субъекта, объекта, среды и тех звеньев, которые оприходуют их криминальное взаимодействие, приводит к выводу, что понятие виктимности следует рассматривать как *свойство отклоняющейся от норм безопасности активности личности*, что ведет к повышенной уязвимости, доступности и привлекательности жертвы социально опасного проявления. Указанное соционормативное понимание виктимности зиждется на определении безопасного поведения, на презюмировании существования «виктимологической» нормы.

Вот здесь-то мы и сталкиваемся с той широко известной гносеологической трудностью, которую крайне сложно преодолеть: определить, что такое норма безопасного поведения?

Учитывая, что в современной системотехнике норма воспринимается не как статическое образование, набор стандартов, а как динамический процесс, определяющий оптимальность функционирования системы в согласовании со средой [362], логически правильно было бы определить состояние социальной безопасности и свойственные ему нормативные регуляторы и через них — охарактеризовать виктимные отклонения от подобного рода норм.

Безопасность как состояние либо качество защищенности от реальных либо потенциальных угроз, страха, неуверенности, деприва-

ции и иных лишений [363] играет важную роль в современной концепции миропонимания.

Гарантии безопасности — естественная потребность каждого человека, да и общества в целом [364]. Усиление эффективности Хельсинского процесса в упрочнении безопасности в Европе и мире в общечеловеческом, политическом, военном, экономическом смыслах подчеркивалось многими участниками Лиссабонского 1996 года саммита стран членов ОБСЕ, посвященного разработке модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI века. [365] Концептуальные основы системы национальной безопасности созданы и в Украине. [366]

В силу этого рассмотрение проблем общих характеристик, объектов, факторов и угроз безопасности является основной проблемой создания современной системы обеспечения безопасности любого объекта: будь то личность, организация либо государство, общество в целом. [367]

История познания нормы социального (в том числе и безопасного) поведения чревата многочисленными перипетиями. С традиционной, легалистской точки зрения ее и как таковой вовсе не существует, — есть история развития общества, которая и детерминирует понятие нормы и отклонения от нее в конкретном политико-правовом континууме.

«Бытие социальных норм — метасистемное. Это означает, что они существуют одновременно в разных системных состояниях и проявлениях. Иначе говоря, социальные нормы суть структуры общественных отношений, остающиеся тождественными (инвариантными) в различных системах — реальных, концептуальных, бихевиоральных и т.д. В статистическом аспекте эти образующие коренное качество социальных норм структуры выступают как статистические системы-процессы», — писал, анализируя функциональную природу социальных норм, один из виднейших советских философов В. Д. Плахов [368].

Процесс познания социальных норм и отклонений как проявлений социальной формы описан многими учеными. В работах В. Я. Афанасьева, Я. И. Гилинского, В. Н. Кудрявцева, П. Сорокина, А. М. Яковлева и других выдающихся специалистов мы сталкиваемся с анализом девиаций, попытками охарактеризовать их сущность и значение, с построением системно-логических оснований социологии отклоняющегося поведения как специальной социологической теории. Нет нужды останавливаться на описании всего разнообразия

подходов к понятию девиации: здесь мы рискуем отойти от главного, — девиация трактуется как отступление от нормы, норма же предполагается нам понятием данным и достаточно устоявшимся в конкретном обществе, социальной группе.

Критикуя эту позицию, Нейл Смельзер отмечал: *«Девиация с трудом поддается определению, что связано с многообразием социальных ожиданий, которые часто представляются спорными. Эти ожидания могут быть неясными, меняющимися со временем, кроме того, на основе разных культур могут формироваться разные социальные ожидания. С учетом этих проблем социологи определяют девиацию как поведение, которое считается отклонением от норм группы и влечет за собой изоляцию, лечение, исправление или другое наказание»*. [369]

Применительно же к нормам-регуляторам мы наблюдаем со стороны ученых приверженность классической социологической позиции, которая, основываясь на релятивизме ценностно-нормативной структуры общества, предполагает множественность ее нарушений.

Однако это обстоятельство, наряду с неоднородностью и неравнозначностью различных по силе и императивности действия социальных норм, накладывает определенные ограничения на операциональное применение подобного толкования девиации. Ведь в данном контексте, если мы попытаемся формально довести до логического конца категориальное описание нормы и патологии, обнаружим, что критерии индивидуальной нормы и патологии зависят не от общества, а от индивида, самостоятельно определяющего, что ему полезно, а что вредно («всяк молодец на свой образец»).

Попытки познания норм безопасного поведения в обыденном смысле как среднестатистических, устоявшихся правил и принципов социальной активности, которые выражаются в абсолютной приспособленности и адаптированности к окружающей среде, также не дадут ожидаемого результата. В таком контексте лишь нравственная ненормальность лиц, прячущих себя в «башне из слоновой кости», будет являться нормой.

М. Е. Салтыков-Щедрин по этому поводу заметил когда-то: *«Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пискари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в порах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пискари. Никому от них ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестия, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят»*. [370]

Основной реакцией на подобные подходы к пониманию нормы в социальных науках стало появление в работах обществоведов ссылок на общечеловеческие принципы и понятия. Так, например, в одной из работ Д. А. Ли, характеризуя конвенциональность девиантного поведения, указывал, что *«любое действие человека не может быть рассмотрено с заранее заданных позиций, оно, на наш взгляд, по сути своей нейтрально, направлено в первую очередь на самосохранение человека как личности. И только затем, в результате рассмотрения конкретного действия с позиций формального права, мы оцениваем его как преступление или как действие, не подлежащее юрисдикции действующего уголовного права, со всеми вытекающими последствиями»*. [371]

И это естественно, поскольку подобный подход диктуется самой логикой развития научного познания. *«Если негативные критерии указывают (и то весьма приблизительно) границу между обширными областями нормы и патологии, если статистические и адаптационные критерии определяют нормальность как похожесть на других и соответствие требованиям окружающих, если культурный релятивизм все сводит к микросоциальным установкам..., то данный подход пытается выделить то позитивное..., что несет в себе нормальная личность»*, — писал выдающийся отечественный психолог Б. С. Братусь [372]. Интерес к проблеме общечеловеческих ценностей как основных регуляторов социальной активности в наши дни вполне закономерен. Люди устали от неизвестности, от агрессивной внешней среды, политики и политиканства, от страха за свою жизнь и благосостояние, от явно или скрыто проявляемых и, нужно сказать, идеологически обоснованных тенденций к агрессивной глобализации и монополизму. Антигуманизм и жестокость любой бюрократической системы, принижая значимость личности, способствуют дегуманизации общественного сознания, формированию агрессивных стереотипов поведения, снижению значимости человеческой личности как самоценности.

Сегодня уже нет нужды говорить о повышенной криминогенности такой политики [373]. Достаточно указать хотя бы на факты распространенности в школах Запада массового насилия среди подростков, с детства воспитывавшихся в обстановке превозношения эгоцентризма и допустимости применения насилия для достижения любых целей.

Так, 1 декабря 1997 года в г. Вест-Падукан, США, 13-летний подросток, открыв стрельбу в школе, убил троих и ранил семь человек;

24 марта 1998 года в г. Джонсборо, США, два мальчика 9 и 11 лет расстреляли пятерых соучеников; 29 апреля 1999 года в г. Литлтон двое учеников застрелили 12 школьников и учителя в школе «Коламбайн», после чего покончили жизнь самоубийством; 20 мая 1999 года в Джорджии, США, 15-летний подросток ранил шестерых учеников; 1 ноября 1999 года в Германии подросток, открыв стрельбу из своего окна, убил двоих и ранил шестерых прохожих, после чего застрелил свою сестру и покончил с собой; 6 декабря 1999 года 13-летний подросток, открыв стрельбу в школе ранил четверых учеников и учителя; 6 декабря 1999 года в г. Вигель, Нидерланды, 15-летний мальчик ранил из пистолета четырех учеников [374]. И этот ежегодный мартиролог можно продолжать до бесконечности.

«Физиологам стоило бы хорошенько задуматься, прежде чем объявлять инстинкт самосохранения основным инстинктом, присущим органическому существу. Ведь живому организму прежде всего хочется «выпустить» свою силу, — сама жизнь есть воля к власти, а самосохранение — лишь одно из косвенных и наиболее частых последствий этого...», — писал Ф. Ницше [375].

В противовес подобной идеологии основные мировые религии, переходя от ортодоксальной вражды к мировоззренческому консенсусу и реализуя детерминируемую развитием цивилизации тенденцию снижения жесткости нормативных санкций, во главу угла ставят человека как самоценность.

Так, Будда в Бенаресской проповеди повествовал о четырех благородных истинах, изменивших мировоззрение значительной части населения земного шара: *«Всякое существование есть страдание. Мир полон страдания. В нем существуют болезни и смерти, разлука с теми, кто нам дорог, душевные муки. Страдание имеет причину, которая заложена в самом человеке. Ум человека жаждет наслаждений, славы, власти, богатства. Не имея чего-то, он страдает, завидуя тому, кто владеет большим. Получив, все равно не может успокоиться, поскольку не хочет довольствоваться тем, что имеет, и всегда хочет большего. Страдание можно прекратить, для чего нужно освободиться от привязанности к жизни. Освободиться от привязанности к жизни не значит умереть. Смысл в том, чтобы радоваться тому, что имеешь, не зависеть от этого обладания, не быть к нему привязанным и отпускать с миром то, что уходит... Существует путь, ведущий к избавлению от страданий. Это благородный срединный восьмеричный путь, состоящий из праведного воззрения, праведного стремления, праведной речи, пра-*

ведного поведения, праведной жизни, праведного учения, праведной медитации, праведного созерцания».[376]

Указанные принципы праведной жизни, повторяясь в том или ином воплощении в большинстве мировых религий, указывают путь нейтрализации бессознательного стремления людей к самоуничтожению, к агрессии и насилию. Нет нужды говорить о том, что развитие цивилизации, культуры, формирование гармоничных социальных отношений волей-неволей способствует нейтрализации деструктивных социальных тенденций.

«Интенсивность кар (и наград), — отмечал П. Сорокин, — тем более велика каждый исторический момент, чем более примитивно данное общество и чем больше антагонистической разнородности в психике и поведении его членов. И обратно, чем более культурно данное общество и чем более однородна психика и поведение его членов — тем менее жестокости кары и менее интенсивны награды» [377].

Христос в Нагорной проповеди учил: *«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены Сынами Божиими»* [378]. Православные идеи синергии и исихии как состояний единения человеческой культуры и духовно свободной личности с канонами Веры встречают все большее число своих поклонников и последователей. *«Свобода в человеке и есть образ Божий. Христианство не ограничивает свободу, но освобождает человека от детерминизма падшего мира», — писал один из теоретиков аскетики православия протоиерей И. Мейендорф.* [379] В этой связи все большее внимание привлекает к себе современная концепция ненасилия, исходящая из того, что в человеческой природе изначально заложены не только агрессивность и иные деструктивные тенденции, но и такие рациональные качества, как самосохранение, солидарность, нравственный долг, рациональная гармония и совершенствование. *«Поэтому рациональность человека, — писали М.-А. Робер и Ф. Тильман, — заключается не только в мыслительном акте, неподвластном законам восприятия, сколько в самой перцептивной реорганизации, связанной с опытом. Разумный человек, решая проблему, расширяет полк решений, рассматривает все большее число возможных последствий своих действий и их вероятности и яснее осознает свои потребности, стоящие перед ним социальные требования и ценности, которые он выбирает».* [380]

Соответственно, основанное на законе самосохранения нормальное безопасное поведение личности связано с тем, что *«человека инстинктивно влечет к жизни и благу, он страшится смерти, избегает*

всего, что может быть вредно, старается сохранить уже приобретенные блага и всеми доступными ему способами стремится к приобретению все большего и большего блага. Этот закон побуждает человека беречь свою особу, заботиться о ней и обставлять ее наилучшими условиями существования» [381], ограничивая деструктивные проявления страстей человеческих (чревоугодия, блуда, сребролюбия, печали, гнева, уныния, тщеславия, гордости). [382]

«Вести к снижению числа и исчезновению умышленных убийств могут, вероятно, лишь процессы, ведущие к такому изменению отношений между людьми, при которых жизнь индивидуального лица, в какой бы форме и условиях она ни была реализована, является самоценностью, выражающейся в отношениях ее безусловного принятия», — писал Е. Г. Самовичев [383].

По сути дела, *безопасное поведение связано с сохранением и поддержанием родовой человеческой сущности в противовес дегуманизированным и деструктивным энтропийным тенденциям*. «Человечество обречено вечным и безграничным возможностям злой воли (произвола) противопоставлять добрую волю, то есть волю, согласованную с законами природы. Иного способа достижения безопасности не существует», — писал, рассматривая проблемы криминологической безопасности, А. Н. Костенко [384]. По нашему мнению, такая родовая человеческая сущность, выражается в творческом характере жизнедеятельности, способностях к самоотдаче и любви, являясь нормой безопасного поведения.

4.1.3. Виктимность как девиация

Понимая «отрыв от родовой сущности» отклонением от нормального поведения, можно согласиться с Б. С. Братусем. По его мнению, смысловыми условиями и критериями аномального развития (и, наверное, в значительной мере отклоняющегося поведения) следует считать: *отношение к человеку как к средству, как к конечной, заранее определенной вещи (центральное системообразующее отношение); эгоцентризм и неспособность к самоотдаче и любви; причинно обусловленный, подчиняющийся внешним обстоятельствам характер жизнедеятельности; отсутствие или слабую выраженность потребности в позитивной свободе; неспособность к свободному волепроявлению, самопроектированию своего будущего; неверие в свои возможности; отсутствие или крайне слабую внутреннюю ответственность перед собой и*

другими, прошлыми и будущими поколениями; отсутствие стремления к обретению сквозного общего смысла своей жизни». [385]

В этой связи виктимность как способность субъекта становиться жертвой социально-опасного проявления и выступает в ее общетеоретическом понимании как явление социальное (статусные характеристики ролевых жертв и поведенческие отклонения от норм безопасности), психическое (патологическая виктимность, страх перед преступностью и иными аномалиями) и моральное (интериоризация виктимогенных норм, правил поведения виктимной и преступной субкультуры, самоопределение себя как жертвы).

Виктимность, как и любой иной вид девиаций, определяется соотношением демографических и социально-ролевых факторов, ориентирующих индивида (социальную группу) на удовлетворение определенных потребностей безопасного поведения с заданными обществом возможностями их удовлетворения, равно как и иными общими политическими, социальными и экономическими условиями жизнедеятельности общества.

Индивидуальная виктимность как отклонение от норм безопасного поведения, от процесса самосохранения человека (общности) детерминирована также антагонизмом между уровнями признания (социальный аспект), возможностей (психический аспект) и притязаний (моральный аспект).

Конечно, нельзя не признать определенной логической ущербности данного определения: моральное (духовное) всегда в определенной степени социально. Однако если в первом случае мы говорим об объективно существующих поступках людей, то область моральных отклонений, девиаций духа — гораздо более широкое поле исследования, обладающее своими определенными и специфическими закономерностями развития.

Таким образом, теоретически весьма привлекательной выглядит высказанная В. П. Коноваловым идея о том, что понятие виктимности как свойства отклоняющейся от норм безопасности активности личности, приводящего к повышенной уязвимости, доступности и привлекательности жертвы социально опасного проявления, зиждется на определении безопасного поведения, на определении «виктимологической» нормы.

Понятие виктимности относится к сфере сущности. Применение соционормативного подхода к определению виктимности приводит к тому, что в нем фиксируются не какие-то случайные, поверхност-

ные черты виктимного поведения, а черты существенные, закономерные; черты, особенно характерные для различных видов активности членов той или иной социальной общности. Провоцирующее поведение хулигана, мазохистские тенденции сексуального перверта, виктимные перцепции и страхи правопослушного населения, ритуальная виктимность социальной общности — есть ни что иное, как отклонения от общечеловеческой системы ценностей, признающей безопасность и свободное развитие личности основным условием формирования нормального общества. Вместе с тем, определяя виктимность как проявление девиантной активности, нельзя, на наш взгляд, обойтись без характеристики субъективной стороны процесса нарушения социальной нормы, т.к. именно интериоризация виктимогенных норм и ценностей, объявление *«нарушения права своим правом»* (Гегель), самостигматизация себя как потенциальной жертвы во многом определяют дальнейшую социальную оценку и виктимогенный потенциал самой виктимности организованной материи. *«Жертва несет свою долю вины за то, что с ней произошло, происходит или произойдет»*, — писал П. С. Таранов [386].

В этом плане следует осторожно относиться к попыткам ограничения понимания поведения только его внешней, объективированной стороной. Например, М. Ф. Орзих в одной из своих ранних работ разграничивал поведение, под которым понималось только внешнее проявление активности личности, и деятельность, охватывающую, по его мнению, как вовне проявляемую активность, так и внутреннее состояние, внутреннюю сторону поведения личности. С учетом разработок отечественных и зарубежных специалистов в области психологии и социологии отклоняющегося поведения, такой отрыв поведенческих актов от их внутренней, этиологической основы не может быть признан полностью правомерным. [387]

«Интернализация, присвоение социальных норм в качестве регулятивной системы поведения определяется статусом личности в данном обществе, возможностью личности достигать цели, в том числе и престижные цели, удовлетворять свои насущные и престижные потребности социально адаптированными способами. И если общество создает возможность для эффективной жизнедеятельности на легитимной основе — это общество обладает чертами нормального здоровья. Если же общество не создает условий для законопослушного достижения своих целей, своих устремлений, не обеспечивает возможности личностной самореализации на социальной основе, возникает всем известное со

времен Эмиля Дюркгейма явление аномии, т.е. выход личности из-под социального контроля. Личность пускается в «автономное плавание», она начинает искать свои способы самореализации и достижения своих целей, удовлетворения своих насущных потребностей и становится перед дилеммой выполнять или не выполнять закон. Если выполнение закона сопряжено с депризацией потребностей, то личность переступает грань закона, потому что, как правило, не закон определяет поведение, а поведение людей определяет закон». [388] Указанная цитата из работы российских криминологов, подтверждая распространение дюркгеймовской идеологии по отношению к преступности как функции общества, лишней раз указывает и на основную закономерность виктимности: *отклонение от нормы безопасности (поведенческое, социально-психологическое, культурное, духовное) напрямую зависит от противоречия между заданными обществом возможностями и культурно-детерминируемыми потребностями личности.*

Степень интернализации виктимогенных норм и правил человеческой активности может быть различной и зависит как от личностных качеств субъекта, так и от всего состояния ценностно-нормативной структуры общества и его отдельных социальных групп, являющихся референтными для конкретного индивида.

Так, примером чрезмерной интериоризации виктимогенных норм и ценностей может служить поведение групп «искателей приключений».

«Необходимость природного насилия предусмотрена нашей генетической программой, — писал В. Леви, — и мы испытываем в нем потребность, хотя и не осознаем ее. Нам нужны напряжение и борьба». [389] Сегодня, когда блага цивилизации сводят на нет возможность самореализации в агрессивных охотничьих, военных действиях, некоторые категории населения находят возможность для себя выработки дополнительного адреналина и получения катарсиса в различных по степени индивидуальной опасности девиациях.

Психологически это чувство прекрасно описал А. С. Пушкин:

*«...Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Все, все, что гибелью грозит,*

*Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог,
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог...» [390].*

При всей кажущейся социальной нейтральности подобных действий и стиля жизни («пусть их бесят») они не только обладают повышенным деликтогенным потенциалом, но и, возможно, способствуют снижению порога защитных сил человеческого организма. Виктимность как природно-психическое явление, по-видимому, наделена определенной энергетикой тонких полей, изучение которых — дело рук будущего. Можно с осторожностью предположить, что у *каждого человека существует установленный природой (Творцом) уровень защитных сил, бездумная растрата которого может повлечь необратимые последствия*. «То, что я знаю, скорее всего, не существует, ибо знание мое всегда ограничено и в неизвестной мне степени ложно. То, чего я не знаю, существует наверняка, в бесконечной степени существует. Это доказывает история и наука, доказывает вся жизнь». [391]

Тонкий психолог и великолепный писатель Андрей Битов очень зорко подметил эту закономерность истощения «защитных полей» у искателей приключений:

«Вообще смерть людей, рискующих жизнью, столь часто нелепа и случайна, что это не может не навести на мысль. Именно они, избегающие смерти профессионально благодаря мастерству и таланту (чувству жизни в скобках), подвержены нелепым заболеваниям и кирпичам с балконов. То ли потому, что естественно человеку, только что рисквавшему жизнью, расслабиться, когда ему ничто уже ни грозит, то ли потому, что они истратили уже много раз всю безопасность, которая отпущена господом на одну жизнь, но они в большинстве своем все-таки гибнут, а не умирают, причем гибнут всегда не от того.

Евгений Абалаков, человек, первым вззошедший на пик Победы, тонет в Москве в собственной ванне.

Джон Гленн врежется в гуся.

Гагарин гибнет в легком учебном полете.

Гошички попадают на улице под машины.

Они тонут и гибнут на обычных тренировках и в отпусках, на собственных машинах и от таинственных гриппозных осложнений. Они гибнут от пропущенной ими гибели, от гибели, которую они избежали». [392].

Укажем сразу же: виктимогенность подобного обыденного риска отнюдь не связана с героизмом, с подвигом. Подвиг, жертвенность во имя людей — это высшая степень воплощения самоорганизации, всей концепции нормативного безопасного поведения. *«Человек, который ни секунды не раздумывая бросается спасти утопающего, на первый взгляд не отдает себе отчета в своих действиях. Однако дело обстоит наоборот. Человек поступает так именно вследствие высоко-развитого уровня самоконтроля, самосознания. Всем ходом предшествующей жизни и воспитания у него был выработан такой образ мыслей и стиль поведения, который исключает размышления, когда человек попадает в беду. Единственно приемлемой для него формой реакции является оказание помощи, причем это становится настолько привычным, что превращается в психический навык, реализующийся в дальнейшем автоматически, бессознательно»*, — писал об особенностях самоуправляемого сознательного нормативного поведения Л. П. Гримак [393].

Приведем еще одну цитату:

«Поступок — форма воплощения человека. Он неприспособлен к виду и исключительно труден в исполнении. Подвиг требует условий, подразумевает награду. Восхищение, признание, хотя бы даже посмертные, для него обязательны. Поступок существует вне этого. И подвиг я могу понять лишь как частный вид поступка, способный служить всеобщим примером», — отмечал А. Битов [394].

В приведенных высказываниях отчетливо прослеживается свойство изменчивости виктимных⁴ девиаций, их прогрессивная новаторская функция. Вместе с тем на практике мы чаще встречаемся с негативно оцениваемыми отклонениями поведения жертвы от норм и правил безопасности, зачастую закономерно служащими катализатором преступной активности.

Далее мы специально обратимся к проблеме криминогенности виктимности и виктимизации и характеристике системного взаимодействия указанных явлений.

Гений и злодейство, преступность и виктимность — две стороны одной медали, теснейшим образом связанные и переплетенные друг с другом.

Поэт, драматург Юрий Арабов в своей книге «Механика судеб и механика замысла», анализируя закономерности развития человеческого поведения на основании изучения биографий исторических личностей, прозорливо указывает по этому поводу: *«Последовательное движение по пути зла награждает человека потерей воздаяния. Это*

очень страшно. Но как только у человека, вступившего на эту стезю, возникают какие-то пробоины человечности, — все, наказание настигает тут же». [395]

Выше мы характеризовали виктимность как отклонение от норм безопасного поведения, реализующееся в совокупности социальных, психических и моральных (духовных) проявлений. Упор на поведенческую характеристику виктимности уже встречался в отечественной криминологии. Так, Г. В. Антонов-Романовский и А. А. Лютов еще в начале восьмидесятых годов прошлого века предприняли попытку определить виктимность поведения через описание социальной ситуации, в которой лицо своими действиями подвергает себя опасности стать жертвой преступления. *«Причем виктимными являются только те действия, которые отличаются от обычного поведения большинства жертв преступлений в сходных ситуациях. Эта необычность действия повышает вероятность совершения преступления именно в отношении лиц, допускающих виктимные поступки».* [396]

С нашей точки зрения подобный, социологический, нормативистский подход к описанию виктимности заслуживает одобрения. Вместе с тем избрание классификационного основания «обычное-необычное» не может не вызвать возражений в силу нечеткости определения «необычность» и конвенциональности нормативной структуры в различных социальных группах.

Однако именно комплексное, системное определение феномена криминальной виктимности как социального, психического и морального (духовного) отклонения от норм безопасного поведения, обуславливающего потенциальную или реальную способность субъекта становиться жертвой преступления, снимает отраженную многими авторами противоречивость любой односторонней концепции виктимности: от описания поведенческой, биопсихической предрасположенности к формированию виктимного потенциала до ее полного отсутствия. Прав, по нашему мнению Д. В. Ривман, указывавший: *«Лицо может обладать определенным сочетанием социальных и психологических качеств, которые в известной мере могут предопределить негативное (в иных случаях позитивное) и в то же время опасное для него поведение, т.е. приблизить его к роли потерпевшего, поставить в положение элемента ситуации, толчковым или иным образом содействующего совершению преступления».* [397]

Дополнение анализа преступности и иных форм негативного отклоняющегося поведения вероятностно-детерминистическим анали-

зом различных проявлений виктимности как формы отклоняющейся от норм безопасности активности снимает смысловые противоречия понимания хаотичности взаимодействия преступников и их жертв на индивидуальном уровне в совокупности с закономерными, автономными и неисчерпаемыми тенденциями взаимосвязи, взаимопроникновения и развития на уровне социальном.

«Главная гносеологическая сущность принципа дополнительности состоит в том, что любое суждение, сколь строго оно не было бы доказано, в своей сущности содержит альтернативу, и чем категоричнее суждение, тем глубже альтернатива. Это источник самой глубинной, самой важной неопределенности» [398].

Предлагаемый системный подход к анализу виктимности через существующую ценностно-нормативную структуру общества, с учетом специфики проявления отклонений в деятельности-практической, интеллектуально-волевой и информационной сферах, позволяет определить как статические отклонения, приводящие к фатальной предрасположенности становиться жертвой преступления, так и динамические характеристики девиаций, описывающие вариативность виктимности населения в конкретно-исторических условиях.

Вместе с тем у данной точки зрения имеются и противники. Так, Марк Ансель, предполагая, что соционормативный подход не сумеет избежать присущего позитивизму сползания к бихевиористским схемам социального контроля, отмечал: *«Речь идет о потенциальных жертвах-рецидивистах и даже о вырожденных жертвах. Было бы досадно, если бы виктимология замкнулась на серии стереотипов, в той или иной мере копирующих стереотипы делинквентов. Будет еще более досадно, если виктимология попытается строить свое изучение жертвы так, как это имело место в отношении изучения делинквентов, т.е. вокруг понятия ответственности, или даже сконструировать «виктимную личность» по аналогии с преступной личностью» [399].*

Человеческое поведение, являющееся реальным измерителем личностных свойств и качеств как разнообразно, так и достаточно типизировано. *«Такое положение является результатом действия двух тенденций. Первую тенденцию можно назвать центробежной. Она проявляется в разнообразии поведения, его вариативности... На упорядочение разнородных вариантов поведения направлена противоположная (центростремительная) тенденция к унификации поведения, его типизации, выработке общепринятых схем и стандартов поведения. Эта вторая тенденция выражается в том, что всякое общество, заботясь*

о своей целостности и единстве, вырабатывает систему социальных кодов (программ) поведения, предписываемых его членам», — отмечал этнограф А. К. Байбурин [400].

Подчеркнем в связи с этим, что вариативность и изменчивость поведения человека предполагает все-таки существование определенного типа ролевых жертв, притягивающих как магнит удары судьбы, болезни и прочие беды.

В Америке герои самых странных смертей становятся обладателями премии Дарвина как лица, изъясвшие свой вклад из генофонда человечества самым нелепым образом.

Так, Я. Ойлиг в 1996 году пытался покончить жизнь самоубийством путем самосожжения. Когда он поджег себя, то испугался и прыгнул в водоем, чтобы потушить огонь. Но он забыл, что не умеет плавать, и утонул...

Два западногерманских автомобилиста погибли в результате «лобового» столкновения. Был сильный туман, и оба медленно ехали, высунув головы в окно. Смерть наступила в результате столкновения лбами [401].

Сиднейца Джона Малнеса признают самым невезучим в Австралии человеком, которого дважды кусали гадюки, трижды сбивали машины, четырежды мотоциклы и т.п.

По мнению английского криминолога Колина Уилсона, «прирожденная жертва» есть личность, страдающая от дефицита жизненных сил, в большинстве случаев уверенная, что ее неудачи вызваны ее фатумом, запрограммированностью, ничуть не пытаясь их изменить. Такая личность предпочитает жить в мире собственных фантазий и прячется от трудностей реального мира. Столкновение же с ними порой ведет к фатальному результату [402]. По мнению авторского коллектива под руководством Ю. М. Антоняна: *«С психоаналитических позиций предрасположенность стать жертвой может быть объяснена бессознательным чувством вины или стыда и желанием быть наказанным, либо как результат пассивных целей, ведущих к пассивности субъекта. Наконец, виктимность может отражать черты садомазохистского характера и быть присуща ему изначально»*. [403]

Бывают, правда, и обратные примеры повышенного энергетического противодействия личности внешним виктимизирующим факторам.

Например, американец Рамперт 5 раз пытался покончить жизнь самоубийством. Но... пистолет дал осечку, попытка отравиться газом кончилась неудачей — газ отключили; съеденное снотворное вызва-

ло только рвоту; поезд остановился, не доехав нескольких метров до Рамперта, лежавшего на рельсах; попытка утопиться закончилась спасением рыбаками. С тех пор Рамперт больше не пытается оборвать жизнь самостоятельно [404].

Колин Уилсон описывает историю англичанина Дж. Ли, осужденного в 1885 году за убийство к повешению, которого пытались казнить трижды, и трижды виселица, которую палачи неоднократно проверяли, ломалась. Ли провел 22 года в тюрьме и, выйдя на свободу, умер в 1933 году. В своих заметках он написал: *«Это была рука Господа, не позволившего закону забрать мою жизнь...»* [405].

Нет нужды упоминать и о существовании неисправимых ролевых правонарушителей [406], анализ деятельности и личностных характеристик которых позволяет все-таки говорить о существовании определенных социальных типов девиантов, обладающих особыми личностными свойствами и характеристиками, особой энергетикой.

Подводя итоги сказанному, отметим, что одно лишь поведение в процессе совершения преступления не может служить классификационным критерием определения сущности виктимности, видов и форм ее проявления. Личность человека — сложное образование, не сводимое исключительно к единовременным проявлениям социальной активности. В основе подобных классификаций должна лежать деятельность личности, ее социальные роли, психический и энергетический (духовный) потенциал.

4.2. ВИДЫ И ПРОЯВЛЕНИЯ ВИКТИМНОСТИ

4.2.1. Уровни анализа виктимности

Итак, виктимность как отклонение от норм безопасного поведения реализуется в совокупности социальных (статусные характеристики ролевых жертв и поведенческие отклонения от норм индивидуальной и социальной безопасности), психических (патологическая виктимность, страх перед преступностью и иными аномалиями) и духовных (интериоризация виктимогенных норм, правил поведения виктимной и преступной субкультуры, виктимные внутриличностные конфликты) проявлений.

Отсюда мы можем попытаться рассмотреть виктимность как отклонение на поведенческом уровне, девиацию на уровне психологии

личности и социальной общности и, наконец, как отклонение определенных социокультурных характеристик индивидуального и группового сознания.

Нетрудно заметить определенную аналогию в описании и анализе видов и форм проявления преступности и виктимности. Так, ранее мы уже указывали, что в мировой криминологии, в зависимости от идеологических установок, уровня и задач исследования [407], преступность рассматривается не только как социальное явление, общественный институт, выполняющий в обществе и мире определенные функции (*crime*), — социальный уровень обобщения, но и как элемент функционирования общины и определенных социальных общностей — социально-психологический уровень анализа и оценки (*crime in the media*), и как проблема понимания индивидуального отбора преступников и их моральных установок в сравнении с правопослушными гражданами — морально-психологический уровень (*criminality*).

Нередко эти уровни анализа пересекаются, переплетаются; закономерности, выявленные для одних форм проявления, редуцируются на другие. Однако это вполне объяснимо.

С одной стороны, руководствуясь как марксовым, так и позитивистским подходом, мы привыкли анализировать массовые социальные явления только через проявления индивидуальной активности, нередко впадая в «грех» переноса индивидуальных качеств и свойств поведения личности на масштабные социальные процессы.

Однако в теории системотехники прекрасно известно, что *«коллективный разум формируется и развивается по иным законам, чем индивидуальный, из-за количественного (информативности) и качественного (физической природы) различия языка связи...»* [408] И здесь применение аналогий может вести к достаточно печальным последствиям. Так, логика законодателей, ратующая за перекриминализацию общественных отношений, перенасыщенность общества правовыми запретами, исходя из посылок превентивной функции закона, на самом деле ущербна, поскольку, основываясь на свойстве наказания исправлять единицу, репродуцирует это на массы. В результате закон перестает работать. Норма становится девиацией, а девиация нормой. Соответственно, виктимизация — образом жизни.

С другой стороны, отрицание психологических составляющих в криминологических исследованиях порой вело к вульгарному социологизму и упрощенчеству при криминологическом моделировании.

Указанное обстоятельство объясняется как молодостью криминологической науки, так и непрекращающимся процессом познания новых закономерностей взаимодействия преступности и общества, происходящим сквозь призму междисциплинарного, синергетического подхода. Иного пути попросту нет.

«Междисциплинарный синтез, — как верно заметил В. В. Агеев, справедливо указавший на сходные проблемы, возникающие в социальной психологии при анализе больших социальных групп, — блестяще доказавший свою плодотворность в естественных науках, возможен только на основе осознания принципиальной предметной и методической специфики, и означает он как раз нечто прямо противоположное междисциплинарной размытости и аморфности». [409]

4.2.2. Виды виктимности

Рассмотрение виктимности как формы отклонения от норм и правил безопасного поведения предполагает, во-первых, возможность классификации форм виктимной активности в зависимости от интенсивности такого отклонения.

Впервые такую попытку предпринял Д. В. Ривман, указавший, что существует нулевой уровень виктимности, нормальная, средняя и потенциальная виктимность всех членов общества, обусловленная существованием в обществе преступности. *Индивид не приобретает виктимность, он просто не может быть не виктимным.* [410] Впоследствии, правда норма безопасности использовалась им только при социально-психологической типологизации потерпевших от преступления. [411]

Не возражая в принципе против выделения потенциальной виктимности общности в целом, детерминированной генетическими связями виктимности и преступности на уровне социального целого, отметим, что на индивидуальном уровне особый интерес представляет рассмотрение тесноты связи виктимности и преступного поведения как классификационного критерия виктимной активности.

Указанное обстоятельство подтверждается ролью и значением анализа виктимности при оценке характеристик механизма преступного поведения. Выше мы уже упоминали о значении связи детерминации между преступлением и виктимной активностью, когда носящее предметный характер преступление объективно предвещает процесс виктимизации жертвы либо сопутствует ему. Сама жертва,

соответственно, осознает свой специфический социально-правовой статус, возникший как в связи и по поводу совершения в отношении нее преступления, так и в связи со своей специфической активностью, предваряющей процесс совершения преступления.

В этой связи выдающийся японский виктимолог Коити Миядзава выделял как общую виктимность, зависящую от социальных, ролевых и гендерных характеристик жертвы, так и специальную, реализующуюся в установках, свойствах и атрибуциях личности. Причем, по утверждению К. Миядзавы, при наложении этих двух типов друг на друга виктимность увеличивается. [412]

Представляется, что по степени связи с преступным поведением виктимность может проявляться в двух основных формах:

- а) эвентуальная (от латинского «эвентус» — случай) виктимность;
 - б) децидивная (от латинского «децидо» — решение) виктимность.
- [413]

Предлагаемая классификация форм виктимности основана на известном положении о том, что социальная активность (в том числе отклонения от безопасных форм поведения) может *«побуждаться разными обстоятельствами. Она может быть причинно обусловленной, т.е. вытекающей из сложившихся условий, которые являются непосредственно причинно-порождающими для данной деятельности. Она может расцениваться как причинно-сообразная, т.е. сообразующаяся с кругом породивших ее условий-причин, но уже не прямо и непосредственно вытекающая из них. Она может быть целесообразной, т.е. в качестве главной ее характеристики, согласованной, с заранее поставленными целями. Наконец, она может быть целеобусловленной, т.е. по преимуществу определяемой, производной от цели. Понятно, что в первых двух случаях (причиннообусловленности и причинносообразности) источник деятельности локализуется в прошлом, в уже сложившейся ситуации; в двух остальных случаях (целесообразности и целеобусловленности) — в будущем, в том, что предстоит»* [414].

Эвентуальная виктимность (виктимность в потенции), означающая возможность при случае, при известных обстоятельствах, при определенной ситуации стать жертвой преступления, и включает в себя причинно обусловленные и причинно сообразные девиации. Естественно, что характеристики эвентуальной виктимности в основном определяются частотой виктимизации определенных слоев и групп населения и закономерностями, присущими такой виктимизации.

Например, Г. И. Чечель, пытаясь представить всеобъемлющую классификацию жертв преступлений в зависимости от деятельностного критерия — степени выраженности антиобщественного поведения потерпевших, на самом деле определил закономерности распределения виктимизации потерпевших. Согласно данным вышеуказанного исследования, невиновная (идеальная) социально активная жертва была выявлена в 8,7 % изученных случаев, невиновная (пассивная) жертва — в 10,9 %; жертва с неодобряемым поведением — в 4,3 %; жертва с неосмотрительным поведением — в 12 %; жертва с аморальным поведением — в 15,2 % случаев; жертва с провоцирующим поведением — в 17,4 % случаев; жертва с преступным поведением — в 31,5 % случаев изученных преступлений, связанных с причинением тяжких последствий личности. [415]

Децидивная виктимность (виктимность в действии), охватывающая стадии подготовки и принятия виктимогенного решения, да и саму виктимную активность, соответственно, включает в себя целесообразные и целеобусловленные девиации, служащие катализатором преступления [416].

Так, по мнению психологов, люди, сознательно или бессознательно избирающие социальную роль жертвы (установка на беспомощность, нежелание изменять собственное положение без вмешательства извне, низкая самооценка, запуганность, повышенная готовность к обучению виктимному поведению, усвоению виктимных стереотипов со стороны общества и общины), постоянно вовлекаются в различные криминогенные кризисные ситуации с подсознательной целью получить как можно больше сочувствия, поддержки со стороны, оправданности ролевой позиции жертвы. [417]

Например, согласно результатам исследований Дж. Сутула, приведенным в работе Б. Л. Гульмана, классический портрет жертвы изнасилования включает черты фатализма, робости, скромности, отсутствие чувства безопасности, выраженную податливость внушению [418]. Трусость и податливость могут сочетаться с повышенной агрессивностью и конфликтностью жертв-психопатов, истероидов, избирающих позицию «обиженного» с целью постоянной готовности к взрыву негативных эмоций и получению удовлетворения от обращения негативной реакции общества на них, усилению ролевых свойств жертвы.

Рассматривая виктимность как психическую и духовную девиацию (патологическая виктимность, страх перед преступностью и

иными аномалиями), следует отметить особую роль страха перед преступностью как основной формы их проявления на индивидуальном и групповом уровне.

Обычно мы определяем страх как эмоцию, возникающую в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленную на источник действительной или воображаемой опасности. [419] Один из выдающихся психологов современности Фриц Риман, рассматривая с точки зрения теории синергетики страхи как форму реализации противоречия между человеческими стремлениями к устойчивости, определенности бытия и индивидуальными потребностями в переменах, утверждает, что в основном страхи, являясь органичными составляющими нашей жизни как биологических и социальных существ, напрямую связаны с *«соматическим, душевным и социальным развитием, с овладением новыми функциями при вступлении в общество или содружество. Страх всегда сопровождает каждый новый шаг по пересечению границ привычного, требующий от нас решимости перейти от изведанного к новому и неизвестному»*. [420]

Страх естественно присущ нашему бытию и является его неизбежной принадлежностью, служа условием приобретения опыта социального взаимодействия. Будучи также отражением коллективного и личного опыта, страх с помощью механизмов социализации, социально-психологического заражения, внушения, подражания и конформизма [421] возникает всякий раз, когда мы оказываемся в трудной ситуации.

Страх может быть выраженным как в форме специфической боязни определенных ситуаций или объектов (страх перед незнакомцем, насильником, темнотой), так и в форме генерализованного и расплывчатого состояния, определяемого воздействием коллективного опыта виктимизации (боязнь преступности вообще), коллективного поведения (массовая паника, страх перед терроризмом), воздействия средств массовой информации (страх перед эрзац-преступностью: «маньяками, мафией и наркоманами»).

Страх напрямую связан с нашими психическими установками, самочувствием, системой ценностей и опытом социального общения. По Ф. Риману, основными формами страха являются:

- страх перед самоотвержением, переживаемый как утрата «Я» и зависимость;
- страх перед самостановлением (стагнацией «Я»), переживаемый как беззащитность и изоляция;

— страх перед изменением, переживаемый как изменчивость и неуверенность;

— страх перед необходимостью, переживаемый как окончательность и несвобода [422].

Как правило, люди в состоянии достаточно легко преодолевать те или иные страхи, за исключением ситуаций кумуляции определенных страхов с детства, подпитываемых личным опытом виктимизации, рикошетным заражением от знакомых, соседей и близких и некритическим восприятием средств массовой информации. В таких случаях естественной реакцией субъекта на страх перед любым объектом может быть паника, невроз, реактивное состояние психики.

Криминогенное значение подобных реакций достаточно велико и будет рассмотрено несколько позже. Здесь же отметим, что страх перед преступностью, в отличие от элементарных правил предосторожности, как правило, иррационален и проявляется во всех выделенных Ф. Риманом формах, приводя к истерическим паническим реакциям, застревающим ступорным состояниям, депрессивному «молчанию ягнят», агрессивно-шизоидным фобиям.

С виктимологической точки зрения определенный интерес представляет рассмотрение также и уровней страха перед преступностью (от нормы к патологии). Здесь, думается, мы можем выделить:

1. *Общее состояние страха* перед преступностью. Практически это связанный с опытом социализации и с социально-психологическим состоянием общества в целом сигнал, предупреждающий о приближающейся угрозе и мотивирующий определенные и естественные защитные реакции. В норме они выражаются в ситуативной профилактике возможных криминогенных ситуаций, в принятии защитных мер безопасности личности, имущества, семьи. Патологический страх перед преступностью выражается в панике, навязчивых фобиях стать жертвой, в восприятии любого окружения как социально опасного, в неадекватных агрессивных реакциях. Формирование массовых патологических реакций достаточно важно для политической элиты, поскольку именно оно обуславливает принятие любых законопроектов, ограничивающих права и свободы граждан в угоду общественной безопасности, отводит глаза народа от реального состояния дел, позволяет манипулировать общественным сознанием [423].

2. *Культурные состояния страха* перед преступностью могут определяться как рикошетной виктимизацией близких, членов референтных групп и связанными с этим стрессами и невротически-

ми состояниями (синдром виктимной субкультуры), так и вызванной нарушением прав человека политикой угнетения определенной расы, нации, народности (боязнь злоупотребления властью, отверженность, синдром париев). В наиболее острых формах могут проявляться в беспомощности и подавленности и связанных с ними депрессивных состояниях: уход от социальных контактов, печаль, раздражительность, страдания, ослабление интересов и способностей, аморфность поведения, алкоголизация, наркотизм, неадекватные реакции, суицидальная активность.

3. *Детерминированные опытом виктимизации личностные виктимные фобии.* В норме выражаются в накопленном негативном опыте общения с правонарушителем, рациональном поиске выхода из нее и определенных опасениях попадания в сходные криминогенные ситуации. Патологическое развитие влечет за собой неврозы, психотические состояния, дисфункциональность реакций при попадании в ситуацию, хотя бы мельком напоминающую ситуацию виктимизации, опасения вновь и вновь стать беспомощной жертвой, параноидальный бред преследования.

4. *Острые состояния страха в критической ситуации.* В зависимости от состояния психики, темперамента и иных личностных качеств, опыта разрешения конфликтных ситуаций могут варьироваться от попыток поиска рационального выхода из конфликта до героических поступков и патологической трусости.

Как видим, *страхи наши достаточно многообразны, как и виды реакций на них.* Однако именно преодоление страхов, рациональное осмысление своего пути, места человека в этом мире дает возможность его дальнейшего развития и самосовершенствования. Обратная же дорога, кумуляция страхов, ведет к стагнации, снижению адаптивных черт и качеств личности и ухудшению криминогенной обстановки.

К числу *психических девиаций виктимного характера* нами были отнесены и определенные расстройства психической деятельности, затрудняющие социальную адаптацию и в определенных случаях носящие патологический характер (мазохизм, садизм, эксгибиционизм, патологический эротизм-нимфомания). Не останавливаясь подробно на анализе указанных форм виктимных девиаций, рассматривающихся обычно в работах по психоанализу и психиатрии [424], отметим, что садистско-мазохистские комплексы порой находят свое выраженное проявление в среде жертв преступлений, могущих, с определенной долей допущения, быть отнесенными к рецидивным жертвам.

Так, Колин Уилсон [425] описывает случай, когда банковский клерк из Штутгарта Марлен Пантстух на протяжении нескольких лет приезжала в Италию в отпуск с целью найти молодого мускулистого любовника, который связывал бы ее, избивал и резал ножом в любовной игре. Так продолжалось несколько лет до тех пор, пока она не встретила мужчину — «покорителя женских сердец», обладавшего явно выраженным садистским комплексом, который однажды, по ее просьбе нанося ей удары ножом, в процессе соития перерезал М. Пантстух горло. Убийца и прирожденная жертва нашли друг друга [426].

Вместе с тем для рецидивных «прирожденных» жертв свойственны не только виктимные девиации психики.

«Прирожденная жертва чаще всего оказывается лицом, страдающим от *дефицита жизненности*, человеком, который очень опасается, что его невезучесть является его виной, не пытаясь это никак изменить. Такое лицо предпочитает жить в мире собственных фантазий, прячась от реалий современного мира, поэтому стороннее воздействие, столкновение с действительностью, когда оно происходит, зачастую бывает фатальным» [427].

Здесь мы подходим к описанию третьей формы реализации виктимности — виктимных моральных (духовных) отклонений. Выше мы уже отмечали, что интериоризация виктимогенных норм, правил поведения виктимной и преступной субкультуры, виктимные внутриличностные конфликты могут играть значительную роль в формировании провоцирующего поведения. Поведения, связанного с усвоением и воплощением в образе жизни субъектов виктимных стереотипов и состояний. Поведения, связанного с оценкой самого себя как жертвы, переживанием собственных бед и неудач как детерминированных исключительно личностными качествами либо, наоборот, — враждебным окружением. *«Когда понятие невинности истребляется даже в сознании невинной жертвы, над этим обреченным миром окончательно воцаряется культ силы. Вот почему омерзительные и страшные ритуалы покаяния так распространены в этом мире, где разве что камни избавлены от чувства вины»*, — писал Альбер Камю, характеризуя социально-психологические истоки терроризма и злоупотреблений властью в социальных системах [428].

Эта цитата как нельзя более точно подчеркивает социальную опасность переживания чувства виновности жертвы, моральной оценки жертвы обществом как заранее виновной в совершении преступле-

ния. Помимо эскалации страха и враждебности, самоотчуждения и взаимного отчуждения, такое состояние влечет за собой аномию и увеличивающуюся агрессивность, войну «всех против всех».

В этой связи осознание себя жертвой, виновной в причинении ей вреда, покаяние и переживание этого состояния не могут не признаваться определенными отклонениями от нормативов безопасного поведения, ведущих к виктимным поведенческим реакциям.

Проблема самостигматизации себя как жертвы правонарушения, не бывшей в состоянии нормально адаптироваться к существующим условиям социального развития, определенным образом связана с состоянием внутриличностного конфликта. Сходные зависимости возникают и в восприятии и в воплощении в соответствующем поведении виктимных правил и норм соответствующей субкультуры.

Следует отметить, что проблема внутриличностных конфликтов не получила своего адекватного воспроизведения и оценки в криминальной виктимологии. Определяя конфликт как дезинтеграцию приспособительной деятельности, возникающую в результате столкновения самостоятельных ценностей, внутренних побуждений, специалисты исследуют его в рамках теории психоанализа и когнитивной психологии, интеракционизма и бихевиоризма [429].

Внутриличностный конфликт как переживание, вызванное столкновением различных структур внутреннего мира личности, может приводить к снижению самооценки, сомнениям, эмоциональному напряжению, негативным эмоциям, нарушениям адаптации, стрессам. К основным видам внутриличностного конфликта специалисты в области конфликтологии относят: мотивационный конфликт (между стремлениями к безопасности и обладанию), нравственный конфликт (между моральными принципами и личными привязанностями), конфликт нереализованного желания или комплекса неполноценности (между желаниями и возможностями), ролевой конфликт (между ценностями, стратегиями или смыслами жизни), адаптационный конфликт (при нарушении процесса социальной и профессиональной адаптации), конфликт неадекватной самооценки (при расхождениях между притязаниями и реальной оценкой своих возможностей), невротический конфликт (невозможность выхода из состояния фрустрации, порождающая истерию, неврастение и прочие психические заболевания) [430].

Во многом возникновение внутриличностных конфликтов имеет виктимологическое значение только тогда, когда они перерастают

в жизненные кризисы и ведут к виктимным поведенческим реакциям. Так, при негативном развитии событий неспособность человека справиться с экстремальной ситуацией, личный опыт боязни правонарушителей, собственной слабости и беспомощности может кумулироваться, скрываясь от сознания и проявляясь в изменениях реакций, постоянных стрессах, эмоциональном ступоре, необоснованных, неадекватных действиях при попадании в сходную ситуацию. Умение же справиться с бедой как самостоятельно, так и с помощью общества, друзей и близких ведет к укреплению личности, ее нравственному совершенствованию.

Нереализованные и неразрешенные внутриличностные конфликты ведут к формированию связанных с психическими и физиологическими реакциями организма, а также с отторжением жертвы своим ближайшим окружением виктимных комплексов:

а) комплекса мнимой жертвы (трусость, паникерство, предположения о наличии постоянных угроз безопасности со стороны окружающих);

б) комплекса притворной жертвы (своим нытьем и страхами пригibasывающей беду).

Рольевые межличностные конфликты, по нашему мнению, могут приводить к формированию следующих специфических виктимных комплексов, при стечении обстоятельств реализующихся в деструктивном поведении:

а) комплекс жертвы-дитяти (воспроизводство депрессивных состояний посредством провоцирования межличностных конфликтов своим поведением при полном «детском» нежелании ничего исправлять, а только далее и далее играть роль жертвы в межличностных отношениях — «пожалуйста, не пинайте меня, я не виновата, так получается»);

б) комплекс жертвы-подкаблучника (коллекционирование депрессивных состояний в силу осознания своей беспомощности, немочи, несостоятельности, загнанности обстоятельствами и собственными обязательствами — «я не о'кей, я такой слабый»);

в) комплекс безвинной жертвы (самооправдание, непогрешимость и невиновность — вот основные черты такого состояния, приводящего к чувству вины со стороны окружающих и постоянному контролю над ними — «это все из-за тебя»).

Список подобного рода состояний можно продолжать до бесконечности. Определенный набор указанных «масок» описан в по-

собии В. Е Христенко «Психология жертвы».[431] Специалисты по транзакционному анализу утверждают, что, эксплуатируя свои комплексы и манипулируя другими, люди провоцируют других и играют определенные роли с целью потакания себе в чувствах вины, боли, страха, возникавших ранее в сходных ситуациях. [432] Конечно, если такое поведение имеет целью перестройку ценностей и свойств личности и выход из внутриличностного конфликта, это может быть оправдано.

В противном же случае кумуляция виктимных свойств и обид ведет к нарастанию напряженности и соответствующим поведенческим реакциям, вплоть до совершения преступлений. Недаром специалисты в области семейной криминологии отмечают криминогенность ущемления мужского авторитета при женоубийствах. [433] Думается, что анализ внутриличностных конфликтов как форм проявления виктимности может способствовать более глубокому познанию причин отклоняющегося поведения и разработке мер по его коррекции. Однако эта проблема требует дальнейшего глубокого и всестороннего междисциплинарного исследования.

Говоря о *роли восприятия и воплощении в соответствующем поведении виктимных правил и норм соответствующей субкультуры*, следует отметить определенную значимость конфликтов между требованиями двух систем морали: первой, отстаивающей необходимость и дозволенность безопасного поведения, и двух других, выражающих точки зрения социальных групп аутсайдеров: групп, стремящихся к повышенному риску в собственной жизни («экстремалы»), и групп, стремящихся спрятаться в «башню из слоновой кости», отгородиться и переждать.

К основным состояниям, связанным с интериоризацией норм подобных групповых субкультур, могут быть отнесены:

а) гипервиктимность (стремление к бездумному, ничем не контролируемому риску, достижение эйфории от преодоления чересчур опасных препятствий, провоцирование критических и конфликтных ситуаций);

б) гиповиктимность (обеспечение повышенной безопасности, закомплексованность, ограниченность общения и социальных контактов, уход от трудностей и реалий современной жизни).

Специалисты отмечают, что в моральных конфликтах такие неморальные нормы выходят на первый план, определяя основные характеристики жизнедеятельности субъектов. *«Отклоняющаяся от*

нормы «донкихотствующая» личность в лучшем случае погружается в бездну разочарования и отчаяния, как это произошло с героем Сервантеса, а в худшем случае носитель конфликта просто уходит из жизни, не имея сил справиться с ее противоречиями» [434].

4.2.3. Компоненты виктимности

Комплексный анализ компонентов виктимности, ее форм и проявлений в различных сферах социальной жизни позволяет глубже понять социальные и психологические корни отклонений от безопасного поведения, «создающих» жертв преступлений, определить особенности взаимодействия жертвы и преступника в механизме преступного поведения.

При таком понимании *основными компонентами виктимности*, подлежащими анализу при дальнейших разработках, являются:

- ситуационный (социально-ролевой) (описывающий виктимность с точки зрения соотношения виктимогенной ситуации и личностных качеств потенциальной жертвы, а также типичные реакции людей в конкретной виктимогенной обстановке);
- интеллектуально-волевой (описывающий характеристики сознательной, целесообразной и целеобусловленной виктимности);
- аксиологический (описывающий ценностно-ориентационные, потребностные характеристики виктимности);
- деятельностно-практический (описывающий типовые формы поведенческой активности типичных жертв, формы, природу и закономерности взаимоотношений между жертвами и правонарушителями);
- эмоционально-установочный (описывающий психологические факторы, сообразующиеся с виктимностью);
- физико-биологический (описывающий основные природные детерминанты виктимности).

В частности, опыт изучения особенностей виктимности населения Украины свидетельствует, что основными характерными чертами виктимности современных жертв преступлений [435] является совокупность нижеперечисленных показателей.

Расстройства эмоционально-установочной и аксиологической сферы. Эти расстройства выражаются как в нарушении потребности в обеспечении безопасности (как гипервиктимность, приводящая к бездумному риску, так и гиповиктимность, выражающаяся в застре-

вающем стремлении к обеспечению повышенной безопасности), так и в формировании под влиянием особенностей личностных характеристик жертв преступлений препятствия в реализации потребности в обеспечении безопасности.

К последним относятся виктимные комплексы (комплекс жертвы-дитяти, супруга-подкаблучника, супруга-насильника), патологическая страсть к приключениям, оценка окружения как враждебного (синдром провокационности окружения), общее состояние страха перед преступностью (как сигнала, предупреждающего о приближающейся угрозе и мотивирующего защитные реакции) [436], детерминированные опытом личностные виктимные фобии, острые состояния страха в критической ситуации, культурные состояния страха перед преступностью (синдром виктимной субкультуры), наконец, околосонные виктимные иллюзии (характеризующие поведение субъектов, эмоциональное состояние которых детерминировалось особенностями прошедшего сна и боязнью того, что сон сбудется, — «не с той ноги встал»).

Нарушения норм безопасного поведения, реализующиеся как на ситуационном, так и на деятельностно-практическом и интеллектуально-волевом уровнях. Формами проявления такой виктимной активности служат различного рода комплексы неполноценности, связанные с психологическими и соматическими дисфункциями организма (психическими аномалиями, заболеваниями), а также с отторжением жертвы своим ближайшим окружением и формированием у нее комплекса мнимой жертвы (трусливо предполагающей наличие постоянных угроз ее безопасности) и/или притворной жертвы (своим нытьем и страхами притягивающей беду).

В указанную группу включаются также типичные виктимные отклонения (мазохизм, садизм, эксгибиционизм, патологический эротизм-нимфомания) и нетипичные виктимные девиации (проституция, алкоголизм, гомосексуализм), как правило, отягощенные виктимными тенденциями социогенного характера (социально-демографические и социокультурные особенности личности и поведения жертв преступлений). Наконец, сюда же относится наиболее изученная форма виктимной девиации — преступность.

Достаточно сказать, что по данным представительных криминологических исследований *агрессивность, грубость, неуживчивость, склонность к употреблению спиртных напитков* характерны для большинства потерпевших от тяжких насильственных преступлений.

Стало уже аксиомой, что около половины жертв убийств, потерпевших от нанесения телесных повреждений, сорок девять процентов жертв изнасилований своим неосторожным, неправомерным, отрицательным или провоцирующим поведением создавали определенные условия, способствующие преступному посяпательству.

Практически из примерно тридцати трех тысяч человек, ставших жертвами тяжких насильственных преступлений в Украине за последние 12 лет, многие остались бы живы и здоровы, если бы не их собственное неумение, а то и нежелание вовремя выйти из нарастающего конфликта. Страшная статистика.

Однако она станет еще страшнее, если мы укажем, что и сегодня, в годы разгула экономической преступности, большинство тяжких насильственных преступлений произрастает на бытовой почве. И оказывается, что типичный убийца — не какой-нибудь киллер-профессионал или маньяк типа Чикатило, а обычный гражданин, нервозный, распушенный, взрывчатый, ставший от трудностей жизни достаточно озлобившимся на всех и на все, порой злоупотребляющий алкоголем, словом, человек, живущий рядом и среди нас. И в значительной части случаев его тяжкое преступление явилось результатом острого либо длящегося конфликта с потенциальным потерпевшим, в 60–70 % случаев являвшимся родственником или знакомым преступника.

В 80-е годы нам довелось опрашивать группу лиц, осужденных за совершение тяжких насильственных преступлений в Юго-Западном регионе Украины. [437] Оказалось, что около 90 % из них характеризовалось повышенным участием в различного рода агрессивных конфликтах, связанных с применением угроз насилием и оскорблений либо физического насилия. В среднем за трехлетний период, предшествовавший совершению преступления, 28 % осужденных применяли насилие минимум два раза, 22 % — от двух до четырех раз, 10 % — от четырех до шести раз и 7,1 % преступников более шести раз участвовали в избиениях и драках. Не случайно из 84 % насильственных преступников, ранее участвовавших в драках и избиениях, 47,1 % совершили тяжкое преступление в процессе обыденного конфликта, сопровождавшегося применением физического насилия. При этом 78 % опрашиваемых преступников оценили предшествующее преступлению поведение потерпевшего как провоцирующее, обидное, унижающее, создающее нетерпимую обстановку в семье и в быту. [438]

Попытки анализа жизни привычных преступников свидетельствуют, что они, начиная с раннего возраста, подвергались унижениям, издевательствам и эксплуатации, были предоставлены самим себе. Практически большинство насильственных преступников происходило из того же круга, что и их будущая жертва, да и сами они неоднократно в прошлом становились жертвами преступлений. Во многом именно отсутствие должной реакции общества на факты жестокого отношения к человеку озлобляло будущих преступников, приучая их к мысли о вседозволенности и возможности применения любых средств для достижения поставленной цели. Конфликтно-агрессивные стереотипы поведения становятся типичными для таких людей. В особенности это касается лиц, впоследствии совершающих преступления с особой жестокостью. [439]

В этой связи культивируемый в обыденных представлениях образ убийцы-чужака («врага из-за угла»), оказывается, имеет столь же мало сходства с действительностью, сколько представление о том, что земля плоская. Гораздо большее значение здесь играет само поведение потенциального потерпевшего.

По сути дела, подобные преступления (впрочем, как и большинство остальных) теснейшим образом связаны с самим потерпевшим: его личностью, поведением, предшествующим совершению преступления, взаимоотношением между преступником и потерпевшим, возникшим задолго до совершения преступления либо непосредственно ему предшествующим.

Дальнейшая проработка данного вопроса в указанном направлении позволит более четко и ясно определить движущие силы различных видов виктимности, содействуя тем самым повышению эффективности профилактики преступлений.

4.3. КРИМИНОГЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВИКТИМНОСТИ

4.3.1. Общие положения

Теоретической основой и методологическим принципом изучения криминогенности виктимности является общепсихологическое понимание преступности и виктимности как *продуктов общества, обладающих относительной самостоятельностью, собственными закономерностями развития и взаимодействия, а также*

способностью обратного воздействия на породившую их социальную среду.

Ранее уже обращалось внимание на то, что взаимодействие преступности и виктимности осуществляется на трех уровнях социального взаимодействия. Отсюда и характеристики криминогенности виктимности могут быть рассмотрены именно в таком контексте.

На макроуровне изучению подлежат способствующие порождению преступности закономерности относительно устойчивых для данного временного интервала состояния общественного развития взаимосвязей преступности и виктимности как социальных процессов реализации различных по направленности форм девиантности. При этом криминогенное значение виктимности может быть рассмотрено:

во-первых, сквозь призму влияния особенностей реализации виктимности как массовой формы отклоняющегося поведения и ее обратного влияния на формирование количества совершаемых преступлений (описание типичных связей и взаимозависимостей между различными типами отклоняющегося поведения в рамках теории этиологии преступности);

во-вторых, посредством описания прямых и косвенных расходов общества на ликвидацию негативных последствий взаимосвязей «преступность-виктимность» (обращение с жертвами преступлений, реституция и компенсация) и на формирование криминогенности общественных отношений;

в-третьих, с помощью анализа непосредственно связанного с состоянием виктимности страха населения перед преступностью и его влияния на типичные виктимные перцепции, опосредуемые ими ощущения социальной безопасности, соответствующие им реакции граждан, определяющие состояние уголовной политики в обществе.

Естественно, что криминогенность указанных проявлений виктимности будет проявляться по-разному.

В первом случае речь идет о прямых генетических и детерминационных зависимостях преступности и виктимности на энергетическом, информационном и материальном уровнях в конкретно-исторических условиях.

Во втором — об опосредованных воздействиях виктимности и виктимных перцепций и реакций на экономическое состояние общества.

В третьем — о влиянии страха перед преступностью на формирование защитной реакции граждан, состояния аномии и определения

направлений уголовной политики, криминализации и декриминализации определенных деяний.

На уровне малых социальных групп и сообществ криминогенное значение виктимности должно изучаться через исследование совокупности социально-психологических переменных (социальный опыт, нормы, установки, обычаи, традиции, верования, суеверия) и процессов, которые:

- повышают виктимность отдельных групп населения;
- делают их (по крайней мере, сквозь призму социокультурных установок и стереотипов) более чем других людей быть подверженными риску стать жертвами преступления;
- обучают и стигматизируют определенные группы, дифференцируемые по национальному, религиозному, расовому, социально-ролевому и социально-демографическому критериям на субъектов, которые обладают повышенной виктимностью в данной культуре и тем самым «притягивают» преступность.

В таком контексте подлежит изучению поведение жертв злоупотребления властью, представителей этнических, религиозных меньшинств, статусных жертв, детей, женщин и престарелых.

«Каждое преступление есть, с одной стороны, продукт личности преступника, а с другой — тех общественных условий, под влиянием которых преступник находится в момент совершения преступления, т.е. продукт одного индивидуального и бесчисленных общественных факторов», — прозорливо отметил Ф. Лист еще в начале XX века. [440]

Немудрено, что в составе данных «общественных условий» особая роль отводится поведению и личности жертвы преступления.

В этой связи анализ криминогенного влияния виктимности на микроуровне включает изучение влияния прошлого виктимного опыта и роли в формировании негативных личностных качеств на процесс социального становления личности преступника, а также на процесс совершения преступления.

Особое внимание здесь уделяется криминогенному влиянию возникающих под воздействием первичной и вторичной виктимизации дефектов социализации, отчуждения лица от норм и ценностей общества в целом, социально-психологической дезадаптации, восприятия субъектом заданных обществом нравственных позиций как неприемлемых для него и содействовавших формированию криминальной мотивации.

Учитывая, что криминальная деятельность не может быть объяснена только и исключительно особенностями негативного формирования личности ее носителя (его антиобщественной установкой, направленностью), анализ ситуации совершения преступления и роли статуса и поведения жертвы в механизме ее формирования позволяет нам более предметно увидеть совокупность объективных обстоятельств, породивших у лица желание совершить преступление.

Именно *взаимодействие* объективных и субъективных характеристик и составляющих мироустройства конкретного человека на вещественном, информационном и энергетическом уровнях порождает преступное поведение.

Указанное обстоятельство подчеркивает также значимость изучения поведения и субъективных характеристик жертвы преступления (индивидуальной или коллективной), ее взаимосвязей с преступником как элемента ситуационных условий конкретного преступления.

Нам особенно важно понять, как и каким образом причины и условия конкретного преступления связаны с возникновением и опредмечиванием потребностей, актуализацией мотивов, целей, принятием решения совершить преступление, какова роль жертвы и ее поведения в их возникновении и развитии.

Анализ процесса формирования преступного намерения и его осуществления во взаимодействии с жертвой позволяет нам глубже разобраться в причинном комплексе индивидуального преступного поведения, в психологических истоках преступления. При этом анализ мотивов, механизмов преступного поведения следует проводить применительно к различным видам человеческой деятельности, к специфичным формам взаимосвязи преступного и виктимного поведения.

4.3.2. Криминогенность виктимности на макроуровне

Освещая проблему причин и условий преступности на макроуровне, нетрудно обратить внимание на отсутствие единства в понимании причин и условий преступности в современных криминологических исследованиях. Во многом это объясняется как фактом статистического, вероятностного характера закономерностей, действующих в обществе, так и отсутствием единой фундаментальной теории познания детерминации преступности. *«Скорее всего, исследователи приблизились к рубежу определенного уровня понимания преступности.*

Для преодоления этого рубежа и перехода на новую ступень познания, вероятно, имеющихся сегодня знаний недостаточно». [441]

По нашему мнению, исследование причинного комплекса преступности напрямую связано с имеющим место в настоящее время изменением характеристик криминологической парадигмы во всем мире.

Являясь оценочной моделью, определяющей общую идеологию предмета исследования [442], криминологическая парадигма обусловливает единство приемов и способов гносеологического анализа преступности и ее причин.

Экономический детерминизм и позитивизм, интеракционизм и синергетика являются подосновой любой метасистемной модели преступности. Однако именно переход от понимания преступности как формы реализации антиобщественного поведения отверженных индивидов, «нормальной реакции индивида (группы, класса) на ненормальные условия жизни общества», к описанию преступности как неотъемлемой части процесса общественного развития, неразрывно связанной с иными формами человеческой активности в конкретно-исторических условиях, — есть объективная реальность, позволяющая рассматривать преступность как особую форму отклоняющегося поведения в ее системных и устойчивых взаимосвязях с иными видами социальных отклонений, взаимосвязях, определяемых и определяющих пути и параметры развития общества. *«Фактически почти в каждом обществе акты, считающиеся преступными с юридической... точки зрения, вовсе не являются таковыми с точки зрения всех членов этого общества; равным образом юридическая защита путем наказаний тех или иных преступников не равнозначна защите всего общества, а представляет только защиту его привелигированной части..., защиту, которая для других элементов общества сплошь и рядом является простым притеснением, насилием и, если угодно, преступлением».*[443]

Выше мы уже отмечали, что криминологическое понимание преступности как социального процесса, который является неотъемлемой частью общественного развития, возникло не сразу. Современный криминологический анализ демонстрирует поистине различные черты и свойства преступности. Мы, наконец, поняли, что преступность — это не просто совокупность деяний отверженных, эмоционально, социально и психически обездоленных людей. По сути дела, различного рода формами девиантной активности поражено все общество, и высокообразованные преступники в смокингах, облапо-

шившие полстраны с помощью финансовых пирамид и махинаций на рынке энергоносителей, не менее опасны, чем опустившиеся алкоголики, проститутки и наркоманы, составляющие ядро «классической» общеуголовной преступности.

История развития учения о преступности и ее детерминации свидетельствует, что за последние три-четыре десятилетия криминологическое понимание преступности преобразовалось из относительно обособленного продукта классового общества в часть более общей системы социально отклоняющегося поведения, которая служит функциональной составляющей процесса общественного развития.

Собственно детерминистические закономерности преступности как социального процесса проявляются только в отношении достаточно узкого круга причинных взаимозависимостей вещества, материи и энергии в рамках стандартного для природы принципа самоорганизации. Другое дело, что социальные процессы в метасистемах с трудом поддаются научному анализу.

«Социум, этнос, общество — надсистемы высшей сложности, и мы не располагаем методами и средствами их исследования как целого — не умеем оценивать и определять их общесистемные свойства». [444]

В этой связи и принцип свободы воли классической школы Ч. Беккариа и И. Бентама, и почитаемый в постсоветском пространстве экономический детерминизм К. Маркса и его последователей, и психоанализ З. Фрейда, и многофакторный подход Ч. Ломброзо — есть ни что иное, как попытка определенным образом абсолютизировать найденные отдельные закономерности взаимодействия преступности с определенными проявлениями социума.

Помимо этого, ограниченность определения преступности, реализующейся в уголовном праве ценностно-нормативной системой культуры господствующего класса (управленческой страты) конкретного общества, не позволяет дать достаточно объективную картину описания процесса ее детерминации.

Социальность преступности как уголовно-правового явления определяет сосредоточенность криминологов на анализе поведенческих аспектов индивидуального и массового преступного поведения. В то же время исследования психологических и социокультурных проявлений криминальных отклонений остаются либо невостребованными практикой, либо представляют собой красивые, но малопродуктивные идеи, опирающиеся на сформированные историей развития социума традиции и верования. [445]

Попытки комплексного определения преступности как формы поведенческого, психического и морального отклонения от норм и принципов, принятых в обществе, объективно невозможны, поскольку преступность — специфическая форма реакции общественного организма на деструктивное поведение людей, формализованное в нормах уголовного права.

В этом плане отклонения на информационном (моральном, духовном) и энергетическом (психическом) уровнях подлежат изучению только среди осужденных, уже стигматизированных как преступники.

Высокая же латентность преступности, пораженность криминальной активностью всех без исключения слоев общества делает результаты такого анализа заранее нерепрезентативными, отражающими, как правило, психологию общеуголовных преступников, носителей свойственных данному обществу криминальных, маргинальных традиций, но отнюдь не всех членов общества, втянутых в процесс криминализации.

Между тем основанное на идеях синергетики рассмотрение преступности как процессуальной формы реализации девиантности, понимание того факта, что именно само взаимодействие девиантности как самоуправляемой системы с иными общественными системами и процессами определяет процесс причинности преступности и преступного поведения, позволяет нам постулировать, что в наиболее общем виде предметом криминологического изучения детерминации преступности и, соответственно, понимания криминогенности вихтимности являются объективные социальные процессы в экономической, политической, социальной и духовной сферах жизнедеятельности общества. Названные процессы приводят к описанным еще Э. Дюркгеймом противоречиям между индивидуальными задатками, способностями членов общества и социальной структурой, совокупностью заданных социальных позиций. [446]

В условиях нарастания остроты разрешения этих противоречий, определяемых конкретным взаимодействием объективного (социальные процессы и противоречия, дисфункции социальных институтов, нарушения образа жизни) и субъективного (изменения общественного сознания, иные социологические и социально-психологические характеристики населения) факторов, и возникает преступность.

«Самые общие причины позитивных и негативных проступков людей складываются на национальном уровне, конкретизируются в дей-

ствиях больших и малых социальных общностей, а затем проявляются в интересах, целях и мотивах групповых и индивидуальных актов поведения», — писал в одной из своих последних работ В. Н. Кудрявцев. [447] Недаром и эксперты Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию связывают детерминацию преступности именно с особенностями взаимодействия преступности и общества в процессе развития.

Отмеченное изменение криминологической парадигмы от открыто-позитивистской трактовки преступности как совокупности действий маргиналов к интеракционистскому анализу взаимодействия преступности и общества породило необходимость изучения виктимности и ее связей с преступностью. И если 60-е годы XX века в мировой криминологии (соответственно, 80-е годы в советской) дали обществоведению толчок в развитии теории отклоняющегося поведения, то 80–90-е годы послужили вехой в понимании виктимности как одного из элементов общественного развития, гомеостатически связанного с преступностью. Жертва, ее участие и вклад в процессы детерминации преступности и реализации преступных намерений стали предметом подробного научного анализа.

Приступая к описанию криминогенных характеристик виктимности, заметим, что традиционно криминогенность виктимности рассматривается сквозь призму страха перед преступностью, способствующего деморализации и дезорганизации общества и тем самым усиливающего аномию как причину преступности [448]. Влияние виктимности на преступность связывается также с социальными противоречиями, изменениями нормосознания и культуры общества, определяющими обострение процессов массовой виктимизации населения и связанной с ней аномии, чувства безнормативности, безысходности.

Вместе с тем, как это будет показано ниже, страх перед преступностью — не единственная составляющая в совокупности криминогенных свойств виктимности.

И преступность и виктимность есть формы проявления социально отклоняющейся активности, тесно связанные между собой на уровне общества (мира и человечества в целом), социальных групп и индивидов. Ранее мы уже пришли к выводу о разнокачественной структуре виктимной активности (моральные, духовные, поведенческие и психические отклонения от норм безопасности) и о наличии гомеостатических связей между преступностью и виктимностью на энергетическом, информационном и материальном уровнях.

И преступность и виктимность обладают общностью определенных причин, вызывающих их к жизни. И преступность и виктимность сходны друг с другом по ряду существенных личностных характеристик девиантов [449]. Обмен веществом, информацией и энергией происходит между преступностью и виктимностью во всех типах связей, выделяемых в системном анализе и применяемых в криминологических исследованиях. [450]

К таковым связям можно отнести, в первую очередь, связи взаимодействия. Преступность и виктимность напрямую взаимозависят друг от друга, изменяясь в пространственно временных рамках в зависимости от изменения других.

Кооперация и конфликтность являются основными составляющими таких связей. Однако и преступность и виктимность, конфликтуя на уровне единичного, кооперируются в рамках единого процесса существующих девиаций, «переливаясь» из одной формы в другую. Ни виктимность, ни преступность не могут существовать отдельно и обособленно друг от друга. Именно через связи взаимодействия обеспечивается гомеостаз, воспроизводство и самосохранение преступности и виктимности в существующей модели миропорядка. Причем сферы гомеостаза определяют специфику взаимодействия преступности и виктимности.

Агрессивным конфликтам как способу достижения поставленной цели, получения замещенного результата либо, наконец, как генерализованному проявлению агрессии вовне противостоят генерируемые культурой общности и элементами биопсихологического развития индивида альтруистические устремления и поступки человека.

Определяемым характеристиками состояния экономических, идеологических и политических процессов развития общественной структуры моральным установкам индивидуализма противостоит, реализуемая на уровне малых групп, взаимопомощь членов общества.

Реализации культурологической функции преступности в виде формирования и воспроизводства криминализированных общественного настроения, норм и стереотипов поведения субкультур преступников, местных обычаев, механизмов группового давления (конформизм, заражение, подражание, внушение), которые определяют полезность и эргономичность преступного поведения для определенной группы, соответствуют установленные правовыми нормами обязанности просоциального виктимного поведения статусных жертв.

По сути дела, именно через анализ существующих связей взаимодействия общества и отклоняющегося поведения, отдельных видов девиантности между собой и обществом в целом строится современная теория причин преступности, пытающаяся связать детерминацию преступности как с природными характеристиками психологии и нормосознания человека (энергетический и информационный уровни взаимозависимостей), так и с особенностями отчуждения социальных групп и отдельных граждан от экономической, политической и духовной жизни общества (материальный уровень взаимозависимостей).

Связи функционирования. Они проявляются в системных характеристиках воспроизводства преступности и виктимности в общественном организме. Устойчивость воспроизводства преступности определяется ее функциями в конкретно-исторических условиях. Известно, что *«наличие и сохранение в обществе какого-либо социального факта невозможно без признания того, что, раз данные факты постоянно существуют в обществе, они выполняют определенную социальную функцию, служат формой для адаптивной (приспособительной) либо регулятивной реакции соответствующих лиц на указанные общественные процессы»*. [451]

Устойчивость воспроизводства виктимности определяется ее структурными связями и взаимозависимостями с преступностью в рамках определенной социальной формы, определяющей функционирование, нужность и полезность соответствующих типов виктимной активности.

Функционирование преступности и виктимности в обществе, объединенное единым полем социально-отклоняющегося поведения, соответственно, содействует гомеостазу девиантности в целом.

Соблюдение нормативности распределения преступности и соответствующей ей виктимности поддерживает определенную структуру социальных связей и отношений. Распад связей и функциональных зависимостей, напротив, влечет за собой хаос, распад общества, трансформацию социально одобряемых актов девиантного поведения в негативные и наоборот.

Генетические связи (связи порождения). Эти связи чаще всего выступают предметом анализа взаимозависимостей преступности и виктимности. Преступность как социальный процесс служит предпосылкой и порождением виктимности. Виктимность на массовом уровне в упрощенном виде представляет собой реакцию населения

на существующую преступность и злоупотребления властью. Именно преступность, ее последствия, ее боязнь служат основанием формирования защитных виктимных реакций, виктимных страхов и фобий. Вместе с тем определенные типы виктимного поведения (патологическая жертвенность, провокационная виктимность) сами в состоянии порождать некоторые преступные реакции и, кстати, именно с ними в обыденном сознании связывается сущность любого виктимологического исследования (выявить вину жертвы в совершении преступления, ее роль в провокации преступления).

Естественно, методологически было бы неверным отождествлять и переносить криминогенность виктимных провокаций в индивидуальных конфликтах с генетическими зависимостями преступности и виктимности. Преступность и виктимность связаны друг с другом сложной системой структурированных, взаимопереплетающихся отношений, формирующих своеобразные надсистемы в рамках процесса реализации, изменения, воспроизводства и сохранения девиантности в социуме.

Помимо этого, виктимная активность формируется не столько благодаря существующей реальной преступности, сколько благодаря ее отражению в средствах массовой информации, виктимным перцепциям определенных групп населения, наконец, — благодаря страху перед преступностью и связанной с ним аномии. Это позволяет утверждать, что в таком контексте может быть выявлена связь состояний между самими процессами реализации виктимных и преступных отклонений от нормопорядка.

Так, состояние преступности сегодня и ее отражение в средствах массовой информации, опосредуясь ощущениями личной и общественной безопасности, во многом определяют состояние будущей виктимной активности большинства правопослушного населения в будущем.

Например, уменьшение количества грабежей в зимний период времени может быть связано не с особенностями профилактической работы, а с тем, что напуганные количеством нападений граждане перестают выходить на улицу или носить меховые шапки, служащие предметом грабежей.

С другой стороны, гипервиктимные реакции определенной части населения (приобретение средств самозащиты, активизация деятельности неформального социального контроля) могут влечь за собой увеличение числа неосторожных преступлений, экспорт преступно-

сти из одного региона в другой, изменение структурных и динамических характеристик всей преступности в целом.

Указанные обстоятельства реализуются в связях преобразования между преступностью и виктимностью. При этом виктимность оказывает такое воздействие на среду, при котором ход криминализации определенной группы общественных отношений либо замедляется, либо, наоборот, убыстряется. Происходит обоюдная трансформация и преступности и виктимности. Новые формы общественных отношений и соответствующие реакции на них правопослушного населения влекут за собой изменение направленности и интенсивности преступного поведения и вслед за этим — изменение старых форм виктимных реакций.

«Можно предположить, — писал В. В. Лунеев, — что при приближении преступности к уровню терпимости населения за счет его всеобщей мобилизации и негативной реакции возможно замедление темпов ее прироста. Такой уровень условно назовем «порогом насыщения» преступностью, за пределами которого нельзя не ожидать качественно-количественного изменения социально-правовых, криминологических и даже политических характеристик общества. «Порог насыщения» преступностью, надо полагать, свой для каждой страны в тот или иной период ее эволюции. Он не является константой и может в определенных пределах «дрейфовать» к более высоким показателям по мере привыкания населения». [452]

Именно связи преобразования могут играть как повышенную криминогенную, так и антикриминогенную роль. Так, невыработанность единой системы защиты от компьютерных посягательств, отсутствие регуляторов в этой области, при интенсивности развития новых информационных технологий, обусловили во многом всплеск компьютерной преступности, которая расценивается большинством населения как незначительное отклонение от действующего нормо-порядка.

Уникальный социальный эксперимент в ФРГ, связанный с объединением страны, показал, что интенсивность преступности в Восточных землях, граждане которых выросли под железной пятой социалистической упорядоченности, была в несколько раз ниже «демократически» ориентированной на вседозволенность преступности в Западных землях.

Нет нужды говорить, что виктимная активность и связанные с нею защитные реакции населения на преступность реально опосредуют-

ся социокультурным состоянием общества. В дальнейшем, описывая проблему закономерностей распределения виктимизации в мире, мы подробнее остановимся на этом вопросе.

Анализ структурных взаимосвязей преступности и виктимности свидетельствует, что и преступность и виктимность, выступая системными образованиями в рамках социально отклоняющегося поведения в обществе, глубоко структурированы. Причем, следует отметить, что внутренней структуре преступности, ее закономерным внутренним связям и взаимозависимостям соответствуют сходные связи и отношения в структуре виктимности.

Виктимность, отражая структурные характеристики преступности на уровне личности, малых групп и общества в целом, вместе с тем сохраняет определенную самостоятельность. Это выражается в зависимости виктимности от структуры общественного сознания, ощущения общественной безопасности и всего морально-психологического климата в обществе.

Более того, структурные изменения виктимности, актуализация одних составляющих (например, моральных предписаний) в ущерб другим могут повлечь за собой дальнейшее развитие диады «преступность-виктимность». Эта диада может проявляться и реализоваться в рассмотренных нами уже ранее при анализе генезиса виктимных девиаций связях развития между различными по своей направленности, но имеющими сходную социально-психологическую основу проявлениями преступности и виктимности, когда каждая новая форма девиаций, «порождая» следующую, служит отрицанием предыдущей и компонентом новой формы активности.

Таким образом, очевидно, что анализ системообразующих связей и взаимозависимостей виктимности и преступности приводит к выводу об *определенной криминогенности связей состояния, преобразования и развития, которые обуславливают взаимопроникновение, «подпитку» и взаимопереход преступности и виктимности в рамках единого социального целого.*

Открытость и динамичность преступности и виктимности, их развитие и самоорганизация при дальнейшем анализе позволят определить закономерности виктимизации как процесса превращения в жертв преступлений определенной части населения, а следовательно, — разработать виктимологически выверенные предложения по совершенствованию теории и практики социального контроля над преступностью.

Вторым направлением анализа криминогенности взаимосвязей преступности и виктимности на макроуровне является проблема самовоспроизводства преступности сквозь призму ухудшения экономического положения государства, отставания деятельности органов социального контроля, связанной с виктимными реакциями общества на преступность. В процессе виктимизации преступностью причиняется материальный, физический, моральный, организационно-правовой и политический ущерб обществу в целом, социальным группам и отдельным гражданам. [453] Изъятие и уничтожение имущества, неполученная выгода, насилие во всех его формах и проявлениях, нравственные страдания, косвенные расходы на поддержание правопорядка, организация защиты граждан, создание системы адекватной реакции государственных органов на преступность — вот далеко не полный перечень последствий преступности. Функционирование преступности как социального процесса в определенной мере подрывает экономические и политические основы государства, не дает возможности организовать планомерный и эффективный социальный контроль. [454]

Ухудшение эффективности социального контроля подрывает веру граждан в деятельность правоохранительных органов, ведет к социальному и социально-психологическому отчуждению. Возникающие при этом виктимные перцепции («все мы жертвы режима»), безнаказанность правонарушителей и незащищенность граждан, отсутствие либо неэффективность компенсаторных механизмов возмещения вреда, причиненного преступлением, стирают грани между преступлением и нормой, повышают порог допустимости девиаций в повседневной жизни все большего и большего количества населения, генерируя новые преступления.

Известно, что отношение общества к системе уголовной юстиции, чувство защищенности социальных групп и отдельных граждан, неудовлетворенность своим местом и ролью в социальной структуре, толерантность к девиациям являются стандартными индикаторами криминогенности общественных отношений в государстве. [455]

Обострение социальных процессов, ведущее к дисфункции социальных институтов, искажениям образа жизни и преступлениям, детерминирует преступность как социальный процесс. Преступность, актуализируя виктимность, самовоспроизводится в новых социальных группах, вербуя себе соратников из числа бывших жертв, остав-

нившихся без присмотра и экономической поддержки в действующей системе отношений.

Применительно к проблеме криминогенности виктимности в данном случае важно подчеркнуть то, что, несмотря на генетические взаимозависимости преступности и виктимности, виктимность — достаточно сложное, относительно автономное социальное образование.

В этой связи виктимность оказывает и обратное воздействие на преступность: определяемый неудовлетворенными, забытыми и забытыми гражданами уровень аномии от злоупотреблений властью и повышение их расходов на собственную защищенность детерминирует вторичную преступность.

Указанный процесс в чем-то схож с описанным Ф. Лемертом [456] процессом стигматизации: первичная девиация определяет виктимность — отсутствие реакции на проблемы жертвы вызывает ее отчуждение и страх, обиду и враждебность, приводя либо к девиациям, либо к мести и самосуду со стороны жертв. [457]

Массовое отчуждение виктимизированных граждан, соответственно, ведет к усилению страха перед преступностью, принятию защитных мер, увеличению неосторожных преступлений, связанных с применением мер безопасности, и «охоте на ведьм». Навязанные «обиженным» электоратом репрессии по отношению к преступности (либо к правоохранительным органам, «не могущим» справиться с валом преступности) через определенный период времени вызывают структурные изменения в преступности и усиление жесткости и жестокости криминалитета.

Следовательно, стандартный путь разрешения проблем посредством усиления борьбы с общеуголовной преступностью и сокращения расходов на обращение с жертвами не может вызывать одобрения. По-видимому, понимание места и роли виктимности в детерминации преступности лишь тогда достигнет своей цели, когда вновь назначенный руководитель правоохранительного органа, определяя свои задачи, на первое место поставит не борьбу с преступностью, а защиту законных прав и интересов граждан.

4.3.3. Роль страха перед преступностью в детерминации преступности

Указанное положение вплотную подвело нас к наиболее эксплуатируемой в последнее время проблеме места и роли связанного с виктимизацией страха перед преступностью в детерминации преступности на уровне социального целого.

Выше мы уже упоминали о влиянии страха перед преступностью на формирование защитной реакции граждан, состояние аномии и определения направлений уголовной политики, криминализации и декриминализации определенных деяний. Пожалуй, именно выделенные положения напрямую определяют роль страха перед преступностью и таких основных его форм, как:

- общее состояние страха перед преступностью;
- патологический страх перед преступностью;
- культурные состояния страха перед преступностью;
- детерминированные опытом виктимизации личностные виктимные фобии;
- острые состояния страха в критической ситуации.

За последние двадцать лет страх стать жертвой преступления стал важным предметом исследования криминологов во всем мире. Библиографический указатель Национального института юстиции США насчитывает более 2000 наименований работ, связанных с исследованием проблем страха перед преступностью. [458]

Виктимологические опросы населения, проводимые на национальном и международном уровнях, свидетельствуют, что страх перед преступностью испытывает значительный процент населения в развитых и развивающихся странах.

Что нам известно о страхе стать жертвой преступления? Какие основные факторы определяют его существование?

Многие современные исследовательские работы пытаются показать связь между страхом стать жертвой преступления с такими индивидуальными социально-демографическими характеристиками, как пол, возраст, семейное положение, образование и заработок, а также пережитый опыт виктимизации.

Лучшие из американских работ пользуются многовариантными статистическими технологиями и большим количеством примеров, в основном анализируя данные Национальных обзоров виктимизации и данные массовых опросов населения. Эти труды в своем большин-

ские указывают на обстоятельство, что страх перед преступностью в США в большей мере испытывают женщины, старики, чернокожие, бедняки и лица, ранее подвергнутые виктимизации. [459] Работы в этом направлении являются полезными и требуют дальнейшего углубления.

Вместе с тем более последовательной является точка зрения, согласно которой страх перед преступностью не может быть объяснен только ростом преступности, а также и иными социально-демографическими, социально-экономическими, социокультурными факторами, способствующими виктимизации. В действительности его существование как своеобразной формы общественного сознания вызвано целой совокупностью причин. С социологической перспективы, на страх перед преступностью оказывают влияние социальные изменения в обществе, структура общественных отношений, образ жизни, занятость, наличие развитой инфраструктуры, жилищные условия, экологические факторы, средства массовой информации.[460]

Особый интерес вызывают исследования взаимосвязи страха перед преступностью и социокультурных установок общины, цивилизованности образа жизни. По мнению Г. Кури, чем больше грязи человек видит на улицах, чем больше людей вокруг него ходят в лохмотьях, тем выше у него ощущение небезопасности и страха. Со страхом перед преступностью коррелирует низкий уровень дохода, плохие жилищные условия и сложные жизненные проблемы, в которых оказывается человек, не могущий обеспечить надлежащий уровень безопасности себе и своим близким [461]. При этом характеристики страха перед преступностью во многом зависят и от ощущения общественной безопасности в целом, тревоги за судьбы развития общества, вовлеченности граждан в деятельность по самоуправлению общиной и государством.

Показательны в связи с этим данные опросов населения США, проводимые Институтом Гэллапа. Так, в 1982 году среди проблем, наиболее тревожащих население США сегодня 61 % респондентов выделяли безработицу и 3 % — преступность. В 1999 году с ростом общественного богатства, улучшением эффективности деятельности правоохранительных органов, стабильным снижением преступности на протяжении всего правления администрации Б. Клинтона только 4 % респондентов выделяли безработицу среди проблем, наиболее тревожащих население США, и 17 % — преступность, насилие. Ин-

интересно, что с ростом внимания администрации к проблеме обеспечения безопасности населения и постоянным освещением этой проблемы в средствах массовой информации проблема преступности, насилия указывалась среди основных 2 % респондентов в 1991 году, 5 % — в 1992, 9 % — в 1993, 52 % — в 1994, 27 % — в 1995, 25 % — в 1996, 23 % — в 1997, 20 % — в 1998 и 17 % американцев — в 1999 году. [463]

Вместе с тем оценки американских граждан касательно роста преступности и обеспокоенности ею разительно изменились. Так, сотрудниками Института Гэллапа респондентам был задан вопрос: *«Стало ли больше или меньше совершаться преступлений в США по сравнению с прошлым годом?»* Ответы респондентов сведены в таблицу 3 Приложения. Соответственно, на вопрос *«Стало ли больше или меньше совершаться преступлений вблизи от Вашего места жительства по сравнению с прошлым годом?»* респонденты дали ответы, которые сведены в таблицу 4 Приложения. [464]

Анализируя их, нетрудно заметить, что при общей тенденции сокращения страха перед преступностью на национальном и локальном уровнях наблюдается интересная социально-психологическая закономерность отторжения проблемы, дистанцирования от преступности и негативных эмоций, связанных с ней. Фактически большинство опрошенных (и эта особенность характерна не только для США) считают, что преступность возрастает в государстве, оставаясь неизменной в местах проживания. При этом считается, что насильственная преступность возрастает повсюду, тогда как имущественная растет в основном в районах проживания. Указанные обстоятельства отражаются и на установках граждан, напрямую связанных со страхом перед преступностью. Так, в 1977 году 45 % американцев опасались гулять в одиночку ночью рядом с местом проживания и 15 % — ощущали себя небезопасно, находясь дома. К 1997 году количество первых уменьшилось до 38, а вторых — до 9 %. [465]

Практически при высоком уровне виктимизации преступность оценивается более как локальная, а не национальная проблема, мешающая жить, работать, забирающая больше сил и средств на обеспечение собственной безопасности, формирующая виктимные perceptions и страхи. 42 % респондентов, опрошенных в 1998 году показали, что они боятся преступности [466], в то время как улучшение состояния общественной безопасности обращает внимание и на государственные аспекты состояния данного вопроса при праг-

матичном принятии необходимых мер ситуативной профилактики. Так, 94,3 % респондентов в США запирают двери, боясь нападения, 78,9 % — действуют с определенными мерами предосторожности, 36,1 % — стараются не выходить из дому по ночам, 32,8 % — держат оружие в доме, 29,9 % — содержат собаку, 21,2 % — участвуют в программах соседского контроля, 19,5 % — используют системы сигнализации, 18,6 % — носят баллончики со слезоточивым газом, 17,8 % — прошли курс самообороны, 11 % — носят с собой оружие, выходя из дома. [467]

Следует указать, что нам должно быть ясно, с применением каких данных исследуется страх перед преступностью. А именно, имеем ли мы в виду реальный либо официально зарегистрированный уровень преступности. Оба они могут вызвать страх стать жертвой преступления, но процессы вызывания такого страха различаются.

Реальный уровень преступности, который лучше всего может быть измерен согласно данным о виктимизации, может вызвать страх стать жертвой преступления через физическое столкновение людей с преступлением. Следует отметить и то, что анализ, относящийся к лицам, опрошенным о пережитом опыте виктимизации, открывает малые возможности по ослаблению связи между их опытом и страхом стать жертвой преступления.

Многие же люди формируют собственное видение проблем преступности на основе средств массовой информации, а не на базе реального пережитого опыта столкновения с преступлением (принимая во внимание, что большинство не имеет такого опыта вовсе).

Уровень преступности, установленный на основе предъявленных и официально зарегистрированных случаев, может вызвать страх стать жертвой преступления, влияя на репортажи о преступности в средствах массовой информации или при публикации квартальных, полугодовых и годовых отчетов о преступности.

Профессор Нью-Йоркского государственного университета Аллен Лиска с помощью многофакторного анализа [468] изучил влияние как реального уровня преступности в данных отчетов о виктимизации, так и уровня официально зарегистрированной преступности, а также отображения образа преступности в средствах массовой информации на страх стать жертвой преступления. Предполагалось, что различия в страхе стать жертвой преступления будут отражать прямой (физический) опыт столкновения людей с преступлением, измеренный уровнем виктимизации, и косвенный (символический)

опыт столкновения с преступлением, измеренный репортажами о преступности в прессе. Ожидалось также, что зарегистрированная преступность влияет на страх стать жертвой преступления только через свое влияние на репортажи о преступности в прессе и что уровень преступности, измеренный уровнем виктимизации, вызывает страх как прямо, так и опосредованно, через влияние на уровень зарегистрированной преступности.

Результаты исследования можно представить следующим образом. Прежде всего, в таблице 5 Приложения рассмотрены вариации или распределение страха от совершения преступления днем и ночью в 26 американских городах. Приведенные данные в таблице отражают количество респондентов, чувствующих себя очень неуверенно ночью (первая колонка) и днем (вторая колонка). Процент чувствующих «очень неуверенно» колеблется днем от 0,4 % до 5,3 % со средним значением 2,4 %, а процент чувствующих «очень неуверенно» ночью варьируется от 11,9 % до 32,1 % со средним значением 21 %. Страх стать жертвой преступления, очевидно, ночное явление, которое значительно различается от города к городу.

После осуществления статистического анализа преступности и данных виктимологических опросов, контент-анализа сведений о преступности в средствах массовой информации, используя при этом анализ сопряженности и регрессионные уравнения, исследователями были определены взаимосвязи между официальным уровнем преступности, уровнем виктимизации и характеристиками влияния на указанные факторы средств массовой информации. Соотношение между официальным уровнем преступности и уровнем виктимизации и страха стать жертвой преступления представлено в таблице 6 Приложения. Анализируя ее, становится ясным, что убийства и кражи с отягчающими обстоятельствами показывают самое сильное позитивное соотношение со страхом. Это же подтверждается и линиями регрессии. Из семи категорий исследуемых уголовных дел убийства и кражи с отягчающими обстоятельствами стоят на первом и втором месте и сохраняют те же позиции при рассмотрении других уголовных дел. Что же касается уровня виктимизации, только кражи с отягчающими обстоятельствами показывают положительную связь со страхом.[469]

Имеется слишком много переменных воздействия средств массовой информации на общественное сознание и мнение, чтобы все соотношения были представлены в этой работе. Тем не менее такие

соотношения очевидны и обосновываются различными методиками статистического анализа.

Например, из числа исследованных А. Лиской уголовных дел только репортажи о местных убийствах и о кражах сотягчающими обстоятельствами находятся в корреляционном соотношении со страхом. Таким образом, хотя газеты пестрят репортажами о преступлениях, выходит, что страх оказаться жертвой преступления лишь в малой мере находится под их влиянием. Официальный уровень убийств находится в корреляции 0,73 со страхом стать жертвой преступления; когда же рассматриваются и репортажи о местных убийствах, коэффициент опускается до 0,56. Очевидно, что влияние официального уровня убийств опосредовано газетными заметками о местных убийствах. Вместе с тем официальный уровень убийств и репортажи отражают 61 % вариаций между различными городами по поводу страха стать жертвой преступления; официальный уровень убийств сводится к коэффициенту корреляции 0,58, а заметки о местных убийствах — к коэффициенту 0,30. При установлении связи между страхом и репортажами о местных кражах официальный уровень краж с отягчающими обстоятельствами и уровень виктимизации (через кражи с отягчающими обстоятельствами) отражается в коэффициенте 0,55 для официального уровня преступности и коэффициенте 0,28 для уровня виктимизации. Это предполагает, что прямое воздействие официального уровня в два раза превышает влияние уровня виктимизации.

Исследование А. Лиски подтвердило тот факт, что, в то время как репортажи о местных убийствах отражают официальный уровень убийств, репортажи о местных кражах не отображают официального уровня краж. Это объясняется тем, что кражи настолько часты, что все преступления не регистрируются, а из зарегистрированных случаев лишь небольшая часть публикуется в печати. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что между американскими городами репортажи о местных убийствах важнее репортажей о местных кражах для объяснения вариаций страха стать жертвой преступления.

Таким образом, опыт пережитой виктимизации вызывает страх независимо от газетных репортажей, а газетные репортажи о местных убийствах, а значит, символический опыт, вызывают страх стать жертвой преступления независимо от официального уровня и уровня виктимизации [470].

Перечисленные примеры исследований страха перед преступностью в США позволяют сделать некоторые выводы.

Во-первых, страх перед преступностью на национальном уровне связан с состоянием национальной безопасности и уверенностью населения страны в стабильности охраны его законных прав и интересов.

Во-вторых, страх перед преступностью носит явно выраженный локальный характер, усугубляясь характеристиками условий жизнедеятельности субъектов, их образом жизни, опытом виктимизации, информацией о преступлениях и жертвах. Причем, страх перед преступностью опосредуется в определенной мере публикациями о локальных насильственных преступлениях.

В-третьих, общий уровень страха перед преступностью параллелен уровню виктимизации общества в целом.

Криминогенное значение страха перед преступностью выражается, соответственно, на нескольких уровнях.

На общесоциальном уровне: в формировании панических настроений и аномии при ощущении полной небезопасности существования граждан в обществе. Страх перед преступностью, ухудшая качество жизни, вынуждая граждан предпринимать защитительные меры, «деморализует общество, дезорганизует его и тем самым усиливает аномию». [471]

На уровне малых групп и сообществ: в формировании групп аутсайдеров, маргиналов, наиболее пораженных преступностью, и ответных враждебных реакциях аутсайдеров, стигматизируемых государством и культурой как «виновные» жертвы, «жертвы-provокаторы».

Наконец, *на индивидуальном уровне* страх перед преступностью, негативно влияя на психику и моральные оценки личности, дестабилизирует психическое состояние субъекта, подталкивает его на необдуманные, аффективные поступки, снижая границы самоконтроля и повышая импульсивность реакций. Не исключено также, что опыт виктимизации, кумулируя страх перед преступностью, в зависимости от особенностей психики субъекта, в состоянии понизить защитительные способности жертвы в криминогенной ситуации, тем самым повышая самооценку преступника и провоцируя его на совершение антиобщественных действий.

4.3.4. Криминогенность виктимности на уровне малых групп и сообществ

Рассматривая криминогенное значение виктимности на уровне малых социальных групп и сообществ, мы указывали, что она должна изучаться через исследование совокупности социально-психологических переменных (социальный опыт, нормы, установки, обычаи, традиции, верования, суеверия) и процессов, повышающих виктимность отдельных групп населения; делающих их более, чем других людей, подверженными риску стать жертвами преступления; обучающих и стигматизирующих определенные группы как субъектов, обладающих повышенной виктимностью в данной культуре и тем самым «притягивающих» преступность.

Тщательное исследование этого вопроса предполагает изучение уровня и последствий коллективной виктимизации в конкретных социально-экономических условиях, более четкую оценку уровня и структуры криминальных угроз, описания кооперативных взаимоотношений между коллективной (групповой) виктимизацией и преступностью.

При изучении криминогенности виктимности на уровне малых групп и сообществ особое внимание должно быть обращено на изучение специфических форм виктимизации, возникающих в результате воздействия на население злоупотреблений властью и организованной преступной деятельности.

Относительно влияния злоупотреблений властью напомним, что за последние несколько лет вооруженные конфликты виктимизировали огромное количество населения во всем мире. Религиозное и этническое насилие, похищения детей, этнические чистки, пытки, внесудебные расправы — вот далеко не полный перечень массовых злоупотреблений властью, осуществляемых на национальном уровне в разных странах.

Офис Генерального Комиссара ООН по беженцам свидетельствует, что в 1996 году на планете было не менее 13,2 миллиона беженцев, 3,4 миллиона лиц, возвратившихся в места прошлых боев, 4,6 миллиона перемещенных лиц, 4,8 миллиона жертв вооруженных конфликтов. Разразившиеся военные столкновения в Европе в конце 90-х годов, думается, добавили немало жертв в этот бесконечный мартиролог.

Использование детей-солдат (в возрасте 10 лет и меньше), торговля детьми и новые виды детского рабства, сексуальная эксплуатация,

убийства и похищения беспризорников способствуют возрастанию уровня виктимности у данных категорий людей. По сведениям ЮНИСЕФ, за последние 10 лет около полутора миллиона детей было убито в вооруженных конфликтах и примерно 4 миллиона получили различные травмы. Как минимум 5 миллионов детей были увезены из их общин, от 100 до 200 миллионов детей используются при эксплуатации их труда и огромное, несчетное количество живет на улицах [472].

Криминогенность маргинальности не вызывает сомнения у современных исследователей данной проблемы. Вместе с тем именно маргиналы, попадая на излом социальной структуры, как правило, являются жертвами нерационального политического, экономического, социального, стратегического воздействия государства и его структур на население. Именно в маргинальной среде генерируются преступность и виктимность в ее наиболее грубых общеуголовных формах. Мигранты, «барачные» люди, «лимита», стройбатовцы, «химики», освобожденные «зэки», лица, занимающиеся ручным трудом, и др., словом, все те категории населения, которые в прошлом емко и точно назывались «лишние» люди, а ныне получили наукообразную стигму «маргиналы», и составляют толерантную к агрессии и криминалу социальную прослойку. Внутреннее разложение постсоветского общества, практическое отсутствие должной реакции государства и непосредственного социального окружения на факты жестокого отношения к человеку озлобляло будущих преступников, приучая их к мысли о вседозволенности и возможности применения любых средств для достижения поставленной цели.

Нет нужды говорить о повышенной виктимности указанных социальных групп, о существовании цикла «преступность — виктимность — преступность», прервать который в состоянии только мудрый законодатель. Американские криминологи, например, под считали, что государству гораздо выгоднее увеличить ассигнования на программы обучения подростков и организацию морального и материального стимулирования их труда, чем содержать впоследствии армию заключенных из числа социально-неудовлетворенной и виктимной молодежи. [473]

Поэтому изменение отношения к проблемам виктимизации населения в общественном сознании, «девиктимизация» отдельных социальных групп позволит сделать гораздо больше для снижения криминогенности виктимности и связанных с ней иных форм отклоняющегося поведения.

4.3.5. Виктимность и преступление

Рассматривая проблему криминогенности виктимности на индивидуальном уровне, отметим, что именно она получила свое наибольшее освещение в современной литературе. [474] Нет, пожалуй, ни одной современной работы, посвященной причинам и условиям конкретного преступления, в которой бы так или иначе не затрагивалось поведение жертвы и ее роль в криминализации. И это естественно.

Взаимодействие преступника и жертвы на материальном, энергетическом и информационном уровне является основой моделирования механизма преступного поведения. Изучение криминогенных характеристик виктимности, с одной стороны, открывает поле широкого применения концепций социальной интеракции при анализе причин и условий преступления, с другой — направлено на ограничение преступности в целом.

При этом анализ механизма преступного поведения, будучи сопряженным с анализом формирования виктимной активности жертвы, является наиболее продуктивным и перспективным направлением исследований криминогенности виктимности. Недаром в последних работах по криминологии подчеркивается значение рассмотрения характеристик жертвы и ее активности не в качестве элемента криминогенной ситуации, а в качестве самостоятельной составляющей самого механизма. [475]

Криминогенность виктимного опыта в процессе социализации преступника, криминогенность взаимодействия преступника и жертвы в процессах формирования мотивов и планирования преступления, принятия и исполнения решения, анализ криминогенности виктимности, дифференцируемой по соответствующим типам и применительно к соответствующим формам и типам криминального поведения и типам лиц, совершающих преступление, — вот далеко не полный перечень проблем, подлежащих разрешению в данном направлении. Естественно, что связанность рамками и задачами указанной работы не позволяет нам широко и комплексно рассмотреть эту тему. Отметим лишь основные ее составляющие, которые, на наш взгляд, представляют перспективу дальнейших исследований.

Рассмотрим *роль и значение виктимности в формировании последующей криминальной активности личности жертвы*. Известно, что в среде маргинальных правонарушителей повышенная конфликтность,

виктимизация друг друга в процессе общения имеет превалирующее значение. Исследователями отмечаются факты происхождения примерно половины лиц, причинивших тяжкие телесные повреждения, из специфических микросоциальных групп, в которых традиционными способами разрешения конфликтов являлись драки и оскорбления. Агрессивными конфликтами в микросреде были обусловлены 85 % убийств и 86 % случаев нанесения тяжких телесных повреждений. [476] Нельзя не отметить, что указанный фактор может играть решающую роль в постепенном последующем ухудшении поведения личности, ее установок, ценностных ориентаций и общей направленности.

Социально-психологическая дезадаптация жертвы, спонтанность поведения, формирование установок на эмоциональное разрешение конфликтов, понижение мотивации, отчуждение, антиобщественный образ жизни, алкоголизация, понижение мотивации — вот далеко не полный перечень проблем, с которыми сталкивается жертва преступления и которые, при определенных обстоятельствах, могут вызвать криминальный взрыв.

Достаточно вспомнить показательную историю украинского серийного убийцы О., неоднократно бывшего жертвой насилия дома и в детдоме, чьи детские годы сопровождались холодным отношением, жестокостью со стороны окружающих и членов семьи. *«Детдом дал мне большую закалку. Жизнь в нем не отличалась от тюрьмы или армии...»*, — говорил О., описывая историю своей жизни [477].

Повышение толерантности к агрессии, снижение уровня запретов применения силы, деперсонификация силы, колоссальное самоотчуждение: именно указанные черты во многом способствовали формированию портрета зверя-убийцы. Убийцы, для которого насилие превратилось в обычный инструмент достижения любой значимой цели.

По нашим данным, у лиц, совершивших агрессивные преступления, коэффициент корреляции между субъективно оцениваемой степенью значимости конфликта (в быту, на работе, при проведении досуга) для субъекта и агрессивного поведения равен + 0,77. Коэффициент корреляции между степенью распространенности агрессивных конфликтов в жизнедеятельности субъекта и последующим агрессивным антиобщественным поведением равен + 0,54.

При этом процесс отхода от норм и ценностей культуры общества в сторону негативно оцениваемых вариантов и правил поведения осуществляется как в результате деформации взаимоотношений ин-

дивида и общности (виктимизация — отчуждение — самоидентификация — агрессия), так и в форме внутреннего конфликта индивида с общностью (виктимизация — самоотчуждение — суицидальные тенденции, ретретизм).

Рассматривая проблему места и роли виктимной активности личности в механизме преступного поведения, следует отметить, что существуют по крайней мере два пути исследования указанной активности в генезисе преступления.

Один из них, когда, анализируя процесс формирования потребностей, интересов, возможностей, мотивов, целей правонарушающего поведения, процесс принятия и исполнения решения, мы рассматриваем роль и значение жертвы в механизме совершения преступления. Не останавливаясь подробно на данном вопросе, нашедшем прекрасное освещение в литературе за последние 30 лет, отметим, что виктимная активность жертвы может выступать как катализатор привычного, длящегося, повторяющегося конфликта, выступавшего целью антиобщественного поведения преступника, однако результат, в силу скоротечности и импульсивности взаимодействия преступника и жертвы, значительно превзошел ожидания.

Виктимная активность может выступать также как средство нейтрализации конфликта, которое, в силу повышенных эмоциональных реакций правонарушителя, привело к аффективному преступлению.

Виктимная активность может быть провоцирующей и, наконец, объективно преступной.

Анализируя влияние поведения потерпевшего на формирование криминогенной ситуации, Ежи Бафия выделял следующие возможные варианты взаимодействия: *«...поведение жертвы воздействует на эмоциональные реакции преступника: состояние сильного душевного волнения при убийстве, вызывающее поведение при оскорблении или нарушении телесной неприкосновенности..., поведение жертвы сформировало мотив мести или иной вид отрицательного мотива, вытекающий из конфликта между людьми; мотив, в основе которого лежит своего рода сведение счетов, выступает во многих преступлениях...»* [478].

В наших опросах агрессивных преступников 29 % правонарушителей оценивали предшествующее совершению тяжкого преступления поведение потерпевшего как прямо провоцирующее, 32 % — как обидное, унижающее, 18 % — как создающее нетерпимую обстановку в семье и в быту.

Практически более трех четвертей агрессивных преступников оценивали поведение потерпевшего как грубое и конфликтное, непосредственно провоцирующее их на совершение преступления. Подобный «перенос» вины с преступника на объект вполне закономерен. Хотя в действительности изучение уголовных дел опрошенных свидетельствовало об ином: антиобщественное и прямо провоцирующее поведение потерпевших было выявлено лишь в 27 % от общего числа преступлений. В иных случаях виктимная активность потерпевших принимала более мягкие, соответствующие с требованиями культуры, формы [479].

Теоретически привлекательным представляется также моделирование генезиса преступления применительно к решению вопроса об интеракции преступник-жертва. Указанное взаимодействие подлежит анализу с точки зрения объекта конфликта (материальные, духовные статусные потребности и интересы), его предмета и содержания, характеристик допреступной активности субъектов [480], влияния типов и форм виктимной активности в процессе преступления на конфликт, лежащий в основе преступного поведения, наконец, — на сущность и содержание связей между преступником и жертвой (материальный, информационный, энергетический уровень).

Последнее направление представляет особый интерес для исследователя, поскольку, помимо анализа действий, служащих катализаторами преступной активности, включает в себя роль самостигматизации как актуальной или потенциальной жертвы (значение правил виктимных субкультур в формировании криминальности), а также механизмы энергетического взаимодействия между преступником и жертвой на психологическом и природном уровне. По поводу, например, последнего с определенной осторожностью можно сказать, что у страха жертвы есть свой «запах» (возможно, на ферментном уровне).

Известно, например, что собаки, как правило, нападают на людей, боящихся их. Боязнь жертвы преступником повышает его самооценку, подкрепляя готовность к совершению преступления.

Исследование энергетических составляющих конфликтов, проведенное Ф. Василуком, показало, что операции отнятия энергии, разрядки энергии, придания энергии, перевода и порождения энергии [481] между участниками социального взаимодействия (личность, малые группы, общество) имеют огромное значение для понимания сущности и содержания критических ситуаций, в которых оказыва-

ются люди. Однако виктимологическое исследование данных проблем пока, к сожалению, — дело будущего.

В плане углубленного анализа криминогенности виктимности на индивидуальном уровне особый интерес представляет *анализ длительности, частоты и интенсивности виктимных реакций на формирование виктимных перцепций и стереотипов поведения у жертвы*. В особенности это касается «рецидивных» жертв. По нашему мнению, *виктимность выступает одним из элементов генеральной девиантной тенденции*. Эта тенденция возникает в детстве и продолжается с годами, меняя свои формы выражения от импульсивных к рациональным реакциям. Исследования свидетельствуют, что жертвы преступлений обладают большим риском последующей виктимизации, чем иные субъекты.

Снижение конфликтоустойчивости, гипервиктимность, маргинальные тенденции, стресс от последствий первого преступления, стигматизация себя как виновной жертвы влияют на последующую виктимизацию.

Так, 50 % опрошенных жертв преступлений в Британском обзоре преступности были виктимизированы дважды, и в отношении них был совершен 81 % всех сообщенных преступлений; 5 % респондентов указали на 5 и более виктимизаций, охвативших 43 % всех сообщенных преступлений.

Места жительства, служившие объектами краж, в четыре раза более виктимны, чем места жительства, не служившие объектами краж. 39 % предпринимателей были виктимизированы хотя бы раз в течение года; 8 % производителей сообщили о 63 % преступлений против предпринимательской деятельности. По данным канадских исследований виктимизации, жертвы грабежей, нападений, сексуальных преступлений от 9 до 20 раз были более привлекательны для ревиктимизации этими типами преступлений в отличие от лиц, не становившихся жертвами преступлений, и жертв иных преступлений. В Нидерландах 43 % жертв насильственных преступлений были виктимизированы два раза и более в течение года, и эти жертвы сообщили о 77 % насильственных виктимизаций.

В США из владельцев магазинов, подвергшихся грабежам, 50 % были виктимизированы дважды и 33 % — три и более раз. В городах 1 % населения аккумулирует 26 % берглэри, совершившихся за 5 лет. Дела, в которых жертва была виктимизирована вторично тем же правонарушителем, типично включают в себя насилие в семье,

насилие между соседями, родственниками и школьными друзьями. 90–95 % случаев семейного насилия в Великобритании были связаны с повторной виктимизацией; в 30 % из указанных случаев жертвы испытывали до 6 или более атак за 12-месячный период, предшествующий совершению преступления. В Канаде 20 % жертв семейного насилия сообщили о 2–5 инцидентах и 15 % — о 6 или более инцидентах, предшествовавших задержанию правонарушителя. В начальных школах 16 % учащихся сообщили, что избиваются еженедельно, и 16 % — ежедневно. [482] Сходные тенденции выявлены и в отечественной криминологии. [483]

Эмоциональная и психическая депривация, неправильное воспитание, ошибки в школе, проблемы с занятостью отмечаются у большинства рецидивных жертв и, кстати, правонарушителей. К сожалению, криминальность и виктимность являются зачастую двумя параллельно существующими формами жизненного опыта многих лиц. В противовес популярному мнению о дихотомии между преступниками и их жертвами в реальности между ними существует интеракция и симбиоз. Опыт каждодневного общения и смены ролей, ожесточение и снижение чувственности (эмоциональное отупение) [484] свойственны как криминальным, так и виктимным карьерам. Возможно, это связано как с характеристиками среды обитания правонарушителей, так и с единством процессов детерминации преступности и виктимности на уровне социального целого.

Проведенное нами изучение виктимных карьер позволяет предположить, что *частота, интенсивность, продолжительность виктимизации, специализация, значимость виктимного поведения для личности* являются основными индикаторами, повышающими риск вторичной виктимизации.

Анализ указанных факторов посредством монографического изучения карьер жертв преступлений, отработка количественных признаков вероятностного прогноза будущего виктимного поведения является перспективным направлением будущих исследований криминогенности виктимности. [485]

Некоторые характеристики статистического распределения виктимности и ее видов будут рассмотрены нами ниже при анализе процессов и закономерностей существования и воспроизводства виктимизации в современном мире.

Раздел 5

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВИКТИМИЗАЦИИ

Она, конечно, горяча,
Не спорь со мной напрасно.
Да, видишь ли, рубить сплеча Не так уж безопасно.

Л. Кэррол

5.1. ВИКТИМИЗАЦИЯ В ЕВРОПЕ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

5.1.1. Понятие виктимизации

Обычно в виктимологических исследованиях под виктимизацией понимается социальный процесс превращения лица (социальной общности) в жертву преступления и результат этого процесса. По сути дела, понятие виктимизации представляет собой своеобразную характеристику виктимности, которая объективно существует и может быть измеренной количеством случаев причинения вреда жертвам преступлений, а также совокупностью количественных и качественных характеристик потерпевших от преступлений.

Так, родоначальник отечественной виктимологии Л. В. Франк определяет виктимизацию как *«процесс превращения в жертву преступления и результат этого процесса как на единичном, так и на массовом уровне»*. Развивая это определение, Л. В. Франк приводит термины, производные от понятия виктимизации: виктимизировать означает превращать кого-либо в потерпевшего; виктимизироваться — быть превращенным в жертву; виктимизатор — личность конкретного посягателя либо тот факт, которому принадлежит основная роль в процессе виктимизации. [486]

В литературе встречается критика определения виктимизации, данного Л. В. Франком. Некоторые авторы отмечают невозможность определения одним термином таких двух самостоятельных явлений, как процесс и его результат. Так, Д. В. Ривман отмечал, что под виктимизацией он понимает лишь процесс реализации виктимности лица в ходе преступного посягательства в отношении лица, а состояние реализованной потенциальной виктимности обозначает

термином «виктимность-результат» или «реализованная виктимность». [487]

Вместе с тем представляется, что процесс превращения в жертву преступления всегда имеет свое завершение — становление лица жертвой, потерпевшей от преступления, т.е. результат такого процесса. Оба этих явления тесно взаимосвязаны и неизменно следуют одно за другим. Уже тот факт, что лицо подверглось преступному посягательству (виктимизация как процесс), несмотря даже на то, что преступное намерение может быть не доведено до конца, делает лицо, в отношении которого было направлено посягательство, виктимизированным (виктимизация как результат) — жертвой в том смысле, как описывает это понятие Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью. [488]

Для проведения статистических исследований и составления на их основании виктимологических обзоров основное значение имеет именно виктимизация как результат превращения лица в жертву преступного посягательства.

Виктимизация в целом складывается из всех потерпевших от преступления, зарегистрированных и латентных, независимо от степени виктимности, способствования или даже прямой вины самих потерпевших. [489] Таким образом, можно говорить о понимании виктимизации как общей совокупности всех случаев причинения лицу (социальной общности) физического или морального вреда преступлением. В этом значении понятие виктимизации как обобщение всей реализованной виктимности наиболее соответствует понятию преступности, являющемуся в определенной степени мерой обобщения человеческой деструктивности, реализующейся в преступлениях.

В зависимости от уровня социального взаимодействия преступности и виктимности, его продолжительности и объектно-субъектных связей обычно выделяются следующие виды виктимизации: *первичная, вторичная и третичная*.

При этом под первичной виктимизацией понимается причинение материального, физического и морального вреда жертве непосредственно в процессе совершения преступления.

Вторичная виктимизация охватывает случаи косвенного причинения вреда жертве, связанного с отношением к жертве социальной общности в целом, лиц из ближайшего социального окружения, органов социального контроля, посредников и персонала, работающе-

го с жертвами. Стереотипная предубежденность в отношении «виновности» жертвы, грубое, невнимательное обращение и негативное отношение к ней как к лицу, чем-то запятнавшему себя, стереотипы «греховности» жертвы, ее запятнанности совершением преступления, унижение ее чести и достоинства составляют перечень типичных форм вторичной виктимизации, содействующих отчуждению жертвы, ее десоциализации.

Немецкими исследователями выделяется также третичная виктимизация жертвы преступления, представляющая собой использование жертвы представителями правоохранительных органов и работниками средств массовой информации в своих целях и в целях проводимой уголовной политики. [490]

Эксплуатация «жареных» новостей с травмированием жертвы через средства массовой информации, назойливое проникновение в личную жизнь, использование правового статуса и позиций жертвы не во благо, а во вред ей, и т.п. — перечень проблем и последствий такой виктимизации можно было бы продолжить и далее. К сожалению, указанные вопросы практически не получили своего разрешения в современной виктимологии в связи с отсутствием надежного инструментария измерения последствий третичной виктимизации и методик ее исчисления.

Практически сегодня в целях виктимологического анализа преступности и ее соотношения с иными видами отклоняющегося поведения мы чаще всего используем понятие первичной виктимизации, оставляя анализ вторичной и третичной виктимизации специалистам по организации обращения с жертвами преступлений и по виктимологической профилактике.

В указанном контексте в данном разделе работы мы попытаемся на основании данных представительных криминологических исследований виктимизации во всем мире, характеристик феноменологического анализа виктимизации в Украине рассмотреть основные закономерности проявления виктимизации в ее взаимосвязях с преступностью, определить перспективные пути ограничения данного вида активности, снижения его криминогенности.

Нет нужды говорить о том, что виктимизация, выступая такой же мерой обобщения для виктимности, как преступность для преступления, может быть выражена в сходных показателях. Это естественно, поскольку описание первичной виктимизации сегодня представляет собой более глубокий, чем это представляется возможным сделать на

основании данных уголовной статистики, анализ преступности и ее составляющих, проделанный с учетом латентности значительной части совершаемых преступлений. Отсюда при анализе виктимизации мы вправе выделить и рассматривать:

состояние виктимизации как общий интегративный показатель, описывающий особенности количественного, временного и территориального распределения виктимности и ее структурных элементов на конкретной территории, исчисляемый в абсолютных и относительных (коэффициенты) показателях;

структуру виктимизации применительно к типам и видам преступлений, а в перспективе — к типам и видам жертв преступлений и типам виктимной активности;

динамику виктимизации, описывающую процесс и закономерности распределения виктимности во времени;

географию, экологию и топографию виктимизации, описывающую особенности и закономерности распределения виктимности в пространстве применительно к экономико-географическим характеристикам регионов, экологическим характеристикам среды обитания социальных общностей, пространственным характеристикам конкретных криминогенных ситуаций.

5.1.2. Общая характеристика виктимизации в Европе и Северной Америке

Характеризуя состояние виктимизации в названных регионах, отметим сразу же: если различия в уровнях преступности, помимо целой совокупности факторов социального порядка, на две трети объясняются различиями в реакциях органов охраны правопорядка на преступность, то различия в уровнях виктимизации, более четко отражая состояние виктимности и преступности в странах, в определенной степени отображают и те основные тенденции, с которыми мы сталкивались, анализируя виды и проявления виктимности.

А именно: уровни виктимизации отражают не только опыт общения жертв с правонарушителями, но и виктимные перцепции населения, их ощущения собственной личной и социальной безопасности, изменения в социальной политике, политике страхования, установках средств массовой информации, общественном настроении в целом.

Далее. Следует уяснить, что характеристики виктимизации отражают, как правило, усредненные закономерности распределения

преступности с учетом латентной ее части в той или иной стране за прошедшие несколько лет. Это объективно связано с особенностями общественного сознания и отражает нашу потребность как можно дальше дистанцироваться от зла и той информации, которую мы оценивали как травмирующую нас.

Наконец, характеристики виктимизации отражают усредненное распределение преступлений, не являющихся тяжкими и обладающих наименьшей степенью латентности. Методики исследования виктимизации в мире из-за различий в системах уголовно-статистического учета, различий в оценке преступлений и их последствий, различий в правовых семьях и элементарных различий уголовного законодательства пока не позволяют получить достоверных данных о всей преступности. Более того, мы анализируем виктимизацию в мире с целью получения информации о тенденциях движения преступности, а не информации о точном количественном распределении того или иного вида преступлений в регионе.

Нет нужды останавливаться на описаниях основных закономерностей движения преступности в мире. Абсолютный и относительный ее рост, отставание социального контроля от тенденций девиантности отмечаются всеми специалистами. [491] Практически, начиная с 50-х годов, число совершаемых преступлений в развитых странах удваивалось каждые десять лет со стабильным темпом прироста от 5 до 10 % в год. Указанная тенденция наблюдается в большинстве западных демократий (за исключением Швейцарии). [492]

В этой связи уровни зарегистрированной преступности мы приводим лишь для понимания точки отсчета и учета определенных различий между реализованными сквозь системы уголовно-статистического учета показателями и показателями виктимизации, описываемыми на основании данных обзоров виктимизации. Мировые обзоры виктимизации представляют собой результаты, как правило, телефонного опроса специально отобранных респондентов в возрасте старше 16 лет о том, становились ли они жертвами насильственных, имущественных и малозначительных преступлений, их отношении к органам охраны правопорядка и взаимоотношениях с ними в процессе виктимизации. Опросы проводятся представителями фондов, специализирующихся на демоскопических исследованиях, либо научными учреждениями с привлечением студентов-старшекурсников по стандартному формализованному опроснику, состоящему, примерно, из 400 вопросов. Обработка данных проводится по специ-

альной программе, разработанной голландскими социологами, и отправляется в банк данных, хранимый Межрегиональным институтом ООН по предупреждению преступности в Риме (UNICRI) и группой ученых Лейденского университета. К настоящему времени проведены три обзора виктимизации в мире — в 1989, 1992 и 1996 годах, закончен четвертый обзор 2000 года.

К сожалению, не все страны приняли участие в подготовке всех трех обзоров. Так, Украина впервые представила сведения для Третьего обзора в 1997 году (вместе с Белоруссией, Болгарией, Хорватией, Мальтой и Литвой). Существенные ограничения были связаны и с невозможностью одинакового финансирования исследований, опирающихся на локальные бюджеты. Вот почему в настоящее время в мире существуют и практикуются две разновидности методик исследований виктимизации. Во всех индустриальных государствах виктимизация анализируется на национальном уровне с помощью методик демоскопии. В зависимости от размера административно-территориальной единицы сведения о виктимизации могут быть получены как на городском, так и на сельском уровне. В большинстве же стран Центральной и Восточной Европы исследования виктимизации ограничены большими городами и относительно небольшой выборкой (так, при проведении Третьего обзора анализ особенностей сельской виктимизации в большинстве стран Восточной Европы базировался на выборке в 200 респондентов).

С целью унификации полученных данных по правовому и пространственному критериям структура виктимизации содержит информацию по 4 группам преступлений:

- насильственным (разбойные нападения, сексуальные преступления, нанесение телесных повреждений, нападения и угрозы);
- берглэри (включая проникновение в помещение, как с использованием силы, так и без него);
- насилие в отношении женщин (сексуальные нападения на женщин);
- кражи автомобилей (последние во всем цивилизованном мире являются индикатором виктимизации населения в целом).

Уровень виктимизации измерялся исходя из процентного соотношения респондентов, ставших жертвами преступлений хотя бы раз за прошедший год (уровень виктимизации по сексуальному насилию включал количество лиц, ставших жертвами сексуальных преступлений один и более раз за прошедшие пять лет).

С целью проведения сравнительного анализа особенностей преступности и виктимизации в Европе и Северной Америке исследователи Европейского Института ООН по предупреждению преступности и контролю рассчитали средние уровни виктимизации по странам исходя из данных, представленных за прошедший семилетний период. [493]

Данные их анализа, в целом будучи верными для стран Западной Европы и Америки, нуждаются, наверное, в определенном уточнении для стран постсоветского блока. Стремительное изменение политической и экономической обстановки в наших странах, фрустрированность населения и растущая аномия не могли не отразиться на криминальных перцепциях и фобиях населения. К тому же отсутствие долгосрочных виктимологических исследований не могло не сказаться на качестве полученной информации. В этой связи анализ тенденций виктимизации в постсоветском пространстве отражает скорее единичные замеры, чем закономерности: последнее требует применения более тонких и дорогостоящих механизмов исследований.

Уровни преступности в Европе и Северной Америке и уровни виктимизации приведены по расчетным данным Д. А. Ли, энциклопедии Британника и данным аналитического обзора виктимизации сотрудников Европейского Института ООН по предупреждению преступности и контролю [494].

При этом индексы виктимизации рассчитывались на основании анализа Пятого Обзора ООН о тенденциях преступности, функционировании систем уголовного правосудия (1990–1994) и обобщенных данных Международных обзоров криминальной виктимизации, проводимых под эгидой ООН и Мирового общества виктимологии в 1989, 1992 и 1996 годах. В целях унификации показателей в таблице 7 представлены обобщенные данные, рассчитанные на основании данных трех обзоров виктимизации. Вся статистика виктимизации отражает процентное отношение респондентов, которые были виктимизированы хотя бы раз за последний год перед проведением исследования.

Сведения о коэффициентах умышленных убийств приводятся по результатам Пятого Обзора ООН о тенденциях преступности, данным Интерпола и ВОЗ.

Индексы несмертельного насилия рассчитаны по данным обзоров виктимизации о нанесенных жертвам телесных повреждениях различной степени тяжести.

Индекс тяжкого насилия представляет собой показатель, отражающий совокупность данных о виктимизации жертв от телесных повреждений и коэффициентов умышленных убийств. Представляется, что он более точно отражает распространенность криминальной агрессии в обществе.

Насилие против женщин включает сексуальные и несексуальные нападения на женщин, отражающие усредненный коэффициент виктимизации в случае, если женщина хотя бы раз за последние пять лет становилась жертвой преступления.

Сведения о берглэри включают усредненные показатели о хищениях, сопряженных с насильственным или тайным проникновением в чужое владение, и рассчитаны в основном на сопоставлении показателей индексов виктимизации и данных Пятого Обзора ООН о тенденциях преступности.

Индексы малозначительных преступлений были рассчитаны на основании результатов анализа виктимизации по следующим группам преступлений: вандализм в отношении автомашины, краж велосипеда, мопеда, мотоцикла, карманных краж, угроз насилием, оскорблений и побоев.

Индексы краж автотранспорта рассчитывались на основании данных виктимологических обзоров, исследований Европейского Института ООН по предупреждению преступности и контролю. [495]

В некоторых случаях в таблице представлены данные общего уровня виктимизации согласно информации, полученной из результатов Международных обзоров преступлений [496]

Результаты анализа в обобщенном виде представлены в таблице 7 Приложения.

Приведенные в таблице сведения свидетельствуют о наличии определенных закономерностей распределения виктимизации в мире.

Во-первых, в зависимости от уровня виктимизации можно выделить три группы стран: с высоким, средним и низким уровнями.

К первой группе (свыше 25 % населения было виктимизировано за последние годы) относятся Австралия, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Польша и США.

Ко второй группе со средним уровнем виктимизации (18–25 %) могут быть отнесены Бельгия, Англия и Уэльс, Финляндия, Франция, Германия, Италия, Шотландия, Испания и Швеция.

К третьей группе с низким уровнем виктимизации (менее 18 %) относятся Япония, Северная Ирландия, Норвегия и Швейцария. [497]

Во-вторых, уровни виктимизации как минимум в два раза превосходят уровни зарегистрированных преступлений. Причем, разрыв тем больше, чем более активно население в борьбе с преступностью и чем менее развито ощущение личной безопасности в обществе. По общим подсчетам показателей виктимизации за пятилетний период 1990–1995 годов наибольший уровень виктимизации наблюдается в африканских странах, где, например, в Уганде

96 % всего населения было виктимизировано, по меньшей мере, один раз; в Азии менее чем половина населения была виктимизирована за этот же период. Уровень виктимизации от преступности, связанной с физическим контактом жертвы с преступником, наиболее высок в Африке и Южной Америке, где, по меньшей мере, каждый третий человек был подвергнут насильственной виктимизации.

В-третьих, преступность во всем мире носит ярко выраженный корыстный характер, что отражается и на характеристиках виктимизации. Коэффициент корреляции между уровнем преступности и виктимизацией от тяжкого насилия составил $-0,118410$, коэффициент корреляции между уровнем преступности и берглэри — $+0,169647956$.

5.1.3. Виктимизация в США

Рассмотрим подробнее некоторые характеристики преступности во взаимодействии с виктимизацией в одной из крупнейших стран мира — в США.

На протяжении многих лет исследователями отмечалась аномальность тенденций интенсивного роста умышленных убийств в США при относительном повышении общего уровня преступности [498]. Так, по данным ФБР, в 1994 году в США было зарегистрировано 7600 преступлений, совершенных на почве семейных конфликтов. При высокой латентности этих деяний указанная тенденция лишь частично отражает существо проблемы, так как только о 42 % насильственных преступлений потерпевшие сообщают правоохранительным органам. [499]

В результате, как мы уже упоминали ранее, за последние два десятилетия Конгресс США принял Закон о защите жертв и свидетелей преступлений (Victims and Witness protection act 1982), Закон о жертвах преступлений (Victims of crime act 1984), Закон о правовой помощи (Justice assistance act 1984) и, наконец, Закон о контроле над на-

насиленной преступностью и правоприменяющих органах (Violent crimes control and law enforcement agencies act 1994). [500]

Применение указанных нормативных актов жестко ограничивает права граждан в области владения огнестрельным оружием и расширяет компетенцию правоохранительных органов в процессе осуществления социального контроля над уличной и бытовой преступностью. В 1990 году Закон о контроле над преступностью (Crime Control Act) обязал представителей правоохранительных органов США предпринимать все усилия для соблюдения прав жертв преступлений (обращение с уважением, обеспечение необходимой защиты от обвиняемого, обеспечение участия в процессе расследования и судебных слушаний, участие в прениях, обеспечение реституции, получение информации об осуждении обвиняемого, его наказании, отбывании наказания и освобождении).[501] Основные задачи, для представителей системы уголовной юстиции США, таким образом, сводятся к обеспечению отстаивания прав жертв преступлений и обеспечению помощи жертвам.

Реализация этих законов и осуществление тесного взаимодействия с потерпевшими от преступлений привели к тому, что с 1994 по 1999 годы в США впервые при общем снижении уровня преступности наблюдается последовательное снижение и уровня умышленных убийств, и иных насильственных преступлений.

Так, *по данным американских исследователей, за последние годы уровень умышленных убийств сократился до показателей 60-х годов.* На графике 1 Приложения приведена динамика убийств, зарегистрированных по жертвам преступлений согласно данным Бюро судебно-медицинских экспертиз, ведущего статистику насильственной смертности в США (включая некоторые неосторожные деяния), начиная с 1900 года. [502]

Наблюдаемые изменения коэффициентов смертности от преступлений от 1,2 на 10000 населения в начале XX века до 9,7 в 1933, 10,1 — в 1974, 10,7 — в 1980, 10,5 — в 1991 и 7,4 — в 1997 году свидетельствуют в пользу тезиса о зависимости преступности от изменений социально-экономического развития общества и состояния социального контроля, определяющего чувство общественной безопасности. Аналогичные тенденции прослеживаются и при анализе иных источников уголовной статистики США.

Так, если с середины 60-х до конца 70-х годов, согласно данным Единого отчета о преступности (Uniform Crime report), проводимого

ФБР на основании анализа т.н. «индексных» преступлений (убийства, изнасилования, грабежи и разбои, насильственные нападения, берглэри, мошенничества, кражи автомобилей, поджоги), уровень умышленных убийств практически удвоился, составив в 1980 году 10,2 на 100000 населения, то в 1985 году он понизился до 7,9, возрос до 9,8 случаев на 100000 населения в 1991 году и с тех пор постепенно уменьшается, составив 6,8 случаев на 100000 в 1997 году [503]. Динамика указанного вида преступления, по данным отчетов ФБР, отображена ниже на графике 2 Приложения.

Как видим в данном случае, уровень умышленных убийств, исчисляемый по методике ФБР, в 1997 году составлял 6,8 на 100000 населения в сравнении с коэффициентом 4,6 на 100000 в 1950 году. Неосторожные убийства, покушения на убийство, самоубийства, случайные смерти и причинение смерти в результате наступления обстоятельств, исключающих преступность деяния, из данных отчетов ФБР исключены.

По данным ФБР, в 1998 году в США было совершено 12475634 индексных преступления (4615,5 случаев на 100000 населения — самый низкий уровень, начиная с 1973 года). Рассматривая коэффициенты преступности в динамике, отметим, что коэффициент преступности в США в 1998 году был ниже на 6 % по сравнению с уровнем 1997 года, на 14 % — по сравнению с 1994 и на 20 % — по сравнению с уровнем преступности 1989 года. За первые 6 месяцев 1999 года индекс преступности в США сократился на 10 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. За этот же период уровень насильственной преступности сократился на 8 %, а имущественных преступлений — на 10 %. [504]

Вместе с тем Единые отчеты о преступности ФБР информируют скорее не столько об истинном положении дел с преступностью, сколько о степени полицейского реагирования на наиболее опасные преступления (регистрируемые, кстати, в основном по данным об арестах правонарушителей).

Высокая латентность определенных групп общеуголовных преступлений, сосредоточенность полицейской уголовной статистики на характеристиках правонарушителя, а не на криминальном конфликте, включающем жертву преступления как основное звено, не позволяют использовать официальную уголовную статистику как индикатор преступности.

На это обстоятельство давно обращают внимание ведущие специалисты в области анализа преступности и ее корреляций с обще-

ственным развитием. [505] Указанные проблемы обычно снимаются с помощью проведения специальных опросов населения с целью выявления виктимизации граждан от соответствующих преступлений.

Анализ особенностей виктимизации как процесса превращения граждан в жертв преступных посягательств позволяет более точно и определенно отслеживать основные изменения, происходящие в динамике преступности как на национальном, так и на международном уровне.

В США таким образом данные о преступности собираются уже более двадцати лет, в Великобритании — с 1982 года. В этой связи определенный интерес представляет опыт исследований процессов виктимизации населения в США, имеющих наиболее прочные традиции в этой области. Так, согласно данным Национального обзора жертв преступлений (National Crime Victim Survey), проводимого ежегодно Бюро уголовной статистики Министерства юстиции США, в 1998 году по сравнению с 1997 годом уровень насильственной преступности сократился на 7 %, а уровень имущественных преступлений — соответственно на 12 %.

Уровни виктимизации в 1998 году были одними из самых низких с тех пор, как в 1973 году в США начали проводиться национальные обзоры виктимизации населения (национальные обзоры жертв преступлений). Национальный обзор жертв преступлений представляет собой длящееся исследование виктимизации жителей США, проводимое дважды в год в виде интервью более 80000 лиц в 43000 семей, репрезентативно отражающих характеристики населения Америки. К преступлениям, подвергающимся анализу, относятся: изнасилование, разбой, нанесение телесных повреждений (нападение), кража, берглэри, мошенничество, кражи автомобилей. Данные опроса сопоставляются с получаемыми из Единого отчета о преступности ФБР сведениями об умышленных убийствах. Дополнительно в процессе опроса собирается информация о жертвах, правонарушителях, условиях совершения преступления, особенностях индивидуальной виктимизации.

Так, в 1998 году, согласно данным Национального обзора жертв преступлений, резиденты США в возрасте 12 лет и выше сообщили, что в отношении них было совершено 31,3 миллиона преступлений, из которых 73 % (22,9 миллиона) представляли имущественные преступления, 26 % (8,1 миллиона) — насильственные преступления, 1 % — карманные кражи. Соответственно, согласно данным Единого

го отчета о преступности ФБР, в 1998 году в стране было совершено только 12475634 индексных преступления.

В таблице 8 Приложения представлены сведения о виктимизации населения от насильственных преступлений в Америке в коэффициентах на 100000 населения с начала проведения виктимологических обзоров в 1973 году по 1998 год.

Данные о виктимизации населения за последние 6 лет основаны на пересмотренной в 1992 году методике опроса населения. Так, данные обзоров виктимизации с 1993 по 1998 годы основаны на информации, посезонно собиравшейся в течение года, в то время как более ранние сведения основаны на одномоментном опросе, проводившемся раз в год.

Как видим, наметившаяся в США тенденция к снижению уровня преступности, возможно, связана с политикой по ограничению криминального насилия на улицах и в семьях. Однако четырехлетний период отнюдь не достаточен для понимания истинных закономерностей динамики преступности. США и до сих пор относятся к группе стран с относительно высоким уровнем насильственной преступности, в особенности вооруженной [506].

На каждую 1000 человек в возрасте старше 12 лет в 1998 году приходилось: 2 изнасилования, 3 случая нанесения телесных повреждений, 4 грабежа и разбоя. Около 6 умышленных убийств приходилось на 100000 населения США в том же году.

Несмотря на то, что уровень умышленных убийств был, как правило, выше в крупных городах США, в последние годы наибольшее сокращение уровня пришлось именно на города с населением свыше 1 миллиона жителей, где коэффициент сократился с 35,5 случаев на 100000 населения в 1991 году до 20,3 случаев на 100000 населения в 1998 и продолжает снижаться далее (на 6 % в первом полугодии 1999 года при общем снижении насильственной преступности по стране на 8 %).

Уровень умышленных убийств в США, распределяемый по возрастным группам, является наиболее высоким для подростков и молодежи. В целом, резкое возрастание насильственной преступности в середине 80-х годов, равно как и ее снижение в конце 90-х, связывается в основном с вооруженным насилием подростков и молодежи, которые составляют и по сей день основную группу как среди жертв преступлений, так и среди насильственных правонарушителей.

Так, в одной четверти случаев совершения насильственных преступлений правонарушители использовали или угрожали использо-

ванием оружия. 95 % случаев тяжких повреждений, примерно половина разбоев и 5 % изнасилований было совершено с применением оружия. Убийства чаще всего совершаются с применением оружия, в частности пистолетов и револьверов. В 1997 году 54 % всех умышленных убийств было совершено с применением пистолетов, 14 % — с применением иного огнестрельного оружия, 14 % — с помощью ножей, 5 % — с помощью ударно-раздробляющего оружия и 14 % — с помощью иных орудий.

Жертвы преступлений сообщали, что несовершеннолетние в возрасте от 12 до 17 лет совершили около четверти всех тяжких насильственных преступлений. Согласно представлениям жертв о возрасте правонарушителей, количество тяжких насильственных преступлений, совершенных подростками, сократилось на треть с 1993 по 1997 год, в то время как количество таких же преступлений, совершенных лицами старше 17 лет, сократилось на четверть. В то же время, если количество тяжких насильственных преступлений, совершенных взрослыми, достигло своего низшего показателя за последние 20 лет в 1997 году, преступления, совершенные несовершеннолетними, до сих пор не достигли уровня 1986 года.

Мнения жертв о возрасте правонарушителя в тяжких насильственных преступлениях 1973–1997 годов (изнасилование, разбой, нападение, убийство) представлены на графике 3 Приложения.

К сожалению, рост умышленных убийств в 80-х годах и их снижение сегодня в основном связаны с вооруженным насилием среди молодежи, в то время как динамика преступлений, совершаемых без использования огнестрельного оружия, осталась без изменений.

В 1998 году молодежь, афроамериканцы и мужчины были лицами, наиболее склонными становиться жертвами насильственных преступлений. Так, повышенной виктимностью обладали:

- одно из двенадцати лиц в возрасте от 12 до 15 лет по сравнению с одним к тремстам пятидесяти семи в возрасте 65 лет и выше;
- один из двадцати четырех афроамериканцев по сравнению с одним из двадцати восьми белых;
- один из двадцати трех мужчин по сравнению с одной из тридцати трех женщин.

Подростки и молодежь чаще пожилых становятся жертвами насильственных преступлений. В 1998 году около трети всех жертв уголовного насилия составляли лица в возрасте от 12 до 19 лет. При этом наиболее существенный рост виктимности указанных групп

происходил в конце 80-х — начале 90-х годов, начиная постепенно сокращаться в последнем десятилетии XX века [507].

Динамика данного вида виктимизации в коэффициентах на 10000 населения отражена на графике 4 Приложения.

Среди жертв убийств афроамериканцы были в семь раз более виктимны, чем белые жертвы убийств, и в восемь раз криминогеннее, чем белые мужчины-убийцы. 85 % белых жертв были убиты белыми преступниками и 94 % жертв афроамериканцев были убиты представителями своей расы. В большинстве случаев чернокожие американцы демонстрируют более высокий уровень преступного насилия, чем представители иной расы. В особенности эта тенденция характерна для мегаполисов. В то время как представители латиноамериканских народностей демонстрируют одинаковый уровень агрессивности по сравнению с иными нациями, латиноамериканцы чаще, чем другие в США, склонны совершать разбойные нападения.

Аналогичные данные получены и при анализе отчетов ФБР. Так, в соответствии с Единым отчетом о преступности (UCR) 1998 года среди жертв убийств в 1998 году около 47 % составляли афроамериканцы, 48 % — белые и 2 % — азиаты, жители тихоокеанских островов, индейцы. Большинство жертв было в возрасте до 35 лет (63 %), около 11 % — в возрасте до 18 лет. Количество жертв среди детей (в возрасте до 5 лет) возросло пропорционально росту детей в популяции.

За исключением сексуальных преступлений, виктимность у мужчин всегда была значительно выше, чем у женщин. Раньше уже отмечалось, что сегодня около 75 % жертв составляли мужчины. Мужчины гораздо чаще выступают жертвами и исполнителями убийств: так, мужчины в 9 раз чаще, чем женщины, являются исполнителями убийств и как мужчины, так и женщины-правонарушители чаще избирают мужчин объектом преступного посягательства. За указанный период времени отмечено сокращение убийств, совершаемых по бытовому мотиву, в особенности в отношении жертв-мужчин. Количество мужей, жен, сожителей и сожительниц сократилось в каждой расовой и возрастной группе за последние два десятилетия: среди афроамериканок — жертв на 46 %, афроамериканцев — на 77 %, белых мужчин — на 55 %, белых женщин — на 14 %. Так, в среднем с 1976 по 1996 годы количество убийств, совершенных родственниками, сокращалось на 5 % для жертв-мужчин и на 1 % в год для жертв-женщин. Наиболее резким такое сокращение имело место среди афроамериканцев.

Насилие в семье в основном составляют преступления против женщин — в 1996 году женщины были жертвами в 3 из 4 случаев умышленных убийств и примерно в 85 % случаях не смертельного насилия в семье. Женщины в возрасте от 16 до 24 лет указывают на самые высокие уровни насилия в семье в отношении них. В 1996 году женщины стали жертвами 840000 изнасилований, сексуальных нападений, нанесения телесных повреждений от рук своих близких по сравнению с 1,1 миллиона случаев в 1993 году. Супружеское насилие в отношении мужчин не получило существенных изменений за отмеченный период времени.

Исключая те преступления, в которых взаимоотношения преступник-жертва не были определены, 46 % лиц, виктимизированных от насильственных преступлений, не знали нападающего. Около шести из десяти разбоев было совершено незнакомцами в сравнении с одной четвертой случаев всех сексуальных преступлений. Кстати, примерно одна четверть сексуальных преступлений была также совершена хорошо знакомыми жертве людьми, не являвшимися ее родственниками.

Для жертв убийств 45 % жертв были связаны или имели отношение к правонарушителям; 15 % жертв были убиты незнакомцами, хотя более 40 % жертв не имели никаких связей с убийцами.

Ежегодное количество офицеров полиции, убитых при исполнении служебных обязанностей, уменьшилось в связи с ужесточившимся в последние годы законодательством в области контроля над насильственной преступностью. По данным ФБР, в 1997 году около 65 офицеров полиции было убито при исполнении своих служебных обязанностей. Ролевая виктимность является наиболее высокой у офицеров полиции с 1992 по 1996 годы, а также у сотрудников частных охранных служб, таксистов, стражников и обслуживающего персонала в тюрьмах и иных местах лишения свободы, а также барменов.

Распределение данных преступлений по месту и времени совершения имеет свои закономерности. Так, если большинство насильственных преступлений совершается днем, некоторые из них демонстрируют отличительные свойства. Например, 54 % насильственных преступлений было совершено между 6 утра и 6 вечера, однако примерно две трети изнасилований и иных сексуальных преступлений совершаются ночью и вечером от 6 вечера до 6 утра.

В 1995 году примерно четверть случаев насильственных преступлений была совершена около или рядом с домом жертвы. На других ули-

цах, находящихся вдали от дома, было совершено 19 % преступлений, в школе — 14 %, в коммерческих учреждениях — 12 %. 23 % жертв преступлений сообщили, что они были вовлечены в различные формы досуговой активности вдали от дома во время их виктимизации.

21 % сообщили, что они были дома, и другие 21 % указали, что во время совершения преступления они находились на работе или были в пути.

Примерно одно из четырех насильственных преступлений было совершено рядом с домом жертвы. Из них около половины было совершено на расстоянии до мили от дома и примерно 73 % — на расстоянии до пяти миль. Только 4 % жертв насильственных преступлений сообщили, что преступление имело место на расстоянии более чем 50 миль от их места жительства. Количество резидентов, сообщивших, что они опасались преступности по соседству, изменялось от 20 % в Мэдисоне, штат Висконсин, до 48 % в Вашингтоне и Чикаго.

В процессе трудовой деятельности жители США испытывали более 2 миллионов случаев насильственной виктимизации с 1992 по 1996 год, включая 1,5 миллиона нападений, 396000 случаев нанесения тяжких телесных повреждений, 51000 изнасилований и сексуальных нападений, 84000 грабежей и разбоев и 1000 умышленных убийств.

За последнее десятилетие уровень насильственной преступности в школах США практически не изменился (14,5 % против 14,6 % фактов преступного насилия) по сравнению с промежутком между 1989 и 1995 годами.

Вместе с тем количество учащихся, сообщивших об определенном увеличении подростковых банд в районах около школы, за указанный период возросло вдвое — с 15,3 % до 28,4 %. В этой связи следует отметить негативную тенденцию виктимизации в США, связанную с определенным увеличением групповых убийств. Так, если в 1976 году количество групповых убийств в структуре убийств составляло 10 %, то к 1997 году их количество возросло до 16 %. Количество убийств двух и более лиц возросло со средних 3 % за прошедшее десятилетие до 4 % в 1997 году.

Как и в странах СНГ, определенную роль в этиологии криминального насилия в США играют алкоголь и наркотики. Так, около 3 миллионов насильственных преступлений, совершаемых каждый год, связываются с представлениями жертвы о том, что преступник в момент совершения преступления находился в состоянии алкогольного опьянения. Две трети жертв семейного насилия сообщили, что алкоголь

был одним из криминогенных факторов. Среди жертв-супругов три из четырех случаев виктимизации включали алкогольное опьянение преступника. Соответственно в случае насильственной виктимизации жертвы незнакомцами только 31 % жертв указали на алкогольное опьянение у правонарушителя в период виктимизации. Примерно в одной из пяти виктимизаций, включая предполагаемое употребление алкоголя правонарушителем, жертвы сообщали, что они были уверены, что правонарушитель употреблял также наркотики.

Проделанный анализ тенденций виктимизации населения США от криминального насилия позволяет сделать определенные выводы, имеющие значение и для организации эффективной превентивной политики по отношению к данному виду преступлений в Украине.

Наблюдаемая тенденция к сокращению насильственной преступности в США может быть связана как с проведением в жизнь комплекса мер по ограничению использования огнестрельного оружия в гражданском обороте, ужесточением уголовного преследования по отношению к насильственным преступникам, так и с усилением кооперации полиции и населения.

В этой связи представляются несколько преждевременными предложения о необходимости либерализации процедур приобретения огнестрельного оружия для обеспечения безопасности граждан в странах, только вступающих на новый путь социально-экономического развития. [508]

Безопасность граждан должна и, как показывает опыт ведущих стран мира, может быть обеспечена посредством применения жестких правограничений к насильственным преступникам, развенчания идеологии использования насилия как средства достижения любой социально значимой цели, усиления кооперации между населением и правоохранительными органами. *Там, где граждане верят полиции, проблемы ограничения насильственной преступности приобретают совершенно другой оттенок.*

Характеризуя имущественную преступность в США и связанную с ней виктимизацию, следует отметить, что из более чем 4,1 миллиона берглэри 3,4 миллиона, или 83 %, были оконченными преступлениями. В оставшихся 0,7 миллиона случаев (17 %) правонарушитель только пытался осуществить насильственное проникновение в помещение. В 4 из 10 оконченных берглэри преступник пытался проникнуть в дом, взламывая дверь, в 6 из 10 случаев преступник проникал в дом через незапертую дверь или открытое окно.

Из 17,1 миллиона оконченных краж 6,2 миллиона (36 %) составили кражи на сумму, не превышающую 50 долларов, 6,1 миллиона (36 %) — между 50 и 249 долларами, 3,7 миллиона (22 %) — на сумму свыше 250 долларов и в 1,1 миллиона случаев стоимость ущерба не была установлена.

В таблице 9 Приложения представлены сведения о виктимизации населения от имущественных индексных преступлений в Америке в коэффициентах на 100000 населения с начала проведения виктимологических обзоров в 1973 году по 1998 год.

Как видим, исследования показывают, что пол, возраст, род занятий, социальная активность, злоупотребление алкоголем в США формируют потенциальную готовность субъекта становиться жертвой насильственных преступлений. В то же время распространенность имущественных преступлений, как правило, не тяготеет к определенным отдельным социальным группам. Богатые боятся быть виктимизированными, а бедные в это время становятся реальными жертвами краж.

Указанные тенденции в распределении виктимности среди населения стран западной демократии в основном типичны и отражают реально сложившуюся ситуацию, а не исключительный опыт США.

Согласно данным экспертов ООН и результатам представительных виктимологических исследований во всем мире, *мужчины, молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет, одинокие люди и студенты, наряду с лицами, проводящими большую часть своего свободного вечернего времени на улице, и лицами, злоупотребляющими алкоголем, имеют самый высокий риск стать жертвами преступлений.* [509]

Приведем в качестве подтверждающего примера данные о некоторых характеристиках виктимизации населения в Великобритании.

Как уже отмечалось ранее, в Великобритании виктимологические опросы проводятся с 1982 года с повторениями в 1984, 1988, 1994 и 1996 годах. Опрос базируется на квотной, районированной выборке 10000 респондентов старше 16 лет, отбирающихся по данным почтовых организаций. Методика опроса стандартна для такого исследования: респонденты отвечают на вопросы о совершенных в отношении них случаях криминального насилия, имущественных преступлениях и некоторых малозначительных преступлениях.

Как обычно, данные опросов свидетельствуют, что, по сравнению с официальной статистикой, в стране совершается в четыре раза больше преступлений. Риск стать жертвой берглэри более велик в го-

родах, чем в сельской местности. Афро-карибцы и одинокие мужчины, арендующие жилье, более виктимизированы, чем иные категории населения. Риск имущественных преступлений в два раза выше в квартирах, чем в частных домах. С 1984 по 1994 годы страх перед преступностью достаточно сильно возрос, и около трети респондентов чувствуют себя небезопасно, возвращаясь домой по вечерам.

Риск стать жертвой насильственного преступления в основном зависит от возраста, пола и образа жизни. Мужчины, молодые люди (16–24 года) чаще становятся жертвами насильственных преступлений, женщины же — жертвами краж.

Наиболее серьезные насильственные преступления чаще совершаются лицами, знакомыми жертве, чем незнакомцами. [510]

Выявленные тенденции отражают основные закономерности распределения виктимизации в социуме применительно к большинству европейских государств и стран Северной Америки.

Рассмотрим теперь также некоторые особенности, характеризующие виктимизацию населения в Украине.

5.2. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВИКТИМИЗАЦИИ В УКРАИНЕ

5.2.1. Преступность в Украине и защита жертв преступлений

На VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями были приняты Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка. Согласно положениям данного документа, государствам-членам ООН для обеспечения оптимизации процесса профилактики преступлений было рекомендовано «принять необходимые законодательные и другие меры в целях обеспечения жертв преступлений эффективными средствами правовой защиты». [511]

Законами Украины «О действии международных договоров на территории Украины» от 10 декабря 1991 года и «О международных договорах Украины» от 22 декабря 1993 года [512] украинские законодатели в стремлении обеспечить нерушимость установленных международным сообществом прав и свобод личности признали международные договоры и декларации, заключенные и ратифицированные Украиной, частью национального законодательства. В отношении

не требующих ратификации (присоединения) деклараций международных организаций и органов, членом которых является Украина, действует принцип добровольности признания изложенной в декларациях доктрины. [513]

Следует отметить, что с развитием и становлением новых экономико-правовых институтов молодого украинского государства в национальное законодательство постепенно внедряются и основные принципы Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и жертв злоупотребления властью, связанные с внедрением международных стандартов доступа потерпевших к системе правосудия и государственной поддержки; созданием системы криминально-правовой реституции; организацией компенсации потерпевшим от преступлений из специальных государственных фондов; оказанием потерпевшим необходимой материальной, медицинской, психологической и социальной помощи.

При этом фундаментальными правами жертв, которые обязательно должны найти отражение в действующем законодательстве, являются: право принятия участия в судебных слушаниях, право заявлять ходатайства по существу вынесения решения о виновности, наказании, право принимать участие в слушаниях об условно-досрочном освобождении виновных, право быть информированным, когда виновный сбежит, будет освобожден или умрет; право на реституцию; право на обеспечение безопасности.

Соответственно, положения, касающиеся защиты жертв преступления и злоупотребления властью, нашли определенное отражение в принятой 28 июня 1996 года Конституции Украины. Например, в Конституции Украины специально указывается на право граждан на свободное развитие личности (ст. 22), на защиту своих прав и свобод посредством использования системы правосудия и судебной власти, а также возможность их защиты любыми, не запрещенными законом способами (ст. 55), наконец, на возмещение за счет государства материального и морального вреда, причиненного лицу незаконными действиями органов государственной власти, местного самоуправления, незаконным осуждением (ст.ст. 56, 62). [514] Вместе с тем вопросы, касающиеся организации специальной защиты потерпевших от преступлений, в Конституции оговорены практически не были.

Такая же ситуация возникла и при организации законодательного обеспечения прав жертв преступлений на получение компенсации за ущерб, причиненный преступлением и злоупотреблением властью.

Нельзя не отметить, что некоторые попытки в этом направлении были сделаны.

Например, в соответствии с Постановлением Верховного Совета Украины «О состоянии исполнения законов и постановлений Верховного Совета Украины по вопросам правопорядка и мерах по усилению борьбы с преступностью» от 26 января 1993 года Кабинету Министров Украины было рекомендовано принять меры по созданию специального Государственного фонда возмещения ущерба потерпевшим от преступлений и злоупотребления властью.

Положения, касающиеся организации Государственного фонда помощи потерпевшим от преступлений, содержатся в Распоряжении Президента Украины «О мерах по активизации борьбы с коррупцией и организованной преступностью» от 10 февраля 1995 года [515]. О государственной поддержке жертв преступных посягательств и злоупотребления властью говорилось и говорится в Государственных программах борьбы с преступностью в Украине и в Законах Украины «Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью», «О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» [516] и в целом ряде иных нормативных актов. Тем не менее о компенсационной поддержке потерпевшим от преступления на государственном уровне мы чаще всего только можем мечтать.

Как отстаивать свои права потерпевшему — об этом закон говорит скупо. Пожалуй, сегодня этим вопросам посвящены лишь несколько статей Уголовно-процессуального Кодекса Украины и ряд положений Закона Украины «Об обеспечении безопасности лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве» от 23 декабря 1993 года с последующими изменениями и дополнениями [517]. Рассмотрение данных проблем выходит за рамки нашего исследования, однако нельзя не отметить, что указанные обстоятельства ограниченности правовой защищенности личности жертвы определенным образом отразились и на характеристиках виктимизации в Украине.

С одной стороны, обвальная рост преступности, вызванный изменениями вектора политической и экономической стратегии развития постсоветских государств, не мог не сказаться на характеристиках и состоянии виктимизации в республике, с другой — незащищенность личности, невыработанность либо пробуксовка механизмов реальной защиты граждан от преступных посягательств определили

повышенное чувство страха перед преступностью и связанные с этим аномию и виктимизацию.

Указанное обстоятельство проявляется особенно очевидно при описании тенденций преступности в Украине. Так, основные показатели распределения зарегистрированной за последние годы преступности и судимости в Украине представлены в таблице 10 Приложения.

Приведенные цифры говорят сами за себя. Переходный период повлек за собой небывалый всплеск преступности (даже без учета ее изрядной латентности), сопровождающийся тотальным отставанием деятельности органов социального контроля и неспособностью коррекции криминальной ситуации.

Существующие «ножницы» между количеством зарегистрированных преступлений и количеством осужденных свидетельствуют отнюдь не в пользу эффективности действующей государственной машины.

График 5 Приложения отражает динамику зарегистрированных преступлений в Украине за указанный период времени.

Определенные изменения коснулись и структурных характеристик преступности. Так, в 1998 году на территории Украины по линии уголовного розыска было зарегистрировано 456559 преступлений, из них убийств — 4563 (~1 % от общего числа преступлений), тяжких телесных повреждений — 6943 (~1,5 %), изнасилований — 1334 (~0,3 %).

Общая численность зарегистрированных в 1998 году в Украине преступлений в сравнении с 1995 годом снизилась на 10,3 % (с 641860 до 575982 преступлений) [518]. Коэффициент преступности по Украине в 1997 году составил 115,9, в 1998 — 113,6 случаев на 10 тысяч населения.

В 1997 году по Украине с применением огнестрельного оружия было совершено 300 убийств, что составило 4,9 % от общего числа убийств, совершенных за год; в 1998 году — 223 убийства, что составило 6,6 % от общего числа убийств, совершенных за год. Это говорит о том, что на долю убийств с применением огнестрельного оружия приходится примерно каждое двадцатое убийство. В целом же за последние 5 лет более 1,5 миллиона человек в Украине стали жертвами общеуголовных преступлений — убийств, изнасилований, грабежей, разбоев, краж, хулиганства. Общая же цифра потерпевших от всех преступлений за указанный период времени до сих пор неизвестна, хотя, безусловно, является достаточно высокой.

За 10 месяцев 1999 года в Украине, по данным Госкомстата, было зарегистрировано 464,8 тысячи преступлений, что на 2,9 % меньше в сравнении с таким же периодом предыдущего года. При этом обращает на себя внимание и такой факт, что более трети зарегистрированных преступлений относится к тяжким, а больше половины преступлений (56,3 %) совершено с корыстной направленностью (кражи, грабежи, разбойные нападения, мошенничество, хищения государственного и коллективного имущества путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением). Выявлено 264,7 тысячи лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Из них 17 % составляют женщины, 8,8 % — несовершеннолетние. Около двух третей лиц, совершивших преступления, не работали и не учились. Каждый третий из общего числа правонарушителей совершил преступление в группе, каждый шестой — раньше совершал преступления, практически каждый седьмой совершил преступление в состоянии алкогольного опьянения.

Вместе с тем колоссальная латентность значительной части преступлений в сфере экономики и имущественных преступлений не дает возможности увидеть истинные характеристики преступности без учета данных о виктимизации.

5.2.2. Показатели виктимизации

Следует отметить, что на государственном уровне массовые виктимологические опросы в Украине не проводились.

Обзор виктимизации, осуществленный в 1996 году в рамках Третьего международного обзора виктимизации, представил собой выборку жителей Киева и Киевской области (1000 респондентов) и их опрос по вышеописанным в предыдущем разделе методикам.

Показательно, что результаты опроса подтвердили переориентацию криминальной мотивации большинства деяний в сторону активизации экономических злоупотреблений, что явилось очевидным для всех стран, находящихся на переходном периоде развития экономики.

Несколько попыток организации иных виктимологических опросов носили узконаучный характер и не претендовали на целостное видение проблемы.

Так, среднегодовая виктимизация от имущественных преступлений в странах Центральной и Восточной Европы [519] (коэффици-

енты на 10000 населения) по данным UNICRI приведена в таблице 11 Приложения.

Как видим, Украина занимает средние позиции по характеристикам преступности в списке стран постсоветского блока. Указанные обстоятельства подтвердились и при анализе характеристик распределения виктимизации в Украине и их соотношения с данными уголовной статистики. Таблица 12 Приложения более четко отражает указанные тенденции посредством сравнительного анализа среднегодовых коэффициентов виктимизации и преступности в Украине (на 100000 населения)

Определенная несопоставимость показателей виктимизации и преступности вызвана разными системами учета преступлений в наших правовых семьях и невозможностью получения адекватной информации о структуре виктимизации в Украине по западным стандартам. Вместе с тем приведенные показатели отражают явно выраженную тенденцию латентности определенной части криминальных деяний.

Согласно данным Третьего Международного обзора жертв преступлений (ICVS), 38 % респондентов в городских регионах Украины стали жертвами преступлений в 1986 году. Этот показатель относит Украину на 5 место в числе государств, представивших сведения для обзора.

По отдельным преступлениям, как видно из таблицы, уровень виктимизации составлял 3,6 % для бергглэри, 3,9 % — для нападений и угроз, 4,6 % — для краж из автомобиля.

1,9 % женщин сообщили, что они были жертвами сексуального насилия.

Уровень разбойных нападений (5,7 %) и карманных краж (17,7 %) также является одним из наиболее высоких в Европе.

График 6 Приложения отражает расчетное количество лиц, погибших на территории Украины в результате преступной активности и вероятностный прогноз тенденций насильственной виктимизации, выполненный с помощью метода экстраполяции

Как видим, несмотря на определенную стабильность сглаженной кривой экстраполяции, успокаиваться рано. Возможно, имевшие место в 1995 году «пиковые» показатели криминального насилия были связаны с ростом фрустрированности и аномии в условиях галопирующей инфляции и нестабильности экономического развития. Определенная стабилизация отношений в обществе снижает уровень

агрессивности. Хотя, признаемся, накопленный с годами в нашем обществе агрессивный потенциал вполне может реализоваться в новом всплеске криминального насилия при неблагоприятном развитии экономической ситуации и определенных политических процессах.

Серьезные опасения насилия и страх перед преступностью и злоупотреблениями властью породили мнение респондентов о том, что они опасаются посещать определенные места по соседству с их местом проживания вечером и ночью. Указанный показатель является вторым по уровню в Европе и Северной Америке [520].

В 1994–1995 годах коллектив преподавателей и студентов Юридического института Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова (позднее — Одесской национальной юридической академии) по адаптированным методикам Американского университета и Мирового общества Виктимологии (идея Э. Виано) провел опрос 4000 граждан Украины (случайная, несистематическая выборка), проживающих в Южном и Юго-Западном регионе, с целью выявления их виктимных перцепций и общих характеристик виктимизации.

Впоследствии для проведения более углубленного анализа были отобраны 1000 интервью методом квотной выборки, отражающей половозрастные характеристики населения на момент проведения исследования.

Текст интервью был разработан таким образом, чтобы определить: основные деяния, могущие служить индикаторами виктимизации (кражи автотранспорта, квартирные кражи, грабежи и разбои, кражи личного имущества, сексуальные правонарушения, насильственные преступления);

виктимные перцепции респондентов (страх перед преступностью, отношение к правоохранительным органам, меры по индивидуальной защите), а затем отработать вопросы оценки соотношения характеристик виктимизации и преступности. Первичные выводы, полученные нами, выглядели следующим образом:

1. Уровень виктимизации в среднем в 2, 2,5 раза превышает уровень регистрируемой преступности в Украине.

2. Если в общественном сознании виктимизация отождествляется с насилием, то в основном она имеет дело с кражами и иными преступлениями корыстного характера. Это стабильная тенденция для большинства государств. Известно, что среднемировой уровень виктимизации по насильственным преступлениям составляет примерно

28/1000; по карманным кражам и иным похищениям личного имущества — 68/1000; по кражам с проникновением, мошенничествам и автокражам — 170/1000.

3. Виктимизация распространяется среди населения неравномерно: чем выше степень тяжести преступления, тем реже проявляется виктимизация.

4. Существуют гомеостатические связи между преступностью и виктимизацией: чем выше преступность, тем ниже виктимизация в случаях, когда общество обеспокоено состоянием преступности, и наоборот, стабильность социальных отношений, понижая страх перед преступностью, выравнивает показатели виктимизации и преступности.

5. Риск виктимизации связан с дефектами образа жизни и обыденной активности, равно как и с проецирующимися ими индивидуальными отклонениями.

Некоторые результаты исследования приведены в таблицах 13–17 Приложения.

Как и в иных европейских странах, время виктимизации тяготеет к вечеру и ночи (насиленные преступления — вечер/ночь, кражи — ночь).

Общая характеристика личности потерпевших также ничем не отличается от их стандартного распределения среди иных европейских государств.

Пик виктимизации по возрасту попадает на 16–24 года, за исключением краж личного имущества, сохраняющих стойкую тенденцию относительно равномерного распределения между всеми возрастными группами.

Виктимизация по преступлениям против личности у мужчин в два, два с половиной раза выше, чем у женщин.

В имущественных преступлениях также преобладают мужчины, хотя разница не так заметна.

Лица, состоящие в браке, менее виктимизированы, чем холостые и вдовцы.

Маргинальность и низкий уровень дохода являются спутниками виктимизации. Вместе с тем с ростом достатка растет и страх перед ограблениями, а, следовательно, и вероятность быть ограбленными.

Риск виктимизации зависит также от ряда индивидуальных факторов социализации будущей жертвы в детстве (неправильное воспитание, отсутствие такового, неудачный брак родителей, доминирование в семье одного из родителей, социальное отчуждение ребенка),

а также индивидуальных психологических факторов (низкая самооценка, подавленность, психопатии, невротизм, профессиональные фрустрации, психосексуальные травмы, фобии), антиобщественного образа жизни, опыта и частоты предыдущей виктимизации, а также отклоняющегося поведения потенциальной жертвы.

К статусной, социально-ролевой группе риска в Украине нами были отнесены лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью. В целях проверки распространенности виктимизации предпринимательства, реализуя положения гранта программы «Украинско-американское научное партнерство», нами в течение апреля-июня 2000 года был осуществлен опрос предпринимателей с целью выяснения степени достоверности гипотезы о виктимологическом мониторинге как инструменте косвенного анализа организованной преступной деятельности.

Опрос проведен в г. Одессе. Методика: телефонное интервью по технологии CATI, используемой Мировым обществом виктимологии и личный опрос. Количество респондентов: 500 человек — телефонное интервью, 100 человек — личный опрос. Методика формирования выборки: определение квоты и распределения лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью среди населения города посредством истребования и анализа статистических данных; отбор телефонов с помощью таблицы случайных чисел; составление карточки для интервьюера, — для телефонного интервью. Случайная несистематичная выборка 100 человек — предпринимателей, занимающихся реализацией товаров на вещевых рынках г. Одессы.

Результаты опроса вкратце можно свести к следующему. Так, угрозы насилием в связи с осуществлением предпринимательской деятельности испытывало в течение 1999 года лишь 4 % предпринимателей, угрозы уничтожением имущества предприятия, — лишь 1 %. Таким образом, реальные угрозы со стороны криминальных структур в этой области испытывали в 1999 году лишь 5 % респондентов (№ =600).

Около 3 % опрошенных предпринимателей считают, что в районе, где они работают, существуют организованные преступные группировки, мешающие им работать. 77 % — затруднились ответить. И лишь 20 % предполагают, что такие группировки отсутствуют. Возможно, высокий процент респондентов, давших неопределенный ответ, и вызван нежеланием предпринимателей давать характеристики своим «покровителям» со стороны преступного мира.

Вместе с тем, показательны и такие факты: 17 % предпринимателей считают район осуществления бизнеса полностью безопасным в плане защиты от преступления, 60 % — достаточно спокойным и лишь 23 % небезопасным. Тем не менее, для защиты имущества и личной безопасности от преступных посягательств 27 % предпринимателей заключило договор с Государственной службой охраны; 21 % заключили договор с частным охранным агентством, 25 % создали собственную службу безопасности, 27 % установили защитные решетки на помещения, 43 % установили охранную сигнализацию.

Тревожным фактором, свидетельствующим в определенной мере о наличии криминальных связей и взаимозависимостей между предпринимателями и преступностью служит высокий уровень создания собственных служб безопасности, ориентированных на решение криминальных проблем без привлечения правоохранительных органов, а также заключение предпринимателями, специализирующимися на сфере торговли, сделок с частными охранными агентствами, — в целом 53 %. Учитывая контроль указанных агентств организованными преступными формированиями, уровень скрытой виктимизации здесь может быть достаточно высок. Дань легально выплачивается охранной фирме и дирекции рынка за место, организацию безопасности торговли и имущества и пр.

Таким образом, несмотря на низкий уровень выявленных согласно данным опроса угроз предпринимательской активности, виктимные перцепции предпринимателей достаточно высоки, что объясняется как обеспокоенностью общим уровнем преступности, так и связанностью определенной части предпринимателей в своей деятельности с легализованными структурами, прикрывающими тот или иной вид «охранной» криминальной организованной преступной деятельности.

Основными формами виктимизации предпринимателей по нашим данным являются: хищения имущества, в том числе, личного, вовлечение в коррупционную сеть через конвертационные центры и системы параллельной хозяйственной юстиции, мошенничества, издедка, вымогательства.

По меньшей мере 7 % опрошенных за 1999 год становились жертвами краж и иных форм хищений имущества предприятия; 4 % — жертвами хулиганства, 5 % — вымогательства, поборов, 0,2 % — жертвами телесных повреждений, 12 % — жертвами краж личного имущества, 9 % — жертвами мошенничества. В целом, около 37 %

опрошенных становились жертвами преступлений хотя бы раз за указанный период времени. При этом лишь 20 % из них (60 % потерпевших) обращались в правоохранительные органы за помощью в раскрытии преступления. Мотивировка была определена либо неверием в возможности органов охраны правопорядка, либо недостаточно значительным ущербом, требующим внимания правоохранительных органов.

Показательны ответы: «Мы привыкли решать проблемы собственными силами или с помощью друзей».

Анализ данных уголовной статистики по делам о вымогательстве, а также данных материалов опроса подтвердил, что чаще всего жертвами преступных посягательств становятся предприниматели, специализирующиеся на торговле, и оказании бытовых услуг (60 %). Результаты опроса свидетельствуют также, что, к сожалению, основным виктимизирующим фактором для предпринимателей является сегодня государство и некоторые его органы. Указанное обстоятельство может содействовать вовлечению значительной группы предпринимателей в незаконную деятельность, связанную с активностью организованных преступных формирований.

С одной стороны, проведенный нами выборочный анализ актов локального правового регулирования и действующего законодательства в целом свидетельствует о том, что некоторые формирования сознательно рассматривают предпринимателей как потенциальных правонарушителей, планируя поступление доходов от штрафов. Подобные и множество иных попыток обогатиться за счет предпринимателей, просчеты и недостатки в фискальной политике, подталкивают предпринимателей в руки криминальных структур, криминализируют их бизнес.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о перспективности для организованной преступности развития таких направлений как «параллельная» банковская система (конвертационные центры, схемы уклонения от уплаты налогов), «защита» бизнеса от посягательств со стороны правоохранительных органов и иных органов государственного управления, транснациональные и внешнеэкономические операции.

С другой стороны, высокий уровень коррумпированности, незащищенности предпринимателя со стороны государства подтверждается и тем, что 60 % предпринимателей, участвовавших в анонимном опросе признались, что им довелось давать взятки государственным

служащим (в большинстве случаев — около 40 % представителям налоговых органов), 25 % отказались ответить на данный вопрос и лишь 15 % утверждали, что давать взятки им не приходилось. Думается, что последняя цифра весьма завышена и объяснима скорее, высокой прапной культурой определенной части предпринимателей, знакомых с возможностью привлечения к уголовной ответственности за дачу взятки.

При этом, объясняя свое поведение, мотивировка дачи взятки была стандартной: вымогательство государственного служащего и полная негативная оценка сложившейся ситуации в государстве.

Недаром, на вопрос, что необходимо сделать для защиты предпринимателей от коррупции большинство (65 %) желало бы усилить режим законности в стране и гарантировать государственным служащим стабильную заработную плату и относительно высокие доходы. 35 % отказались комментировать это, считая процесс борьбы с коррупцией, заранее обреченным на провал.

Показателен также и ответ на вопрос, посвященный предполагаемым мерам ограничения организованных преступных группировок. По мнению большинства предпринимателей лидеры и участники большинства преступных группировок прекрасно известны правоохрательным органам, однако: «Знают же кого посадить, но не садят».

Неверие в эффективность правоохрательной системы, пораженность коррупцией свидетельствуют о растущей анонии среди предпринимателей и может быть расценено как тревожный фактор, способствующий о возможности дальнейшей криминализации предпринимательской активности.

Социокультурные факторы, выделяемые нами в качестве дополнительных детерминант виктимизации (урбанизация, безработица, маргинализация, мода, стереотипы виктимного поведения и пр.), по видимому, играют одинаковую роль в формировании комплекса причин и условий существования и развития отклоняющегося поведения по всех его проявлениях.

Указанные обстоятельства, а также проделанный нами многофакторный анализ основных характеристик виктимизации в Украине позволяют определить ряд теоретических положений, касающихся распределения тенденций виктимизации и закономерностей ее ограничения.

5.3. ТЕНДЕНЦИИ ВИКТИМИЗАЦИИ И ПУТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЩЕНИЯ С ЖЕРТВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

5.3.1. Генезис виктимизации

Ранее мы уже обращали внимание на социальные, психические и моральные уровни изучения и функционирования виктимизации и преступности. Исследованиями установлено, что каждое общество в процессе взаимодействия с внешней средой накапливает определенный опыт. *«Этот опыт является фундаментом, на котором зиждется самая возможность существования коллектива во времени. Естественно, коллектив заинтересован в хранении, накоплении и передаче этого опыта следующим поколениям. Передача накопленной информации происходит двумя путями: генетически и негенетически. Передача ненаследственной информации осуществляется в процессе социализации и целиком основана на научении. Хранение, передача и аккумуляция социальной информации предполагает ее упорядочение, во-первых, и отбор наиболее значимых фрагментов, во-вторых».* [521].

Есть основания предполагать также, что виктимизация и преступность как социальные процессы также во многом определяются общей характеристикой и состоянием культуры общества, организующей человеческую жизнь в целом. [522] Как писал один из наиболее выдающихся социологов современности А. Дж. Тойнби: *«Культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации; в сравнении с ними экономический и тем более политический планы кажутся искусственными, несущественными, заурядными созданиями природы и движущих сил его цивилизации. Как только цивилизация утрачивает внутреннюю силу культурного развития, она немедленно начинает впитывать элементы чуждой социальной культуры, с которой она имеет контакты... А это, в свою очередь, ведет к упадку и расколу общества, «потерявшего свою душу и изменившего внешность»* [523].

В этом смысле возможно говорить и о том, что **социальные потребности, убеждения, ценности и нормы формируют исторические типы виктимного и преступного поведения, влияя на изменение систем социального контроля и отношения к жертвам преступлений.**

Практически, как уже указывалось ранее, и виктимизация населения, и преступность в конечном итоге определяются соотношением демографических и социально-ролевых факторов, ориентирующих индивида (социальную группу) на удовлетворение определенных по-

требностей с заданными обществом возможностями их удовлетворения. Если гипотеза о том, что виктимное поведение — вид отклоняющегося поведения, которому обучаются в процессе социализации, оказывается истинной (а это подтверждается всем ходом развития криминологической науки), то можно говорить и о том, что *каждое поколение воспроизводит и передает определенные типы виктимного и преступного поведения своим потомкам*.

Указанные типы во многом генерируются культурой общности, и их изменение, преобразование зависит от изменения (преобразования) иных материальных и социальных условий жизни общества.

Описывая исторические закономерности изменения мотивации преступности, М. Фуко справедливо отметил: *«На самом деле смещение преступности от «кровавой» к «мошеннической» составляет часть сложного механизма, включающего в себя развитие производства, рост богатства, более высокую юридическую и моральную оценку отношений собственности, более строгие методы надзора, весьма жесткое распределение населения по «графам», усовершенствование техники розыска и получения информации, поимки, осведомления: изменение характера противозаконных практик соотносится с расширением и совершенствованием практик наказания»*. [524]

В 1942 году психолог Абрахам Маслоу впервые опубликовал свою теорию «иерархии потребностей», которая в определенной мере в состоянии частично объяснить проблему исторической изменчивости типовых форм преступного поведения и, соответственно, виктимности. По сути дела, теория Маслоу была выдвинута в противовес воззрениям З. Фрейда о сексуальной окраске основных человеческих побуждений и ценностей, марксистским концепциям экономического детерминизма и высказываниям Альфреда Адлера о доминирующей роли стремления к власти в человеческой истории и психологии.

Маслоу указал [525], что в случае, если человек голоден, он не имеет других сильных потребностей, кроме желания есть, и он не может представить себе никаких иных высоких целей, кроме стремления к получению постоянного и регулярного пропитания. Но вскоре после того, как получает (добывает) пищу, он начинает заботиться о безопасности — нужна крыша над головой. Если получает и это, он начинает думать о сексе — не просто стремясь к продолжению рода либо к удовлетворению половых потребностей, но к образованию семьи. Когда человек имеет дом, хорошую работу и счастливую семью, чего он еще желает? Социального признания, самоидентификации,

уважения друзей, близких и знакомых. После того как удовлетворены все базовые потребности, что далее? Согласно Маслоу, возникает высший уровень потребностей и человеческих стремлений — стремление к самовыражению, созиданию, к творчеству (духовные диспозиции).

«Основной идеей классификации Маслоу является принцип относительного приоритета актуализации мотивов, гласящего, что прежде чем активируются и начнут определять поведение потребности более низких уровней, должны быть удовлетворены потребности низшего уровня». [526] В упрощенном виде теория Маслоу напоминает своеобразную лестницу или пирамиду, в которой потребности, ценности расположены в зависимости от их приближенности к тем или иным уровням человеческой самоорганизации (физиологические потребности, влияющие на гомеостазис — потребности в безопасности — потребности в социальных связях — потребности самоуважения — потребности в самоактуализации). Нужно отметить, что при ближайшем рассмотрении теория иерархии потребностей Маслоу напоминает столь почитаемую в отечественной криминологии концепцию многоуровневой саморегуляции человеческого поведения через иерархическую систему взаимодействующих установок (В. А. Ядов) [527]. Это естественно, поскольку научное знание, даже основанное на различных идеологических и мировоззренческих парадигмах, все равно стремится к единству и унификации описания исследуемых процессов.

Если же мы попробуем применить теорию иерархии потребностей при историографическом анализе возникновения и развития общеуголовной агрессивной преступности и виктимизации в обществе, то окажется возможным выявление определенных автономных закономерностей, свойственных определенному классу преступлений, оказывающемуся достаточно типичным для конкретных исторических условий взаимодействия экономических условий жизнедеятельности общества, его этноса и культуры [528].

Необходимость анализа общеуголовной агрессивной преступности объясняется изменчивостью и вариативностью всей преступности в различных социально-правовых системах. Естественно, описания убийств рабов, детоубийств в рабовладельческих государствах, государственных и канонических преступлений в феодальных и терроризма в современных буржуазных и конвергированных системах не могут дать достаточно четкого понимания влияния генезиса

иерархии потребностей на генезис преступности в целом. Здесь речь скорее должна идти о зависимости изменчивости преступности от изменчивости принятой в обществе системы ценностей. Так, тот же терроризм — есть логическое завершение принятой в современных общинах индивидуалистической установки на допустимое подавление себе подобных. [529]

Как писал один из виднейших филологов, этнографов и исследователей славянской культуры Ю. М. Лотман: *«Норма и ее нарушения не противопоставлены как мертвые данности. Они постоянно переходят друг в друга. Возникают правила для нарушения правил и аномалии, необходимые для нормы. Реальное поведение человека колеблется между этими полюсами. При этом различные типы культуры будут диктовать субъективную ориентированность на норму (высоко оценивается «правильное» поведение, жизнь «по обычаю», «как у людей», «по уставу» и пр.) или же ее нарушение (стремление к оригинальности, необычности, чудачеству, юродству, обесцениванию нормы амбивалентным соединением крайностей)»*. [530]

Так, в первобытнообщинных обществах пища и территория — наиболее важные вещи, и в случае, если человек совершал убийство, — именно стремление к овладению этими ценностями либо социальным признанием, определяющим характеристики владения данными ценностями, чаще всего было мотивирующим фактором агрессивных преступлений. *«И сказал Господь Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лицо твоё? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним. И сказал Каин Авелю, брату своему. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его»*. [531]

На протяжении столетий указанные виды криминальной активности господствовали в структуре преступлений. Недаром Ньюгейтский справочник (как описание личности преступников, казненных в Ньюгейте в XVII веке) заполнен жизнеописаниями разбойников, убийц и грабителей. Однако насильники там, как правило, не встречались.

«Действительно, с конца XVII века наблюдается значительное снижение числа убийств и вообще физически агрессивного поведения; правонарушения против собственности приходят на смену насильственным преступлениям; кража и мошенничество теснят убийства и телесные повреждения; не имеющая четких границ, спорадическая,

но распространенная преступность беднейших классов сменяется преступностью ограниченной и «искусной»; преступники в XVII веке — «люди изнуренные, голодные, живущие одним моментом, разгневанные, преступники временные»; в XVIII же — «изворотливые, хитрые, расчетливые продувные бестии», «маргиналы», — писал, характеризуя это время, М. Фуко [532].

Расцвет буржуазных производственных отношений в XVIII — XIX веках привел к формированию викторианской мелкобуржуазной морали, ставящей одной из своих основных идей надклассовость, миролюбие, стремление к безопасности. *«Безопасность, — писал К. Маркс, — есть высшее социальное понятие гражданского общества, понятие полиции, понятие, согласно которому все общество существует лишь для того, чтобы обеспечить каждому из своих членов неприкосновенность его личности, его прав и собственности»* [533]. Большинство убийств того времени переходит из улиц в дома. Супружеское, бытовое убийство становится криминологической проблемой именно в XIX веке.

Затем, в 1888 году наступает новая эра — эра сексуальных преступлений. Убийство Джеком Потрошителем пяти ист-эндских проституток положило начало эпохе сексуальных преступлений, являвшихся единичными в прошлом веке и получивших массовое распространение в веке нынешнем. К 40-м годам XX столетия убийство из сексуальных побуждений либо связанное с последними стало столь же обыденным, как и убийство из корыстных побуждений два века назад.

В 60-е годы эпоха развития НТР, бунтующей молодежи, социальных и политических кризисов, противостояния двух систем породила преступления, мотивирующей основой которых была искаженная, гипертрофированная потребность в самовыражении, самоуважении. Немотивированные массовые расстрелы жителей в США, убийство Джона Леннона, деятельность банды Лабощкого в Новокузнецке и Москве, ставившей своей целью привлечь внимание и завоевать авторитет среди московского криминального мира своей патологической жестокостью [534], — все указанные преступления характеризовались исключительно выраженной готовностью к доминантности, стремлением к самовыражению в преступлении. Типичным для данной новой волны агрессивных преступлений может служить заявление 18-летнего Роберта Смита, который положил на пол продуктового магазина в Аризоне пятерых женщин и детей, хлад-

покровно убил их выстрелами в затылок, а затем, дождавшись полиции, заявил: *«Я хотел стать известным, заработать себе имя»*. [535]

Как видим, на низших этапах развития личности и общества детерминация преступности соответствует положениям Марковского экономического детерминизма, смещение вектора насилия в сферу семейных отношений обращает нас к Фрейду и проблемам замещенной агрессии, появление «безмотивных», самоактуализированных преступлений обращает нас к проблеме влияния бессознательного психического на формирование агрессивных побуждений и Адлеровского стремления к власти, — каждая теория по-своему права, но ни одна из них, к сожалению, не является универсальной.

Что же ждет нас дальше? Если верить концепции Маслоу, то следующей ступенью развития потребностно-мотивационной сферы человека должен служить всплеск креативных действий. *«Даже когда все эти потребности удовлетворяются, мы все же часто (если не всегда) можем ожидать, что если индивид не занимается тем, для чего он предназначен, то вскоре возникнут новые неудовлетворенность и беспокойство. Чтобы находиться в согласии с собой, музыкант должен создавать музыку, художник рисовать, поэт писать стихи. Человек должен быть тем, чем он может быть. Эту потребность можно назвать самоактуализацией... Она означает желание человека самоосуществиться, а именно его стремление стать тем, чем он может быть»*. [536].

Трудно предположить, что убийство и стремление к творчеству совместимы (мошенничество с кредитными карточками, компьютерные преступления, преступления в сети Интернет — вот скорее всего конститутивная черта преступности следующего века), но, если Маслоу прав, мы можем смотреть в мировое будущее с оптимизмом.

«Социальное творчество станет нормой, законом человеческой жизнедеятельности. Девиантность социума примет формы, которые трудно предсказать сегодня», — писал по этому поводу Я. И. Гилинский [537].

Естественно, данный исторический экскурс нужно воспринимать с определенной осторожностью. Констатация сосуществования моральных установок того или иного периода с формами криминальной активности еще не может быть основанием для установления прямой детерминационной зависимости между ними. Для этого должен быть проделан тщательный и кропотливый анализ по типологизации исследуемых явлений и их взаимосвязям в конкретно-исторических условиях.

Для нас же важно одно — наблюдаемое историческое изменение типов преступного поведения, увеличение интенсивности криминальной активности, похоже, сопровождалось естественными изменениями типов жертв преступлений (от богатого прохожего — к члену семьи, статусно-ролевой жертве и, наконец, — к деперсонифицированному члену ненавидимого общества).

Героизм, ритуальная жертвенность, обыденная и патологическая виктимность переплетаются и взаимодействуют точно так же, как и иные интра- и экстравертированные типы отклоняющегося поведения [538], завися во многом от изменения культуры общества, от изменения типовых форм преступного поведения в процессе социально-детерминированных смен форм групповой морали и нормосознания.

Указанное обстоятельство подтверждает существование гомеостатических связей между преступностью и виктимностью, нормативно распределяющихся в социуме и «перетекающих» друг в друга, перераспределяя формы и виды отклоняющегося поведения в зависимости от процессуального состояния общества [539].

5.3.2. Преступность, виктимность, общество

По нашему мнению, *преступность и виктимность выступают своеобразными формами адаптации процесса девиантности к процессу изменений социальной структуры*. Вновь складывающиеся и законодательно, да и нравственно не подкрепленные общественные отношения и формы собственности порождают новую структуру преступности [540] и процессуально связанной с ней виктимности.

Так, изменения современного мироустройства в процессе очередного передела собственности в общепланетном масштабе волей-неволей сопровождаются структурным изменением преступности и темпов ее роста, увеличением стихийной виктимизации, уменьшением чувства общинной солидарности и зависимости в процессе урбанизации. Указанные изменения приводят, соответственно, к увеличению страха перед преступностью и общественным стремлениям к повышению собственной безопасности, защищенности наций, общины, индивида от любых видов угроз. [541]

Например, в 90-е годы в Украине динамика изменений социальной и политической ситуации, связанная с системным экономическим и политическим кризисами и переходом общества на новые

условия существования, как уже показывалось ранее, повлекла за собой переориентацию мотивации насильственных преступлений из ситуативно-бытовой к утилитарно-корыстной. Определенная стабилизация отношений, напротив, вызвала к жизни бытовизацию криминального насилия.

До тех же пор, пока передел собственности и социального статуса между различными социальными группами не закончится и не будет закреплён в новом законодательстве и общественном сознании, преступность и виктимность будут служить одной из массовых форм неинституционализированного протеста против существующих общественных отношений и реакцией на эти отношения.

Вряд ли, думается, и изоляционистское сохранение, и воспроизводство ранее существовавших отношений, авторитаризм и тоталитаризм, обособленность развития культур и нации позволят долгое время сохранять устоявшиеся тенденции взаимодействия преступности и виктимности. Логика государственного устройства, основанная на постоянном, увеличивающемся насилии, как показывает опыт истории, неизбежно раскручивает спираль агрессивности, порождая новые, более опасные виды преступлений и загоняя общество в тупик, требуя снизить давление на криминальность.

Указанная закономерность взаимодействия преступности и виктимности как массовых форм проявления девиантности была еще в начале века прозорливо отмечена Э. Ферри, сформулировавшим «закон насыщения общества преступностью».

По мнению Э. Ферри, в обществе наблюдаются определенные пропорциональные взаимосвязи между численностью населения, живущего в определенной социальной среде и в определенной культуре, и количеством преступлений.

В развитие этой идеи впоследствии было установлено, что при превышении «порога насыщения общества преступностью» общество распадается, будучи вынужденным естественным (посредством декриминализации) или искусственным (посредством аномии и массового виктимного поведения) путями декриминализировать существующие общественные отношения.

Наоборот, при понижении уровня преступности ниже порога социокультурных предписаний — растет потребность общества в ужесточении уголовной политики, в увеличении количества уголовно-правовых запретов. *«Жизнь предписывает борьбу, и эта борьба совершается как посредством честной или экономической деятельности,*

так и посредством деятельности бесчестной и преступной. С другой стороны, в социальном организме, как и во всяком другом, происходят неизбежные трения; и глупо принимать за порядок глубокую апатию и инертность слабого, рабского народа... Общественный порядок не может уничтожить всех трений и толчков в коллективном организме. Вся суть, чтобы свести все более или менее преступные толчки к минимуму», — писал Э. Ферри в своей монографии «Уголовная социология».[542]

Указанное обстоятельство еще раз подчеркивает выявленную нами во взаимодействии преступности и виктимности определенную упорядоченность, взаимопереход и взаимозависимость как от самих себя, так и от существующих устоявшихся и развивающихся новых общественных отношений. Указанное свойство взаимоопределения и взаимоперехода преступности и виктимности определяется описанными в теории синергетики законами и закономерностями самоорганизации общественного организма.

Дисгармоничность и непредсказуемость взаимодействия преступности и виктимности на индивидуальном уровне сопровождаются относительно устойчивыми, упорядоченными связями и взаимодействиями на уровне социальном, носящими как правило гомеостатический характер. Изменение общественных отношений, влекущее за собой хаотичное структурное и динамическое изменение форм и взаимосвязей девиантности, порождает новые закономерности, новые типичные взаимосвязи для нового развивающегося порядка общественных отношений.

Изучение закономерностей развития и взаимодействия виктимизации и преступности и их компаративистский анализ свидетельствуют, что в периоды стабильного, упорядоченного развития общественных отношений виктимность и преступность находятся в прямой корреляционной зависимости: страх перед преступностью, ощущения собственной безопасности и благополучия соответствуют заданным обществом моделям и характеристикам уголовной статистики.

Вместе с тем периоды социальных новаций и перемен, сопровождающиеся хаотическим развитием общественных отношений, убыстрением социальной дифференциации, социальной мобильности, понижением порога индивидуальной и общественной безопасности, приводят к наличию иных зависимостей: страх перед преступностью и виктимизация, ощущаемая населением, не совпадают, а порой даже

обратно коррелируют с регистрируемым разваливающейся и изменяющейся системой уголовной юстиции уровнем преступности, что, естественно, отражается как на состоянии общественной безопасности, так и на уголовной политике данного общества.

Как правильно указала В. В. Василькова, *«процесс социального упорядочения разворачивается по законам циклического чередования структур (режимов) рождения порядка и сохранения порядка, что проявляется как периодическая смена относительного преобладания рыночных и этатистско-тоталитарных тенденций, демократизма и авторитаризма, либерализма и консерватизма, традиционного коллективизма и индивидуализма и т.д.»* [543]

Высказанное вновь приводит нас к выводу, звучавшему еще в первом разделе нашей работы: *с учетом реалий развития взаимосвязей преступности и виктимности, в демократических государствах современная политика должна быть сориентирована на потенциального потерпевшего и его защиту.*

Наблюдающиеся в последнее время в развитых странах тенденции расширения систем тотального электронного контроля в целях обеспечения национальной безопасности, усиления полицейского контроля, определенного ограничения прав и свобод граждан для нейтрализации чувства страха перед преступностью [544] во многом отражают нелинейность процесса общественного развития, связанного со стимуляцией упорядоченности массового сознания, гармонизацией общественной морали и поведения потенциальных жертв преступлений в противовес энтропийным тенденциям криминалитета.

Жертва преступления, научные основы обращения с нею становятся необходимым элементом развития современной концепции уголовной и профилактической политики, профилактики преступности и иных форм отклоняющегося поведения.

Вряд ли можно предсказать, каким образом будет осуществляться развитие отношений в будущем. Полностью бесконфликтное, гармонично развивающееся общество — более утопия, чем реальность. Тем не менее рассмотрение проблем динамики виктимизации подтверждает сделанный Питиримом Сорокиным вывод о роли гармоничного, упорядоченного общества в профилактике девиаций.

«Уничтожение конфликтов, — писал он, — вовсе еще не означает уничтожения самого процесса развития и поступательного хода, а оно означает только то, что социальный процесс, будучи раньше конфликт-

ным, перестал быть таковым и стал гармоничным (Подвижное и гармоничное равновесие)».[545]

Сегодня мы знаем, что процесс развития общества непрерывен и неравновесен. Вместе с тем гармонизация взаимоотношений органов социального контроля с потерпевшими от преступлений открывает определенные перспективы ограничения криминальности.

В этой связи представляется важным рассмотреть еще одну проблему — проблему организации обращения с потерпевшими от преступлений, проблему политического и правового обеспечения соблюдения и охраны законных прав и свобод жертв преступлений.

Раздел 6

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБРАЩЕНИЯ С ЖЕРТВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА

— А вы можете исчезать и появляться не так внезапно? А то у меня голова идет кругом! На этот раз он исчез очень медленно. Первым исчез кончик хвоста, а последней — улыбка, она еще долго парила в воздухе, когда все остальное уже пропало.

Л. Кэррол

6.1. ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

6.1.1. *Общая характеристика виктимологической политики в современных условиях*

Выявленные выше закономерности функционирования и взаимодействия преступности и виктимности приводят нас к необходимости признания того, что сегодня мы сталкиваемся с проблемой создания в обществе своеобразного направления — *виктимологической политики, призванной посредством защиты жертв преступлений, организации справедливого обращения с ними снизить конфликтность и тем самым содействовать ограничению преступности и девиантности в обществе.*

Несмотря на то, что в современной литературе сформировалась точка зрения, согласно которой виктимологическое направление, — есть лишь часть деятельности по определению стратегии и тактики предупреждения преступности и уголовно-правовой защиты граждан [546], представляется, что по содержанию, предмету регулирования, субъектному составу виктимологическая политика несколько шире научно обоснованной стратегии и тактики предупреждения преступности и регулирования уголовно-правовых отношений, реализующейся в современной уголовной политике. [547]

По нашему мнению, виктимологическая политика — это *деятельность по созданию адекватной правовой базы, правоприменительной*

практики, правовой идеологии и их ресурсного обеспечения, направленная на ограничение виктимизации граждан, снижение конфликтности и девиантности в обществе и интеграцию потенциальных потерпевших от преступлений и актов злоупотребления властью в нормальную жизнь.

По сути дела, сегодня она является ядром современной правовой политики в гражданском обществе описывающим тенденции, перспективы, стратегические направления организации обращения с потерпевшими от преступлений и жертвами злоупотребления властью и пути ограничения виктимизации граждан.

Рамки этой работы не позволяют в полном объеме осветить данную проблему, заслуживающую отдельного, многостороннего исследования. В этой связи остановимся только на описании основных принципов такой деятельности, развитие которых в границах совершенствования:

- международного права (отработка вопросов организации международно-правовой защиты жертв преступлений, создание механизмов реституции и компенсации потерпевшим от преступлений);

- конституционного права (создание модельных законов по правам жертв преступлений и злоупотребления властью);

- административного права (согласование системы управления и обращения с жертвами преступлений, развитие моделей виктимологического мониторинга, организация системы виктимологической профилактики);

- уголовного и уголовно-исполнительного права (решение вопроса о месте и роли потерпевшего в механизме преступного поведения, его уголовно-правовом значении, проблемы жертвы преступления и посткриминального поведения, роль жертвы и ее поведения в процессе назначения и исполнения наказания, ресоциализации преступников и пр.);

- уголовно-процессуального права (изменение положения потерпевшего в уголовном процессе, обеспечение процессуальных гарантий соблюдения прав человека),

- а равно других, не менее важных отраслей права, обеспечит постепенное снижение конфликтности, неадаптивного поведения и, естественно, преступности.

Не менее важными являются и:

- организация системы исполнения законодательства, направленного на обеспечение прав жертв преступлений и организацию справедливого обращения с ними;

организация виктимологической идеологии, направленной на переориентацию общества с проблем преступника на проблемы жертв преступлений как на уровне простых граждан, так и сотрудников правоохранительных органов;

организация системы ресурсного обеспечения деятельности по обращению с жертвами преступлений и жертвами злоупотребления властью;

укрепление взаимодействия между гражданами и системой уголовной юстиции.

Указанные направления требуют обстоятельной научной проработки, что не представляется возможным сделать в рамках настоящей работы, цель которой — осветить основные, фундаментальные проблемы, требующие дальнейшего научного анализа, а также предложить некоторые пути их решения.

Хотелось бы просто верить, что когда-нибудь и у нас в стране настанет день, когда руководитель силового подразделения на вопрос журналистов об актуальных задачах вверенной ему структуры сосредоточится не на «борьбе» с преступностью, а на защите и охране прав и законных интересов граждан.

Такая профессиональная идеология вырабатывается годами, но именно в этом ключе на сегодняшний день построено большинство международно-правовых документов, регламентирующих современные принципы виктимологической политики и организации обращения с жертвами преступлений.

Так, известно, что «Международный пакт о гражданских и политических правах»[548] в развитие идей Всеобщей декларации прав человека обстоятельно определил международные стандарты в области обеспечения прав жертв преступлений и жертв злоупотребления властью, а также гарантии их соблюдения, связанные с императивностью обеспечения прав и свобод любому лицу через эффективные средства правовой защиты.

Принятая ООН с целью оказания помощи правительствам и международному сообществу в их усилиях, направленных на обеспечение справедливости и представления доступа к правосудию жертв преступлений «Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью»[549], как было уже показано выше, послужила основным инструментом обеспечения международно-правовых стандартов в этой области.

Среди них особо важное значение имеют такие отправные положения как:

- справедливое обращение с жертвой преступления;
- обеспечение жертве преступления доступа к механизмам правовой и административной защиты;
- защита от запугивания и мести;
- обеспечение права на представление необходимой информации;
- использование неофициальных механизмов;
- обеспечение права на реституцию, компенсацию и социальную помощь.

Наиболее значимым является принцип справедливого обращения с жертвой преступления, так как обеспечение справедливости является центральной проблемой осуществления правосудия в современном гражданском обществе.

Нельзя не сказать, что развивая положения Декларации органы ООН неоднократно обращались к проблеме обеспечения справедливости в отношении жертв преступлений. Так, Экономический и Социальный Совет ООН на 13-м пленарном заседании 24 мая 1990 г. принял резолюцию 1990/22 под названием «Жертвы преступлений и злоупотребления властью».[550]

В этом документе речь шла о целесообразности развития региональных и международных мер, в особенности когда идет речь о жертвах транснациональных преступлений. Совет, обращаясь к ООН, рекомендовал ей поддерживать программы технического сотрудничества в целях создания специальных служб помощи жертвам, оказывать правительствам по их просьбе непосредственную помощь в области облегчения участи данной категории лиц, продолжать разрабатывать международные средства правовой защиты жертв преступлений, когда национальных каналов может быть недостаточно.

Через десять лет указанная работа была в основном завершена, получив свое наиболее последовательное отражение в резолюциях и рекомендациях X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Вена, 2000), отметившего не только значимость укрепления международных стандартов в области обращения с жертвами преступлений, но и создания эффективных международных механизмов защиты жертв преступлений (в особенности, транснациональной преступности).

Значительную деятельность в области правосудия осуществляет Совет Европы, в рамках которого принято более 140 конвенций, ре-

гламентирующих проблемы защиты прав человека и прямое или косвенное ограничение виктимизации граждан [551].

С виктимологической точки зрения наиболее значимыми в этой области являются: Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., Европейская конвенция о компенсации жертвам насильственных преступлений от 24 ноября 1983 г., Рекомендации относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и уголовного процесса от 28 июня 1985 г., и Рекомендации об оказании помощи жертвам и предупреждении виктимизации от 17 сентября 1987 г.

В рамках рассматриваемых нами вопросов особо следует выделить принятые Комитетом министров СЕ в 1985 году Рекомендации относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и уголовного процесса.

Идеология указанного документа сводится к обеспечению укрепления доверия жертвы преступления к правосудию и склонение ее к сотрудничеству с правоохранительными органами.

Учитывая, что цели системы уголовного правосудия традиционно формулировались с точки зрения норм, касающихся отношений между государством и правонарушителем, сама современная система уголовной юстиции содействует только ухудшению проблем потерпевшего.

В этой связи было высказано мнение о необходимости обращать больше внимания на причиненный потерпевшему физический, психологический, материальный и социальный ущерб и рассмотреть меры, которые целесообразно принять в связи с этим для удовлетворения его потребностей на всех этапах уголовного процесса.

Данные меры должны содействовать достижению целей уголовного права и судопроизводства и, в конечном итоге, примирению между потерпевшим и правонарушителем.

Рассматриваемый документ послужил основой для выработки руководящих принципов, которые рекомендованы правительствам государств для пересмотра национального законодательства и практики обращения с потерпевшими от преступлений и жертвами злоупотребления властью.

Среди них выделяются следующие:

- повышение профессионального уровня полиции, позволяющего обращаться с потерпевшими сочувственно, конструктивно и ободряюще;

– информирование полицией потерпевшего о возможностях получения содействия, практической и правовой помощи, компенсации со стороны правонарушителей и государства, а также о результатах полицейского расследования;

– осуществление производства допроса потерпевшего с учетом его личного положения, уважения его прав и достоинства;

– освобождение правонарушителя от уголовной ответственности только после решения вопроса о компенсации потерпевшему;

– информирование судом потерпевшего о дате и месте проведения разбирательства, возможностях получения возмещения и компенсации в ходе уголовного процесса, правовой помощи и способах, с помощью которых он может узнать об итогах рассмотрения дела;

– закрепление в национальном законодательстве положения, согласно которому компенсация может устанавливаться либо в виде уголовной санкции, либо в виде меры ее заменяющей, или может назначаться в добавление к уголовной санкции;

– повышение уровня защиты потерпевшего от разглашения любых фактов, которые могут неоправданно затронуть частую жизнь или оскорбить достоинство потерпевшего (за счет закрытого судебного заседания, неразглашения личной информации и т.п.);

– обеспечение эффективной защитой потерпевших от запугиваний и возможной мести со стороны преступника (особенно по делам организованной преступности).

Как видим логика виктимологического законодательства в странах Запада и международном праве идет по пути формирования общих принципиальных положений, касающихся организации обращения с жертвами преступлений с их последующей конкретизацией в нормах-принципах, регламентирующих отдельные стороны взаимодействия жертв преступлений с системой уголовного юстиции и конкретные механизмы реализации таких прав.[552]

Нет нужды говорить, что по этот путь должна пройти и Украина.

6.1.2. Принципы законодательства об обращении с жертвами преступлений

На наш взгляд, принципиально важным на сегодняшний день является признание следующих отправных *конституционных* положений при создании системы обращения с жертвами преступлений.

Ответственность. Ответственность за организацию обращения с преступником возлагается на государство, а не на жертву преступления. Государство несет юридическую и моральную ответственность за ущерб, причиненный жертвам преступлений, на его территории.

Право быть информированным. Все жертвы имеют право на получение четкой информации о развитии их дела и принимаемых решениях. В процессе расследования жертвы должны иметь право знакомиться с материалами дела и высказывать свои соображения о финансовых, эмоциональных и физических травмах, полученных ними, и любых страхах, прямым или косвенным образом связанных с преступлением. Указанные соображения должны приниматься во внимание при принятии решений по делу, включая привлечение виновного к ответственности, его осуждение и назначение адекватного наказания. После осуждения жертвы должны иметь право быть информированными о любых планах, касающихся правонарушителя, и иметь возможность высказать свои соображения по этому поводу. Службы, исполняющие наказание, должны принимать такие соображения во внимание при принятии соответствующих решений.

Защита. Жертвы, испытывающие страх перед местью со стороны преступников, их родственников и знакомых, должны иметь право на адекватную защиту, включая наложение дополнительных правоограничений на преступников (запреты контактов с жертвой, установление ответственности за нарушение принципов защиты и обеспечения безопасности жертвы). Организация безопасности жертвы должна включать право на изменение фамилии, места жительства, физическую охрану, право на обеспечение безопасности в суде при даче показаний.

Компенсация. Жертвы преступлений должны иметь конституционное право получения компенсации за причиненные преступлением физические и психические травмы, эмоциональный ущерб, потерю дохода, компенсацию лечения, не компенсируемые системой социальной помощи, принятой в государстве. Жертвам должна быть предоставлена возможность получить компенсацию от правонарушителя в процессе судебного разбирательства. В случае рассрочки получения компенсации от правонарушителя судебные органы должны напрямую возместить ущерб жертве, взыскав его впоследствии с правонарушителя. Лица, иждивенцы жертв насильственных преступлений имеют право на компенсацию за потерю кормильца и специальную компенсацию, размер которой зависит от статусно-

го положения жертвы (государственные служащие, работники, занятые на опасных производствах, и пр.). Правила о компенсации в первую очередь распространяются на жертв насильственных преступлений и лиц, чье имущественное положение и социальный статус (проживание за «чертой бедности») не позволяют возместить самостоятельно ущерб, причиненный преступлениями имущественного характера.

Поддержка. Работники системы уголовной юстиции должны проходить специальное обучение, направленное на организацию обращения с жертвами преступлений. Жертвы должны быть в первую очередь проинформированными о всех судебных и административных процедурах, касающихся их, а также иметь возможность получить консультацию о их правах на всех стадиях административной и судебной процедуры. Правовая помощь и защита должны, по возможности, быть в первую очередь предоставлены жертвам преступлений. Жертвы должны иметь доступы к специальным системам поддержки, а также иметь специальные гарантии соблюдения их прав и интересов. [553]

6.1.3. Виктимологическая политика и виктимологическая профилактика преступлений

Указанные направления должны осуществляться также в процессе выявления, устранения или нейтрализации факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение и обуславливающих совершение преступлений, выявления групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности и воздействия на них в целях восстановления или активизации их защитных свойств, а также разработки или совершенствования уже имеющихся специальных средств защиты граждан от преступлений и последующей виктимизации (виктимологической профилактики преступлений). [554]

С точки зрения большинства специалистов, содержание виктимологической профилактики преступлений включает в себя деятельность, направленную на *«выявление, устранение или нейтрализацию факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение и обуславливающих совершение преступлений, выявление групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности и воздействие на них в целях восстановления или активизации их защитных свойств, а также разработка или совершенствование уже имеющихся*

специальных средств защиты граждан от преступлений и последующей виктимизации».[555]

Указанная деятельность, основываясь на исследованиях и анализе потенциальных криминогенных ситуаций и возможностей совершить преступление в отношении конкретных групп потерпевших посредством расчета индексов возможности совершить преступление и индексов мотивации преступлений по методикам ООН, в основном реализуется в формах:

ситуативной профилактики (устранение объекта преступного посягательства, затруднение доступа к нему посредством архитектурного планирования и применения средств активной и пассивной безопасности, изменение мотивационной ценности объекта преступного посягательства и пр.);

общинной профилактики (создание гармоничных отношений внутри общины; компетентность обращения с потенциальными жертвами; кооперация населения и органов уголовной юстиции, создание систем медиации, направленных на неконфликтное разрешение критических ситуаций, организацию благоприятных и гармоничных условий жизнедеятельности общины, снижающих социальную напряженность и готовность к совершению преступлений);

индивидуальной виктимологической профилактики (через обеспечение личной безопасности и проведение компаний по научению потенциальных потерпевших способам нейтрализации конфликтов, принятие специальных мер для потерпевших с повышенной виктимностью).

По сути дела, современная виктимологическая профилактика служит целям организации обеспечения безопасности граждан от реальных либо потенциальных преступных посягательств.

Вместе с тем, как было показано выше, виктимность и преступность связаны друг с другом сложной системой гомеостатических отношений на различных уровнях социального бытия. В этой связи, по нашему мнению, программы виктимологической профилактики преступлений, помимо решения стандартных вопросов организации сокращения виктимности, должны помочь жертвам в обхождении с эмоциональной травмой, участии в уголовном процессе, получении возмещения и решении иных проблем, связанных с виктимизацией.

По сути дела, речь идет о *переориентации виктимологической профилактики от имеющих узкоутилитарную направленность программ*

ограничения виктимности к комплексным государственным программам обращения с жертвами преступлений.

Такие программы должны быть хорошо организованы, с четко определенными целями, снабжены необходимым персоналом (на оплачиваемой и неоплачиваемой основе) и обеспечены поддержкой государственных агентств.

Мировой опыт свидетельствует, что такие программы должны иметь возможность обеспечения современной системы помощи жертвам или, если они в состоянии предоставить только ограниченные услуги, — то эти программы должны быть скоординированы с программами иных служб с целью обеспечения продолжительности поддержки в среде жертв преступлений.

К основным направлениям их деятельности относятся:

- вторжение в кризисные ситуации посредством обеспечения безопасности для жертв, создание возможности выплеснуть эмоции, организации эмоциональной поддержки в процессе консультирования и первой встречи жертвы с представителями социальных агентств и правоохранительных органов (это основа основ современной концепции обращения с жертвами преступлений. Как правило такая деятельность включает в себя: проведение комплекса мероприятий по организации физической и психологической безопасности жертвы [556]; обеспечение конфиденциальности взаимоотношений жертвы с представителями правоохранительных органов и социальных служб; следование потребностям жертвы в процессе первичного контакта; оказание первичной психологической помощи через процесс замещения, дискуссии, признания того, что она все еще член общества и совершение преступления в отношении ее не переводит ее в разряд неприкасаемых, дачи разрядки выражению мыслей, эмоций и чувств; оказании помощи и поддержки в понимании того, что ужас и страх перед преступлением нормальны и стыд не означает, что жертва — нездоровая персона; оказание помощи в подготовке к тому, с какими последствиями преступления еще предстоит столкнуться; описание и научение навыкам восстановления контроля над ситуацией; «вымывание» стресса; понижение кризиса посредством немедленного обеспечения личной безопасности; восстановление потребности жить и приносить счастье);

- немедленное оказание прямой помощи (включая скорую медицинскую помощь, предоставление временного убежища, еды, возмещение собственности, помощь детям, уборка места совершения преступления, транспортные услуги, смена замков);

— информационная поддержка касательно прав жертвы на всех стадиях общения с представителями государственных агентств и организаций;

— консультирование (включая эмоциональную поддержку в процессе индивидуального и группового консультирования, длящегося консультирования и психологической помощи; прямое направление в убежище, помощь в замене вещей, перемене места жительства; обеспечение жертвы информацией о том, как предупредить дальнейшую виктимизацию, к кому обращаться за помощью для консультирования, включая уполномоченных по правам человека);

— адвокатская деятельность (обеспечение юридической помощи и представительства законных прав и интересов жертвы при получении страховки, компенсации, вовлечении госслужб в восстановление собственности, помощи в получении убежища, помощи в уголовном процессе);

— оказание помощи в процессе расследования уголовного дела и судебного разбирательства, а также иных контактов с системой уголовной юстиции (информация о правах; персональная поддержка в процессе слушаний; обеспечение скорейшего возвращения собственности, реституции; поддержка в процессе апеллирования, обеспечение исполнения решения);

— обучение привлеченных профессионалов со специальным уклоном на права жертвы (психологическая подготовка, включающая снятие стрессов, недопущение физического, психического, эмоционального безразличия по отношению к правам жертвы; недопущение переноса виктимизации на себя, приводящего к неверию в идеалы и систему уголовной юстиции; снятие посттравматических стрессов от видения от виктимизации жертвы);

— предупреждение виктимизации (предупреждение первичной и вторичной виктимизации, работа с рецидивными жертвами, скоординированность программ ограничения виктимизации с программами и планами предупреждения преступности, проведение общественных компаний по интеграции потерпевших и органов уголовной юстиции, создание специальных координационных органов по виктимологической профилактике).[557]

Перечисленные виды деятельности в основном осуществляют подготовленными профессионалами, стремящимися последовательно добиться как общего снижения страха перед преступностью у населения так и ограничить виктимизацию посредством адресно-

го вмешательства в жизнедеятельность определенных типов жертв. Работа эта достаточно сложная и требует высокого уровня подготовки. Вместе с тем, потребность в такой системе реально имеется и упускать возможности по виктимологической подготовке кадров нельзя.

Так, автор этой работы на протяжении 3 лет для студентов судебно-прокурорского факультета Одесской национальной юридической академии читал спецкурс посвященный основам виктимологии и виктимологической профилактики преступлений. Практика показала, что будущие юристы с огромным интересом относятся к изучению материалов, связанных с посттравматическим консультированием, оказанием жертвы эмоциональной и психологической поддержки. Нет нужды говорить, что обучение правовым и социальным аспектам виктимологии, методикам посттравматического консультирования, снятия стрессов, отработке навыков поддерживающих социальных связей, навыков медиации крайне важно при формировании молодых юристов и должно развиваться и далее. Мы не можем воспитывать квалифицированных юристов, не внушая им с самого начала, что с жертвой надо обращаться как с человеком, а не как с возможным источником доказательств!

Вместе с тем, решение комплекса указанных задач невозможно без последовательной проработки вопросов ресурсного и законодательного обеспечения виктимологической политики, разработки нормативных стандартов обращения с жертвами преступлений.

6.2. КОМПЕНСАЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ СПРАВЕДЛИВОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖЕРТВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

6.2.1. Правовые основы организации компенсации жертвам преступлений

Одной из первых проблем, подлежащих разрешению на этапе формирования адекватной виктимологической политики, является проблема правового обеспечения справедливой и своевременной компенсации причиненного ущерба жертвам преступлений.

Согласно положениям Декларации Основных принципов правосудия для жертв преступлений и жертв злоупотребления властью, для реализации своих обязательств перед жертвами государства

должны содействовать созданию, укреплению и расширению национальных фондов. Если же они не в состоянии возместить ущерб причиненный ей ущерб, то допускается создание других фондов (формируемых по общинному и региональному принципам).

В тех случаях, когда компенсацию невозможно получить в полном объеме от правонарушителя или из других источников, государствам следует принимать меры к предоставлению финансовой компенсации следующим категориям жертв преступлений:

а) лицам, которые в результате тяжких преступлений получили значительные телесные повреждения или существенным образом подорвали свое физическое или психическое здоровье;

б) семьям: в частности иждивенцам лиц, которые умерли или стали недееспособными в результате виктимизации.

Изложенные положения Декларации исходят из необходимости избирательного подхода в определении оснований для компенсационных выплат жертвам преступлений с учетом финансовых возможностей стран и акцентируют особое внимание на преступлениях против личности.

Нет нужды говорить о том, что проблема обеспечения компенсации потерпевшим от преступлений получила определенное разрешение и в действующем законодательстве Украины. Так, в соответствии со ст.ст. 28–29, 50 Уголовно-процессуального кодекса Украины гражданин, понесший материальный (а также моральный) ущерб от преступления, вправе при производстве по уголовному делу предъявить к обвиняемому или к лицам, несущим материальную ответственность за действия обвиняемого, гражданский иск, который рассматривается судом вместе с уголовным делом. В этом случае, одновременно с признанием потерпевшим, такой гражданин должен быть признан гражданским истцом и иметь дополнительные права: просить орган дознания, следователя и суд принять меры к обеспечению заявленного им иска (например, наложить арест на денежные вклады обвиняемого) и поддерживать гражданский иск с целью получения скорейшей компенсации.

Однако работа по обеспечению возмещения ущерба и получению потерпевшими от преступлений скорейшей компенсации проводится, как правило, некачественно и с опозданием. Указанное обстоятельство во многом можно объяснить чрезмерной загруженностью украинских органов следствия в связи с обвальным увеличением преступности в стране, но потерпевшим от этого не легче.

Зачастую потерпевшим возмещают ущерб, причиненный им преступлением, годами. И это в случае, если преступник установлен и осужден. Если же преступление не раскрыто и преступник не установлен, — права потерпевшего на скорейшую компенсацию остаются практически нереализованными.

Указанные обстоятельства и недостатки отчасти нашли свое разрешение при разработке проекта нового Уголовно-процессуального кодекса Украины. Так, в частности, предлагается наделить потерпевшего и преступника равными процессуальными правами и обязанностями посредством введения в Уголовно-процессуальный кодекс специальной главы о потерпевших от преступлений. В одном из проектов Уголовного Кодекса Украины, поданном на рассмотрение Верховной Рады, шла речь о введении уголовно-правовой реституции как вида наказания, состоящего в принудительном и обязательном восстановлении осужденным нарушенных прав потерпевшего, а также в возмещении причиненного материального и морального ущерба. При этом вопрос о применении уголовно-правовой реституции подлежит обязательному разрешению судом по каждому уголовному делу; неиспользование этого вида наказания в каждом случае должно быть мотивированным в приговоре с уведомлением об этом потерпевшего.

Принятый Верховной Радой 05.04.2001 г. новый Уголовный Кодекс (далее УК 2001 г.) существенным образом расширил возможности применения поощрительных норм в уголовном праве. [558] В частности, предусмотрена возможность освобождения виновного от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст.45), при этом значительное количество норм Особенной части УК 2001 г. имеют специальную отсылку на необходимость применения института деятельного раскаяния (например, ст.ст. 111, 212, 263, 307, 311, 369 УК 2001 г.). Указанные обстоятельства подчеркивают роль криминально-правового компромисса как формы социального контроля и позитивной ответственности.

Несомненно прогрессивным является введение нормы, связанной с возможностью освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением потерпевшего с виновным. Так, согласно положениям ст. 46 УК 2001 г., лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести, освобождается от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и возместило нанесенный им ущерб или устранило причиненный вред. Учитывая, что около 35 %

составов Особенной части УК 2001 г. может быть отнесено к преступлениям небольшой тяжести, следует отметить важность и значимость применения указанного института в соответствии с принципами социальной справедливости и экономии уголовной репрессии.

Вместе с тем указанные и другие новеллы могут быть внедрены в действующее законодательство не просто после окончания переходного периода. Периода, в течение которого, в соответствии с Конституцией Украины, должно было быть обеспечено приведение действующего законодательства в соответствии с новеллами Конституции [559]. Принятие Верховной Радой Украины в июне 2001 г. пакета законов, посвященных малой судебной реформе, в основном сняло существующую напряженность в реализации указанных положений Конституции. Вместе с тем, лишь практика применения закона, его последовательная, четкая реализация, интериоризация закона в среде профессиональных правоприменителей может свидетельствовать о том, насколько эффективным и действенным будет созданный механизм социального контроля. К сожалению, в обыденной жизни, мы порой видим иное.

И если определенная доля правонарушителей и преступников генерируется из среды потерпевших от преступлений, то пришла пора говорить об определенной коррекции приоритетов в деятельности по профилактике преступлений. По нашему мнению, концепция социального воздаяния (чаще всего реализующаяся в негативной реакции общества на совершенное преступление) должна быть дополнена концепцией социального партнерства. Известно, что основные мировые стратегии профилактики преступности (общесоциальная профилактика, ситуационное предупреждение, общинная профилактика) неэффективны без широкого привлечения населения к их реализации.

В этой связи в комплексе нормативных актов превентивного характера Украины должны приниматься законы, направленные на интеграцию потенциальных и существующих потерпевших в нормальную жизнь, обеспечение им соответствующих компенсационных выплат в соответствии с нормами и принципами международного права.

Однако вопросы организации предоставления компенсации жертвам и непосредственный механизм предоставления подобной компенсации подробно рассмотрены только в отношении жертв злоупотребления властью в имеющем специфическую направленность

Законе Украины «О реабилитации жертв политических репрессий в Украине» от 17 апреля 1992 года [560] и в Законе Украины «О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» от 1 декабря 1994 года.

В соответствии с последним Законом за счет государственного бюджета производится возмещение ущерба, причиненного гражданину вследствие незаконного осуждения, незаконного взятия и содержания под стражей, незаконного проведения в ходе рассмотрения уголовного дела обыска, выемки, незаконного наложения ареста на имущество, незаконного отстранения от работы и других незаконных злоупотреблений властью.

В приведенных случаях злоупотребления властью гражданину соответствующими органами или судом возмещаются: заработок и другие денежные доходы, которых он лишился; незаконно конфискованное или арестованное имущество; незаконно наложенные штрафы и другие расходы, незаконно понесенные гражданином, а также его расходы в связи с оказанием юридической помощи; моральный ущерб как страдания, причиненные гражданину вследствие физического или психического воздействия, что привело к отрицательным последствиям морального характера.

Ряд положений компенсационного характера содержится также в законодательстве о туризме и социальном обеспечении.

Что же касается организации компенсационной поддержки иных потерпевших от преступлений и приведения ее в соответствие с международно-правовыми стандартами, то достаточно сложное экономическое положение Украины не позволяет пока внедрять в жизнь подобные нормы. Между тем, по оценкам специалистов, экономическая выгода от внедрения таких норм в жизнь превышает затраты по их реализации.[561]

В принципе роль государственной компенсации в обеспечении жертв преступлений медицинской и иной социальной помощью, как правило, сводится к типичным для правовых систем стран Восточной Европы нормам законодательства о социальном обеспечении и напрямую не связывается с негативными последствиями преступности и подлежащей коррекции виктимизации населения.

6.2.2. Сравнительный анализ законодательства о компенсации жертвам преступлений

Интеграция Украины в Европейское сообщество предполагает разработку и внедрение компенсационных схем поддержки жертв преступлений на более высоком уровне. Указанное обстоятельство вытекает из положений Европейской конвенции по компенсации жертвам насильственных преступлений, открытой для подписания 24 ноября 1983 года и ратифицированной в 1988 году. Как уже говорилось, согласно положениям этой Конвенции, для членов Совета был рекомендован минимальный стандартный уровень обеспечения государством процесса компенсации потерпевшим от преступления. [562] Естественно, что при этом нельзя обойтись и без анализа существующей мировой практики в данной области.

Компаративный анализ национальных программ компенсации жертвам преступлений на международном уровне был проделан Отделом жертв преступлений Министерства юстиции США в 1996 году с целью идентификации программных параметров во всем мире и унификации международно-правовых стандартов в этой области. [563] В этой связи рассмотрим некоторые схемы и механизмы компенсации жертвам преступлений, применяющиеся в мировой практике. Учитывая ограниченность объема работы, мы остановимся только на описании общих характеристик лиц, имеющих право на компенсацию, структуры компенсируемого ущерба и источников финансирования программ компенсации.

Австрия. Австрия имеет программу компенсации жертвам преступлений, обеспечивающую финансовую компенсацию жертвам преступлений против личности в случае причинения серьезных повреждений. На компенсацию имеют право: жертвы преступлений, которым причинены серьезные повреждения (аналог телесных повреждений средней тяжести и иных более тяжких насильственных преступлений), родственники жертв убийств, иностранные граждане. Компенсация включает: медицинские расходы, расходы на похороны, потери в заработке во время лечения, помощь семье жертвы, общую социальную помощь иностранцам. Финансирование программы осуществляется за счет штрафов, взимаемых с осужденных преступников, и иных источников.

Бельгия. Бельгия имеет программу компенсации жертвам преступлений, обеспечивающую финансовую компенсацию жертвам

преступлений против личности в случае причинения телесных повреждений средней тяжести и выше. На компенсацию имеют право: жертвы преступлений, которым причинены криминальные телесные повреждения средней тяжести и выше, за исключением жертв убийств, имущественных и автотранспортных преступлений. Компенсация покрывает расходы на лечение, потери в заработной плате, инвалидность. Финансирование программы осуществляется за счет штрафов, взимаемых с осужденных преступников и иных источников.

Великобритания. Великобритания имеет программу компенсации жертвам насильственных преступлений и преступлений против личности. Компенсация выплачивается жертвам преступлений, иждивенцам жертв убийств, иностранным гражданам. Компенсации подлежат: медицинские расходы, расходы по психиатрической реабилитации, потери в заработной плате для инвалидов, потери иждивенцев жертв убийств, расходы на похороны, перевозку, реабилитацию инвалидов, расходы на психологическую реабилитацию, расходы в связи с потерей родителей и другие. Программа финансируется за счет средств налогоплательщиков.

Германия. Германия имеет программу компенсации жертвам насильственных преступлений и преступлений против личности. На компенсацию имеют право жертвы насильственных преступлений, лица, находящиеся в имущественной зависимости от жертв убийств, иностранцы в случае, если преступление было совершено после 30 июня 1990 года и жертва оставалась в Германии более трех лет, граждане стран ЕС. Компенсация включает: медицинские расходы, расходы на реабилитацию, пенсионное обеспечение в случае потери жертвой трудоспособности не менее чем на 25 % на срок более шести месяцев, компенсацию лицам, находящимся в имущественной зависимости от жертв убийств. Источник формирования фондов не разглашается.

Дания. Дания имеет программу компенсации жертвам преступлений, обеспечивающую финансовую компенсацию жертвам преступлений против личности в случае причинения телесных повреждений средней тяжести и выше. На компенсацию имеют право жертвы насильственных преступлений, родственники и лица, находящиеся в имущественной зависимости от жертв убийств, иностранцы. Компенсация покрывает медицинские расходы, расходы на психотерапевтическое лечение, потери в заработной плате для жертв, ставших инвалидами, расходы на похороны, расходы на транспортировку,

расходы на реабилитацию жертв-инвалидов. Финансирование программы осуществляется за счет государственных средств.

Ирландия. Законодательство Республики Ирландия предусматривает предоставление компенсации жертвам преступлений против личности. На компенсацию имеют право жертвы преступлений и иностранные граждане. Программой покрываются расходы: на медицинское обслуживание, потери в заработной плате, транспортные расходы. Информация об источниках финансирования не разглашается.

Нидерланды. Законодательство Голландии имеет программу компенсации жертвам насильственных преступлений и преступлений против личности. К лицам, имеющим право на получение компенсации, относятся: жертвы преступлений, которым причинены телесные повреждения средней тяжести и выше, иждивенцы жертв убийств, иностранцы. Компенсацией покрываются: медицинские расходы, расходы на психиатрическую реабилитацию, потери заработной платы для инвалидов, потери, понесенные иждивенцами жертв убийств, расходы на похороны, перевозку, на реабилитацию инвалидов, на услуги для инвалидов, вынужденных изменить место работы, правовая помощь, любые иные расходы, могущие быть отнесенными к последствиям преступления.

Норвегия. Норвежское законодательство также имеет программу компенсации жертвам насильственных преступлений и преступлений против личности. К лицам, имеющим право на получение компенсации, относятся: жертвы преступлений, которым причинены телесные повреждения средней тяжести и выше, иждивенцы жертв убийств, иностранцы, граждане Норвегии, ставшие потерпевшими от преступлений за границей. Компенсационная программа покрывает: медицинские расходы, расходы на психиатрическое лечение, потери в зарплате для инвалидов, потерю содержания для иждивенцев жертв убийств, расходы на похороны, перевозку, реабилитацию для инвалидов, услуги по смене работы для жертв, вынужденных изменить работу в связи с утратой трудоспособности.

Объединенные Арабские Эмираты. Принятая в ОАЭ программа компенсации жертвам преступлений обеспечивает финансовую поддержку для потерпевших от насильственных преступлений и иных преступлений против личности. Право на компенсацию имеют жертвы всех насильственных преступлений против личности и иностранные граждане. Компенсация покрывает любые расходы, связанные с

нейтрализацией последствий насильственного преступления, и финансируется федеральным правительством.

США. Все 50 штатов в составе США приняли собственные компенсационные программы с целью обеспечения финансовой помощи жертвам преступлений против личности и насильственных преступлений. Каждый штат управляет своей собственной программой в соответствии со своим положением. Министерство юстиции США обеспечивает дополнительное финансирование (в среднем в размере 500 млн. долларов) и техническую поддержку отдельным штатам. В целом компенсационным программам в США свойственны ниже перечисленные особенности. Право на компенсацию имеют жертвы преступлений, иждивенцы жертв убийств, порой родственники жертв преступлений и иностранные граждане. К покрываемым компенсацией расходам, как правило, относятся расходы на лечение, консультации психологов и психиатров, потери в заработке для инвалидов, расходы на похороны, на перевозку для лечения, расходы по поиску и найму на новую работу, расходы на уборку места убийства, если последнее произошло в доме жертвы, частичное возмещение утраченной собственности, расходы на реабилитацию. Большинство штатов обеспечивает финансирование своих программ посредством наложения штрафов или судебных издержек на преступников. Некоторые штаты получают дотацию из госбюджета. Министерство юстиции США обеспечивает дополнительное финансирование из источников, получаемых за счет взимания федеральных штрафов с осужденных.

Финляндия. Финское законодательство предусматривает выплату компенсации жертвам насильственных преступлений против личности. К лицам, имеющим право на получение компенсации, относятся жертвы преступлений, иждивенцы жертв убийств, иностранные граждане, финские граждане, виктимизированные за границей. К компенсируемым расходам относятся: медицинские расходы, расходы на психиатрическое лечение, потери в заработной плате для инвалидов, потеря содержания для иждивенцев, расходы на похороны, расходы на покупку утраченной одежды и иных предметов повседневного пользования, включая поврежденные преступлением очки и вставные челюсти. Финансирование программы осуществляется государством.

Франция. Жертвы насильственных преступлений, их иждивенцы, иностранные граждане и граждане ЕС имеют право на компенсацию ущерба от преступлений против личности согласно французскому

законодательству. К компенсируемым расходам относятся: расходы на лечение телесных повреждений, полная компенсация за юридическое обслуживание жертв и их семей, имущественный ущерб (в зависимости от имущественного положения жертвы и государственных ресурсов), покрытие убытков, причиненных автопроисшествиями (в случае отсутствия страховки), террористическими актами, заражением СПИД. Программа финансируется государством.

Япония. Жертвы телесных повреждений средней тяжести, иждивенцы жертв и иностранцы имеют право на получение компенсации в случае совершения насильственных преступлений или преступлений против личности. Компенсационная программа покрывает потери в заработной плате и утраты, понесенные иждивенцами жертв, и финансируется государством.

Жертвы преступлений, их семьи или иждивенцы также имеют право на справедливую реституцию со стороны правонарушителей или третьих лиц, несущих ответственность за их поведение. Подобная реституция является одной из мер наказания и должна включать возврат собственности или выплату за причиненный вред или ущерб, возмещение расходов, понесенных в результате виктимизации и т.д.

Кроме того, рассматриваемая категория лиц имеет право на материальную, медицинскую, психологическую и социальную помощь по иным каналам.

6.3. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЩЕНИИ С ЖЕРТВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УКРАИНЕ

6.3.1. Защита прав жертв преступлений

Как было отмечено, наиболее совершенное законодательство в области обеспечения компенсации жертвам преступлений предусматривает, как правило, достаточно дифференцированное число просителей (жертвы, родственники, иждивенцы, туристы, граждане, виктимизированные за рубежом), ограниченные основания применения компенсационных программ (распространение компенсации на насильственные преступления против личности и, частично, имущественные преступления) и строго определенные источники финансирования (издержки и штрафы, накладываемые на преступников, госбюджет).

Представляется, что при взвешенном анализе и минимизации предлагаемых политиками популистских норм о защите всех и вся наше государство может получить достаточно мобильную и эффективную систему законодательного обеспечения виктимологической профилактики преступности.

К числу подобного рода законопроектной деятельности в Украине могут быть отнесены:

во-первых, разработка Государственной концепции помощи жертвам преступлений наряду с введением специального законодательства, направленного на распространение единых государственных средств социальной, правовой и материальной помощи на всех жертв преступлений, и введение особых мер защиты для государственных служащих (Закон прямого действия «Об охране прав жертв преступлений»);

во-вторых, создание государственно-общественной системы виктимологической помощи гражданам и легализация схем компенсационной поддержки потерпевших за счет средств децентрализованных фондов поддержки, которые формируются за счет наложения на преступников дополнительных судебных издержек.

Изложенное позволяет предложить следующую схему создания виктимологического законодательства в Украине:

разработка и принятие пилотной программной Государственной концепции помощи жертвам преступлений. Концепция определит основные направления формирования системы государственной и негосударственной помощи жертвам преступлений, а также особенности структурного, ресурсного и материального финансирования системы государственной поддержки жертв с помощью средств, полученных за счет наложения на преступников дополнительных судебных издержек. К примеру, установление специальной пошлины в фонд помощи потерпевшим в размере 10 минимальных заработных плат при среднестатистическом числе осужденных в Украине за год в 200000 человек только за три года первичного накопления средств (а именно этот срок нужен для обеспечения финансирования) даст сумму примерно в 60 миллионов долларов США, достаточную для обеспечения жертв насильственных преступлений в Украине приличной компенсацией;

возможно, хотя это и не бесспорно, создание и принятие основанной на положениях Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и жертв злоупотребления властью и иных

международно-правовых документов Конституционной Декларации прав потерпевших от преступлений, отражающей общие принципы правового положения жертв преступлений в национальной правовой системе и служащей ориентиром при формировании специального законодательства;

разработка и принятие, с учетом анализа действия Декларации и пилотной Государственной программы, Закона «Об охране прав жертв преступлений и злоупотреблений властью», который, наряду с иным специальным виктимологическим законодательством, защищал бы определенные категории населения (женщин, детей, престарелых).

Такое, основанное на принципах субсидиарности и селективности компенсации и реституции, законодательство должно определить основы правовой, социальной и материальной помощи жертвам преступлений, их родственникам и иждивенцам.

Тексты проектов указанных нормативных актов разработаны нами и приведены в выводах по настоящей работе.

По нашему мнению компенсация жертвам преступлений должна определяться судом в зависимости:

- от характера и тяжести совершенного преступления;

- от механизма его совершения (компенсации, как правило, должен подлежать ущерб, причиненный умышленным преступлением);

- от финансового положения жертвы (определяемого в соответствии с положениями законодательства о социальном обеспечении и социальном страховании);

- от особенностей поведения жертвы (компенсации подлежит ущерб лишь в том случае, если поведение жертвы в конфликте было правомерным. Лица с отклоняющимся, конфликтным поведением не имеют права на компенсацию);

- от статусно-ролевого положения жертвы и ее родственников (член организованной преступной группы, правопослушный гражданин);

- от гражданства жертвы (иностранец, местный житель);

- от особенностей функционирования системы уголовной и административной юстиции в стране.

В структуре виктимологического законодательства, по нашему мнению, должны быть отражены также:

специфика применения правовой, индивидуальной и социальной помощи к отдельным социальным группам (туристы, государственные служащие, дети, престарелые, женщины);

особенности расчета, условия применения и лимиты компенсации в зависимости от степени тяжести совершенного преступления и значимости причиненного жертве ущерба;

наконец, генерализованные и локальные схемы компенсации и реституции потерпевшим от преступления.

Разработка подобной системы практической помощи жертвам преступлений должна быть основанной на профилактическом законодательстве партнерского, а не конфронтационного типа. При этом виктимологическое законодательство должно быть согласовано и найти специальное отражение в иных нормативных актах регламентирующих:

юридические аспекты обращения с жертвами преступлений и жертвами злоупотреблений властью (помощь адвокатов, органов системы уголовной и административной юстиции, иных государственных органов);

социальные аспекты обращения с жертвами преступлений и жертвами злоупотреблений властью (социальное и медицинское обеспечение и страхование, иные формы социальной защиты и помощи);

индивидуальные, психологические аспекты обращения с жертвами преступлений и жертвами злоупотреблений властью (смягчение психических, физических и социальных последствий преступления и злоупотребления властью).

Понятно, что создание такого комплекса виктимологического законодательства, — дело не одного дня. Однако рекомендованный ООН срок для имплементации норм Декларации Основных принципов правосудия и для жертв преступлений и жертв злоупотребления властью (2002 год), — не за горами. И последовательное решение вопросов организации правовой базы обращения с жертвами преступлений в состоянии, на наш взгляд, с минимальными затратами и максимумом эффективности содействовать снижению уровня напряженности в украинском обществе и ограничению преступности.

6.3.2. Уголовно-правовая охрана жертв преступлений

Криминальная виктимология как специальная теория, ставящая своей целью изучение закономерностей взаимодействия жертвы и преступника на разных уровнях социального обобщения, постепенно приобретает значительное влияние в процессе формирования политики социального контроля над преступностью.

С одной стороны, это вызвано идеологией существования в рамках существующих уголовных властеотношений не только системы запретов и позитивных обязываний, но расширением влияния комплекса дозволений, проникновением институтов частного права в регуляцию уголовно-правовой сферы. Методика альтернативного разрешения криминальных конфликтов получила относительно широкое распространение в мире.[564]

«Опыт проведения примирительных процедур в сфере уголовного судопроизводства показал, что монополия государства на право разрешения уголовно-правовых конфликтов не бесспорна. Идея восстановительного правосудия сводится к тому, что при разрешении уголовно-правовых конфликтов в центре внимания должны быть, прежде всего, интересы самих участников конфликта. Преступник должен отвечать за содеянное не перед государством, грозным, но безликим и абстрактным, а перед жертвой — реальным и конкретным человеком, понесшим вред, терпящим страдания, ждущим покаяния и действий, способных хоть как то загладить этот вред».[565]

Практически виктимология, ее идеи, возвращают нас к элементам негосударственного разрешения уголовных конфликтов в новом качестве. История развития цивилизации и права вновь вышла на спираль: медиация и реституция, институт примирения потерпевшего с преступником стали своеобразной заменой закона талиона в XXI веке. Недаром и украинские законодатели, принимая новый Уголовный Кодекс 2001 г, предусмотрели в нем возможность освобождения лица, совершившего впервые преступление небольшой тяжести, от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст.46).[566] Мнение потерпевшего учитывается ныне и при решении вопроса об освобождении виновного от уголовной ответственности.

С другой стороны, — виктимологические идеи, их прагматичность и утилитаризм, сориентированность на мягкий, ненасильственный, кооперативный способ разрешения криминальных конфликтов получают свое дальнейшее распространение в силу неспособности современной уголовно-правовой идеологии решать задачи профилактики преступности.

В принципе, очевидно, что неоклассическая уголовно-правовая доктрина в большей степени направлена на сдерживание преступности, чем на ее профилактику. Очевидно, что выдвижение среди задач Уголовного кодекса в ст.1 УК Украины 2001 г. цели профилактики преступлений было социально необходимо и политически оправдан-

но. Вместе с тем, ориентация уголовно-правовых отношений на последствия, а не на причины преступности позволяет говорить лишь о косвенной возможности достижения такой цели (нормы с двойной превенцией, предупреждение рецидива, реализация целей наказания). Необходимость и обязательность профилактического воздействия уголовного закона на уровне уголовно-правовой идеологии входит в противоречие с реалиями социальных процессов, детерминирующих преступность.

Современные институты назначения и исполнения уголовного наказания выступают оптимальным средством социального контроля, упорядочивающим общественные отношения. Но не средством, разрешающим или нейтрализующим криминальные конфликты. Перенасыщенность общества уголовной репрессией, криминализация общественных отношений делают уголовное право для законодателей своеобразной отдушиной.

Однако меры внеэкономического принуждения, не подкрепленные ни идеологически, ни ресурсно, ни социально, ведут только к излишнему применению силы, драматизации зла, падению эффективности уголовно-правовых запретов, перегруженности Уголовного кодекса специальными нормами временного характера.[567]

Кстати, неработоспособность институтов уголовной ответственности за экономические преступления во многом объясняется именно этим: ни население, ни правоприменители не в состоянии понять, оценить и применить большинство указанных запретов в повседневной жизни.... Когда экономические девиации становятся нормой бытия, их уголовный запрет не в состоянии выполнить профилактическую функцию. В результате законодатель пошел на декриминализацию обмана заказчиков и покупателей. Вместе с тем и сегодня и, к сожалению, в ближайшем будущем уклонение от уплаты налогов является видом национального спорта в обществе людей, борющихся за свое существование; а мошенничество с кредитными ресурсами — «заказным» преступлением, средством расправы с конкурентами... Неловко вспоминать и о криминализации проституции как формы отклоняющегося экономического поведения.[568] Думается, вряд ли предложенная редакция части 1 ст.303 УК Украины 2001 г. будет жизнеспособной.

Сегодня во всем мире ученые озабочены поисками более рациональной, гуманистической модели, сориентированной не только на конфликт между государством и правонарушителем, но и на

компромисс между потерпевшим, преступником и государством, на создание моделей, основанных на иных, некарательных подходах к назначению и применению уголовного наказания. Реализация принципа социальной справедливости в уголовно-правовых отношениях предполагает учет интересов не только государства и преступника, но потерпевшего и всего общества в целом.[569]

Снижение страха перед преступностью, возмещение ущерба от преступления, назначение наказания, соразмерного общественной опасности деяния и характеристикам личности виновного, — вот далеко не полный перечень обстоятельств, носящих виктимологическую окраску. При этом виктимологические исследования «могут быть источником новых знаний, исходной позицией для выявления новых и переоценки известных обстоятельств, нашедших отражение в составах преступлений или заслуживающих такого отражения».[570]

Уголовное право с позиций виктимологии можно рассматривать в нескольких направлениях.

В прагматическом, утилитарном смысле речь должна идти о месте и роли потерпевших в процессе реализации уголовной ответственности, о соотношении качеств личности и поведения потерпевшего в структуре составов Особенной части уголовного законодательства.

Уголовно-правовые отношения играют огромную роль в реализации принципа социальной справедливости и ограничении преступности. Последовательный переход от репрессивных функций уголовного права к его превентивным началам в демократических государствах не мог не сказаться на изменении содержания и виктимологической направленности институтов уголовного права. В свое время П. С. Дагель, Н. Ф. Кузнецова, Л. В. Франк, Д. В. Ривман, В. С. Устинов в своих монографиях и многочисленных публикациях достаточно подробно рассматривали названные аспекты.

Личность жертвы преступления (физические и социальные признаки), ее поведение (правомерное, позитивное, отрицательное, аморальное, неправомерное), состояние, социальные роли и взаимоотношения между жертвой и преступником, вред, причиненный жертве, нашли детальное отражение и регламентацию во многих составах УК 2001 г. Д. В. Ривман и В. С. Устинов, детально проанализировав указанные обстоятельства применительно к уголовному законодательству РФ, пришли к выводу о том, что отражение в уголовном законодательстве статических и динамических характеристик личности и поведения жертвы влияет на квалификацию преступления (в

особенности в привилегированных и квалифицированных составах), влияя на форму вины правонарушителя, способствует индивидуализации уголовной ответственности преступника.[571] Аналогичные аспекты можно наблюдать и в УК Украины.

Перечень публикаций, анализирующих те или иные стороны криминально-правовой реституции, согласия потерпевшего в уголовном праве, роли и значения потерпевшего в структуре уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений весьма значителен, при этом поле исследуемых аспектов стремительно расширяется в связи с принятием новых нормативных актов профилактического плана.[572]

В указанном направлении можно выделить, как минимум несколько взаимосвязанных и взаимоперекрещивающихся проблем, носящих как теоретический, так и прикладной характер. К ним, по нашему мнению, относятся следующие:

1. Виктимологические проблемы криминализации.
2. Уголовный закон и жертвы преступления.
3. Жертва преступления как элемент учения о преступлении.
4. Учение о наказании и жертва преступления.
5. Квалификация преступлений и жертва преступления.
6. Компаративистские аспекты уголовно-правовой виктимологии.

Разумеется, исследование указанных проблем не может ограничиться рамками одного подраздела работы. Это прерогатива серьезного научного исследования. В силу этого, остановимся на некоторых проблемах теории уголовно-правовой виктимологии, имеющих существенное значение для последующего развития науки уголовного права и совершенствования действующего законодательства.

Виктимологические проблемы криминализации. Виктимология рассматривает преступность и воплощающуюся в виктимизации виктимность как формы реализации социальных отклонений, гомеостатически связанные друг с другом. С одной стороны, преступность порождает виктимность, являясь ее своеобразной предтечей. С другой стороны виктимность и в особенности, опыт виктимизации обратно воздействует на преступность, криминализируя новые общественные отношения, создавая волну страха перед девиациями, питая, наконец, индустрию безопасности. В этой связи представляет особый интерес рассмотрение проблем формирования уголовно-правовых отношений именно с точки зрения социальных ожиданий потенциальных жертв и опыта их предшествующей виктимизации. При этом:

1. Уголовное право рассматривается виктимологией с позиций понимания и восприятия правовых запретов виктимизированным электоратом. Здесь речь идет о соответствии преступности фактической, образа преступности в сознании людей и преступности криминализованной правоприменительной практикой и действующим законодательством. Изучение этих закономерностей позволяет уяснить как процесс насыщения общества преступностью, так и эффективность того или иного запрета или уголовно-правового института.

2. Различие формальных правовых норм и образа преступности в сознании жертв, их страха перед преступностью позволяет оценить степень функционирования уголовно-правовых запретов в обществе, выделить меры и институты поощрения просоциальной активности жертв в деле контроля над преступностью.

3. Интеграция общества в деле социального контроля над преступностью предполагает выявление реальных, а не теоретико-догматических дисфункций криминализации с целью определения соответствия уголовно-правовых запретов ожиданиям жертв и их поведению в области ограничения преступности.

Это позволяет последовательно осветить как особенности процесса криминализации и декриминализации, так и характеристики правосознания, правоприменения и правового поведения жертв преступлений.

Указанное обстоятельство, на наш взгляд, чрезмерно важно при формировании законов, соответствующих социальным ожиданиям и чаяниям населения, поскольку обеспечивает реальную защиту субъектов уголовно-правовых отношений, подкрепление уголовно-правовых запретов нравственным императивом.

Представляется, что реализация принципа социальной справедливости в уголовном праве как раз является той виктимологически значимой темой, разрешение которой невозможно без теоретического анализа поведения и ожиданий потерпевших от преступлений. Обеспечение социальной справедливости в процессе криминализации, назначения и исполнения наказания, оптимизации поведения преступников и жертв, установления эффективного социального контроля и сокращения элементов принудительного воздействия на людей, — вот далеко не полный перечень направлений, изучение закономерностей функционирования которых с позиций жертв преступлений может дать нам новое знание в уголовно-правовой теории и практике.

Уголовный закон и жертвы преступления. Логика современного мироустройства, глобализация социальных и экономических отношений вынесла, к сожалению, на повестку дня в числе насущной проблематики проблему борьбы с транснациональной преступностью и одним из ее наиболее опасных проявлений — терроризмом. В указанном ключе особо актуальным является на наш взгляд рассмотрение возможностей расширения применения принципа пассивного гражданства при определении пределов действия уголовного закона. Статья 8 УК распространяет юрисдикцию украинских судов на деликты иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших за пределами Украины особо тяжкие преступления против прав и свобод граждан Украины или интересов Украины. Наряду с реализованным в ст. 7 УК принципом реального гражданства, она создает определенную перспективу обеспечению социальной справедливости в отношении потерпевших от преступлений. Вместе с тем, при всей дискуссионности высказываемой позиции, впоследствии было бы желательным отражение в действующем законодательстве позиции, согласно которой граждане Украины, иностранцы и лица без гражданства, совершившие любое тяжкое или особо тяжкое преступление за пределами Украины в отношении потерпевшего, имевшего украинское гражданство на момент совершения преступного деяния, несли бы ответственность по УК Украины. Естественно, использование принципа пассивного гражданства в полном объеме в международном праве и зарубежных уголовно-правовых институтах и сегодня встречается крайне редко. Обычно это связывается с неуверенностью в надлежащей объективности и беспристрастности юрисдикционных органов страны потерпевшего.[573] Вместе с тем современная ситуация, на наш взгляд, предполагает более последовательную защиту интересов потерпевших от преступлений в национальном уголовном праве и теоретический анализ применения принципа пассивного гражданства в полном объеме здесь может сыграть свою позитивную роль.

Жертва преступления как элемент учения о преступлении. Виктимологические основы учения о преступлениях достаточно давно дискутируются в современной литературе. Установление в ст. 1 (1) УК среди задач уголовного права приоритетной охраны основных прав и свобод человека и гражданина, выделение среди объектов уголовно-правовой охраны в ст. 11 (2) физических лиц и социальных общностей не может не требовать дальнейшей теоретической разработ-

ки вопроса об определенной переориентации некоторых положений современной уголовно-правовой теории, касающейся допустимости признания объектом преступления конкретных физических и юридических лиц и иных социальных общностей, и, соответственно, предметом преступления — социальных благ, принадлежащих этим лицам. Указанная точка зрения высказывалась в дореволюционной уголовно-правовой литературе, определенное развитие она получила и на сегодняшний день.[574] Конечно, при таком подходе возникают определенные сложности при определении соотношения понятий объект преступления и потерпевший от преступления. Вместе с тем, различия легко снимаются при учете положений о сущности объекта преступного посягательства как феномена, которому преступлением причиняется реальный вред, либо создается угроза такого причинения. Существование метафоричных «преступлений без жертв» еще не означает отсутствия вреда, причиняемого конкретным потерпевшим, социальным общностям в результате их совершения. В принципе, с учетом роли и значения потерпевших от преступлений в структуре современных уголовно-правовых отношений, возможно, назрел вопрос и об изменении положений раздела IV Общей части УК, посвященного характеристикам субъекта преступления, дополнив его описанием общих характеристик потерпевшего от преступления. [575]

Учение о наказании и жертва преступления. Известно, что процесс криминализации во многом связан с социальной реакцией жертв на девиантность. В силу этого особому вниманию должно быть подвергнуто изучение новых способов разрешения социальных конфликтов с помощью средств и методик ресторативной юстиции. В указанном контексте представляет определенный интерес проблема защиты интересов потерпевшего от преступления с помощью расширения и совершенствования применения института мер уголовно-правового характера. Согласно ст. 3 (3) УК преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным Кодексом. По сути дела, уголовно-правовые меры, наряду с наказанием, служат средством правового реагирования на совершенное преступление, а также средством правового стимулирования просоциальной активности правонарушителей и средством предупреждения рецидива преступлений.[576] По мнению С. В. Землюкова, меры уголовно-правового характера представляют собой закрепленные в Уголовном кодексе меры воздействия, применяемые к лицу, совершившему преступление взамен уголовной ответственно-

сти, либо наказания (меры, применяемые при освобождении от уголовной ответственности, при освобождении от наказания, условное осуждение, и др.). [577] Дискуссионность данной позиции связана, пожалуй, лишь с тем, что с точки зрения криминальной виктимологии и меры уголовно-правового характера являются формой реализации уголовной ответственности как правоотношения, сторонами которого являются государство, потерпевший и правонарушитель.

Немудрено, что расширение пределов защиты жертв преступлений в уголовно-правовых отношениях, связанное с необходимостью скорейшего и полного возмещения материального и морального ущерба, назначением осужденному наказания или применением к нему иных мер уголовно-правового характера, отвечающего социальным ожиданиям и чаяниям жертвы, является объективным процессом. В силу изложенного, стоит, на наш взгляд, остановиться на проблеме, относительно забытой в украинской правовой системе. Проблема уголовно-правовой компенсации.

С нашей точки зрения, существующая на сегодняшний день модель применения гражданского иска в уголовном процессе не вполне соответствует принципу всемерной защиты прав и интересов жертв преступлений. Это вызвано как частно-правовым характером функционирования данного института, так и определенной его неэффективностью, отсутствием действенных механизмов скорейшего возмещения причиненного ущерба в рамках гражданского судопроизводства.

Возмещение ущерба с позиций виктимологической теории служит не только интересам частного лица, но рассматривается как социальная проблема, общественный интерес, подлежащий защите и охране в рамках уголовно-правовых отношений. При этом исполнение взыскания наделено дополнительными принудительными характеристиками со стороны государства и его органов, несет «заряд» отрицательного отношения государства к содеянному.

По сути дела уголовно-правовая компенсация служит уголовно-правовой мерой, применяемой вместе с наказанием в целях восстановления социальной справедливости, общей и специальной превенции преступлений и выражается в возмещении материального и морального ущерба, причиненного преступлением.

Следует отметить, что уголовно-правовая компенсация как форма реализации уголовной ответственности известна законодательству стран, принадлежащих к различным правовым семьям. Так, в 1992 г.

в УК Голландии была введена статья 36 f, согласно положениям которой если лицо осуждено за уголовное правонарушение, судья может наложить на него обязательство выплатить государству сумму денег в пользу жертвы. Государство должно передать эту сумму жертве без промедления. При этом судья назначает эту меру только в случаях наличия оснований привлечения лица к гражданской ответственности за совершенное преступление. В случае назначения штрафа в виде наказания, первоначальные платежи направляются на погашение компенсации. При этом компенсация может быть назначена наряду со всеми видами наказания и иными мерами. [578]

Имеющий иные исторические и социальные корни УК КНР в редакции от 14 марта 1997 года в разделе «О наказании» установил, что, принимая во внимание нанесение преступниками экономического ущерба, положениями УК кроме уголовной ответственности предусматривается для таких лиц, исходя из обстоятельств совершенного ими преступления, гражданская ответственность в виде компенсации материального ущерба (ст. 36). При этом преступники, к которым применяется компенсация, одновременно наказываются штрафом. Логика китайских законодателей очевидна — компенсация как уголовно-правовая мера восстановления социальной справедливости в отношении потерпевшего сопровождается компенсацией ущерба и в отношении государства. При этом в случае отсутствия или недостаточности имущества преступника первичными являются обязательства по компенсации причиненного вреда. [579]

Соблюдение и охрана прав интересов жертв преступления в уголовно-правовых отношениях предполагают возможность высказать предложение о необходимости внедрения меры уголовно-правовой компенсации и в украинское законодательство. Представляется, что раздел УК г. «Наказание и его виды» может быть дополнен статьей 52–1 в следующей редакции (на украинском языке):

«Стаття 52–1 Компенсація

Засуджена особа може бути за вироком суду зобов'язана виплатити компенсацію завданих нею збитків на користь потерпілому від злочину. Компенсація може бути призначеною поруч із усіма видами покарання та іншими мірами відповідальності».

Указанное положение, на наш взгляд, в большей мере соответствует принципу социальной справедливости и гуманистическому отношению к потерпевшим от преступления в современном уголовном праве.

Ограниченность объема данной работы не позволяет остановиться подробно на рассмотрении компаративистских и квалификационных аспектов современной уголовно-правовой виктимологии. Да и высказанные положения отнюдь не охватывают всего спектра проблем. Глубокого осмысления и понимания требует дальнейшая разработка места и роли жертв преступлений в теории уголовно-правовых отношений, определение принципов участия жертв преступлений в процессе освобождения от наказания и от его отбывания, применения иных мер безопасности к субъектам уголовной ответственности, роли и значения социальных общностей как жертв преступления и степени отражения их активности в уголовно-правовых нормах и др. Представляется, что развитие правовой науки в указанных направлениях имеет большой потенциал и перспективу.

Вместе с тем, нельзя не отметить и того значения, которое придается на сегодняшний день организации системы индивидуальной безопасности граждан в рамках деятельности по индивидуальной виктимологической профилактике. Основы индивидуальной виктимологической профилактики рассмотрены нами в следующем разделе.

6.4. ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

6.4.1. Принципы индивидуальной виктимологической профилактики

Когда Каин звал Авеля на хлебное поле для расправы над ним, Абель чувствовал, что это неспроста, однако пошел... Результат хорошо известен и описан в большинстве пособий по виктимологии как «Феномен Авеля». Не вдаваясь в клиническое описание этой модели виктимного поведения, попросту отметим, что в критических, конфликтных ситуациях в значительном количестве случаев некоторые люди неосознанно стремятся стать жертвами преступлений. В этой связи индивидуальная виктимологическая профилактика представляет собой *деятельность государственных органов, учреждений, организаций и граждан, направленную на выявление, ограничение и нейтрализацию факторов, способствующих конкретному лицу становиться жертвой преступления.*

При этом указанная деятельность осуществляется как в отношении жертв, обладающих специфическими личностными и статусными характеристиками, повышающими потенциальную возможность становиться жертвой преступления, так и в отношении более широкого круга лиц, своим поведением регулярно ставящего себя под угрозу криминального нападения.

Действительно, как уже выяснялось ранее, возраст, пол, род занятий, социальное положение, неустойчивость в психическом и психологическом плане, отставание в развитии интеллекта, безволие, эмоциональная неустойчивость являются существенными факторами, способствующими превращению человека в потенциальную жертву преступления. Однако статистика упрямая штука. Мы говорим и думаем о детях, престарелых, женщинах как вероятных объектах преступного нападения, однако именно мужчины, молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет, одинокие люди и студенты, наряду с лицами, проводящими большую часть своего свободного вечернего времени на улице, и лицами, злоупотребляющими алкоголем имеют самый высокий риск стать жертвами преступлений. [580] От себя добавим: в данную группу риска в странах СНГ естественно входят и «новые русские», являющиеся как лица с большими доходами потенциальным объектом угроз, притязаний, да и попросту нападений со стороны представителей родного по крови, но очень обнищавшего населения.

Что же касается определенных особенностей личности, приводящих человека к тотальной возможности стать потерпевшим, то кроме вышеперечисленных, нам пожалуй добавить и нечего.

Потенциальная жертва может выделяться своим образом жизни или экспрессивным поведением, может посредством неверной оценки преступника своими неосторожными или вызывающими действиями провоцировать преступление, может, наконец, специально подвергать себя особому риску, гуляя в одиночку по темным улицам.

В любом случае существующие методики и способы предотвращения преступных конфликтов рассчитаны на среднестатистические ситуации, не дающие оптимальных рецептов при конкретном нападении на конкретную личность.

Мультируемые слухи о прирожденных жертвах, о своеобразных методиках, позволяющих с вероятностью до 100 % выявить потенциальных жертв преступлений и потенциальных преступников, как правило, не имеют достаточных оснований. Можно утверждать, что лица с мазохистскими наклонностями являются в определенной сте-

пени наиболее вероятными жертвами сексуального насилия. Однако это относится, скорее не к норме, а к патологии, исправить которую сама личность, да и специалист по профилактике преступлений не в силах. Здесь, скорее, существует нужда не в криминологах, а в психиатрах.

Да, на сегодняшний день науке известны определенные методы, позволяющие выяснить вероятность совершения человеком правонарушения в будущем, либо специфическую подверженность определенных категорий граждан стать жертвами преступного посяательства.

Но и первые и вторые могут быть применены только в строго научных целях и ни в коей мере не должны являться инструментом для массового использования. И это очевидно.

Вряд ли наложение на человека клейма потенциального преступника (либо прирожденной жертвы) будет способствовать улучшению психоэмоционального состояния такого лица. Вполне возможен и обратный вариант, связанный с еще большим отвержением, ухудшением собственного поведения и усилением негативных тенденций. Тем более, что получаемые выводы носят только вероятностный характер, характер предположения и не могут рассматриваться как истина в последней инстанции.

Комплексный и междисциплинарный характер криминологических исследований породил своеобразный стереотип отношения к криминологии как к науке академической, чьи разработки в основном носят исключительно теоретический и усложненный для понимания неспециалиста характер.

Вместе с тем, представление криминологов как этаких «браминов от науки», варящихся в собственном соку и щеголяющих научным жаргоном, в принципе неверно. Криминология, — это наука практическая, наука живая, теснейшим образом связанная с практикой нашей жизни.

В этой связи задачей этого раздела настоящей работы является не столько стремление к «чистому» научному обобщению, сколько желание описать апробированные опытом поколений принципы личной безопасности, обеспечивающие основу методики развития способности уберечься от преступления в сложившейся критической ситуации.

Ведь только спокойный ум, информированность и самообладание позволят человеку с честью выйти из любого кризиса, несмотря даже

и ни то, что он обнаружил у себя какие-либо черты, присущие потенциальной жертве преступления. Примеров подобного рода достаточно много. Вот только один из них: *«Некий сексуальный маньяк-убийца подсаживал к себе в машину девушек и потом их убивал. Таким образом он убил несколько девушек. Одной девушке удалось во время езды вытянуть его в разговор и тем самым избежать трагической участи. Выступая в качестве свидетельницы, на вопрос судьбы она удивленно ответила: «У меня и в мыслях не было испугаться этого человека. Он выглядел таким беспомощным и перепуганным.» Как видим, правильная оценка криминальной энергии преступника и спокойное и трезвое поведение лица, подвергшегося нападению, являются основной предпосылкой успешного предотвращения преступления. Не определяя себя как жертву, доказав преступнику, что она является личностью а не бездушным объектом сексуального насилия, эта девушка осталась целой и невредимой».* [581]

Каковы же основные приемы, помогающие уцелеть в криминальном конфликте? Существует ли «формула личной безопасности»?

Одним из основателей учения о личной безопасности можно с уверенностью считать древнегреческого философа Эпикура. *«Живи незаметно»* — говорил мудрец, а имущество, положенное в обществе, семью и друзей приобретать советовал как средство самосохранения. [582]

Автономия поведения, спонтанность, искренность, интеграция с окружающими тебя людьми, забота о людях, об их благополучии, защита живой и неживой природы являются основой, на которой базируется безопасное поведение.

Сами же приемы безопасного поведения весьма просты.

Древнекитайский «канон военной науки» (Суньцзы, VI-V в. до н.э.) приводил всего четыре элемента стратегии безопасности:

- подготовка и познание собственных сил;
- анализ возможных ситуаций, расчет времени и изучение местности;
- правильная оценка противника;
- определение неизбежных условий боя. [583]

Значение этих догматов для организации собственной безопасности очевидно.

Во-первых, решающей предпосылкой успешного предотвращения преступления является спокойное и хладнокровное поведение потенциальной жертвы. Достичь этого возможно только обучив жертву методикам познания собственных реакций и возможностей стать жертвой преступления.

Поэтому, при использовании основных принципов безопасного поведения необходимо, прежде всего, определить, к какому типу «классической» жертвы соответствует человек, имеются ли у него, в его характере, темпераменте какие либо черты, подвергающие их владельца излишней опасности.

На способность стать жертвой преступления влияет и наличие у личности таких психологических черт как неустойчивость в психическом и психологическом плане, отставание в развитии интеллекта, безволие, эмоциональная неустойчивость. В критической ситуации при возрастании психической нагрузки у таких лиц резко понижается возможность рационального мышления, меняются эмоциональные реакции и координация движений (чаще всего наблюдаются дезорганизация поведения, либо, что еще хуже, — абсолютная пассивность). Чувства страха, гнева, презрения, отвращения настолько переполняют такую личность, что она уже не в состоянии спокойно и правильно прореагировать на конфликт, поддаваясь криминальной энергии преступника. В силу этого сочетание вышеназванных психологических черт с принадлежностью человека к одной или нескольким группам риска в несколько раз повышает вероятность его стать жертвой преступления и не учитывать этого нельзя.

Осознание того, что человек принадлежит к группе риска, не означает его невозможности или неспособности правильно отреагировать на криминальное посягательство. Оно лишь является свидетельством необходимости проявления лицом повышенной осторожности, тренировки умения мобилизации психики и самоконтроля в минуты опасности и упреждающего применения профилактических мер.

Это могут быть и меры пассивной безопасности, связанные с приобретением и установкой средств защиты имущества и меры, связанные с приобретением и обучением использованию средств индивидуальной защиты граждан, и попросту элементарная предусмотрительность и осторожность в конкретной жизненной ситуации (будь то прогулка по романтическим, но неосвещенным улицам вечернего города, либо поход на изобилующий карманными ворами и попрошайками промтоварный рынок).

Кстати, именно применение пассивных мер защиты, затрудняющих доступ к объекту преступного посягательства (охранная сигнализация, а лучше всего — наблюдение соседей, организация личной охраны и др.), либо устраняющих его из круга интересов преступника как вероятный объект нападения (маркировка особо ценных вещей),

обучение малолетних правилам общения с незнакомыми людьми, обучение элементарным приемам самозащиты и являются свидетельством того, что лицо трезво осознало свои потенциальные возможности и готово защищаться.

Сунь цзы писал: *«Кто еще до сражения побеждает предварительным расчетом, у того шансов много; кто еще до сражения не побеждает расчетом, у того шансов мало»*. Поэтому, постоянная готовность к отражению криминального нападения есть вынужденная необходимость без которой потенциальным потерпевшим не выжить в современном мире.

Вторым принципиальным положением, связанным с обеспечением личной безопасности является правильная оценка противника, расчет времени, оценка местности и иных условий криминогенной ситуации.

Случилось невероятное: человек попал в ситуацию, которая реально угрожает его жизни, здоровью и безопасности. Только трезвая оценка соотношения сил с учетом характеристик времени и места криминального посягательства позволит ему с честью выйти из такого конфликта.

Как заметил Авраам Линкольн: *«Если мы сначала узнаем, где мы находимся и куда стремимся, мы сможем лучше судить о том, что делать и как это делать»*. [584] Специалисты в области обеспечения безопасности в этой связи рекомендуют обращать особое внимание на характеристики места и времени криминального нападения [585].

Так, если на жертву напали на улице, то многое зависит от расположения улицы, связи с иными транспортными артериями, наличия людей, к которым можно было бы обратиться за помощью. Если нападение произведено в помещении, принадлежащем потерпевшему или его близким (знакомым), то знание обстановки и месторасположения предметов может помочь человеку эффективнее отразить нападение.

Время суток также играет важную роль при оценке криминогенной ситуации. Порой сам факт нахождения человека в темноте уже является стрессогенным. И хотя любая жизненная ситуация такого рода вызывает стресс, следует добиваться того, чтобы внешние факторы не приводили к нарушению адаптации и самоконтроля.

Ну и наконец, злоумышленник. Кто он? *«Если знаешь его и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, один раз победишь, другой раз потерпишь поражение;*

если не знаешь ни себя ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение.» — говорил Суныцзы. Применительно к проблеме определения принципов индивидуальной виктимологической профилактики это означает, что необходимо разрабатывать методики, позволяющие потенциальным потерпевшим учиться быстро и правильно оценивать нападающего по физическим данным, речи, осанке, выражению лица и глаз.[586] Физические данные (развитая мускулатура, легкость в движениях), особенности осанки (стойки боксера, борца, каратиста) и экипировка злоумышленника помогут потенциальному потерпевшему оценить серьезность его намерений и готовность применения насилия. Цвет волос, форма прически, цвет глаз, форма носа, подбородка, особые приметы (шрамы, увечья, татуировки) необходимо на всякий случай отметить в памяти для целей будущего опознания и поимки преступника. Анализ психического и физиологического состояния личности (психически нормальный, находящийся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, психически больной злоумышленник) важен для определения собственной тактики действий в конфликте.

6.4.2. Стратегия нейтрализации криминогенного конфликта

Специалистам известно всего несколько способов избавиться от того или иного поведения [587]. Это:

1. Физическое устранение противника (метод, безусловно, высокоэффективный, но связанный с риском самому быть подвергнутым уголовному преследованию). Физическое лишение злоумышленника возможности совершить преступление, либо избавление от его самого действует безотказно. Но, во первых, ответное насилие со стороны потенциальной жертвы может озлобить и без того готового на все злоумышленника, в результате чего, например, грабеж без применения насилия перерастет в преступление, связанное с нанесением жертве телесных повреждений различной степени тяжести. Во-вторых, право граждан на активную оборону от преступного посягательства связано с четким и правильным пониманием гражданами соответствующих норм уголовного закона и, соответственно, умением правильно и правомерно применять орудия и средства защиты. В противном случае человек вполне может изменить свой статус из статуса жертвы на правонарушителя. *«Оружие-это орудие бедствия, борьба противна добродетели... поэтому в бой вступают только тогда,*

когда это неизбежно», — писал древнекитайский стратег Вэй Ляоцзы (IV в. до н.э.).

2. Наказание. Несмотря на оказываемое ему предпочтение со стороны потенциальных жертв, на практике он оказывается неэффективным. Попытками пристыдить нападающего, указать на возможные негативные последствия, связанные с его поимкой и привлечением к уголовной ответственности, как правило, ничего не добьешься. Это связано с тем, что преступник внутренне уже подготовлен к нарушению закона и угроза уголовной ответственности для него не более чем очередной негативный раздражитель, еще более усиливающий агрессивные реакции злоумышленника.

3. Отрицательное подкрепление. Как способ предполагает использование активных инициативных действий, имеющих раздражающий эффект и предполагающих негативную реакцию преступника на сложившийся у него мотив совершить преступление. К числу подобного рода действий могут служить призывы о помощи (крики «Пожар!», возгласы типа «Ваня, скорей сюда!»), бегство или при невозможности убежать, — попытки остаться на дальней дистанции, не позволяя злоумышленнику приблизиться к жертве, и не давая ему загнать жертву в угол или прижать к стене, использование любых подручных предметов, особенностей рельефа, мебели, с целью нейтрализации силы противника. Указанный метод может приносить свои плоды, но... в данной ситуации все зависит от криминальной энергии злоумышленника.

4. Угашение: поведению предоставляется исчезнуть самому по себе. Учитывая, что при нападении совершение преступления является либо самоцелью, либо способом достижения иной антиобщественной цели, виктимологи настоятельно не рекомендуют избрание трусливо пассивной позиции жертвенного ягненка в любом криминальном конфликте.

5. Выработка несовместимого поведения. Принятие неадекватных мер, препятствующих нападению, в основном связано с применением или угрозой применения специальных средств защиты. Однако следует помнить, что если внезапное применение средств пассивной безопасности (сигнализация, мобильные сирены, обычный свисток) может спугнуть преступника, то одна угроза применения газового оружия, напротив, может выступить даже катализатором конфликта. Поэтому, если жертва и решилась на применение газового баллона или пистолета, — следует использовать его по назначению.

6. «Формирование отсутствия»: подкрепляется все, что угодно, кроме нежелательного поведения. Является своеобразной формой компромисса. Избегая столкновения в лоб, жертва ищет справедливого исхода для обеих сторон. В случае провокационного поведения со стороны жертвы такая тактика, возможно, вполне оправданна. В то же время, преступник, действующий в конфликте по формуле «выиграть/проиграть», будет пытаться добиться от потерпевшего всех положенных ему по его мнению льгот и преимуществ. И задачей жертвы в данном случае будет необходимым доказать, что уступка, — это наилучший компромисс (например, ношение в бумажнике небольшой суммы денег при повышенном риске быть ограбленным).

7. Смена мотивации. Это основной, самый лучший и наиболее трудно достижимый способ избавления от нежелательного поведения. В процессе конфликта необходимо доказать преступнику, что поставленные им цели,двигающие им побудительные силы не могут привести к желательному для него результату в отношении жертвы. Так, наиболее простым методом в личном конфликте является обычная попытка заговорить с преступником, выясняя, почему он именно собирается напасть на жертву, не ошибся ли он, что плохого именно жертва сделали ему.

Злоумышленник нападает не на конкретного человека, а на обезличенную жертву. Для преступника жертва не обладает личностными качествами, она, как правило, одна из тех «кто стоит на другой стороне» (власть имущие, представители иного пола, национальности, представители враждебного для преступника государства, попросту, мешающая жить жена и пр.). Жертва деперсонифицируется преступником для того, чтобы психологически быть готовым на применение любых средств в отношении нее. В любом случае методически правильной для нейтрализации криминогенного конфликта будет попытка завести с преступником диалог, который и позволит жертве выиграть время и может сгладить остроту ситуации, либо полностью отвести угрозу.

Известен случай, когда террористы, захватившие поезд и расстрелявшие двух заложников, не смогли убить третьего. Потому что последний в завязавшемся разговоре рассказал им о проблемах своей жизни и попросил передать жене письмо. Поскольку террористы увидели в нем не какую то безликую жертву, а совершенно нормального человека со всеми его проблемами и недостатками, они уже не смогли его расстрелять.[588]

В анонимном конфликте (угроза причинения вреда имуществу) применение средств пассивной безопасности, уведомление преступника о нежелательности криминального поведения могут также отпугнуть злоумышленника от предполагаемого преступного посягательства. Например, по словам Г. И. Шнайдера, в ряде отелей США в номерах можно увидеть такие надписи: *«Если после вашего отъезда пропадут полотенца, за это накажут горничную»*. [589].

Наилучшим же способом тактики смены мотивации является применение подхода «выиграть/выиграть». При этом в процессе обращения с жертвами преступлений необходимо обучение их приемам организации воздействия на злоумышленника таким образом, чтобы создать основу для совершения им социально полезных актов. Задача эта достаточно трудна и может быть реализована, как правило, при длительных конфликтах (в отношении семейных дебоширов, членов конфликтующих организаций и пр.). Если покорность домашних является катализатором внутрисемейной агрессии правонарушителя, то перестройка его отношений с окружающими посредством выяснения того, что хочет противник, как можно компенсировать разногласия между ним и вами, возможен ли в принципе компромисс или сотрудничество и справедливый исход для каждой стороны конфликта, — может привести к позитивному результату.[590]

Подводя итоги вышеизложенному, еще раз отметим:

1. Познание собственных сил, оценка собственных возможностей, недостатков и преимуществ как потенциальной жертвы преступного посягательства, подготовка и психологическая готовность к вероятному криминальному нападению;
2. Правильная оценка противника и ситуации, в которой совершается посягательство;
3. Определение правильной тактики поведения в криминальной ситуации, — являются основными принципами стратегии личной безопасности и организации процесса индивидуальной виктимологической профилактики.

Очевидно, что в наши суматошные годы, когда состояние полной незащищенности характеризует практически всех жителей страны, обращение к древним принципам и постулатам безопасного поведения является более чем своевременным. И это не значит, что задача данного подраздела — обосновать необходимость вовлечения потенциальных жертв в параноидальное состояние страха перед всем и вся.

Просто знание и учет основных факторов риска, которые сопровождают нашу жизнь, могут оказаться полезными при разрешении любого конфликта, в том числе и преступного.

Другое дело, живая жизнь гораздо более разнообразна, чем выверенные практикой схемы древних мудрецов и современные теории выживания. Как мы предполагаем, *любая схема порочна в силу своей механистичности и ограниченности*. И реализуя изложенные приемы обеспечения личной безопасности, формирующие стратегию индивидуальной виктимологической профилактики, необходимо помнить, что каждый человек — единственная и неповторимая личность, которой надлежит принимать ответственность за все решения.

«Людей, как гласит одно древнегреческое изречение, мучают не самые вещи, а представления, которые они создали себе о них. И если бы кто-нибудь мог установить, что это справедливо всегда и везде, он сделал бы чрезвычайно много для облегчения нашей жалкой человеческой участи. Ведь если страдания и впрямь порождаются в нас нашим рассудком, то, казалось бы, в нашей власти либо вовсе пренебречь ими, либо обратить их во благо. Если вещи отдают себя в наше распоряжение, то почему бы не подчинить их себе до конца и не приспособить к нашей собственной выгоде? И если то, что мы называем злом и мучением, не есть само по себе ни зло, ни мучение, и только наше воображение наделяет его подобными качествами, то не кто иной, как мы сами, можем изменить их на другие. Располагая свободой выбора, не испытывая никакого давления со стороны, мы тем не менее проявляем необычайное безумие, отдавая предпочтение самой тягостной для нас доле и наделяя болезни, нищету и позор горьким и отвратительным привкусом, тогда как могли бы сделать этот привкус приятным; ведь судьба поставляет нам только сырой материал, и нам самим представляется придать ему форму», — писал М. Монтень. [591] Что добавить...

Ощущение свободы и смелости при нахождении в самых опасных ситуациях приходит с нашей независимостью. Независимость же дает знание.

В результате проделанного исследования представляется возможным определить ряд положений, служащих основами формирования криминальной виктимологии как учения о жертве преступления.

К ним относятся:

1. Нейтрализация социального, экономического и политического отчуждения личности как гарантия свободного развития гражданина в демократическом государстве немислима без оказания помощи лицам, находящимся в кризисном состоянии. Совершенствование системы социального контроля над преступностью, обеспечение справедливого отношения с жертвой ныне реально осуществляются именно в системе «преступник-жертва-общество» в рамках криминальной виктимологии. Современная криминогенная ситуация, равно как и развитие теории криминологии, свидетельствует, что дилеммы «преступник-жертва» и «жертва-общество» — лишь стороны одной медали.

2. Преступность — специфическая форма реакции общественно-го организма на деструктивное поведение людей, формализованное в нормах уголовного права. Рассмотрение преступности как особой формы отклоняющегося поведения в ее системных и устойчивых взаимосвязях с иными видами социальных отклонений, взаимосвязях, определяемых и определяющих пути и параметры развития общества, позволяет увидеть следующее: кризисные ситуации порождены отнюдь не самой преступностью, а взаимодействием преступности, виктимности и иных социальных факторов в конкретно-исторических условиях. Следует отметить, что альтернативность интересов данных социальных процессов в их взаимодействии нередко иллюзорна и исходит скорее из существующих представлений об антагонистическом конфликте между преступниками, жертвами и обществом, чем от реальной ситуации. Сходное положение выявляется и при историческом анализе основ теории криминальной виктимологии.

3. С точки зрения социологии преступности (опуская «классические» формы взаимоотношений «преступник-жертва» в механизме преступного поведения), значение преступности для конкретного общества и ее объем не могут быть определены без определения

анализа особенностей виктимизации; стоимость преступности и ее предупреждения предполагает учет средств, расходуемых на реституцию и компенсацию потерпевшим от преступлений; анализ проблемы преступности в интерпретации средств массовой информации непосредственно связан с учетом влияния средств массовой информации на формирование страха населения перед преступностью, на формирование виктимологически обоснованной уголовной и криминологической политики.

4. Социальные и политические изменения в мире, происшедшие после Второй мировой войны, изменения общественного нормосознания и вектора политических систем от защиты организаций и государства — к защите граждан, индивидуальных членов общества; разрушение традиционных институтов социальной солидарности и взаимопомощи благодаря процессам урбанизации и миграции, подстегнутым Второй мировой войной и последующими социальными катаклизмами, в особенности в странах постсоветского блока; изменение роли семьи в послевоенном обществе; сокращение финансирования схем социальной помощи, рост безработицы (как явной, так и скрытой); снижение гарантированных законом возможностей личности для возмещения ущерба от виктимизации; ограниченность классических схем профилактики преступлений, направленных исключительно на пресечение, нейтрализацию криминальной активности преступника; развитие кризиса адаптационных возможностей человечества в последнем десятилетии XX века — вот далеко не полный перечень социально-политических, социально-психологических, социально-коррекционных, мировоззренческих предпосылок возникновения и развития виктимологии как самостоятельного научного направления.

5. Анализ историко-правовых и мировоззренческих основ формирования виктимологии волей-неволей подталкивает к выводу о том, что логика развития виктимологии как самостоятельного научного направления диктуется также всей логикой развития науки об обществе, науки о человеке, логикой формирования общества и его культуры, связанной с исторически неизбежной политической и культурной детерминированностью примата обеспечения личной безопасности и защищенности над общественной.

6. Как отечественные, так и зарубежные ученые в процессе осуществления поиска причин и условий отдельных девиаций прошли путь от становления криминологии как самостоятельной науки о

преступности, вышедшей из уголовной антропологии и социологии уголовного права, к теории деликтности и, наконец, к теории социальных отклонений как самостоятельной (специальной) социологической теории, описывающей феномен социальных отклонений и его взаимосвязи с обществом. Соответственно, и виктимология, возникшая как отдельное научное направление в криминологических исследованиях, получив определенное развитие в рамках криминологии и в области деликтной, травматической виктимологии, со временем преобразуется в самостоятельную науку, цель которой — изучение путей нормализации негативных социальных, психологических и моральных воздействий на человека (социальную общность) со стороны природной среды, искусственной жилой и рабочей среды, социальной среды, а также внутренней среды самого человека (социальной общности) для их последующей коррекции и нейтрализации, повышения адаптивных способностей человека, социальной группы.

7. Виктимология сегодня — это комплексное учение о лицах, находящихся в кризисном состоянии (жертвы преступлений, стихийных бедствий, катастроф, экономического и политического отчуждения, беженцы, социальные организации и пр.), и мерах помощи таким жертвам.

8. Предмет виктимологии — виктимность представляет собой социальное, психическое и моральное отклонение от норм безопасности. Виктимность детерминирована соотношением демографических и социально-ролевых факторов, ориентирующих индивида (социальную группу) на удовлетворение определенных потребностей с заданными обществом возможностями их удовлетворения, равно как и иными общими политическими, социальными и экономическими условиями жизнедеятельности общества.

9. Современная виктимология реализуется в таких своих направлениях, как:

общая «фундаментальная» теория виктимологии, описывающая феномен жертвы социально опасного проявления, его зависимости от социума и взаимосвязи с иными социальными институтами и процессами;

частные виктимологические теории среднего уровня (криминальная виктимология, деликтная виктимология, травматическая виктимология и др.);

прикладная виктимология (эмпирический анализ, разработка и внедрение специальных техник превентивной работы с жертвами,

технологий социальной поддержки, механизмов реституции и компенсации, страховых технологий и пр.). Таким образом, виктимология служит осмыслению новых взаимоотношений и динамических связей между жертвами и социально опасными проявлениями среды обитания, интегрируя воедино лучшие достижения традиционных, устоявшихся учений.

10. Криминальная (точнее криминологическая) виктимология сегодня есть относительно самостоятельное *учение о жертве преступления, мерах обращения с жертвами преступлений и путях нейтрализации негативных социальных воздействий на жертву преступления*. Криминальная виктимология, анализируя проявления криминальной виктимности, причины ее возникновения, разрабатывая меры по ее нейтрализации, является не просто оригинальным направлением в рамках криминологических исследований. Относительная самостоятельность предметов изучения и общность социальных задач, подчиненность виктимологических изысканий требованиям нейтрализации преступной активности еще не означают невозможности автономного существования криминальной виктимологии как частной научной теории. Если задачей криминологии является ограничение преступности, то задача криминальной виктимологии несколько шире, — обеспечение безопасности личности от преступных посягательств и их последствий, организация справедливого обращения с жертвами преступлений.

11. В теории криминальной виктимологии жертвой преступления признается любое физическое лицо (социальная общность, организация), которому преступлением причинен физический, материальный или моральный ущерб. В зависимости от характеристики мотивации ведущей виктимной активности представляется возможным выделить следующие виды жертв преступлений: *импульсивная жертва*, характеризующаяся преобладающим бессознательным чувством страха, подавленностью реакций и рационального мышления на нападения правонарушителя (феномен Авеля); *жертва с утилитарно-ситуативной активностью* (добровольные потерпевшие. Рецидивные, «застревающие» жертвы, в силу своей деятельности, статуса, неосмотрительности в ситуациях, требующих благоразумия, попадающие в криминальные ситуации); *установочная жертва* (агрессивная жертва, «ходячая бомба», истероид, вызывающим поведением провоцирующий преступника на ответные действия); *рациональная жертва* (жертва-provocateur, сама создающая ситуацию совершения престу-

пления и сама попадающая в эту ловушку); *жертва с ретристской активностью* (пассивный провокатор, который своим внешним видом, образом жизни, повышенной тревожностью и доступностью подталкивает преступников к совершению правонарушений). Развитие изучения моделей поведения жертв в указанном направлении открывает, на наш взгляд, определенные перспективы исследований взаимодействия преступника и его жертвы и познания новых закономерностей виктимизации населения.

12. Системное определение криминальной виктимности как социального, психического и морального (духовного) отклонения от норм безопасного поведения, обуславливающего потенциальную или реальную способность субъекта становиться жертвой преступления, снимает противоречивость любой односторонней концепции виктимности: от описания поведенческой, биопсихической предрасположенности к формированию виктимного потенциала до ее полного отсутствия.

13. Виктимность как отклонение от норм безопасного поведения реализуется в совокупности: социальных (статусные характеристики ролевых жертв и поведенческие отклонения от норм индивидуальной и социальной безопасности); психических (патологическая виктимность, страх перед преступностью и иными аномалиями); моральных (интериоризация виктимогенных норм, правил поведения виктимной и преступной субкультуры, виктимные внутриличностные конфликты) проявлений.

Таким образом мы можем попытаться рассмотреть виктимность как отклонение на поведенческом уровне, девиацию — на уровне психологии личности и социальной общности и, наконец, как отклонение определенных социокультурных характеристик индивидуального и группового сознания.

14. Представляется, что по степени связи с преступным поведением виктимность может проявляться в двух основных формах: а) *эвентуальная* (от латинского «эвентус» — случай) виктимность; б) *децидивная* (от латинского «децидо» — решение) виктимность. Эвентуальная виктимность (виктимность в потенции), означающая возможность при случае, при известных обстоятельствах, при определенной ситуации стать жертвой преступления, и включает в себя причинно обусловленные и причинно сообразные девиации. Децидивная виктимность (виктимность в действии), охватывающая стадии подготовки и принятия виктимогенного решения, да и саму виктимную

активность, соответственно, включает в себя целесообразные и целеобусловленные девиации, служащие катализатором преступления.

15. Криминогенное значение виктимности на макроуровне может быть рассмотрено:

во-первых, сквозь призму влияния особенностей реализации виктимности как массовой формы отклоняющегося поведения и ее обратного влияния на формирование количества совершаемых преступлений (описание типичных связей и взаимозависимостей между различными типами отклоняющегося поведения в рамках теории этиологии преступности);

во-вторых, посредством описания прямых и косвенных расходов общества на ликвидацию негативных последствий взаимосвязей «преступность-виктимность» (обращение с жертвами преступлений, реституция и компенсация) и на формирование криминогенности общественных отношений;

в-третьих, с помощью анализа, непосредственно связанного с состоянием виктимности страха населения перед преступностью и его влияния на типичные виктимные перцепции, опосредуемые ими ощущения социальной безопасности, соответствующие им реакции граждан, которые определяют состояние уголовной политики в обществе.

16. На уровне малых социальных групп и сообществ криминогенное значение виктимности должно изучаться через исследование совокупности социально-психологических переменных (социальный опыт, нормы, установки, обычаи, традиции, верования, суеверия) и процессов, повышающих виктимность отдельных групп населения; делающих их (по крайней мере, сквозь призму социокультурных установок и стереотипов) более, чем других людей, подверженными риску стать жертвами преступления; обучающих и стигматизирующих определенные группы, дифференцируемые по национальному, религиозному, расовому, социально-ролевому и социально-демографическому критериям на субъектов, обладающих повышенной виктимностью в данной культуре и тем самым «притягивающих» преступность. В таком контексте подлежит изучению поведение жертв злоупотребления властью, представителей этнических, религиозных меньшинств, статусных жертв, детей, женщин и престарелых.

17. Анализ криминогенного влияния виктимности на микроуровне включает изучение влияния прошлого виктимного опыта и роли в формировании негативных личностных качеств на процесс соци-

ального становления личности преступника, а также на процесс совершения преступления.

18. Под виктимизацией понимается социальный процесс превращения лица (социальной общности) в жертву преступления и результат этого процесса. По сути дела, понятие виктимизации представляет собой своеобразную характеристику виктимности, объективно существующую и могущую быть измеренной количеством случаев причинения вреда жертвам преступлений, а также совокупностью количественных и качественных характеристик потерпевших от преступлений.

19. К основным закономерностям распределения виктимизации в Украине можно отнести следующие:

- уровень виктимизации в 2, 2,5 раза превышает уровень регистрируемой преступности;

- если в общественном сознании виктимизация отождествляется с насилием, то на самом деле виктимизация, как и преступность, — явление с корыстной направленностью;

- виктимизация распространяется среди населения неравномерно: чем выше степень тяжести преступления, тем реже проявляется виктимизация;

- существуют гомеостатические связи между преступностью и виктимизацией: чем выше преступность, тем ниже виктимизация в случаях, когда общество обеспокоено состоянием преступности. И наоборот, стабильность социальных отношений, понижая страх перед преступностью, выравнивает показатели виктимизации и преступности;

- риск виктимизации связан с дефектами образа жизни и обыденной активности, равно как и с проецирующимися ними индивидуальными отклонениями.

20. Есть основания предполагать, что виктимизация и преступность как социальные процессы во многом определяются общей характеристикой и состоянием культуры общества, организующей человеческую жизнь в целом. Практически преступность и виктимизация выступают своеобразными формами адаптации процесса девиантности к процессу изменений социальной структуры. Вновь складывающиеся и законодательно, да и нравственно, не подкрепленные общественные отношения и формы собственности порождают новую структуру преступности и процессуально связанных с ней виктимности и виктимизации.

21. В периоды стабильного, упорядоченного развития общественных отношений виктимность и преступность находятся в прямой корреляционной зависимости: страх перед преступностью, ощущения собственной безопасности и благополучия соответствуют заданным обществом моделям и характеристикам уголовной статистики. Вместе с тем периоды социальных новаций и перемен, сопровождающиеся хаотическим развитием общественных отношений, ускорением социальной дифференциации, социальной мобильности, понижением порога индивидуальной и общественной безопасности приводят к наличию иных зависимостей: страх перед преступностью и виктимизация, ощущаемая населением, не совпадают, а порой даже обратно коррелируют с регистрируемым разваливающейся и изменяющейся системой уголовной юстиции уровнем преступности, что, естественно, отражается как на состоянии общественной безопасности, так и на уголовной политике данного общества.

22. Организация общественной безопасности предполагает необходимость соблюдения основных принципов обращения с жертвами преступлений, закрепленных международным правом. К ним относятся:

Ответственность. Ответственность за организацию обращения с преступником возлагается на государство, а не на жертву преступления. Государство несет юридическую и моральную ответственность за ущерб, причиненный жертвам преступлений, на его территории.

Право быть информированным. Все жертвы имеют право на получение четкой информации о развитии их дела и принимаемых решениях. В процессе расследования жертвы должны иметь право знакомиться с материалами дела и высказывать свои соображения о финансовых, эмоциональных и физических травмах, полученных ими, и любых страхах, прямым или косвенным образом связанных с преступлением. Указанные соображения должны приниматься во внимание при принятии решений по делу, включая привлечение виновного к ответственности, его осуждение и назначение адекватного наказания. После осуждения жертвы должны иметь право быть информированными о любых планах, касающихся правонарушителя, и иметь возможность высказать свои соображения по этому поводу. Службы, исполняющие наказание, должны принимать такие соображения во внимание при принятии соответствующих решений.

Защита. Жертвы, испытывающие страх перед мстостью со стороны преступников, их родственников и знакомых, должны иметь право

на адекватную защиту, включая наложение дополнительных правоограничений на преступников (запреты контактов с жертвой, установление ответственности за нарушение принципов защиты и обеспечения безопасности жертвы). Организация безопасности жертвы должна включать право на изменение фамилии, места жительства, физическую охрану, право на обеспечение безопасности в суде при даче показаний.

Компенсация. Жертвы преступлений должны иметь конституционное право получения компенсации за причиненные преступлением физические и психические травмы, эмоциональный ущерб, потерю дохода, компенсацию лечения, не компенсируемые системой социальной помощи, принятой в государстве. Жертвам должна быть предоставлена возможность получить компенсацию от правонарушителя в процессе судебного разбирательства. В случае рассрочки получения компенсации от правонарушителя судебные органы должны напрямую возместить ущерб жертве, взыскав его впоследствии с правонарушителя. Лица, иждивенцы жертв насильственных преступлений имеют право на компенсацию за потерю кормильца и специальную компенсацию, размер которой зависит от статусного положения жертвы (государственные служащие, работники, занятые на опасных производствах и пр.). Правила о компенсации в первую очередь распространяются на жертв насильственных преступлений и лиц, чье имущественное положение и социальный статус (проживание за «чертой бедности») не позволяют возместить самостоятельно ущерб, причиненный преступлениями имущественного характера.

Поддержка. Работники системы уголовной юстиции должны проходить специальное обучение, направленное на организацию обращения с жертвами преступлений. Жертвы должны быть в первую очередь проинформированными о всех судебных и административных процедурах, касающихся их, а также иметь возможность получить консультацию о их правах на всех стадиях административной и судебной процедуры. Правовая помощь и защита должны, по возможности, быть в первую очередь предоставлены жертвам преступлений. Жертвы должны иметь доступы к специальным системам поддержки, а также иметь специальные гарантии соблюдения их прав и интересов.

23. К числу законопроектной деятельности в Украине, связанной с кооперацией потерпевших в систему уголовной и гражданской юстиции и осуществлением нормального обращения с ними, могут быть отнесены:

во-первых, разработка Государственной концепции помощи жертвам преступлений и злоупотреблений властью наряду с введением специального законодательства, направленного на распространение единых государственных средств социальной, правовой и материальной помощи на всех жертв преступлений, и введение особых мер защиты для государственных служащих (Закон прямого действия «Об охране прав жертв преступлений»);

во-вторых, создание государственно-общественной системы виктимологической помощи гражданам и легализация схем компенсационной поддержки потерпевших за счет средств децентрализованных фондов поддержки, формирующихся посредством наложения на преступников дополнительных судебных издержек.

Указанные предложения могут быть реализованы в приводимых ниже на украинском языке текстах проектов Концепции помощи жертвам преступлений и Закона «Об охране прав жертв преступлений»:

Примечания

1. Кримінальний кодекс України: Науково-практичний коментар / Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, С. Б. Гавриш та ін.; За заг. ред. В. В. Сташиса, В. Я. Тація. — К.: Концерн «Видавничий Дім «Ін Юре», 2003. — 1196 с.
2. См.: Crime and criminal justice in Europe and North America 1986–1990 / Ed. Kristina Kangaapusta. — Helsinki, 1995. — P. XXV–XXVIII.
3. Europe: Crime Index by Country 2016 Mid Year — electronic resource [mode of access] — http://www.numbeo.com/crime/rankings_by_country.jsp?title=2016-mid®ion=150/).
4. Бевзенко Л. Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. — К.: Институт социологии НАН Украины, 2002. — 437 с. — С. 297–298
5. См.: Хохряков Г. Ф. Криминология: Учебник / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. — М.: Юристъ, 1999. — С. 80; Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления. — Горький, ВШ МВД СССР. — 1979. — С. 37.
6. Ребане И. А. О виктимологическом аспекте при назначении наказания // Потерпевший от преступления: (уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминологические и психологические аспекты): Труды по правоведению. — Тарту: ТГУ, 1987. — С. 5.
7. См. об этом подробнее: Юридический вестник -Одесса. — 1999. — № 1; Proposed programme of work in crime prevention and criminal justice for the biennium 2000–20001. Note by the Secretary-General/ Doc/E/CN/15/1999/9. — 7 p.
8. См.: Experience of Crime across the World. Key findings of the 1989 International Crime survey / J. Van Dijk, P. Mayhew, M. Killias. — Rotterdam, Kluwer, 1990; Criminal victimization in the industrialized world: Key findings of the 1989 and 1992 International Crime surveys // Van Dijk J., Mayhew P. The Hague: Ministry of Justice, 1993; Block R. (ed.). Victimization and Fear of Crime: World perspectives. — Washington D. C.: U. S. Department of Justice, 1984; Reactions to Crime. — Beverly Hills: Sage publ., 1981; Кайзер Г. Общественное мнение об уголовном законе, виновности, наказаниях, преступниках и жертвах // Материалы IV советско-западногерманского симпозиума по проблемам криминологии, уголовного права и процесса. — К.: Наук. думка, 1990. — С. 55. См. также работы В. П. Коновалова, В. Я. Рыбальской, Д. В. Ривмана и др.
9. См.: The front line for victims of crime // National Victims Center. — NY, 1996.
10. Viano E. Victimology: a new focus for research and practice // The Victimology handbook. — New York, Garland publishing inc., 1990. — P. XII; Towards a Victim policy in Europe. — Helsinki, 1984. — N 2. — (HEUNI publ. Series);

- Victim's Charter : a statement of the rights of victims of crime. — London: Home Office, 1990; Gordon C. Barclay. Criminal justice system in England and Wales. — London: Home Office, 1993. — P. 29.
11. Tsitsura A. The European Convention on the compensation of victims of violent crime // Towards a Victim policy in Europe. — Helsinki, 1984. — P. 133–145; Recommendation on assistance to Victims and the prevention of Victimisation // Council of Europe, 1987. — Doc.N R (87)21.
 12. См.: Декларация Основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью. — Нью-Йорк: Департамент общественной информации ООН, 1988. — 8 с.
 13. См., например: Коржанський М. Й. Про концепцію нового кримінального законодавства України // Юрид. вісник України. — 1995. — № 21; Гошовський М. І., Кучинська О. П. Потерпілий у кримінальному процесі України. — К., 1998. 190 с.; Омеляненко Г. Питання захисту конституційних прав людини у кримінальному судочинстві України // Право України. — 1997. — № 3; Аленин Ю. П., Гурджи Ю. А. Внепроцессуальная активность жертвы преступления и проблемы своевременности в уголовном судопроизводстве // Актуальні проблеми держави та права: Зб. наук. праць. — Одеса, 1998. — Вип. 5. — С. 132–136; Застосування кримінально-процесуального законодавства, що передбачає захист прав потерпілого (за матеріалами узагальнення судової практик) // Вісник Верховного Суду України. — 1999. — № 1. С.25–36; Ильина Л. В. Уголовно-процессуальное значение виктимологии // Изв. вузов. Правоведение — 1975. — № 3. — С.119–123.
 14. См.: Криминальная полиция советует, как не стать жертвой преступления: Пер. с нем. / Сост. В. Ковальский. — К.: Гражданский мир. — 1992. — 96 с. Джужа О. М., Моїсєєв Є. М. Проблеми потерпілого від злочину. — К., УАВС, 1994. — 51 с.; Михайлов А. Е. Роль потерпевшего в механизме насильственных преступлений // Криминологические проблемы борьбы с преступностью — Киев, 1989. — С.41–49. См. также работы В. И. Борисова, И. Н. Даньшина, А. П. Закалюка, А. Ф. Зелинского, И. П. Лановенко, В. Г. Лихолоба, Ф. А. Лопушанского, А. Я. Светлова и др.
 15. См., например: Франк Л. В. Виктимология и виктимность. — Душанбе, 1972; Ривман Д. В. Потерпевший от преступления: личность, поведение, оценка. — Л., 1973; Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. — Н. Новгород, 1998; Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления. — Горький, 1979; Ситковский А. Л. Виктимологическая характеристика и профилактика корыстных преступлений против собственности граждан. — М.: ВНИИ МВД, 1998; Чечель Г. И. Жестокий способ совершения преступлений против личности. — Нальчик: Нарт, 1991.; См. также работы Г. В. Антонова-Романовского, Г. В. Вандышева, П. С. Дагеля, В. С. Минской, Р. И. Михеева, В. Я. Рыбальской и др.

16. См.: Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. — М.: Юристъ, 1995. — С. 35; Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова. — С. Пб., 1998. — С. 7–11; Криминология: Учебник / Под ред. А. И. Долговой. — М., 1997. — С. 21; Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. — М.: Юрид. лит., 1985. — С. 168; Дашин И. Н. Введение в криминологическую науку. — Х., 1998. — С. 10; сев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — М., 1997. — С. 45; Jozsef Vigh. The victim's problem in Hungary // *Cahiers de defense sociale*. — 1987. — P. 117; Wilson James Q. Thinking about crime. — Vintage, 1985; Bennet Georgette. Crimewraps: The Future of crime in America. — Doubleday, 1987; The United Nations and Crime prevention. — New York: The UN Dept. of public Information, 1996. — P. 10.
17. В дальнейшем мы по возможности будем уклоняться от использования, на наш взгляд, чересчур политизированного и требующего определенной коррекции термина «борьба с преступностью». В условиях тотальной криминализации общественных отношений, отмечающейся большинством ведущих криминологов стран СНГ, употребление подобного рода терминологии представляется скорее данью общественному мнению, традиции, чем насущными потребностями практики предупредительной деятельности. См.: Криминология. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — С. 91; Криминология. — М., 1997. — С. 317–324; Долгова А. И. Организованная преступность, ее развитие и борьба с ней // Организованная преступность-3. — М.: Криминологическая ассоциация, 1996. — С. 40–41; Гилинский Я. И. Преступность и безопасность населения: Санкт-Петербург на фоне российской действительности // Криминологическая ситуация и безопасность в обществе: Материалы Первого Международного Причерноморского социально-девиантологического симпозиума. — Кишинев, 1995. — Т. 2. — С. 34. Справедливости ради отметим, что существует и иная точка зрения, обосновывающая актуальность применения термина «борьба с преступностью». См.: Криминология: Учебник / Под ред. А. И. Долговой. — М., 1997. — С. 23, 27, 319–324.
18. Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. — Душанбе: Ирфон, 1977. — С. 204.
19. См., например: Зелинский А. Ф. Криминология: Курс лекций. — Х.: Прапор, 1996. — С. 84, 148; Криминология. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — С. 131; Криминология: Учеб. пособие / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. — М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. — С. 51.
20. См.: Долгова А. И., Серебрякова В. А., Горбатовская Е. Г., Кригер Г. И. Основы криминологии для практических работников: Метод. пособие. — М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1988. — С. 94.

21. См., например: *Information on the Criminal Justice System in England and Wales: Digest 2.* — London: Home Office research and statistics Department, 1993. — Р. 13; Чечель Г. А. Жестокий способ совершения преступлений против личности. — Нальчик: Нарт, 1991. — С. 129; Шнайдер Г. И. Криминология. — М.: Прогресс, 1995. — С. 129—130, 358—360; Матти Лайне. Криминология и социология отклоненного поведения. — Хельсинки: Центр обучения тюремных служащих, 1994. — С. 85. Вместе с тем нельзя не отметить, что за последние годы в отечественной науке появился целый ряд публикаций, посвященных практизации виктимологических исследований. См., например: Корнелиус Х., Фэйр Ш. Выиграть может каждый. — М.: Прогресс, 1992. — С. 22—24. См. также: Гостюшин А. В., Шубина С. И. Азбука выживания. — М.: Знание, 1995. — С. 6; Яцек Палкевич. Выживание в городе. — М.: Карвет, 1992; Алексеев А. И., Васильев Ю. В., Смирнов Г. Г. Как защитить себя от преступника. — М., 1990; Викторов В. Н. Как защитить вашу квартиру и контору от воров: 50 советов американской полиции. — М., 1992; Как обеспечить личную безопасность: практические рекомендации. — М., 1992; Белоус Т. А., Туляков В. А. Доктрина безопасности. — Одесса: АО БАХВА, 1995. — 164 с.; Михайлов А. Е. Криминологические проблемы борьбы с некорыстной насильственной преступностью среди молодежи: Дис.... д-ра юрид. наук. — К., 1996. — 426 с. См. также работы А. И. Алексеева, Ю. М. Антоняна, В. Борисова, В. Волкова, Э. Виано, К. Вильсона, А. В. Голины, А. В. Гостюшина, И. Гульева, И. Н. Даньшина, А. М. Джужи, А. В. Долина, В. Дунаева, А. Закалюка, М. Йоттсена, В. Леви, В. С. Ковальского, В. И. Кормщикова, Х. Корнелиус, В. В. Кривенцова, М. Лайне, А. В. Логинова, В. Г. Лихолоба, В. Лукина, В. С. Минской, И. Б. Михайловской, Я. Палкевича, М. Е. Поздняковой, Э. Полянского, В. И. Полубинского, Г. В. Попова, К. Прайор, Г. В. Ривмана, Л. Н. Рыбаковой, С. Сенчукова, Э. И. Скакунова, Э. Соловьева, В. Титова, Э. Фаттаха, Ш. Фейр, Л. В. Франка, М. Франкс, Б. Холыста, А. П. Чауша, Г. Шайдера, С. И. Шубиной, А. М. Яковлева и др.
22. Ядов В. А. Нейл Смейлзер и его лекционный курс // Смейлзер Н. Социология: Пер. с англ. — М.: Феникс, 1994 — С. 6.
23. Нестор. Летопись. — Цит. по: Толстой А. К. История государства Российского от Гостомысла до Тимашева // Собр. соч. — М.: Правда, 1980. — Т. 1. — С. 256.
24. См., например: Никифоров А. С. Что нам делать с организованной преступностью? // Организованная преступность-3. — М.: Криминологическая ассоциация, 1996. — С. 134.
25. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло): Пер. с нем. — М.: Прогресс. — 1994. — С. 254.
26. См.: Второй Международный Причерноморский социально-девиантологический симпозиум «Преступность, социальный контроль и права человека»: Материалы. — Одесса, 1996. — Т. 1.

27. Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека. — М.: Педагогика, 1988. — С. 293–294.
28. См.: Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. — Саратов, 1975. См. также: Зелинский А. Ф. Криминология: Курс лекций. — Х.: Прапор, 1996. — С. 44–52.
29. См., например: Личность преступника и предупреждение преступлений: Сб. науч. трудов. — М.: ВНИИ МВД СССР, 1987. — 102 с.; Личность преступника: методы изучения и проблемы воздействия. — М.: ВНИИ МВД СССР, 1988. — 110 с.; Актуальные проблемы криминологии и исправительно-трудового права: Сб. науч. трудов. — М., 1990; Антонян Ю. М., Юстицкий В. В. Несовершеннолетние преступники с акцентуациями характера. — М.: ВНИИ МВД РФ, 1993. — 115 с.; Насилие, агрессия, жестокость: Сб. науч. трудов. / Отв. ред. А. Р. Ратинов. — М., 1990; Зелинский А. Ф. Криминальная психология. — К.: Юринком-Интер, 1999. — 238 с.
30. См.: Данышин И. Н. Введение в криминологическую науку. — Х., 1998. — С. 84.
31. См.: Зелинский А. Ф. Криминальная психология. — К.: Юринком-Интер, 1999. — С. 233.
32. См.: Рыбальская В. Я. Виктимологическая характеристика несовершеннолетних преступников // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. трудов. — Иркутск, 1988. — С. 44.
33. Зелинский А. Ф. Криминальная психология. — К.: Юринком-Интер, 1999. — С. 129.
34. Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова. — С. Пб., 1998. — С. 155.
35. Миньковский Г. М. Взаимосвязь социологического и криминологического подходов к изучению преступности // Социологические исследования. — 1984. — № 4. — С. 186.
36. См.: Кондратюк Л. В. Антропология преступления (микрокриминология). — М.: Норма, 2001. — 336 с.
37. Франк Л. В. Виктимология и виктимность. — Душанбе: Ирфон, 1972. — С. 18.
38. См.: Ленц А. К. Криминальные психопаты (социопаты). — Л.: Медгиз, 1927. — 168 с. См. также: Мелик-Дадаева А. И., Трубицина Э. М. Типология преступников в буржуазной криминологии // Типология личности преступника и индивидуальное предупреждение преступлений. — М., 1979. — С. 146–148. Коновалова В. Е. Убийство: искусство расследования. — Харьков: Факт, 2001. — С. 37–46.
39. Балобанова Л. М. Судебная патопсихология. — Донецк: Сталкер, 1988. — С. 337–338.
40. Hentig H. The criminal and his victim. — New Haven, 1948. — Цит. по: Шнайдер Г. И. Криминология. — М., 1994. — С. 350.

41. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Сов. энциклопедия, 1988. — С. 321.
42. Ли Д. А. Уголовно-статистический учет: структурно-функциональные закономерности. — М.: Русский мир, 1998. — С. 20. См. также: Социальные отклонения. — М., 1989. — Гл. XII.
43. Описание научного аппарата такого взаимодействия см.: Синергетика: Сб. статей. — М.: Мир, 1984. — 247 с.
44. См.: Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). — С. Пб.: Лань, 1999. — С. 6, 159—191.
45. В криминологии на указанные формы взаимообмена в процессе детерминации преступности было впервые обращено внимание А. Э. Жалинским еще в начале 90-х годов прошлого века, однако, в силу неразвитости синергетической парадигмы, указанная идея не получила своего развития. См.: Жалинский А. Э. Насильственная преступность и уголовная политика //Сов.государство и право. — 1991. — № 3. — С. 107.
46. Примечательно, что и в идеологии трезубца как малого Государственного герба Украины также воплощена восходящая еще к праатлантическим цивилизациям тройственность, триединство жизненного пространства и бытия. См.: Лозко Г. Українське народознавство. — К.: Зодіак-ЕКО, 1995. — С. 230—232.
47. Криминология: Учебник / Под ред. В. В. Орехова. — СПб., 1992. — С. 131.
48. Криминология: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. — М., 1994. — С. 131.
49. Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. — М., 1995. — С. 35. Справедливости ради отметим, что во втором издании этого учебника в 1999 году авторы дали развернутое определение виктимологии, в основном соответствующее современному пониманию места и роли виктимологии в кругу дисциплин, изучающих отклоняющееся поведение.
50. Криминология: Учеб. пособие / Под ред. В. Е. Эминова. — М., 1997. — С. 53.
51. Четвериков В. С., Четвериков В. В. Криминология: Учеб. пособие. — М., 1997. — С. 72; Криминология (конспект лекций) / Сост. А. Желудков. — М., 1999. — С. 31.
52. Криминология: Учебник (для учебных заведений МВД Украины) / Под ред. В. Г. Лихолоба, В. П. Филонова. — К.; Донецк, 1997. — С. 7, 26.
53. Криминология: Учебник / Под ред. А. И. Долговой. — М., 1997. — С. 376; Алексеев А. И. Криминология: Курс лекций. — М., 1998. — С. 165.
54. Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова. — С. Пб., 1998. — С. 153.
55. Зелинский А. Ф. Криминология: Учеб. пособие. — Х., 2000. — С. 81.

36. Хохряков Г. Ф. Криминология: Учебник / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. — М., 1999. — С. 51–53, 181–182, 503.
37. Uuno E. Victimology: A new focus of research and practice // The Victimology handbook. — NY, 1990. — P. XX.
38. Результатом такого подхода могут в определенной мере служить идеи о индереции отдельных элементов гражданско-правового института зачета вины потерпевшего (*culpa compensatio*) в сферу уголовно-правовых отношений. См., например: Кузнецова Н. Ф. Уголовно-правовая профилактика преступлений с учетом социально-значимого поведения потерпевшего // Потерпевший от преступления: (уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминологические и психологические аспекты): Труды по правоведению. — Тарту: ТГУ, 1987. — С. 21–22.
39. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло): Пер. с нем. — М.: Прогресс. — 1994. — С. 37.
40. См.: Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология — СПб.: «Юридический центр. Пресс». — 2000. — С. 13–14.
41. Исторический компаративистский анализ развития уголовного законодательства первой половины XX века может привести к обнаружению немалого количества аллюзий в развитии навеянных идеями Э. Ферри, параллельных официальным системам уголовного наказания систем коррекционных мер в фашистской Италии и Германии и мер социальной защиты в Советском Союзе. К аналогичным выводам, кстати пришел и Л. В. Кондратюк. См.: Кондратюк Л. В. Антропология преступления (микркриминология). — М.: Норма, 2001. — С. 117.
42. Резник Г. М. К вопросу об определении понятия «преступность» // Совершенствование правовых мер борьбы с преступностью: Межвуз. темат. сб. — Владивосток: Изд-во ДГУ, 1986. — С. 95. В этой связи, на наш взгляд, следует также с определенной осторожностью относиться к абсолютизации криминогенности индивидуальных первичных инстинктов и особенностей психологии личности. См.: Зелинский А. Ф. Криминология: Курс лекций. — Х.: Прапор, 1996. — С. 47.
43. См.: Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. — М., 1985. — С. 53.
44. Пулыдан В. В. Мотивация противоправных действий у психопатических личностей: Автореф. Дис.... д-ра юрид. наук. — М., 1985. — С. 6, 16.
45. См.: Дідоренко Е., Розовський Б., Чалий В. Кримінологія: традиції і новачі // Право України. — 1999. — № 6. — С. 92.
46. См.: Хохряков Г. Ф. Криминология: Учебник. — М.: Юристъ, 1999. — С. 137.
47. См., например: Ли Д. А. Преступность в России: системный анализ. — М., 1997. — С. 34–66.
48. См.: Социальные отклонения — М: Юрид. лит., 1989. — Гл. XII; Гилинский Я. И. Девиантное поведение в зеркале социологии (по материалам

- СССР) // Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля: Сб. науч. трудов. — М., 1992. — С. 59–101.
69. См.: *Crime and Criminal Justice in Europe and North America*. — Helsinki: HEUNI series, 1995. — Vol. 25.
70. См.: Бабаев М. М. Социальные последствия преступности — М., 1982; Вицин С. В. Системный подход и преступность. — М., 1980; Джекебаев У. С. Преступность как криминологическая проблема. — Алма-Ата, 1974; Изменения преступности и проблемы охраны правопорядка. — М., 1994; Латентная преступность: познание, политика, стратегия. — М., 1993; Матти Лайне. Криминология и социология отклоненного поведения. — Хельсинки, 1994; Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. — М., 1980; Преступность и правонарушения: Стат. сб. — М., 1992; Преступность в Украине // Бюллетень законодательства и юридической практики Украины. — - 1994. — № 2.
71. Голина В. В. О понятии «преступность» // Преступность, социальный контроль и права человека: Материалы Второго Международного Причерноморского социально-девиантологического симпозиума. — Одесса, 1996. — Т. 1. — С. 48.
72. Лунеев В. В. Юридическая статистика: Учебник. — М.: Юристъ, 1999. — С. 343.
73. См., например: Гилинский Я. И. Социологическое исследование преступности и иных антиобщественных проявлений (вопросы теории и методики): Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. — М., 1986. — С. 29.
74. См.: Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. — М.: Наука, 1988. — С. 66.
75. См., например: Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. — М., 1992. — С. 69–82.
76. Ли Д. А. Уголовно-статистический учет: структурно-функциональные закономерности. — М., 1998. — С. 61.
77. См.: Фролова О. Г. Злочинність і система кримінальних покарань (соціальні, правові та кримінологічні проблеми й шляхи їх вирішення за допомогою логіко-математичних методів): Навч. посібник. — К.: АртЕк, 1997. — С. 12–15.
78. См., например, работы Питирима Сорокина, Колина Уилсона.
79. См.: Криминология. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — С. 69–70, 201–202; Матти Лайне. Криминология и социология отклоненного поведения. — Хельсинки, 1994. — С. 41–44; 71–73.
80. Аврутин Ю. Е., Гилинский Я. И. Криминологический анализ преступности в регионе. — Л., 1991. — С. 11–12.
81. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. — М.: Юрид. лит., 1984. — С. 102; Социальные отклонения. — М., 1989. — С. 95. Становление теории социальных отклонений, равно как и развитие основ современной криминологии как социологии преступности, связано с

- трудами Я. И. Гишинского, В. В. Денисова, Е. В. Додина, В. Н. Кудрявцева, А. М. Яковлева и других выдающихся ученых. См., например: Гишинский Я. И. Некоторые проблемы «отклоняющегося поведения» // Преступность и ее предупреждение: Сб. науч. трудов. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. — С. 95–103; его же: Отклоняющееся поведение — объект правового воздействия // Человек и общество. — Л., 1973. — Вып. 12. — С. 144–157; Денисов Ю. А. Общая теория правонарушения и ответственности: (социологический и юридический аспекты). — Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. — 144 с.; Кудрявцев В. Н. Исследовательская проблема — социальные отклонения // Социол. Исследования. — 1983. — № 2. — С. 111–116; Шпалинский В. В. О социально-психологических аспектах понятия «отклоняющегося поведения» // Труды Высшей школы МВД СССР. — 1974. — Вып. 36. — С. 14–23; его же: К социально-психологической природе феномена «отклоняющееся поведение» // Вопр. психологии. — 1975. — № 6. — С. 54–58; Яковлев А. М. Преступность и социальная психология: (социально-психологические закономерности противоправного поведения). — М.: Юрид. лит., 1971. — 248 с.
82. Лунеев В. В. Юридическая статистика: Учебник. — М.: Юрист, 1999. — С. 344.
 83. Mike Maguire. Crime statistics, patterns, and trends: changing perceptions and their implications // Oxford handbook of Criminology. — Oxford, 1997. — P. 133–139, 182.
 84. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). — С. Пб.: Лань, 1999. — С. 76.
 85. Раззаков Ф. Бандиты времен капитализма (Хроника российской преступности 1992–1995 гг.). — М.: ЭКСМО, 1996. — С. 45.
 86. См.: Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. — М.: Наука, 1988. — С. 143.
 87. См.: Сиснев В. Сексуальных маньяков — под контроль // Труд. — 1997. — 18 июня. — С. 4.
 88. Подробнее см.: Никифоров А. С. США: новый закон о контроле над насильственной преступностью // Криминологические и уголовно-правовые идеи борьбы с преступностью. — М.: ИГПРАН, 1996.
 89. См.: Beyond prisons international symposium // HEUNI newsletter. — 1998. — July. — P. 12; Profiles of criminal justice systems in Europe and North America (1990–1994). — Helsinki, 1999. — P. 452.
 90. «Есть достаточно доказательств, свидетельствующих о несоответствии статистических данных криминальным реалиям» (Лунеев В. В. Юридическая статистика. — М., 1999. — С. 107).
 91. См.: Beyond prisons international symposium // HEUNI newsletter. — 1998. — July. — P. 12, 16.
 92. См.: Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. — М.: Наука, 1988. — С. 129.

93. The United Nations and crime prevention. — New York, 1996. — P. 12.
94. Profiles of criminal justice systems in Europe and North America 1990—1994. — Helsinki, 1999. — P. 455.
95. См., например: Graham J., Bennet T. Crime prevention strategies in Europe and North America. — Helsinki, 1995.
96. Мишель Фуко. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М.: Ad marginem, 1999. — С. 268.
97. Crime and criminal justice in Europe and North America 1986—1990. — Helsinki, 1995. — P. XXXVII.
98. Лунеев В. В. Юридическая статистика. — М., 1999. — С. 106.
99. См.: Голина В. В. Криминологическая профилактика, предотвращение и пресечение преступлений. — К., 1989; Предупреждение преступности и уголовное правосудие в контексте развития: реальность и перспективы международного сотрудничества (Перечень соответствующих мер по предупреждению преступности): Записка Генерального Секретаря Восьмому Конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Документ А/ Conf.144/9. — 13 июня 1989. — 35 с.
100. См.: Матти Лайне. Криминология и социология отклоненного поведения. — Хельсинки: Центр обучения тюремных служащих, 1994. — С. 106—108; Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. — М.: Наука, 1988. — С. 143—144.
101. Шнайдер Г. И. Криминология. — М.: Прогресс, Универс. — 1994. — С. 220—221.
102. Дружинин В. В., Конторов Д. С., Конторов М. Д. Введение в теорию конфликта. — М.: Радио и связь, 1989. — С. 278.
103. См.: Закалюк А. П. Прогнозирование и предупреждение индивидуального преступного поведения. — М., 1986. — С. 85—136; Зелинский А. Ф. Рецидив преступлений: структура, связи, прогнозирование. — Х., 1980; Кудрявцев С. В. Конфликт и насильственное преступление (социально-психологическое исследование причинно-следственных связей). — М., 1991; Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликтов. — М., 1993. См. также: Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: Учебник для вузов. — М.: ЮНИТИ, 1999. — Гл. 31.
104. Питирим Сорокин. Наказание и кара. Подвиг и награда. — С. Пб.: Изд-во Я. Г. Долбышева, 1914. — С. VI.
105. См.: Гишинский Я. И., Смолинский Л. Г. Социодинамика самоубийств // Социологические исследования. — 1988 — № 5. — С. 58; Crime and criminal justice in Europe and North America 1986—1990. — Helsinki, 1995 — P. XXVI.
106. Best J., Luckenbill D. F. Organizing deviance. — Englewood Cliffs, 1982. — P. 177.

107. См. об этом работы А. Н. Костенко. Например: Костенко А. Н. Криминальный произвол. Социопсихология воли и сознания преступника. — К., 1990.
108. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. — М.: Юрид. лит., 1985. — С. 170.
109. Гилинский Я. И. Социологическое исследование преступности и иных антиобщественных проявлений. — С. 21.
110. Холостова Т. В. Моральная оценка и ее особенности // Вопр. философии. — 1968. — № 4. — С. 97; Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. — М.: Наука, 1985. — С. 166—168.
111. Практически виктимология как социология жертвы социально опасного проявления выполняет в процессе научного познания те же функции, как и развивающаяся ныне достаточно активно экологическая психология. См.: Китаев-Смык Л. А. Вступительная статья // Черноушек М. Психология жизненной среды: Пер. с чешск. — М.: Мысль, 1989. — С. 3.
112. Viano E. Victimology: A new focus of research and practice // The Victimology handbook. — NY, 1990. — P. XIV.
113. Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. — М.: Политиздат, 1981. — С. 77.
114. См.: Гилинский Я. И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. — 1991. — № 4. — С. 72—73.
115. См.: Михайлов А. Е. Криминологические проблемы борьбы с некорыстной насильственной преступностью: Дис.... д-ра юрид. наук. — К., 1996. — С. 312.
116. См.: Ривман Д. В. К вопросу о социально-психологической типологии потерпевших от преступления // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. трудов. — Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1981. — С. 12.
117. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. — М.: Юрид. лит., 1985. — С. 170.
118. Сумин А. На помощь идут все // Опасность и безопасность. — 1996. — № 4. — С. 5.
119. Например, известный специалист в области тактики обеспечения безопасности жертв социально опасных проявлений Анатолий Гостюшин в последнее время сосредоточил свое внимание на подготовке специальных учебных профилактических пособий. См., например: Гостюшин А. Как обращаться с животными: Учебник для младшего школьника // Опасность и безопасность. — 1996 — № 4. — С. 67—70; его же: Городская география безопасности // Опасность и безопасность. — 1996. — № 5. — С. 57—60; его же: Энциклопедия экстремальных ситуаций. — М.: Зеркало, 1996. — 320 с.

120. См.: Шаваев А. Г. Криминологическая безопасность негосударственных объектов экономики. — М.: Инфра-М, 1995. — 128 с.
121. Принят Верховной радой Украины в первом чтении 18.01.2001 г.
122. В свое время подобный системный подход был применен психологом Витисом Вилюнасом при анализе человеческой мотивации, подчеркнувшим значение субъективной реальности для формирования единой движущейся системы мотивации индивидуального поведения. См.: Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — С. 3–7, 288.
123. См.: Дружинин В. В., Конторов Д. С., Конторов М. Д. Введение в теорию конфликта. — М.: Радио и связь, 1989. — С. 28.
124. Например, если на реализацию принципа, на котором основана фотография, потребовалось сто лет (1727–1839 гг.), то для атомной бомбы — всего шесть лет (1939–1945 гг.), для интегрирующих схем — три года (1958–1961 гг.). Нарастающие тенденции технологической агрессии оказывают определенное влияние на социальные конфликты, — это бесспорно. Опыт ядерных кризисов нашего столетия убеждает, что процесс их разрешения — дело не такое уж и простое.
125. Viano E. The recognition and implementation of victims' rights in the United States: developments and achievements // *The Victimology handbook*. — New York, 1990. — P. 331.
126. Плахов В. Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. — М.: Мысль, 1985. — С. 77–78.
127. Идея: Дружинин В. В., Конторов Д. С., Конторов М. Д. Введение в теорию конфликта. — М.: Радио и связь, 1989. — С. 241.
128. Ли Д. А. Уголовно-статистический учет: структурно-функциональные закономерности. — М., 1998. — С. 21.
129. Рузавин Г. И. Синергетика и диалектическая концепция развития // *Философ. науки*. — 1989. — № 5. — С. 11–21.
130. Миньковский Г. М. Взаимосвязь социологического и криминологического подходов к преступности // *Соц. Исследования*. — 1984. — № 4. — С. 186.
131. Антонян. Ю. М. Психология убийства. — М.: Юристъ, 1977. — С. 177–178.
132. Там же. — С. 5–6.
133. Недаром в одной из последних работ по юридической психологии к единому цельному направлению частной психологической теории отнесено изучение психологических закономерностей, характеризующих личность преступника и потерпевшего. См.: Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. — М.: Норма, 1998. — С. 254.
134. См.: Криминология: Учебник (для учебных заведений МВД Украины) / Под ред. В. Г. Лихолоба, В. П. Филонова. — К.; Донецк, 1997. — С. 134–135.

135. Голина В. В. Специально-криминологическое предупреждение преступлений (теория и практика) — Дис.... д-ра юрид. наук. — Х., 1994. — С. 87.
136. См.: Лапин Н. И. Социальные ценности и реформы в кризисной России // Социологические исследования. — 1993. — № 9. — С. 22; Здравомыслов А. Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // Социологические исследования. — 1993. — № 8. — С. 12–13.
137. См.: Viano E. The recognition and implementation of victims' rights in the United States: developments and achievements // The Victimology handbook. — New York, 1990. — P. 330.
138. См.: Туляков В. А. Проблемы развития отечественной виктимологии // Юридический вестник (Одесса). — 1994. — № 1.
139. К сожалению, разразившаяся в 1999 году война в Югославии ставит под сомнение справедливость этого тезиса.
140. См.: Costing a bomb // The Economist. — 1997. — January, 4th-10th. — P. 46.
141. Согласно экспертным оценкам, Иран, Ирак, Ливия, Сирия и Северная Корея достаточно активно помогают друг другу в разработке ракетных программ. В случае, если финансируемая Ираном и весьма интересующая Ливию разработка корейской двухступенчатой ракеты «Нодонг-2» увенчается успехом, ракета, запущенная из Ливии, сможет достичь практически любой страны Европы. См.: Circles of fear // The Economist. — 1997. — January, 4th-10th. — P. 49.
142. См.: Costing a bomb // The Economist. — 1997. — January, 4th-10th. — P. 47.
143. Недаром среди ориентировочных тем XII Международного Конгресса по криминологии, который состоялся в августе 1998 года, специально была выделена проблема криминологического исследования смертной казни и телесных наказаний. См.: The 12th International Congress on Criminology. Call for papers. — Seoul, 1996. — P. 11.
144. Viano E. The protection of victims: socio-political considerations and a plan for action // Quad. Psych.Forense. — 1994. — Vol. III, № 1. — P. 37.
145. См., например: Громадська програма співробітництва по запобіганню насильству в сім'ї. — Одеса, 1999. — 126 с.
146. Domestic violence // Marie Claire. — October, 1995. — № 86. — P. 132.
147. Viano E. Op. cit. — P. 39.
148. См., например: Корещкий Д. А. Предупреждение тяжких преступлений против личности, совершаемых на почве бытовых конфликтов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Х., 1980. — 24 с.; Крупка Ю. Кримінологічна характеристика побутових злочинів // Радянське право. — 1983. — № 3. — С. 65–68; Лопушанский Ф. А. Предупреждение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. — М., 1989. — С. 5–7, 91–97; Лопушанский Ф. А., Подзник В. П., Еремен-

- ко В. В. Следственная профилактика умышленных убийств // Криминалистика и судебная экспертиза. — К., 1977. — Вып. 15. — С. 27–33; Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. — Л., 1975. — С. 19–24; Соотак Я. Я. Некоторые вопросы взаимосвязи между разводами и преступлениями против супруга // Актуальные задачи советского права по укреплению семьи и предупреждению правонарушений несовершеннолетних в советских республиках Прибалтики: Тезисы науч.-практ. конф., 19–20 апреля 1979 года. — Рига, 1979. — Т. I. — С. 115; Старков О. В. Роль криминогенной ситуации в бытовых насильственных преступлениях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1981. — С. 27; Трофимов С. В. Криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления против личности на почве семейно-бытовых отношений // Проблемы изучения личности правонарушителя. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — 121 с.; Шестаков Д. А. Социальное зло — алкоголизм: семья и право. — Л., 1985. — С. 17–18; его же: Предотвратить семейную драму. — Л.: Знание, 1981. — С. 37–42; его же: Семейная криминология: семья — конфликт — преступление. — С. Пб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. — С. 7–12, 39–48; его же: Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1977. — 24 с.
149. Haag R. The birthday letter // Prelipp S. A. Family violence center training manual — Green Bay, Wi., N. D. — Domestic violence Intervention Program.
 150. См.: Viano E. Violence, victimization and social change: a socio-cultural and public policy analysis // *Victimology: an international journal*. — 1983. — № 8 (3–4). — P. 54–79.
 151. См., например: Braithwaite J. Corporate crime in the Pharmaceutical industry. — London: Routledge & Keagan Paul, 1984.
 152. Henry F, Chomicki S. Violence against children: The pharmaceutical industry // *The Victimology handbook*. — New York, 1990. — P. 61–76.
 153. См.: Ядов В. А. Социологическое исследование: Методология. Программа. Методы. — М., 1972. — С. 42–43; Гречихин В. Г. Лекции по методике и технике социологических исследований. — М.: Прогресс, — 1988. — С. 58–93.
 154. См., например: Латентная преступность: познание, политика, стратегия: Сб. материалов междунар. семинара. — М., 1993. — 337 с.
 155. См.: International Manual On The Use And Application Of The Declaration Of Basic Principles Of Justice For Victims Of Crime And Abuse Of Power // A Draft manual designed by the 2nd UN Experts Meeting On Victims Of Crime And Abuse Of Power In The International Setting. — Washington D. C., 1996. — P. 14.
 156. См.: Profiles of criminal justice systems in Europe and North America 1990–1994. — Helsinki, HEUNI, 1999. — 493 p.
 157. См.: Скосырев В. Кто же в России будет защищать граждан, а не государство? // *Известия*. — 1997. — 5 апр. (№ 64). — С. 1, 3.

158. Организованная преступность-4. — М.: Криминологическая ассоциация, 1998. — С. 38.
159. Там же. — С.37.
160. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология — СПб.: «Юридический центр. Пресс». — 2000. — С.15.
161. См.: Ільковець Л., Кучинська О. Практика застосування кримінально-процесуального законодавства, що захищає права потерпілого // Право України. — 1993. — С. 10–14; Туляков В. Віктимологічна політика в Україні: реалії та перспективи // Проблеми сучасної політики та шляхи її впровадження: Тези доповідей на Всеукраїнській наук.-практ. конф., 26–28 квітня 1993 року. — Одеса, 1993.
162. Показательно, что политика оптимизации правового положения жертв преступлений в последние годы находит свое отражение в законопроектной деятельности в Украине. Так, Высший совет юстиции выдвинул идею о разработке проекта закона о гарантиях правовой помощи в процессе осуществления уголовного и гражданского судопроизводства, о страховании судебных рисков и судебных издержек. Реализация международно закрепленного права жертвы на скорейший доступ к системе правосудия составляет идеологическую подоснову данных законопроектов. См.: Ківалов С. Деякі питання судово-правової реформи // Вісник прокуратури. — 2000. — № 1. — С. 25–28.
163. См., например, работы Е. В. Додина, посвященные проблемам административной деликтологии.
164. См.: Лапін В. М. Безпека життєдіяльності людини: Навч. посібник. — 3-є вид. — Л.: ЛБК, 2000. — 186 с.
165. См.: Joshua Quittner. Invasion of privacy // Time. — 1997. — August 25. — P. 34–41.
166. Johnson K. W., Hutchins G., Phifer J. Monitoring the quality of life of disaster victims: a prototype system // The Victimology handbook. — New York, 1990. — P. 177–196.
167. Паскаль — язык системного программирования, применяемый для создания различного рода компьютерных баз данных и систем управления базами данных.
168. См.: Johnson K. W., Hutchins G., Phifer J. Op. cit. — P. 182–192.
169. См.: Указы Президента Украины «Об изменениях в системе центральных органов исполнительной власти Украины» от 26 июня 1996 г. № 596/96 и «О Министерстве Украины по вопросам чрезвычайных ситуаций и в делах защиты населения от последствий Чернобыльской катастрофы» от 28 октября 1996 г. № 1005/96.
170. См.: О программе создания Государственной информационно-аналитической системы по вопросам чрезвычайных ситуаций на 1996 год: Постановление Кабинета Министров Украины от 16 января 1996 г. № 96.

171. Couch S. R., Kroll-Smith J. S. Patterns of victimization and the chronic technological disaster // *The Victimology handbook*. — New York, 1990. — P. 159–176.
172. См., например, работы В. Е. Квашиса. См. также: Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. — М.: Наука, 1988. — С. 196.
173. См.: Національна програма з охорони праці // Урядовий кур'єр. — 1996. — 21 листоп. (№ 218–219). — С. 5. Теоретическое обоснование необходимости оптимизации социального контроля над охраной труда подробно было проанализировано в работах В. И. Борисова. См.: Борисов В. И. Кримінальна відповідальність за порушення правил охорони праці. — Харків, 1991.
174. См.: Couch S. R., Kroll-Smith J. S. *Op. cit.* — P. 171–174.
175. См.: О национальной программе улучшения состояния безопасности, гигиены труда и производственной среды на 1996–2000 годы: Постановление Кабинета Министров Украины от 2 ноября 1996 г. № 1345.
176. Bureau of Justice Statistics Report to the nation on the crime and justice. — Washington D. C., U. S. Department of Justice, 1988. — P. 24.
177. Bureau of Justice Statistics Report to the nation on the crime and justice. — Washington D. C., U. S. Department of Justice, 1989. — Цит. по.: *The Victimology handbook*. — New York, 1990. — P. 316.
178. См.: Profiles of criminal justice systems in Europe and North America, 1990–1994. — Helsinki, 1999. — P. 476.
179. См.: Roberts A. R. Helping crime victims: research, policy and practice. — London: Sage publ., 1990 — P. 30.
180. См.: Viano E. The recognition and implementation of victims' rights in the United States: developments and achievements // *The Victimology handbook*. — New York, 1990. — P. 323.
181. См.: Maddvocate: A magazine for victims and their advocates. — 1992. — Summer. — Vol. 5, № 1.
182. См.: Franks M. G. Women in Conflict, Women as victims: criminal justice training manual. — Nova Scotia, 1988. — P. 207–218.
183. Roberts A. R. Helping crime victims: research, policy and practice. — London: Sage publ. 1990. — P. 31.
184. В принципе, мы солидарны с мнением И. И. Карпеца, отмечавшего определенную вечность девиаций, равно как и свойство преступности быть присущей любому обществу. См.: Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. — М., 1992. — С. 69–82.
185. См.: International manual on the use and application of the Declaration of basic principles of justice for victims of crime and abuse of power // A draft manual designed by the 2nd UN Experts Meeting On Victims Of Crime And Abuse Of Power In The International Setting. — USA, Tulsa — Aug. 1996. — P. 2.

186. Подробнее см.: Богомаз Г., Вовк О., Кучинська О. Історія розвитку законодавства про потерпілих // Право України. — 1997. — № 7. — С. 65—68, 75; Гошовський М. І., Кучинська О. П. Потерпілий у кримінальному процесі України. — К.: Юрінком Інтер, 1998. — С. 7—16.
187. Второзаконіє. — Гл. 19. — Ст. 13 // Библия. Книги Священного Писання Ветхого и Нового Завета. — М.: Известия, 1991. — С. 211.
188. Там же.
189. См.: Абрамян Л. А. Оскорбление и наказание: слово и дело (к истолкованию арнемлендского обычая миририри) // Этнические стереотипы поведения. — Л.: Наука, 1985. — С. 279—296; Fehrenbach T. R. Comanches: The destruction of a people. — New York: Alfred A. Knopf, 1974.
190. См.: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. — М.: Юрид. лит., 1984. — С. 22.
191. Подробный обзор правовых, литературных и документальных памятников той эпохи, посвященных жертве преступления, был осуществлен в работах Л. В. Франка. См., например: Франк Л. В. Виктимология и виктимность. — Душанбе, 1972. — С. 8—12; Полубинский В. И. Криминальная виктимология. Что это такое? — М.: Знание, 1977. — Гл. 1.
192. См.: Mueller G. O. V. & Cooper H. H. A. Society and the victim: alternative responses // Victimology: A new focus / Eds.: I. Drapkin, E. Viano. — Lexington, MA: D. C. Heath, 1974. — Vol. 2. — P. 85—102.
193. Питирим Сорокин. Наказание и кара. Подвиг и награда. — С. Пб.: Изд-во Я. Г. Долбышева, 1914. — С. 332—333.
194. См.: International manual on the use and application of the Declaration of basic principles of justice for victims of crime and abuse of power // A draft manual designed by the 2nd UN Experts Meeting On Victims Of Crime And Abuse Of Power In The International Setting. — USA, Tulsa. — Aug. 1996. — P. 3.
195. Siegal M. Crime and violence in America: The victims // American Psychologist. — 1983. — Vol. 38. — P. 1271.
196. Чехов А. П. Из Сибири // Русские очерки. — М.: Госиздат худож. лит., 1956. — Т. 3. — С. 452.
197. Мишель Фуко. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М.: Ad marginem, 1999. — С. 85.
198. См.: Кристни Н. Пределы наказания: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1985. — 176 с.; Туляков В. Виктимологічна політика в Україні: реалії та перспективи // Проблеми сучасної політики та шляхи її впровадження: Тези доповідей на Всеукраїнській наук.-практ. конф., 26—28 квітня 1993 року. — Одеса, 1993; Усс А. В. Прими́рение вместо наказания (как течение в правоприменительной практике) // Изв. вузов. Правоведение. — 1990. — № 6. — С. 20—26.
199. Баулин Ю. В. О влиянии уголовно-правового сознания населения на содержание проекта УК Украины // Культурно історичні, соціальні та правові аспекти державотворення в Україні: Матеріали міжнародної наук.-практ. конф. — Одеса, 1996. — Ч. 1. — С. 10.

200. Подробнее см.: Зер Х. Восстановительное правосудие. — М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 1998. — 354 с.
201. Beyond prisons International symposium — best practices along the criminal justice process // HEUNI Newsletter. — July 1998. — P. 13.
202. См.: Vienna Declaration on Crime & Justice: Meeting the Challenges of the Twenty-first Century — Vienna, 2000. — Doc. A/CONF.187/4/Rev.3-CI.27–28.
203. Ворошилов С. Общественный контроль и социальная безопасность человека и общества // Криминологическая ситуация и безопасность в обществе: Материалы Первого Международного Причерноморского социально-девиантологического симпозиума. — Кишинев, 1995. — Т. 1. — С. 2.
204. См.: Mendelsohn B. Rape in criminology // *Justicia penale*. — 1940.
205. Schafer S. The victim and his criminal. — New York: Random House publ., 1968. — P. 42.
206. См.: Hentig H., von. The criminal and his victim: Studies in the sociobiology of crime. — New Haven Ct.: Yale university press, 1948.
207. См.: Mendelsohn B. The victimology // *Etudes Internationales de Psycho-Sociologie criminelle*. — 1956. — July-Sept. — P. 25–26; Roberts A. R. Helping crime victims: research, policy and practice. — Newbury park: Sage publ., 1990. — P. 25.
208. Цит. по: Schafer S. The victim and his criminal. — New York: Random House publ., 1968. — P. 43–44.
209. Ellenberger H. Psychological relationships between the criminal and his victim // *Revue Internationale de Criminologie et de police technique*. — 1954. — Vol. 2. — P. 103–121.
210. См.: Сомин В. Н. Зарубежные виктимологические этюды // Криминалистическая виктимология: вопросы теории и практики: Сб. науч. трудов. — Иркутск, 1980. — С. 138–144.
211. См.: Wolfgang M. E. Analytical categories for research in victimization // Munich: *Kriminologische Wegzeichen*. — 1967. — P. 24, 72, 86–87.
212. См.: Wolfgang M. E., Thornberry T. P., Figlio R. M. From boy to man, from delinquency to crime. — Chicago: Univ. of Chicago Press., 1987.
213. См.: Schafer S. The victim and his criminal: A study into functional responsibility. — New York, Random House, 1968 — 353 p.
214. См.: Fattah Ezzat. From crime policy to victim policy — London, MacMillan, 1986 — 247 p.; Nagel W. H. The notion of victimology in criminology // *Excepta criminologica*. — 1963. — Vol.3. — pp.245–247.
215. Иншаков С. М. Зарубежная криминология. — М.: Инфра-М, 1997 — С. 183–184; Криминология: Учебник / Под ред. А. И. Долговой. — С. 419–420.
216. См.: National Criminal Justice Reference Center Data Base CD-ROM. — Aspen Systems Corporation, Rockville, MD, 1994.

217. См., например: Viano E. *Victimology: A new focus of research and practice* // *The Victimology handbook*. — NY, 1990. — P. XI-XXIII.
218. См., например: Бойков А. Д., Квашиш В. Е., Вавилова Л. В. *Зарубежное законодательство и практика защиты жертв преступлений* // *Государство и право*. — 1997. — № 7. — С. 125–126.
219. См.: *The United Nations and Crime Prevention*. — New York, 1996. — P. 10.
220. См.: Jo Goodey. *World Society of Victimology research agenda* — WSV Research committee, The Hague. — July 1999. — P. 1–11.
221. Исследования ученых стран Азии и Африки в основном сосредоточены на проблемах анализа виктимизации и организации помощи жертвам преступлений.
222. См.: *The Manual on the implementation of the Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power* // Doc/ E /CN/5/1998; *The international victims assistance handbook on the use and application of the Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power* // Doc/ E /CN/5/1998/8.
223. См.: *Proposed programme of work in crime prevention and criminal justice for the biennium 2000–2001* / Note by the Secretary-General // Doc. E/ CN/15/1999/9/. — 23 March 1999; *Use and application of United Nations standards and norms in crime prevention and criminal justice. Report of the Secretary-General* // Doc. E/Cn.15/1999/7. — 2 March 1999. — P. 3–4.
224. *International Manual on the use and application of the Declaration of basic principles of justice for victims of crime and abuse of power* // *A draft manual designed by the 2nd UN Experts Meeting On Victims Of Crime And Abuse Of Power In The International Setting*. — USA, Tulsa. — Aug. 1996; *The Manual on the implementation of the Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power* // Doc/ E /CN/5/1998; *The international victims assistance handbook on the use and application of the Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power* // Doc/ E /CN/5/1998/8.
225. См.: Ewa Bienkowska *Zarys rozwoju wiktymologii radzieckiej* // *Przestepczosc na swiecie*. — Warszawa, 1989. — T. XXI. — P. 38.
226. См.: Франк Л. В. *Виктимология и виктимность*. — Душанбе, 1972. — С. 53.
227. Колмаков В. П. *Расследование убийств: лекция для студентов ВЮЗИ*. — М., 1958. — С. 14.
228. См.: Мудьюгин Г. Н. *Расследование убийств по делам, возбужденным в связи с исчезновением потерпевшего*. — М., 1962. — С. 35 и след.
229. См.: Барамия А. И. *Борьба с преступлениями против жизни и здоровья, совершенными на почве кровной мести (по материалам Грузинской ССР)*. — Сухуми, 1965; Франк Л. В., Овруцкий И. Д. *Некоторые показатели о пострадавших от наездов по данным экспертной практики* // *Вопросы криминалистики и судебной экспертизы*. — Душанбе, 1965. —

- № 4; Дубравинский В. А. Потерпевший на предварительном следствии. — Саратов, 1966.
230. См.: Франк Л. В. Об изучении личности и поведения потерпевшего (нужна ли советская виктимология?) // Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. — Душанбе, 1966. — С. 20–26.
231. См., например, такие работы Л. В. Франка как: Виктимология и виктимность (об одном из направлений в теории и практике борьбы с преступностью). — Душанбе, 1972; Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии. — Душанбе, 1977; Понятие криминальной виктимологии и виктимности и некоторые ее аспекты в преступлениях против жизни и здоровья // Вопросы криминалистики, криминологии и судебной экспертизы. — Баку, 1972. — № 15. — С. 247–255; Некоторые теоретические вопросы становления советской виктимологии // Потерпевший от преступления: Сб. науч. трудов. — Владивосток, 1974. — С. 5–16; Виктимология — одно из направлений в советской криминологии // Вопросы изучения преступности и борьбы с нею: Сб. науч. трудов. — М., 1975. — С. 183–187; Виктимность // Соц. Законность. — 1975. — № 5 — С. 96; Остроумов С. С., Франк Л. В. О виктимологии и виктимности // Сов. государство и право. — 1976. — № 4. — С. 74–79.
232. См.: Ewa Bienkowska Zarys rozwoju wiktymologii radzieckiej // Przestepczosc na swiecie. — Warszawa, 1989. — Т. XXI. — Р. 40 et al.
233. См., например, такие работы Л. В. Франка, как: Виктимология как метод описания отдельного преступления // Укрепление законности и правопорядка, совершенствование социалистического правопорядка и советской государственности: Сб. науч. трудов. — Душанбе, 1978. — № 2. — С. 145–149; Виктимологическая характеристика личности преступника // Теоретические проблемы изучения личности преступника: Сб. науч. трудов. — М., 1979. — С. 113–118; О классификации потерпевших в целях виктимологических исследований // Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии: Сб. науч. трудов. — Душанбе, 1968. — С. 8–15; О виктимологических исследованиях // Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии. — Душанбе, 1971. — № 3–4. — С. 18–25; Об изучении виктимности на психологическом уровне // Вопросы судебной психологии. — М., 1971. — С. 14–20; Роль виктимологических исследований в разработке криминалистической тактики // Актуальные вопросы государственного строительства и укрепления социалистической законности в Таджикской ССР: Сб. науч. трудов. — Душанбе, 1973. — С. 258–265. См. также: Франк Л. В., Коновалов В. П., Петрова Н. М. Об одном опыте изучения личности потерпевших от преступления // Проблемы теории и истории социалистического государства, права и советского строительства. — Душанбе, 1973. — № 2. —

- С. 231—246; Франк Л. В., Петрова Н. М. Виктимологическая информация при обобщении судебной практики // Укрепление законности и правопорядка, совершенствование советского законодательства и социалистической государственности. — Душанбе, 1977. — № 1. — С. 119—126; Франк Л. В., Соболева С. Б. Некоторые направления виктимологических исследований семейно-бытовых отношений при изучении преступности (в порядке постановки вопроса) // Актуальные вопросы теории и истории права и применения советского законодательства: Сб. науч. трудов. — Душанбе, 1975. — С. 266—274; Франк Л. В., Тартаковский А. Д. Опыт виктимологического исследования истязания // Там же. — С. 233—249; Франк Л. В., Коновалов В. П. Виктимологические аспекты хулиганства // Там же. — С. 258—266.
234. См., например: Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. — М., 1973; Блиндер Б. А. Объект преступления и потерпевший в преступлениях против личности // Проблемы советского государства и права. — Ташкент, 1970. — С. 5—18; Вандышев В. В. Виктимологический аспект преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны или в состоянии аффекта // Вестник ЛГУ. — 1977. — № 5. — С. 119—125; Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления. — Горький, 1979; Минская В. С., Чечель Г. И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. — Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1988. — 150 с.; Минская В. С. Опыт виктимологического изучения личности преступника // Вопр. борьбы с преступностью. — 1972. — № 17. — С. 21—31; Соболева С. В. Виктимологический аспект конфликтных ситуаций в семье // Вопр. борьбы с преступностью. — 1976. — № 25. — С. 37—45; Рыбальская В. Я. Виктимологические исследования преступности несовершеннолетних // Актуальные вопросы укрепления законности и правопорядка в районах интенсивного экономического развития Урала, Сибири и Дальнего Востока: Сб. науч. трудов. — М., 1979. — С. 1243—133; ее же: Методика изучения личности потерпевшего. — Иркутск, 1975 и др.
235. См.: Коновалов В. П., Франк Л. В. Об организации виктимологического направления профилактики преступности в Таджикской ССР. (Научно-методическая информация). — Душанбе, 1976; Коновалов В. П. Виктимизация и ее статистическое выражение. — Душанбе, 1978.
236. Ривман Д. В. К вопросу о социально-психологической типологии потерпевших от преступления // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. трудов. — Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1981. — С. 6.
237. См.: Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступности. — Л., 1975. — С. 106.

238. См.: Marek A. Protection and assistance to crime victims in the socialist countries of Europe: a comparative approach in outline // *Eurocriminology*. — 1988. — Vol 2. — P. 101–113.
239. См.: Франк Л. В. Об изучении личности и поведения потерпевшего (нужна ли советская виктимология?). — С. 24 и след.
240. См.: Минская В. С. Отрицательное поведение потерпевшего — одна из категорий советской виктимологии // *Сов. государство и право*. — 1980. — № 7. — С. 136–139; Филановский С. И. Влияние поведения потерпевшего на ответственность субъекта преступления // *Сов. юстиция*. — 1972. — № 14. — С. 13–14; Дагель П. С. Уголовно-правовое значение поведения потерпевшего // *Виктимологические проблемы борьбы с преступностью*. — Иркутск, 1982. — С. 6–15; Ильина Л. В. Уголовно-процессуальное значение виктимологии // *Изв. вузов. Правоведение*. — 1975. — № 3. — С. 119–123.
241. Минская В. С., Чечель Г. И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. — Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1988. — С. 28. Коновалов В. П. Изучение потерпевших от преступлений с целью профилактики правонарушений. — М., 1982.
242. См. об этом: Гуревич А. Столкновение с будущим: постсоветский вариант // *Финансовая Украина*. — 1996. — 30 июля. — С. 9.
243. Живем хорошо, взаимны горя у людей не берем... // *Голос Украины*. — 1995. — 16 июня. — С. 1.
244. См.: Криминальная хроника. — 1994. — Вып. 12. — С. 1.
245. См., например: Бэскинд Э. Энциклопедия личной безопасности. — М.: Аквариум, 1995. — 144 с.
246. Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления. — Горький, 1979. — С. 10; Полубинский В. И. Криминальная виктимология и проблемы предварительного следствия. — Волгоград, 1986; Полубинский В. И. Практические аспекты криминальной виктимологии. — М., 1982; Романов В. В. Основы криминальной виктимологии. — Минск, 1980; Сафиулин А. Х. Преступник-жертва: социологический анализ // *Рос. юстиция*. — 1996. — № 6. — С. 40–42; Криминология и профилактика преступности: Учеб. пособие / Под ред. В. Г. Лихолоба. — Донецк: ДИВД, 1994. — 396 с.; Моисеев Е. М., Джужа О. М. Проблеми кримінальної віктимології (кримінологічний, психологічний та пенітенціарний аспекти). — К.: НТВ «Правник», НАВСУ, 1998. — 126 с.; Джужа О. М., Моисеев Е. М. Проблеми потерпілого від злочину. — К., УАВС, 1994. — 51 с.; Михайлов А. Е. Роль потерпевшего в механизме насильственных преступлений // *Криминологические проблемы борьбы с преступностью* — Киев, 1989. — С. 41–49; Михайлов А. Е. Виктимологические аспекты профилактики некорыстных насильственных преступлений. Учебное пособие — Киев: НВТ «Правник» — НАВСУ, 1998. — 43 с.

247. См., например: Криминалистическая виктимология (вопросы теории и практики): Сб. науч. трудов. — Иркутск.: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1980. — 159 с.; Виктимологические аспекты криминалистики: Сб. науч. трудов. — Ташкент, 1981. — 156 с.; Коновалова В. Е. Убийство: искусство расследования. — Харьков, Факт, 2001. — С.32–37; 232–236; Юрченко О. Ю. Природа связи жертвы и преступника при совершении насильственных преступлений // Проблемы законности. — Х., 1999. — Вып.37. — С.196–201; Бурданова В. С., Быков В. М. Виктимологические аспекты криминалистики. — Ташкент, 1981. — 237 с.; Быков В. М. О возможности использования виктимологического анализа при расследовании преступлений — Ташкент, 1978.
248. См.: Клеандров М. И. Хозяйственно-правовая виктимология: концепция, методология исследований // Сов. государство и право. — 1989. — № 3. — С. 87–92; Brunon Holyst Wiktymologia — Warszawa:Panst.wydaw. nauk., 1990. — 277 с.
249. См., например: Гоголева Л. Л. Виктимологические аспекты борьбы с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — К., 1989. — 26 с.; Веселуха В. Значение виктимологической профилактики в системе предупреждения преступности // Право Украины. — 1999. — № 10. — С. 67–70, 73.
250. См., например: Арефьев А. Ю. Проблемы виктимологической профилактики квартирных краж, грабежей и разбойных нападений на квартиры: Автореф. дис... канд.юр.наук. — Н. Новгород, 1994. — 21 с.; Варчук Т. В. Виктимологические аспекты профилактики имущественных преступлений в условиях крупного города (по материалам квартирных краж в гор.Москве): Автореф. дис... канд.юр.наук. — М., 1999. — 26 с.; Войтенко С. Г. Криминологическое исследование виктимности лиц с девиантным поведением: Автореф. дис... канд.юр.наук. — М., 1997. — 23 с.; Глухова А. А. Виктимологические факторы преступности: Автореф. дис... канд.юр.наук. — Н. Новгород, 1999. — 25 с.; Горшенков А. Г. Виктимологический аспект предупредительного воздействия на преступность в сфере массовой информации: Автореф. дис... канд.юр.наук. — Н. Новгород, 1999. — 24 с.; Котова Н. К. Виктимологические проблемы тяжких агрессивно-насильственных преступлений: Автореф. дис... канд.юр.наук. — Алматы, 1999. — 30 с.; Надтока С. В. Виктимологические аспекты профилактики насильственных преступлений: Автореф. дис... канд.юр.наук. — Ростов-на-Дону, 1999. — 25 с.; Сафиулин Н. Х. Виктимное поведение несовершеннолетних и совершаемые против них насильственные преступления (Криминологический анализ): Автореф. дис... канд.юр.наук. — М., 1995. — 20 с.; Ситковский А. Л. Виктимологические проблемы профилактики корыстных преступлений против собственности граждан: Автореф. дис... канд.юр.наук. — М., 1995. — 21 с.; Скурту И. Г. Виктимологические аспекты

профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних: Автореф. дис... канд.юр.наук. — СПб., 1996. — 24 с.; Харченко О. В. Викимнологические проблемы предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних (По материалам Санкт-Петербурга): Автореф. дис... канд.юр.наук. — СПб., 1999. — 21 с.

251. См. работы А. Ю. Арефьева, В. Е. Батюковой, В. Веселухи, Я. И. Гилинского, В. В. Голины, В. Б. Гончарова, А. Н. Джужи, А. П. Закалюка, А. А. Конева, С. В. Кудрявцева, В. В. Мальцева, С. И. Моисеева, Т. Г. Рахимова, А. А. Репецкой, М. Х. Рустамбаева, В. Я. Рыбальской, И. Г. Скурту, В. Н. Сомина, А. А. Тайбакова, Е. В. Топильской, В. И. Шакуна и других исследователей виктимологических аспектов социального бытия.
252. См.: Джужа О. М., Моисеев Е. М. Проблеми кримінальної віктимології (кримінологічний, психологічний та пенітенціарний аспекти). — К.: НТВ «Правник», НАВСУ, 1988. — 126 с.; в Одесской национальной юридической академии спецкурс по виктимологии 4 года читается для студентов судебно-прокурорского факультета, вопросы виктимологической профилактики подробно рассматриваются в материалах читаемого там же спецкурса «Предупреждение агрессивных преступлений».
253. Так, например, уже создана Российская Ассоциация помощи жертвам преступлений, открыт центр помощи жертвам семейного насилия в г. Харькове, осуществляется огромная работа правозащитными организациями. См.: Хохряков Г. Ф. Криминология: Учебник / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. — М.: Юрист, 1999. — С. 504—505.
254. См.: Туляков В. Конституционные гарантии обеспечения прав потерпевших от преступлений // Юридический вестник (Одесса). — 1997. — № 4.; См. также: Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. — Н. Новгород, 1998. — 210 с.; Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. — С-Петербург, 2000. — 331 с.
255. Криминология: Словарь-справочник: Пер. с нем. / Сост. Х.-Ю. Кернер; Отв. ред. перевода А. И. Долгова. — М.: Норма, 1998. — С. 23.
256. Чем, кроме как определенной установкой, можно объяснить позицию авторов, считавших, что жертва-provocateur, своим девиантным поведением создававшая условия для реализации преступного намерения, не может считаться потерпевшим от преступления. См.: Маликов М. Ф. Виктимологические аспекты эффективности судебного приговора (состояние разработки и пути повышения) // Проблемы совершенствования законодательства и повышения эффективности деятельности правоохранительных органов в свете новых Конституций: Сб. науч. трудов. — Уфа, 1980. — С. 140—147. См. также некоторые работы В. В. Вандышева, Н. Я. Калашниковой, Л. М. Корнеевой, В. В. Коротенко, В. А. Стрёмовского, А. Л. Цыпкина и др.
257. Паниотто В. И. Качество социологической информации (методы оценки и процедуры ее обеспечения). — К.: Наук. думка, 1986. — С. 7.

258. См.: Мелик Дадаева И. А. О новых тенденциях буржуазной виктимологии // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью — М., 1985. — Вып. 86. — С. 44.
259. См., например: Viano E. C. Crime and its victims: International research and public policy issue: Proceedings of the Fourth International Institute on Victimology. — Washington, Hemisphere Publishing, 1989; Changing victim policy: the United Nations Victim Declaration and Recent Developments in Europe. — Helsinki, 1989. — № 16. — (HEUNI series).
260. См.: Курс советской криминологии. — М., 1985. — Т. I. — С. 170—182.
261. См.: Чечель Г. И. Жестокий способ совершения преступлений против личности. — Ставрополь, 1992. — С. 108—115.
262. См.: Конев А. А. Преступность и проблема ее реального измерения: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. — М.: Академия МВД РФ, 1993. — 35 с.
263. Мелик Дадаева И. А. О новых тенденциях буржуазной виктимологии // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью — М., 1985. — Вып. 86. — С. 46.
264. См.: Wesley G. Skogan. On attitudes and behaviors // Reactions to crime. — Beverly Hills etc.: Sage publ., 1981. — P. 19—45.
265. См., например: Материалы IV советско-западно-германского симпозиума по проблемам криминологии, уголовного права и процесса. — К.: Наук. думка, 1990. — 160 с.
266. См.: Profiles of Criminal Justice Systems in Europe and North America 1990—1994. — P. 454.
267. См.: Красиков А. Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. — Саратов, 1976. — С. 40—42; Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. — Л., 1975. — С. 8; Чечель Г. И. Жестокий способ совершения преступлений против личности. — С. 109—114.
268. См.: Baril M. La criminologie et la Justice a l'heure de la victime // Revue Internationale de criminologie et de Police technique. — 1981. — № 4. — P. 342. — Цит. по: Тюрин Д. П. Рассмотрение проблемы виктимологии по материалам исследований, проводимых в Канаде // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. — М., 1985. — № 86. — С. 60.
269. Бафия Е. Проблемы криминологии: диалектика криминогенной ситуации. — М.: Юрид. лит., 1983. — С. 106.
270. См.: Мойсюк О. М. Віктимологічна профілактика порушень безпеки дорожнього руху (ст. 215 КК України): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — К., 1999. — С. 7.
271. См.: Курс советской криминологии. — Т. I. — С. 174.; Остроумов С. С., Франк Л. В. О виктимологии и виктимности // Сов. государство и право. — 1976. — № 4. — С. 76; Дагель П. С. Потерпевший в советском уголовном праве. — Владивосток, 1974. — С. 20. Близка к указанной

- и позиция М. С. Строговича, включавшего юридических лиц в состав потерпевших от преступлений. См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — М., 1968. — Т. 1. — С. 256.
272. См.: Viano E. Stereotyping and prejudice: crime victims and the criminal justice system // *Scandinavian studies on crime and crime prevention*. — 1996. — Vol 5. — № 2. — P. 182.
273. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. — Ст.ст. 1, 2. — С. 4.
274. См.: Кримінальний Кодекс України. Офіційний текст. — Київ: Юрінком Інтер, 2001. — ст. 11.
275. См.: Гражданский кодекс Украины. — К.: Политиздат Украины, 1995. — Гл. 2, 3.
276. В настоящее время Австралийский институт криминологии и Межрегиональный институт социальной защиты провели международное исследование, касающееся основных характеристик виктимизации юридических лиц во всем мире. Проектом предусмотрено изучение виктимизации предпринимательства и в Украине в 2000 году.
277. См.: Михайленко А. Р. Расследование преступлений. Законность и обеспечение прав граждан. — К., 1999. — С. 121; Шаповалова Л. Підстави визнання юридичної особи потерпілим у кримінальному процесі // *Право України*. — 2000. — № 1. — С. 95–96.
278. См.: Кримінально-процесуальний кодекс України (проект за станом на 1999 рік). — К., 1999. — Ст. 51. — С. 20.
279. См.: Viano E. Stereotyping and prejudice: crime victims and the criminal justice system // *Scandinavian studies on crime and crime prevention*. — 1996. — Vol 5. — № 2. — P. 182.
280. См.: Курс советской криминологии. — Т. 1. — С. 172. См. также: Хохряков Г. Ф. Криминология: Учебник / Отв.ред. В. И. Кудрявцев. — М.: Юрист, 1999. — С. 390–391.
281. См.: Невалинний М. Определение понятия семьи и членов семьи потерпевшего // *Право Украины*. — 1996. — № 8. — С. 52–53.
282. David S. Riggs, Dean G. Kilpatrick Families and friends. Indirect victimization by crime // *Victims of crime: problems, policies and programs*. — London, Sage, 1990. — P. 126–135.
283. Использование термина «преступления без жертв» есть скорее дань излишней метафоричности понятийного аппарата некоторых учений постольку, поскольку, с точки зрения объективного научного знания, термин «преступления без жертв» несет такую же смысловую нагрузку, как и термин «бездомовые преступления»: Любое преступление, причиняя вред общественным отношениям, приводит к возникновению своей жертвы. Отметим также, что в последнее время в уголовно-правовой литературе высказывается точка зрения о признании именно людей и социальных общностей объектами преступных посягательств. См.:

- Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления: методологические аспекты. — М.: Норма, 2001. — 208 с.
284. См., например: Чугунова И. Наркомания: одинокий вызов приговору // Elle. — 1997. — № 6 (февраль). — С. 84–90.
 285. Кстати, процессуальное законодательство Польши, Венгрии и Югославии оговаривало, что к числу потерпевших от преступления относятся лица, законные блага которых были нарушены или поставлены под угрозу в результате совершения преступления. См.: Защита прав потерпевшего в уголовном процессе: (Сравнительное исследование). — М.: Наука, 1993. — 245 с.
 286. См.: Землюков С. В. Преступный вред: теория, законодательство, практика: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. — М., 1993. — С. 20.
 287. См.: Freize I. H., Hymer S., Greenberg M. S. Describing the crime victim: psychological reactions to victimization // Professional Psychology Research And Practice. — 1987. — № 18. — P. 222–315.
 288. Криминология: Словарь-справочник. — С. 26.
 289. См.: Riggs D., Kilpatrick D. G. Families and friends: Indirect victimization by crime // Victims of crime: problems, policies and programs. — 1990. — P. 124.
 290. См.: Joutsen M. Topic III of the Tentative agenda of the Seventh United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders: Victims of crime — the needs of victims and priorities in victim policy // Course on United Nations criminal Justice Policy. — Helsinki, 1985. — № 6. — P. 151–152. — (HEUNI series).
 291. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и жертв злоупотребления властью. — Ст. 18. — С. 6.
 292. Таций В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. — Х.: Вища школа, 1988. — С. 58.
 293. См.: Социология / Г. В. Осипов, Ю. П. Коваленко, Н. И. Щипанов, Р. Г. Яновский. — М.: Мысль, 1990. — С. 61.
 294. Бафия Е. Проблемы криминологии: диалектика криминогенной ситуации. — М.: Юрид. лит., 1983. — С. 105.
 295. Viano E. Victimology today: Major issues in research and public policy // Crime and its victims / Ed. E. Viano. — Washington, D. C., 1989; Viano E. Stereotyping and prejudice: crime victims and the criminal justice system // Scandinavian studies on crime and crime prevention. — 1996. — Vol. 5, № 2. — P. 183.
 296. Землюков С. В. Преступный вред: теория, законодательство, практика: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. — М., 1993. — С. 16.
 297. Там же. — С. 17.
 298. См., например: Даньшин И. Н. О правовом понятии насилия // Тяжкие насильственные преступления против личности: уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения: Сб. науч. трудов. —

- Минск, 1992. — С. 8; Назаров П. Н. К вопросу о насилии при грабеже и разбое // Труды Киевской ВШ МООН СССР. — К., 1968. — Вып. I. — С. 92; Симонов В. И. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: Дис.... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1972. — С. 93; Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. — М., 1974. — С. 75–91; Сабиров Р. Д. Уголовно-правовая борьба с насильственными групповыми посягательствами: Дис.... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1981. — С. 38–39. См. также работы М. И. Бажанова, Н. В. Кривошековой, В. В. Сташиса.
299. См.: Handbook on justice for victims. On the use and application of the United Nations Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power // Doc. E/CN.15/1997/CRP.11 / Rev. ed. — April 1998. — P. 5–6.
300. Diagnostic and statistic manual for mental disorders, Vol IV (DSM IV). — Washington, D. C.: The American psychiatric Association, 1994; Danieli Y. Preliminary reflections from a psychological perspective // The right to restitution, Compensation and Rehabilitation for victims of gross violations of Human rights and fundamental freedoms / Netherlands Institute of human rights, 1992. — Special issue № 12. — P. 196–213; Posttraumatic stress disorder: DSM IV and beyond / Eds.: J. R. T. Davidson, E. B. Foa. — Washington, 1993; Keane T. M., Wolfe J., Taylor K. I. Post-traumatic stress disorder: Evidence for diagnostic validity and methods of psychological assessment // Journal of clinical Psychology. — 1987. — Vol. 43. — P. 32–43.
301. Криминология: Словарь-справочник. — С. 27.
302. Сходные явления, кстати, наблюдаются и при анализе генезиса преступного поведения несовершеннолетних правонарушителей. См., например: Тузов А. П. Мотивация противоправного поведения несовершеннолетних. — К., 1982. — С. 163; Андгуладзе Т. Ш. Формирование установки антисоциального поведения у несовершеннолетних правонарушителей: Дис.... канд. психол. наук. — Тбилиси, 1980. — С. 79, 93.
303. Лазарев В. В. Выявление закономерностей правомерного поведения // Сов. государство и право. — 1983. — № 11. — С. 25; НТР и социально-этические проблемы: Сб. науч. трудов. — М., 1977. — С. 171.
304. См.: Мансуров Н. С. Социальные и общественно-психологические причины отклоняющегося поведения подростков. — М., 1974. — С. 7. См. также работы В. Н. Дремина, В. М. Кормщикова, А. И. Миллера.
305. Кормщиков В. М. Изучение механизмов влияния неблагополучной семьи на формирование личности несовершеннолетнего — важное условие профилактики правонарушений // Личность правонарушителя и проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних. — М., 1977. — С. 61; Печенюк А. М. Особенности перевоспитания трудных подростков с отклонениями в эмоционально-волевом развитии: Дис.... канд. педагог. наук. — М., 1975. — С. 169. См. также работы Е. И. Голу-

- бековой, Г. Н. Доронина, Л. М. Зюбина, Н. И. Мидлера, Г. М. Миньковского, В. Г. Соловьевой, Е. А. Хоршака и др.
306. Землюков С. В. Преступный вред: теория, законодательство, практика: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. — М., 1993. — С. 18.
 307. См.: Криминология: Словарь-справочник. — С. 27–28.
 308. См.: Курс советской криминологии. — Т. 1. — С. 173–176. См. также: Минская В. С., Чечель Г. И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. — Иркутск, 1988. — С. 27–28.
 309. Криминология: Учебник / Под ред. В. Э. Эминова, В. Н. Кудрявцева. — М.: Юрист, 1995. — С. 36–38.
 310. См.: Гилязов Ф. Г. Вина и криминогенное поведение личности. — М.: Изд-во ВЗПИ, 1991. — С. 9.
 311. Курс советской криминологии. — Т. 1. — С. 176. См. также: Минская В. С. Отрицательное поведение потерпевшего — одна из основных категорий виктимологии // Сов. государство и право. — 1980. — № 5.
 312. Криминология: Учебник. — С. Пб., 1998. — С. 157.
 313. См.: Кузнецова Н. Ф. Уголовно-правовая профилактика преступлений с учетом социально-значимого поведения потерпевшего // Потерпевший от преступления: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминологические и психологические аспекты: Труды по правоведению / Ученые записки Тартуского гос. ун-та. — Тарту: Изд-во ТГУ, 1987. — Вып. 754. — С. 21.
 314. Так, П. А. Воробей, учитывая наличие достаточных, по его мнению, обстоятельств для ограничения вменения в вину состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 117 УК Украины (потерпевшая хорошо и давно знакома и своим поведением давала мужчине основания для ошибки касательно ее согласия на половой акт) предложил дополнить ст. 117 УК примечанием: «Не несет за собой уголовной ответственности по ч. 1 ст. 117 совершение полового акта, если поведение знакомой женщины давало мужчине основания для добросовестной ошибки в отношении ее согласия на половой акт». См.: Воробей П. А. Теорія і практика кримінально-правового стягнення в вину: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — К., 1999. — С. 16, 30.
 315. См.: Резник Г. М. Личность преступника: правовое и криминологическое содержание // Личность преступника и уголовная ответственность. Правовые и криминологические вопросы: Межвуз. науч. сб. — Саратов, 1981. — С. 35.
 316. Чечель Г. И. Жестокий способ совершения преступлений против личности. — Нальчик: Парт, 1992. — С. 129.
 317. Цит. по: Schafer S. The victim and his criminal. — New York: Random House publ., 1968. — P. 43–44.
 318. См.: Франк Л. В. Виктимология и виктимность. — Душанбе, 1982. — С. 42–47; Полубинский В. И. Криминальная виктимология. Что это такое? — М.: Знание, 1977. — С. 44–45.

319. Тартаковский А. Д. Виктимологическая классификация потерпевших от преступлений, совершаемых в сфере семейно-брачных отношений // Потерпевший от преступления: (уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминологические и психологические аспекты): Труды по правоведению / Ученые записки Тартуского гос. ун-та — Тарту: Изд-во ТГУ, 1987. — Вып. 756. — С. 56—57.
320. Чечель Г. И. Жестокий способ совершения преступлений против личности. — Нальчик: Нарт, 1992. — С. 129—138.
321. Криминология: Учебник. — С. Пб., 1998. — С. 158.
322. См.: Mendelsohn B. The victimology // Etudes Internationales de Psycho-Sociologie criminelle, 1956. — July-Sept. — P. 25—26.
323. См., например: Сахаров А. Б. Личность преступника и типология преступника // Соц. законность. — 1973. — № 3. — С. 19—24.
324. См.: Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. — М.: Норма, 1998. — С. 67—68.
325. Зелинский А. Ф. Криминальная психология. — К.: Юринком Интер, 1999. — С. 29.
326. См.: Зелинский А. Ф. Криминальная психология. — С. 33.
327. Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — С. 6.
328. Ковальский В. С. Антиобщественная направленность личности и преступное поведение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — К., 1983. — С. 17.
329. См.: Криминальная мотивация. — М.: Наука, 1986. — С. 52, 150.
330. Анисимов С. Ф. Мораль и поведение. — М.: Мысль, 1985. — С. 66.
331. См.: Туляков В. А. Криминологические проблемы борьбы с социально-негативным поведением (на материалах изучения агрессивных антиобщественных проступков): Дис. ... канд. юрид. наук. — К., 1986. — С. 6, 93—94.
332. Фокс В. Введение в криминологию. — М.: Прогресс, 1985. — С. 127.
333. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учебник для вузов. — М.: ЮНИТИ, 1999. — С. 271.
334. Скрипник А. П. Нравственные отклонения и пути их преодоления. — М.: Знание, 1986. — С. 56.
335. Антонян Ю. М. Психология убийства. — М.: Юристъ, 1997. — С. 9.
336. Архангельский Л. М. Марксистская этика: (предмет, структура, основные направления). — М.: Мысль, 1985. — С. 79. См. также: Назаретян А. П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического прогресса): Курс лекций. — М.: Наследие, 1996. — 184 с.
337. См., например, работы П. П. Голубева, А. Ф. Зелинского, Ю. Н. Кудрякова.
338. Литвак О. М. Злочинність, її причини та профілактика. — К.: Україна, 1977. — С. 54—57.

139. См., например: Криминология: Учебник / Под ред. А. И. Долговой — М.: Инфра М — Норма, 1997. — С. 82–83.
140. Там же. — С. 85.
141. См.: Социальные отклонения. — М.: Юрид. лит., 1989. — С. 242.
142. См.: Франк Л. В. Виктимология и виктимность. — Душанбе, 1982. — С. 49.
143. Социология / Г. В. Осипов, Ю. П. Коваленко, Н. И. Щипанов, Р. Г. Яновский. — М.: Мысль, 1990. — С. 60.
144. Тик, Виктор Пелевин в своем романе «Generation П» прозорливо указал на роль СМИ в формировании общественного мнения и управлении коллективным разумом современного социума. См.: Пелевин В. «Generation П» — М.: Вагриус, 1999. — 302 с.
145. См.: Schneider H. J. Crime in the mass media // Eurocriminology. — Warszawa, 1989. — Vol. 2. — P. 6–8.
146. Канетти Э. Масса и власть. — М., 1997. — Цит по: Психология масс. Хрестоматия. — Самара: Бахрах, 1998. — С. 315.
147. См.: Психология масс. Хрестоматия. — Самара: Бахрах, 1998. — 592 с.
148. Жуковский Я. Ирина Хакамада любит побеждать // Киевские новости. — 1999. — 22 июня (№ 31). — С. 6.
149. См.: Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под. ред. Г. Витковской, А. Малащенко. — М.: Внешторгиздат, 1999. — 195 с.
150. См. об этом: Горшков М. К. Общественное мнение: История и современность. — М.: Политиздат, 1988. — 384 с.
151. Паниотто В. И. Качество социологической информации (методы оценки и процедуры ее обеспечения). — К.: Наук. думка, 1986.
152. Холмет Б. Факторы, формирующие виктимность // Вопросы борьбы с преступностью. — М., 1984. — Вып. 41. — С. 73–74.
153. Франк Л. В. Виктимология и виктимность. — С. 112.
154. Курс советской криминологии. — Т. I. — С. 177.
155. См.: Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. — Л., 1975. — С. 14.
156. См.: Франк Л. В. Виктимология и виктимность. — Душанбе, 1972. — С. 20, 29.
157. См.: Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления. — Горький, 1979. — С. 34–36.
158. Коношлов В. П. Виктимность и ее профилактика // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. — Иркутск, 1992. — С. 25–26.
159. Курс советской криминологии. — Т. I. — С. 179.
160. «Активность — это всеобщее атрибутивное свойство материи, выражающее собой ее способность к взаимодействию и самодвижению» (Сабитов Р. А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). — Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1985. — С. 11).
161. Santori J. The method: guidelines for concept analysis // Social science concepts — Beverly Hills etc., 1984. — P. 9–88.

362. См., например: Балабанова Л. М. Судебная психология (вопросы определения нормы и отклонения). — Донецк: Сталкер, 1998. — С. 344.
363. См.: Webster's new collegiate dictionary / Merriam Webster, G. & C. Merriam company, Springfield, Mass., 1980. — P. 1037.
364. См.: Безопасность и здоровье нации в аспекте преступности. — М.: Криминологическая ассоциация, 1996. — 192 с.
365. См.: Писанская В. Безопасность одна на всех // Голос Украины. — 1996. — 30 нояб. (№ 225). — С. 1, 10.
366. См.: О концепции (основах государственной политики) национальной безопасности: Постановление Верховной Рады Украины от 16 января 1997 г. № 3/97/ВР. См., например, также: Постановления Кабинета Министров Украины «О создании Национального Совета по вопросам безопасной жизнедеятельности населения» от 15 сентября 1993 г. № 733, «Об утверждении нового состава Национального Совета по вопросам безопасной жизнедеятельности населения» от 20 июля 1996 г. № 820, «О национальной программе улучшения состояния безопасности, гигиены труда и производственной среды на 1996—2000 годы» от 2 ноября 1996 г. № 1345 и «О концепции создания и деятельности Европейского центра техногенной безопасности (ТЕSEC)» от 17 ноября 1996 г. № 1259.
367. См.: Украинцев В. Угрозы не так уж страшны, если их знать в лицо: система взглядов на обеспечение безопасности коммерческих структур // Телохранитель. — 1995. — № 1. — С. 58—61; Джатиев В. С. О некоторых аспектах обеспечения национальной безопасности // Криминологическая ситуация и безопасность в обществе: Материалы Первого Международного Причерноморского социально-девиантологического симпозиума. — Кишинев, 1995. — Т. 1. — С. 82—87.
368. Плахов В. Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. — М.: Мысль, 1985. — С. 250.
369. Смейлзер Н. Социология: Пер. с англ. — М.: Феникс, 1994. — С. 239.
370. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы. Сказки. — М.: Худож. лит., 1984. — С. 305.
371. Ли Д. А. Уголовно-статистический учет: структурно-функциональные закономерности. — М., 1998. — С. 19.
372. Братусь Б. С. Аномалии личности. — М.: Мысль, 1988. — С. 14.
373. См.: Преступления, совершаемые с особой жестокостью (научный обзор результатов исследования) / Кол. авт. под рук. А. П. Закалюка. — К., 1989. — С. 19; Самовичев Е. Г. Причины умышленных убийств и проблемы исполнения наказаний за их совершение: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1991. — С. 43—44; Туляков В. А. Криминологические аспекты агрессивной преступности молодежи // Радянське право. — 1989. — № 12. — С. 36.
374. См.: Дети стреляют не только в Америке // Коммерсантъ-Власть. — 1999. — 14 дек. (№ 49). — С. 39.

175. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Вопр. философии. — 1989. — № 5. — С. 130.
176. Алексеев А. Принц и нищий // Домовой. — 1997. — № 5. — С. 49.
177. Питирим Сорокин. Наказание и кара. Подвиг и награда. — С. Пб.: Изд-во Я. Г. Долбышева, 1914. — С. 424.
178. От Матфея. 5:9 // Новый Завет и Псалтирь. — Нэшвилл: Гидеоновы братья, 1996. — С. 134.
179. Мейендорф И. Духовное и культурное возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы // Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия: Науч. сб. — М.: Ди-Дик, 1995. — С. 21.
180. Робер М.-А., Тильман Ф. Психология индивида и группы // — М.: Прогресс, 1988. — С. 102.
181. Балу А. Учение о христианском непротивлении злу насилием. — М., 1908. — С. 109. — Цит. по: Иванов В. М. Христианство и ненасилие // Принципы ненасилия. — М.: Прогресс, 1991. — С. 47. Заметим, что этика толерантности и ненасилия получила значительное распространение в философских воззрениях постиндустриального общества. См.: Адамс Д. Концепция культуры мира: основные принципы // Год 2000: на пути к культуре мира и ненасилия. — М.: Элит клуб, 1998. — С. 234—238; Дмитриев Г. Д. Многокультурное образование. — М.: Народное образование, 1999. — 208 с.; Круглова Н. В. Толерантность как задача практической философии // Перспективы практической философии на рубеже тысячелетий. — СПб., 1999. — С. 80—84; Контуры новой эпохи и формирование культуры мира // Общественные перемены и культура мира. — М.: Весь мир, 1998. — с. 17—186.
182. См.: Хорунжий С. С. Аналитический словарь исихастской антропологии // Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия: Науч. сб. — М.: Ди-Дик, 1995. — С. 55—56.
183. Самовичев Е. Г. Причины умышленных убийств и проблемы исполнения наказаний за их совершение: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1991. — С. 44.
184. Костенко О. М. Проблеми кримінологічної безпеки // Правова держава. — 1999. — Вип. 10. — С. 337.
185. Братусь Б. С. Аномалии личности. — М.: Мысль, 1988. — С. 51.
186. Гринев П. С. Методы 100 %-ной победы. — Симферополь: Реноме, 1997. — С. 86.
187. См.: Орзих М. Ф. Право и личность. Вопросы теории правового воздействия на личность социалистического общества. — К.; Одесса: Вища шк., 1978. — С. 130.
188. Эминов В. Е., Еникеев М. И., Кочетков О. Л. Психолого-криминологические аспекты здоровья нации и общественной безопасности // Безопасность и здоровье нации в аспекте преступности. — М., 1996. — С. 33.

389. Леви В. Везет же людям... (Психология здоровья). — М.: Физкультура и спорт, 1988. — С. 26.
390. Пушкин А. С. Пир во время чумы // Полн. собр. соч. — М.: Наука, 1964. — Т. 5. — С. 419.
391. Леви В. Указ. соч. — С. 204.
392. Битов А. Книга путешествий. — М.: Известия, 1986. — С. 177–178.
393. Гримак Л. П. Резервы человеческой психики. Введение в психологию активности. — М.: Политиздат, 1987. — С. 267.
394. Битов А. Указ. соч. — С. 116.
395. Арабов Ю. Механика судеб и механика замысла — М., 1996. — Цит. по: Кладо Е. Юрий Арабов: Лучше стать проституткой, чем Глобой: Открыты законы судьбы // Собеседник. — 1997. — № 9. — С. 20.
396. Антонов-Романовский Г. В., Лютов А. А. Виктимность и нравственность // Вопр. борьбы с преступностью. — М., 1980. — Вып. 33. — С. 40.
397. Ривман Д. В. К вопросу о социально-психологической типологии потерпевших от преступления // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. трудов. — Иркутск, 1981. — С. 6.
398. Дружинин В. В., Конторов Д. С., Конторов М. Д. Введение в теорию конфликта. — М.: Радио и связь, 1989. — С. 109.
399. Ancel M. Le probleme de la victime dans le droit penal positif et la politique criminelle modern // *Revue Internationale de criminologie et de Police technique*. — 1981. — № 4. — Р. 342. — Цит. по: Тюрин Д. П. Рассмотрение проблемы виктимологии по материалам исследований, проводимых в Канаде // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. — М., 1985. — № 86. — С. 60. См. также: Налетов И. З. Причинность и теория познания. — М.: Мысль, 1975. — С. 48, 121.
400. Байбурин А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. — Л.: Наука, 1985. — С. 7.
401. Даже перед смертью судьба может посмеяться над Вами // Комсомольская правда. — 1999. — 17 июля. — С. 11.
402. См.: Colin Wilson. *The Mammoth book of true crime*. — London, 1988. — Р. 608.
403. Серийные сексуальные преступления: Учебное пособие / под ред. Ю. М. Антоняна. — М., 2000. — С. 59
404. Даже перед смертью судьба может посмеяться над Вами. — С. 11.
405. Colin Wilson. *Op. cit.* — Р. 191–192.
406. См., например: Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. — Минск: Вышэйш. шк., 1976; Антонян Ю. М. Указ. соч. — С. 241–259.
407. См.: *Crime and criminal justice in Europe and North America 1986–1990* / Ed. Kristina Kangaapusta. — Helsinki, 1995. — Р. XXV–XXVIII; Бабаев М. М. Социальные последствия преступности — М., 1982; Ви-

- ции С. В. Системный подход и преступность. — М., 1980; Джекебаев У. С. Преступность как криминологическая проблема. — Алма-Ата, 1974; Изменения преступности и проблемы охраны правопорядка. — М., 1994; Латентная преступность: познание, политика, стратегия. — М., 1993; Матти Лайне. Криминология и социология отклоненного поведения. — Хельсинки, 1994; Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. — М., 1980; Преступность и правонарушения: Стат. сб. — М., 1992; Преступность в Украине // Бюллетень законодательства и юридической практики Украины. — 1994. — № 2; Лунеев В. В. Юридическая статистика: Учебник. — М.: Юристъ, 1999. — С. 343–370.
408. Дружинин В. В., Конторов Д. С., Конторов М. Д. Введение в теорию конфликта. — М.: Радио и связь, 1989. — С. 97.
409. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — С. 103–104.
410. Ривман Д. В. О содержании понятия «виктимность» // Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. — Л.: ВПУ МВД СССР, 1974. — С. 25–27.
411. См.: Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. — СПб., 2000. — С. 99.
412. См.: Уэда К. Преступность и криминология в Современной Японии: Пер. с япон. / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. Н. Еремина. — М.: Прогресс, 1989. — С. 64–65.
413. См.: Туляков В. Виктимность и ее выражение // Юридична освіта і права держава: Зб. наук. праць. — Одеса, 1997. — С. 224–232.
414. Братусь Б. С. Аномалии личности. — М.: Мысль, 1988. — С. 31.
415. См.: Чечель Г. И. Жестокий способ совершения преступлений против личности. — Ставрополь, 1995. — С. 129–139.
416. См.: Бестужев-Лада И. В. Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества. — М.: Наука, 1987. — С. 11.
417. См.: Багрий-Шахматов Л. В., Туляков В. О. Виктимність як кримінологічний чинник // Вісник Академії правових наук України. — 1994. — № 6. — С. 53; Малашок С. Хватит быть неудачником — станьте победителем // Ведомости Daily. — 1996. — 23 нояб. (№ 216). — С. 4.
418. См.: Гульман Б. Л. Сексуальные преступления. — Х., 1994. — С. 43. См. также: Merenyi Kalman. A szexuális eroszak (Kutatási beszámoló). — Budapest, 1987. — P. 296–300.
419. Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошенского. — М.: Политиздат, 1985. — С. 344.
420. Ривман Ф. Основные формы страха / Пер. с нем. Э. Л. Гушанского. — М.: Алтейа, 1999. — С. 16.
421. О роли данных механизмов в социализации личности делинквента см. работы В. Н. Дремина. Например: Дремин В. Н. Изучение криминоген-

- ного влияния ранее судимых лиц на несовершеннолетних // Проблемы соц. законности: Межвуз. сб. науч. трудов. — Х., 1982. — Вып. 9. — С. 142–145.
422. Риман Ф. Основные формы страха. — С. 24.
423. См. обзор реакций жителей России на теракты в Москве в 1999 году, а также жителей иных государств на подобные ситуации в подборке статей: Топография страха // Итоги. — 1999. — 21 сент. — С. 12–31. Аморфность и бессистемность воззрений, готовность согласиться с любыми крайними мерами правительства по защите личной неприкосновенности, формирование образа врага — вот далеко не полный перечень типичных состояний, детерминированных страхом перед терроризмом.
424. См., например: Старович З. Судебная сексология. — М.: Юрид. лит., 1991. — С. 68–70; Кон И. С. Введение в сексологию. — М.: Медицина, 1989. — С. 180–184, 226.
425. Colin Wilson. The Mammoth book of true crime. — London, 1988. — P. 605.
426. Относясь достаточно скептически к феномену «прирожденных» жертв, нельзя не отметить, что эта проблема требует достаточно тщательного и длящегося исследования, а отнюдь не забвения и абсолютного отрицания, как это порой бывает с идеями, не вписывающимися в традиционную научную парадигму.
427. Colin Wilson. The Mammoth book of true crime. — P. 608.
428. Камю А. Бунтующий человек. — М., 1990. — Цит. по.: Психология человеческой агрессивности: Хрестоматия / Сост. К. В. Сельченко. — Минск: Харвест, 1999. — С. 349.
429. См.: Василюк Ф. Е. Психология переживания. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — С. 42–44.
430. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: Учебник для вузов. — М.: ЮНИТИ, 1999. — С. 292–299.
431. См.: Христенко В. Е. Психология жертвы: учеб. пособие. — Харьков: Консум, 2001. — С. 27–39.
432. Джеймс М., Джонгвард Д. Рожденные выигрывать. Трансакционный анализ с гештальтупражнениями: Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. Л. А. Петровской. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. — С. 210.
433. См., например: Шестаков Д. А. Семейная криминология. — С. Пб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. — С. 13.
434. Анисимов С. Ф. Мораль и поведение. — М.: Мысль, 1985. — С. 98.
435. При определении данных видов виктимной активности была использована классификация девиаций, приведенная в работах З. Старовича. См.: Старович З. Судебная сексология. — М.: Юрид. лит., 1991. — С. 10–16.
436. См.: Хекхаузен Хайнц. Мотивация и деятельность. — М.: Педагогика, 1986. — Т. 1. — С. 134.

437. Объем выборки — 174 субъекта, осужденных по ст.ст. 93, 94, 101 УК Украины 1960 г.
438. См.: Туляков В. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты участия в драках // Вопросы борьбы с преступностью. — М., 1987. — Вып. 45.
439. См.: Преступления, совершаемые с особой жестокостью. (Науч. обзор результатов исследования) / Кол. авт. под рук. А. П. Закалюка. — К., 1989. — С. 20–21.
440. Лист Ф. Преступление как социально-патологическое явление. — С. Пб., 1903. — С. 7.
441. Криминология: Учебник / Под ред. А. И. Долговой. — М., 1997. — С. 436.
442. Криминология: Словарь-справочник. — М., 1998. — С. 212–213.
443. Питирим Сорокин. Наказание и кара, подвиг и награда. Социологический этюд о формах общественного поведения и морали. — С. Пб., 1914. — С. 79.
444. Дружинин В. В., Конторов Д. С., Конторов М. Д. Введение в теорию конфликта. — М.: Радио и связь, 1989. — С. 279.
445. К таковым, например, относится основанная на раннехристианских моделях первородности греха и дуалистичности мира выдвигаемая европейскими криминологами идея о людских пороках как первоначальной причине преступности. Показательно, что в патерналистской Японии, с высокоразвитым чувством общественной солидарности и традиционным для восточной философии пониманием сложности и относительности взаимодействия и обособленного существования добра и зла, многие криминологи убеждены в непознаваемости причин преступности, рассматривая ее во взаимосвязи с характеристиками общественного развития в конкретный исторический момент времени. См.: Уэда Кан. Преступность и криминология в современной Японии. — М.: Прогресс, 1989. — С. 101.
446. См. подробнее об этом работы В. Г. Афанасьева, Я. И. Гилинского, А. Н. Костенко, В. Н. Кудрявцева, Э. Э. Раска, Л. И. Спиридонова, А. М. Яковлева.
447. Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учеб. пособие. — М.: Форум-Инфра-М, 1998. — С. 5.
448. См.: Хохлаков Г. Ф. Криминология: Учебник. — М., 1999. — С. 503.
449. См.: Социальные отклонения. — М.: Юрид. лит., 1989. — С. 242–243.
450. См.: Зелинский А. Ф. Рецидив преступлений: структура, связи, прогнозирование. — Х., 1980. — С. 70–75; Горшков М. К. Общественное мнение: история и современность. — М.: Политиздат, 1988. — С. 228–229.
451. Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. — М.: Наука, 1985. — С. 218.

452. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — М.: Норма, 1997. — С. 25–26.
453. Подробнее см.: Гошовський М. І., Кучинська О. П. Потерпілий у кримінальному процесі України. — К.: Юрінком Інтер, 1998. — С. 16–23.
454. Пожалуй, не является особым секретом некоторая вынужденность амнистирования определенного числа правонарушителей в странах Восточной Европы, системы социального контроля которых не справляются с закономерно возникшим в процессе перестройки политических и экономических отношений ростом преступности.
455. Profiles of criminal justice systems in Europe and North America (1990–1994) / Kristiina Kangaspunta, Matti Joutsen, Natalia Ollus and Sami Nevala (eds.) // HEUNI publ. series № 33. — Helsinki, 1999. — P. 6–7.
456. Криминология: Словарь-справочник / Сост. Х.-Ю. Кернер; Пер. с нем.; Отв. ред. перевода А. И. Долгова. — М.: Норма, 1998. — С. 316–317.
457. Показательно, что в 90-е годы в США и России бестселлерами стали произведения Дж. Гришема «Время убивать» и С. Говорухина «Ворошиловский стрелок», пропагандирующие самосуд как решение проблем простого человека в обход судебным инстанциям. Объективности ради отметим: роман Дж. Гришема описывает ситуацию, возникшую в США в 60-е годы.
458. NCJRS document data base — Aspen Systems, Rockville, 1994 — on CD-ROM.
459. См., например: Terry L. Baumer. Research on fear of crime in the United States // *Victimology*. — 1978. — N 3. — P. 254–264; Wesley G. Skogan On attitudes and behaviors // *Reactions to crime*. — Beverly Hills: Sage publ., 1981. — P. 19–45.
460. См., например: Emilio Viano. Victims, crime and the media: competing interests in the electronic society // *Communications and the law*. — 1995. — Vol. 17, N 2. — P. 46.
461. Kury H. Crime development and fear of crime: a comparison of western with post communist countries // *Criminological situation and security in society: First International social deviant behavior symposium of the Black Sea Countries*. — Chisinau, 1995. — Vol. 1 — P. 22–23; Кури Х. Исследование проблем виктимизации в Германии // *Криминологические исследования в мире*. — М.: Манускрипт, 1995. — С. 117–126.
462. Именно в этом году был принят пакет документов, направленных на усиление социального контроля над преступностью в США.
463. См.: *Sourcebook of Criminal justice statistics 1998*. — Washington, 1999. — P. 96.
464. См.: *Ibid.* — P. 116.
465. См.: *Ibid.* — P. 117.
466. См.: *Ibid.* — P. 120.
467. См.: *Ibid.* — P. 121.

468. Allen E. Liska Victimizacija i strah od zlocina // *Jugoslovenska revija za kriminologiju i krivicno pravo*. — 1987. — Vol. 25. — S. 200–207.
469. Ibid. — S. 204.
470. Ibid. — S. 206.
471. См.: Хохряков Г. Ф. Криминология: Учебник. — М.: Юристъ, 1999. — С. 503.
472. Handbook on justice for victims. On the use and application of the United Nations Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power // Doc. E/CN.15/1997/CRP.11. — Rev. ed. — April 1998. — P. 11–12.
473. См.: Иншаков С. М. Зарубежная криминология. — М., 1997. — С. 263.
474. См. работы Ю. М. Антоняна, А. Ю. Арефьева, В. Е. Батюковой, Я. И. Гилинского, В. В. Голины, А. Н. Джужи, А. П. Закалюка, А. А. Конева, А. Н. Костенко, С. В. Кудрявцева, В. В. Мальцева, В. С. Минской, Т. Г. Рахимова, А. А. Репецкой, Д. В. Ривмана, М. Х. Рустамбаева, В. Я. Рыбальской, И. Г. Скурту, В. Н. Сомина, А. А. Тайбакова, Е. В. Топильской, И. К. Туркевич, Л. В. Франка, Г. Ф. Чечеля, В. И. Шакуна и др.
475. См.: Хохряков Г. Ф. Криминология: Учебник. — М., 1999. — С. 181.
476. См.: Ревин В. П., Чернышев Н. А. Роль микросреды в механизме правонарушающего поведения и обеспечения корректирующего воздействия на личность // *Криминология и уголовная политика*. — М., 1985. — С. 92.
477. Зушик Ю. Оноприенко — украинский Чикатило. Кровавая биография: жизнь и преступления самого жестокого убийцы XX века // 2000. — 24 марта 2000 г. — С. 22–23.
478. Ежи Бафия. Проблемы криминологии. Диалектика криминогенной ситуации. — М., 1983. — С. 109.
479. См. об этом: Ратинов А. Р., Ефремова Г. Х. Психологическая защита и самооправдание в генезисе преступного поведения // *Личность преступника как объект психологического исследования: Сб. науч. трудов*. — М., 1979. — С. 52; Ратинов А. Р., Ефремова Г. Х. Правосознание и преступное поведение // *Правосознание и правовое воспитание осужденных: Сб. науч. трудов*. — М., 1982. — С. 27; Котова Э. П. Об одном из адаптивных качеств преступника // *Личность преступника как объект психологического исследования: Сб. науч. трудов*. — М., 1979. — С. 90–91.
480. См., например: Голина В. В. Специально-криминологическое предупреждение преступлений (теория и практика): Дис.... д-ра юрид. наук. — Х., 1994. — С. 500–506.
481. См.: Васильюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). — М.: Изд-во МГУ, 1984. — С. 61–64.
482. Handbook on justice for victims. On the use and application of the United Nations Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and

Abuse of Power // Doc. E/CN.15/1997/CRP.11. — Rev.ed. — April 1998. — P. 67.

483. См., например, работы В. П. Коновалова.
484. См.: Ezzat A. Fattah. The interchangeable roles of victim and victimizer // HEUNI Papers № 3. — Helsinki, 1994. — 26 p.
485. Методологическими основаниями таких исследований могут быть работы ученых Кембриджского института криминологии. См., например: Julian Stander, David Farrington, Gillian Nill, Patricia Altman Markov chain analysis and specialization in criminal careers // The British Journal of Criminology. — Autumn 1989. — Vol. 29, № 4. — P. 317–335; Farrington D. P. Early predictors of adolescent aggression and Adult violence // Violence and its victims. — 1989. — Vol. 4, № 2. — P. 79–100.
486. Франк Л. В. Потерпевший от преступления и проблемы развития отечественной виктимологии. — Душанбе: Ирфон, 1977. — С. 107–108.
487. Ривман Д. В. О некоторых понятиях криминальной виктимологии // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. трудов. — Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1982. — С. 15–24.
488. Декларация ООН об основных принципах правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью. — Нью-Йорк: Департамент общественной информации ООН, 1988. — Ст. 1.
489. Франк Л. В. Потерпевший от преступления и проблемы развития отечественной виктимологии. — Душанбе: Ирфон, 1977. — С. 109.
490. См.: Криминология. Словарь-справочник / Сост. Х.-Ю. Кернер. — С. 26–29.
491. См., например: Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — М.: Норма, 1997. — С. 14–50.
492. Mike Maguire. Crime statistics, patterns, and trends: changing perceptions and their implications // Oxford Handbook of Criminology. — Oxford univ. press, 1997. — P. 159.
493. См.: Profiles of criminal justice systems in Europe and North America 1990–1994 / Eds.: Kristina Kangaspunta, Matti Joutsen, Natalia Ollus & Sami Nevala. — Helsinki, 1999. — P. XIV.
494. См.: Ли Д. А. Уголовно-статистический учет: структурно-функциональные закономерности. — М.: Русский мир, 1998. — С. 160–162; Britannica book of the year. Chicago: Encyclopedia Britannica, 1997; Profiles of criminal justice systems in Europe and North America (1990–1994) / Kristina Kangaspunta, Matti Joutsen, Natalia Ollus and Sami Nevala (eds.) // HEUNI publ. series № 33. — Helsinki, 1999. — P. 492.
495. См.: Profiles of criminal justice systems in Europe and North America (1990–1994). — P. XII–XIV, 489–491.
496. См.: P. Mayhew, J van Dijk Criminal victimization in eleven industrialized countries / Key findings from the 1996 International Crime victims survey. — The Hague, 1996.

497. См.: Crime and justice in England and Wales: a digest of information on the Criminal justice System / Ed. by Gordon C. Barklay. — Home Office, 1992. — P. 17.
498. См., например: Насильственная преступность / Под ред. В. Н. Кудрявцева. — М.: Спарк, 1997. — С. 17.
499. См.: The front line for victims of crime / National Victims Center. — NY, 1996. — P. 23.
500. Подробнее см.: Никифоров А. С. США: новый закон о контроле над насильственной преступностью // Криминологические и уголовно-правовые идеи борьбы с преступностью. — М.: ИГПРАН, 1996.
501. Crime Control Act of 1990, Pub. L. No. 101-647, Title V, № № 502-503, 104 Stat. 4820 (codified at 42 U. S.C. № № 10606-10607 (1990)).
502. National Center for Health Statistics, Vital Statistics // www.ojp.usdoj.gov/bjs/homicide/homtrnd.htm.
503. FBI, Uniform Crime Reports, 1950-97. См. также: www.ojp.usdoj.gov/bjs.
504. FBI, Uniform Crime Reports January-June 1999 — FBI. US Dept. of Justice. — Washington, 1999. — November 21, 1999.
505. См., например: J. H. Laub Patterns of criminal victimisation in the United States // Victims of crime: problems, policies and programs. — London, Sage, 1990. — P. 24; Mike Maguire. Crime statistics, patterns, and trends: changing perceptions and their implications // Oxford Handbook of Criminology. — Oxford univ. press, 1997. — P. 146-147.
506. См.: Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — М.: Норма, 1997. — С. 203-204.
507. James Alan Fox, Marianne W. Zawitz. Homicide Trends in the United States. — NCJ 173956. — January 1999.
508. См., например: Зелинский А. Ф. Криминология: Курс лекций. — Х.: Прапор, 1996. — С. 229-230.
509. См.: Profiles of criminal justice systems in Europe and North America // HEUNI series. — Vol 26. — Helsinki, 1995; Criminal victimization in the Industrialized World: Key findings of the 1989 and 1992 International Crime surveys / J. Van Dijk and P. Mahew. — The Hague: Ministry of Justice, 1993.
510. См.: Information on the Criminal justice system in England and Wales a digest / Ed. by Gordon C. Barklay. — Home Office, 1995. — P. 11-14.
511. Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка // Международные соглашения и рекомендации Организации Объединенных Наций в области защиты прав человека и борьбы с преступностью: Сб. междунар. документов. — М.: Академия МВД СССР, 1989. — С. 154.
512. См. Законы Украины: «О действии международных договоров на территории Украины» от 10 декабря 1991 г. // Ведомости Верховного Совета Украины. — 1992. — № 10. — Ст. 137; «О международных договорах

- Украины» от 22 декабря 1993 г. // Ведомости Верховного Совета Украины. — 1994. — № 10. — Ст. 46.
513. См.: Конституция Украины. — К., 1997. ст. 9.
514. Конституция Украины. — К., 1997.
515. О мерах по активизации борьбы с коррупцией и организованной преступностью: Распоряжение Президента Украины от 10 февраля 1995 года № 35/95.
516. См.: Государственная программа борьбы с преступностью // Урядовий кур'єр. — 1993. 5 серп.; Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью: Закон Украины от 30 июня 1993 года // Голос Украины. — 1993. — 6 авг.; О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда: Закон Украины от 1 декабря 1994 года // Голос Украины. — 1994. — 17 дек.; О комплексной целевой программе борьбы с преступностью на 1996–2000 годы: Указ Президента Украины от 17 сентября 1996 года № 837/96. К сожалению, в Комплексной программе профилактики преступности на 2001–2005 годы, утвержденной Указом Президента Украины от 25 декабря 2000 года N 1376/2000 данная проблематика практически освещена не была.
517. Уголовно-процессуальный кодекс Украины. — К., 1995; Об обеспечении безопасности лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве: Закон Украины от 23 декабря 1993 года // Голос Украины. — 1994. — 20 янв.
518. Збірник статистичної звітності щодо результатів боротьби зі злочинністю в Україні за 1998 рік. — К., 1999. — С. 3.
519. Zvekić Ugljesa Criminal victimization in countries in transition. — UNICRI, Publication № 61. — Rome, 1998.
520. Profiles of criminal justice systems in Europe and North America // HEUNI series. — Vol. 26. — Helsinki, 1995. — P. 453.
521. Байбурин А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. — Л.: Наука, 1985. — С. 8–9.
522. См.: Смельзер Нейл. Социология: Пер. с англ. — М.: Феникс, 1994. — С. 42.
523. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Пер с англ. — М.: Прогресс, 1991. — С. 355.
524. Мишель Фуко. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М.: Ad marginem, 1999. — С. 111–112.
525. См.: Maslow A. The further reaches of human nature. — Harmondsworth, 1971; Colin Wilson. The Mammoth book of true crime. — London: Robinson publishing, 1988. — P. 345–348.
526. Хекхаузен Хайнц. Мотивация и деятельность. — М.: Педагогика, 1986. — Т. 1. — С. 113.

527. См.: Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. — М., 1975. — С. 89–105. См. также: Зелинский А. Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. — Х.: Изд-во ХГУ, 1986. — С. 44–52; Социология / Г. В. Осипов, Ю. П. Коваленко, Н. И. Щипанов, Р. Г. Яновский. — М.: Мысль, 1990. — С. 106–107.
528. В подтверждение этому см. работу А. Ф. Зелинского, в которой теория иерархии потребностей удачно применена при классификации мотивов корыстного поведения: Зелинский А. Ф. Криминальная психология. — К., 1999. — С. 60, 162–165.
529. См.: Хекхаузен Г. Мотивация и деятельность: Пер. с нем. — М.: Педагогика, 1986. — С. 365–366; Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. — М., 1985; Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. — М., 1998. — 305 с.
530. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни. (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. — Л., 1975. — С. 26.
531. Бытие. — Гл. 4. — Ст. 6–8 // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М.: Известия, 1991. — С. 4.
532. Мишель Фуко. Указ. соч. — С. 108–109.
533. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 2. — С. 182.
534. См.: Модестов Н. С. Москва бандитская. — М.: Центрполиграф, 1996. — С. 358–372.
535. Colin Wilson. The Mammoth book of true crime. — London.: Robinson publishing, 1988. — Р. 347; См. также: Убийцы и маньяки. Сексуальные маньяки, серийные преступления / Подгот. текста Т. И. Ревяко, П. В. Трус. — Минск: Литература, 1996. — Ч. II.
536. Maslow A. Motivation and Personality. — NY, 1954. — Р. 91, 92. — Цит по: Хекхаузен Хайнц. Мотивация и деятельность. — М.: Педагогика, 1986. — Т. 1. — С. 113.
537. Гишинский Я. И. Социологическое исследование преступности и иных антиобщественных проявлений. — С. 29.
538. См.: Социальные отклонения. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрид. лит., 1989. — С. 241–242.
539. Примечательно, что при анализе тенденций пространственно-временного распределения преступности как открытой системы отечественные криминологи пришли к аналогичному выводу о существовании определенного криминального равновесия, когда при изменении одного типа преступной активности свободная ниша в общем пространственном распределении преступности немедленно занимает другой вид криминальной активности. См.: Забрянский Г. И. Криминологическая классификация регионов Российской Федерации // Вестник МГУ. — 1993. — № 2. — С. 50. — (Сер. II: Право); Ли Д. А. Уголовно-

- статистический учет: структурно-функциональные закономерности. — М., 1998. — С. 70. Аналогичные тенденции наблюдались и при изучении взаимодействия преступности с иными видами девиаций. См., например: Туляков В. А. Балансы агрессивной активности // Тезисы докл. межвуз. науч.-практ. конф. молодых ученых. — Одесса, 1987. — Ч. 1. — С. 57.
540. См.: Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). — С. Пб.: Лань, 1999. — С. 264. См. также: Назаретян А. П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (синергетика исторического прогресса): Курс лекций. — 2. изд., — М.: Наследие — 184 с.
541. См.: Kury H. Crime development and fear of crime. A comparison of western with post-communist countries // Криминологическая ситуация и безопасность в обществе: Материалы Первого Международного Причерноморского социально-девиантологического симпозиума. — Кишинев, 1995. — Т. 1. — С. 22; Безопасность и здоровье нации. — М., 1996. — С. 175.
542. Ферри Э. Уголовная социология. — М., 1908. — С. 283. — Цит. по: Иншаков С. М. Зарубежная криминология. — М.: Инфра-М — Норма, 1997. — С. 73. См. также: Матти Лайне. Криминология и социология отклоненного поведения. — Хельсинки, 1994. — С. 44.
543. Василькова В. В. Указ. соч. — С. 282–283.
544. См., например: Иншаков С. М. Зарубежная криминология. — С. 265–267.
545. Питирим Сорокин. Наказание и кара, подвиг и награда. Социологический этюд о формах общественного поведения и морали. — С. Пб., 1914. — С. 452.
546. См.: Багрий–Шахматов Л. В. Социально-правовые проблемы уголовной ответственности и форм ее реализации. — Одесса: АО Бахва, 1998. — С. 27–29.
547. А. Ф. Зелинский обоснованно, на наш взгляд, полагает, что с точки зрения логики организации социального контроля в гражданском обществе было бы правильнее говорить о криминологической, а не об уголовной политике. См.: Зелинский А. Ф. Криминология: учебное пособие. — Харьков: Рубикон, 2000. — С. 15–16.
548. Принят резолюцией 2200А(XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.
549. Принята на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г.
550. Doc: E/AC.57/1990/NGO/3.
551. См.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью /Сост. Москалькова Т. Н. и др. — М.: Издательство «Спарк», 1998. — 388 с.; Международные нормы и

- правоприменительная практика в области прав и свобод человека. — М., 1993. — С. 13–15.
552. См.: Сыроед Т. А. Защита жертв преступлений в международном праве: дис...канд.юр.наук. — Харьков, 2000. — 182 с.; Строков І. Захист прав потерпілих від злочинів // Право України. — 1998. — № 6. — С. 86–87.
553. Подробнее см.: Handbook on justice for victims. On the use and application of the United Nations Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power // Doc. E/CN.15/ 1997/CRP.11. — Rev. ed. — April 1998; A statement of victims' rights // Crime victims watch. — Vol. 1, № 1. — April 1996. — P. 14–15.
554. См.: Веселуха В. Значення віктимологічної профілактики у системі попередження злочинності // Право України. — 1999. — № 9. — С. 67–69.
555. Криминология: Учебник / под ред. Долговой А. И. — М.: ИНФРА-М-Норма, 1997. — С. 377–378. См. также: Виктимологическая профилактика преступлений // Российская криминологическая энциклопедия. — М.: Норма, 2000. — С. 101.
556. Известно, что жертва чувствует себя небезопасно, когда: ее опрашивают рядом с правонарушителем; в том же помещении, где имело место нападение; ей не дали возможности переодеться; она голодна, замерзла и ощущает себя некомфортно; нападающий не найден и угрожал вернуться; преступник известен жертве, боящейся последствий дать делу официальный ход; членам семьи и близким жертвы угрожают.
557. Подробнее см.: Handbook on justice for victims. On the use and application of the United Nations Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power // Doc. E/CN.15/ 1997/CRP. 11. — Rev. ed. — April 1998.
558. См: Кримінальний Кодекс України. Офіційний текст. — Київ.: Юрінком Інтер, 2001 — 240 с.
559. См.: Конституция Украины. — Разд. XV.
560. См.: О реабилитации жертв политических репрессий в Украине: Закон Украины // Ведомости Верховного Совета Украины. — 1991. — № 22 — Ст. 262.
561. См.: Литвак О. М. Державний вплив на злочинність. Кримінологічно-правове дослідження. — Київ: Юрінком Інтер, 2000. — С. 138.
562. Tsitsura A. The European Convention on the compensation of victims of violent crime // Towards a Victim policy in Europe. — Helsinki, 1984. — P. 133–145; Recommendation on assistance to Victims and the prevention of Victimization // Council of Europe, 1987. — Doc. N R (87)21. См. также: Об организационных мерах по выполнению обязательств Украины, предусмотренных Заключением Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 26 сентября 1995 года № 190, касательно заявки Украины на вступление в Совет Европы: Постановление Кабинета Министров Украины от 20 июля 1996 года № 792.

563. International crime victim compensation program directory // US Department of Justice, Office of Justice programs, Office for Victims of Crime. — Washington, 1996. — 36 p. См. также работы В. Е. Квашица и Л. В. Вавиловой. Например: Квашиц В. Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений — М.: Нота Бене, 1999. — 278 с.
564. См.: Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. — М., 1998; Туляков В. А. Виктимология: социальные и криминологические проблемы. — Одесса, 2000. — С. 85–89, 262–270; Квашиц В. Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. — М., 1999.; Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. — СПб., 2000. — С. 214.
565. Воскобитова Л. А. Правовое регулирование процедуры примирения в уголовном судопроизводстве. // Государство и право на рубеже веков. Материалы Всеросс. конференции: криминология, уголовное право, судебное право. — М., 2001. — С. 199.
566. См.: Кримінальний Кодекс України — Офіційний текст. — Київ, Юрінком Інтер, 2001.
567. Классическим примером подобного рода нормы может служить идущая вне логики систематики раздела Особенной части УК статья, предусматривающая ответственность за хищение электрических сетей (ст. 188 УК 2001 г). В данном случае принцип относительной распространенности деяния сыграл большую роль, чем принцип уголовно-правовой обусловленности криминализации.
568. Хотя в этом смысле виктимологические идеи сыграли и свою негативную роль. Распространенное ныне отношение к проститутке как к невинной эксплуатируемой жертве несколько скрывает экономические по своей природе предпосылки распространенности данного деликта. Безусловно, вовлечение в занятие проституцией, эксплуатация проституции, сутенерство должны быть криминализированы. Однако криминализация самого занятия проституцией — явление иного порядка. Здесь вера в эффективность профилактической функции уголовного запрета нам кажется чрезмерной.
569. См.: Становский М. Н. Назначение наказания. — СПб., 1999. — С. 17–21.
570. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. — СПб., 2000. — С. 153
571. См.: Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. — СПб, 2000. — С. 160.
572. Так, принятие Верховной Радой Украины 18.01.2001 г. в первом чтении проекта закона «О предупреждении насилия в семье» выносит на повестку дня проблему формирования поля уголовных проступков, насильственных непроступных деликтов и социальной реакции на них, теснейшим образом связанную с поведением и ожиданиями жертв преступлений и контролем над латентной насильственной преступностью.

573. См.: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть. — М., 2001. — С. 267.
574. См.: Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. — М.: Норма, 2001. — С. 59–60
575. Именно таким образом на сегодняшний день решают указанный вопрос законодатели Италии в разделе IV УК Италии «О преступнике и потерпевшем от преступления». Укажем также, что сходные предложения при рассмотрении теории уголовного закона выказаны на сегодняшний день и учеными России. См.: Петрова Г. О. Норма и правоотношение — средства уголовно-правового регулирования. — Нижний Новгород, 1999. — С. 189
576. См.: Багрий Шахматов Л. В. Социально-правовые проблемы уголовной ответственности и форм ее реализации. — Одесса, 1998. — С. 132.
577. Землюков С. В. Понятие и содержание мер уголовно-правового характера // Государство и право на рубеже веков. Криминология, уголовное право, судебное право. — М., 2001. — С. 32–34.
578. См.: Уголовный Кодекс Голландии. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. — С. 159–160
579. См.: Уголовный Кодекс Китайской Народной Республики. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. — С. 29.
580. См.: Profiles of criminal justice systems in Europe and North America / HEUNI series — Vol 26. — Helsinki, 1995.; Criminal victimization in the Industrialized World: Key findings of the 1989 and 1992 International Crime surveys. / J. Van Dijk and P. Mahew. The Hague: Ministry of Justice, 1993.
581. Шнайдер Г. И. Криминология — М., 1994. — С. 360
582. Титов В. Безопасность в эпоху Водолея // Опасность и безопасность — N 1. — 1995. — С. 15.
583. Здесь и далее ссылки на работы древнекитайских теоретиков военного искусства и рукопашного боя даются по книге А. А. Долина и Г. В. Попова «Кэмпо-традиция воинских искусств» — М., 1992. — гл. 6.
584. См.: Мюриел Джеймс, Дороти Джонгвард. Рожденные выигрывать. М: Прогресс-Универс, 1995. — С. 292.
585. См., например: Предпринимательство и безопасность. — М.: Универсум, 1991. — гл. 4; Соловйов Е. Я. Порятуюнок у ваших руках. — Львів, 1992 — С. 4–7.
586. См. Долин А. А., Попов Г. В. Кэмпо-традиция воинских искусств — М., 1992- С. 114.
587. См.: Прайор К. Не рычите на собаку! // Наука и жизнь. — 1989 — N 3. — С. 86. См. также: Симмонс Дж. Л., Мак-Колл Дж. 76 способов защитить вашего ребенка от преступников — СПб: Питер Пресс, 1995. — 192 с.
588. См.: Шнайдер Г. И. Указ. соч. — С. 361.
589. См.: Шнайдер Г. И. Указ. соч. — С. 359.

590. См.: Корнелиус Х, Фэйр III. Выиграть может каждый. — М.: Прогресс, 1992. — С. 22—24. См. также: Гостюшин А. В., Шубина С. И. Азбука выживания. — М.: Знание, 1995. — С. 6.; Яцек Палкевич. Выживание в городе. — М.: Карвет, 1992.; Белоус Т. А., Туляков В. А. Доктрина безопасности. — Одесса, АО «Бахва» — 1995 — 164 с.
591. Монтень М. Опыты. Книги первая и вторая. — М.: Наука, 1979. — С. 48.

- Т829 Туляков В. А. Преступник и его жертва : (очерки теории виктимологии) : монография / В. А. Туляков. — Одесса : Астропринт, 2016. — 360 с.

ISBN 978-966-419-285-6

Проблемы современной теории учения о жертве преступления сквозь призму задач уголовно-правового дискурса рассмотрены в данной работе. Определяются общие и особенные черты современной виктимологической науки, анализируются модели теории законотворчества в соответствии с концепцией примата природных прав и основных свобод человека. Работа будет полезна тем, кто интересуется системой уголовного права и криминологии, наук о преступлении и преступности.

УДК 343.988

Проблеми сучасної теорії вчення про жертву злочину крізь призму завдань кримінально-правового дискурсу розглянуто у цій роботі. Визначено загальні і особливі риси сучасної віктимологічної науки, проаналізовано моделі теорії законотворчості відповідно до концепції примата природних прав і основних свобод людини.

Робота буде корисною тим, хто цікавиться системою кримінального права і кримінології, наук про злочин і злочинність.

Наукове видання

ТУЛЯКОВ В'ячеслав Олексійович

**ЗЛОЧИНЕЦЬ ТА ЙОГО ЖЕРТВА
(НАРИСИ ТЕОРІЇ ВІКТИМОЛОГІЇ)**

Монографія

Російською мовою

Формат 60x84/16. Ум. друк. арк. 20,91.
Тираж 200 прим. Зам. № 260 (44).

Видавництво і друкарня «Юрична література»
65009, м. Одеса, вул. Академічна, 7
Тел.: (048) 777-48-79

Свідомство суб'єкта видавничої справи ДК № 4284 від 23.03.2012 р.